

Анатолий Красиков

ИСПАНИЯ

И МИРОВАЯ
ПОЛИТИКА

полвека
дипломатической
истории

Анатолий Красиков

ИСПАНИЯ

И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

**полвека
дипломатической
истории**

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1989

**ББК 66.4 (4 ИС)
К78**

К $\frac{0503030000-011}{003(01)-89}$ 56—89

ISBN 5-7133-0091-9

© «Международные отношения», 1989

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	4
I. ВСТУПАЯ В ДВАДЦАТЫЙ...	7
II. ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	17
III. ГОДЫ МИРОВОГО КОНФЛИКТА	37
IV. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИЗОЛЯЦИЯ ФРАНКО И НАЧАЛО «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»	57
V. СОЮЗ С США	73
VI. БЛОКОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ	92
VII. РАСШИРЕНИЕ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ИСПАНИИ	111
VIII. ПОДГОТОВКА «ПОСТФРАНКИЗМА»	131
IX. ПОСЛЕДНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА УЛЬТРАПРАВЫХ	154
X. НАЧАЛО ДЕМОНТАЖА ДИКТАТОРСКОГО РЕЖИМА	175
XI. ВНЕБЛОКОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ НАБИРАЮТ СИЛУ	195
XII. МЕЖДУ ДВУМЯ ТЕНДЕНЦИЯМИ	212
XIII. КРУТОЙ ПОВОРОТ	236
XIV. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «ПРАВОГО ЦЕНТРА»	253
XV. НОВЫЙ КУРС СОЦИАЛИСТОВ	271
XVI. ЕЭС — НАТО — БАЗЫ	289
XVII. ОТНОШЕНИЯ С СССР — ФАКТОР МИРА	312
ПРИМЕЧАНИЯ	334
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	345

ОТ АВТОРА

История Испании в нынешнем веке, особенно за последние 50 лет, чрезвычайно богата яркими событиями и полными драматизма неожиданными поворотами. Некоторые из них, такие как всплеск страстей в связи с гражданской войной 1936—1939 годов и роль, сыгранная Мадридом в противоборстве между фашизмом и свободолюбивыми народами во время последнего мирового конфликта, уже стали предметом углубленного изучения в нашей стране и за ее пределами. Другие — сближение с Соединенными Штатами в период «холодной войны», превращение испанской земли в один из плацдармов для подготовки агрессии против Советского Союза, втягивание Испании в НАТО — привлекли внимание исследователей, однако их анализ был затруднен отсутствием доступа к засекреченным архивным материалам. Наконец, еще одна категория событий и фактов, к числу которых можно отнести, в частности, постепенную эволюцию испанской политики в сторону взаимопонимания и сотрудничества с государствами иной социальной системы, ждет подлинно научной оценки.

Предлагаемые вниманию читателя изыскания начинались далеко не с «нуля». У нас, в Советском Союзе, период гражданской войны в Испании тщательно исследован в трудах М. Т. Мещерякова, Р. С. Овинникова, Д. П. Прицкера, других ученых. Важнейшие документы по истории испано-американских и испано-английских отношений во время и после второй мировой войны впервые ввела в научный оборот С. П. Пожарская. Интересный материал, относящийся к франкистскому периоду, собран и проанализирован А. В. Авиловой, Т. Н. Барано-

вой, Я. С. Веденяпиным, Л. И. Лукьяновой, Д. Д. Прыговым, другими авторами. На события последних лет откликнулись И. В. Викторов, В. П. Евстигнеев, работавшие в Мадриде советские журналисты В. Верников, Л. Камынин, А. Медведенко, В. Чернышов.

Любезное посредничество зав. Отделением ТАСС в Вашингтоне Н. Д. Туркатенко позволило автору получить ксерокопии документов различных американских правительственных учреждений. Эти материалы были рассекречены лишь недавно и не изучались пока что историками ни у нас, в СССР, ни за рубежом. Документы раскрывают закулисную историю втягивания Испании в военную орбиту заокеанского «лидера» западного мира, показывают, как Соединенные Штаты, игнорируя порой даже мнение своих ближайших союзников, методично, шаг за шагом подталкивали Испанию — сначала при жизни Франко, а затем и после его смерти — к вступлению в НАТО.

Большая часть нашедших отражение в книге документальных материалов по внешней политике Испании была почерпнута из выпускаемого испанским министерством иностранных дел вестника «Деятельность, тексты и документы внешней политики». Это, в частности, договоры и соглашения Испании с иностранными государствами, совместные коммюнике и заявления по итогам дипломатических переговоров, речи и интервью испанских руководителей, резолюции кортесов (парламента) Испании по проблемам внешней политики, дипломатическая хроника.

Среди мемуарной литературы автору хотелось бы выделить выпущенную в Испании в 1984 году последнюю книгу Долорес Ибаррури — видной деятельницы испанского и международного рабочего движения, в которой излагаются события вплоть до 1977 года — года возвращения Пасионарии на родину после почти 40 лет эмиграции. В книге использованы также мемуары социалистов Э. Тьерно Гальвана и Р. Мородо; воспоминания генерала М. Гутьерреса Мельядо (руководившего вооруженными силами Испании в переходный период) и Х. М. де Арейльсы (франкистского дипломата, занимавшего в течение нескольких месяцев пост министра иностранных дел Испании); дневники Ф. Франко Сальгадо-Араухо (родственника диктатора), где приводятся записи его бесед с каудильо; изданные в 1985 году блокноты одного из «столпов» франкистской прессы Эмилио Ромеро; а также мемуары

Р. Никсона и Г. Киссинджера, позволяющие лучше понять позицию США в отношении Испании.

Интересны по-своему и воспоминания бывшего сотрудника испанских и американских спецслужб Луиса Гонсалеса Маты. Порвав с прошлым, он решился использовать собранные им материалы для разоблачения своих бывших шефов.

И последнее. Эта книга — результат двадцатилетнего изучения испанской проблематики не только по документам и монографиям ведущих советских и зарубежных испанистов, но и по личным наблюдениям: автору довелось встречаться и беседовать со многими видными деятелями Испании, чьи имена уже вошли в историю этой страны. Среди них — председатель Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури, основатель Коммунистической партии народов Испании Игнасио Гальего, главы правительств постфранкистского периода Адольфо Суарес, Леопольдо Кальво Сотело и Фелипе Гонсалес, бывшие министры иностранных дел Хосе Мария де Арейльса и Фернандо Моран, нынешний руководитель внешнеполитического ведомства Франсиско Фернандес Ордоньес, известный дипломат и политик, лидер правых Мануэль Фрага Ирибарне. Каждый из этих деятелей имел свое мнение о роли и месте Испании в мире, о ее вкладе в международную политику. Естественно, эти мнения весьма отличаются одно от другого. Но они помогли сформировать мое собственное. Его я и выношу на суд читателя.

I

ВСТУПАЯ В ДВАДЦАТЫЙ...

Вступление Испании в XX век было безрадостным. За год с небольшим до рубежа, отделяющего два столетия, она проиграла последнюю крупную войну в своей истории — войну с Соединенными Штатами Америки. Испанцы предпочитали не вступать в военные союзы с кем бы то ни было, они обычно воевали в одиночку. Так было и в данном случае, когда их противником оказалась неизмеримо более мощная держава. Испанские войска держались до последнего, но силы сражающихся были слишком неравными.

«Большинство американцев помнят из испано-американской войны, пожалуй, лишь то, что президент Теодор Рузвельт и его грозные всадники атаковали гору Сан-Хуан на Кубе, — писала 90 лет спустя выходящая в Париже американская газета «Интернэшнл геральд трибюн». — Но о битве за Сан-Хуан можно с таким же успехом говорить как о событии, когда 700 испанцев остановили 6 тысяч североамериканцев и нанесли им большой урон»¹.

В двух крупных морских сражениях — поблизости от Филиппинских островов и в бухте Сантьяго, у берегов Кубы, — испанские эскадры были полностью уничтожены. Рассказывают, что командующий одной из них адмирал Монтано воскликнул: «Испания предпочитает честь без кораблей кораблям без чести!» На деле испанская честь осталась не только без кораблей, но и без последних владений в Западном полушарии и Океании. В итоге войны Испания потеряла Кубу и уступила Соединенным Штатам Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам, а также ряд других территорий.

«Национальная катастрофа», как стали называть в

Мадриде испано-американскую войну, всколыхнула всю страну. По словам известного испанского историка Х. Висенса Вивеса, «не было ни одного крупного деятеля, который не предлагал бы тех или иных средств, чтобы сделать из Испании по-европейски великую державу»².

Когда в 1902 году на престол вззошел 16-летний Альфонс XIII, первым его шагом стала отмена решения правительства о закрытии некоторых военных училищ. Не слушая объяснений военного министра, пытавшегося убедить короля, что в стране и без того «слишком много офицеров», Альфонс XIII распорядился возобновить подготовку офицерских кадров для армии и флота в прежних масштабах³.

Казалось, можно было ожидать, что первая мировая война даст вооруженным силам Испании долгожданный повод реабилитировать себя, подтвердив высокие бойцовские качества испанского солдата. Но испанцы в войну не вступили. В стране сохранялась политическая нестабильность. К тому же интересы Испании этим конфликтом непосредственно не затрагивались, а участвовать в войне значило стать членом одного из противоборствующих союзов, что противоречило бы давней традиции испанского государства. Известный консервативный политический деятель первой трети XX века А. Маура дал весьма реалистическую оценку возможностей своей страны с точки зрения ее места в мировой стратегии: «Мы обладаем замечательным географическим и стратегическим положением. Но необходимо, чтобы наши морские базы, наше расположение между двумя морями, в центре мировой торговой и военной жизни, использовались исключительно нами самими»⁴.

Интересы испанских политиков в тот период не противоречили планам руководителей ведущих империалистических держав. Запад довольно-таки равнодушно наблюдал за тем, как Мадрид ведет собственную игру на международной арене, рассчитывая возместить потери колоний в Новом Свете захватом земель на противоположном берегу Средиземного моря.

Соперницей Испании была в какой-то мере лишь Франция, которая, в свою очередь, стремилась закрепиться в Северной Африке. Однако разногласия между двумя претендентами на чужие земли были урегулированы соглашениями 1904 и 1912 годов, установившими линию разграничения их экспансии в Марокко: северная и юго-западная части марокканской территории должны были

перейти под владычество Испании, все остальное доставалось Франции.

Пересмотр мировой стратегии империализма и роли, которую должна была сыграть в этой стратегии страна на Пиренейском полуострове, начался после Великой Октябрьской социалистической революции. С созданием Советского государства коренным противоречием эпохи стало противоречие между двумя противоположными социально-политическими системами — капитализмом и социализмом. Испанцам предстояло убедиться на собственном опыте, что «чем сильнее ход исторического развития подтачивает позиции империализма, тем более враждебной интересам народов становится политика его наиболее реакционных сил»⁵.

В Западной Европе четко обозначился процесс фашизации, явившийся реакцией на революционный подъем 1917—1920 годов, и первыми его жертвами стали государства, расположенные в южной части континента, в том числе и Испания. В Мадриде на долгие семь лет власть захватил военный диктатор генерал М. Примо де Ривера — предтеча франкизма.

Испанские «ультра» остановили свой выбор на этом человеке не случайно. В конце 20-х годов он безжалостно потопил в крови восстание марокканского народа, пытавшегося вернуть себе утраченную независимость. Именно тогда на страницах газет впервые замелькало имя полковника Франко, который получил внеочередное повышение по службе и в 33 года стал самым молодым генералом Испании⁶. Там же, в Северной Африке, Примо де Ривера подружился с маршалом Петэном, который одновременно с ним подавлял национально-освободительное движение во французской зоне Марокко.

Военно-монархическая диктатура Примо де Риверы, однако, потерпела неудачу. Жестокий и тщеславный генерал не сумел увековечить свою власть и в январе 1930 года был вынужден уйти в отставку. Типичный прожигатель жизни, донжуан и азартный игрок, он настроил против себя не только народ, но и верхушку испанской буржуазии, которая нуждалась в политическом руководителе иного склада (не случайно многие из его министров впоследствии войдут в «команду» нового диктатора Франко).

В марте 1930 года Примо де Ривера скоропостижно скончался в одном из отелей Парижа. Его пребывание в столице Франции объяснялось отнюдь не желанием продолжить контакты со старым приятелем Петэном. Оно

было вынужденным: испанский генерал бежал из Мадрида, спасаясь от возмездия. Усопшего перевезли назад и похоронили на родине. За гробом генерала шли толпы сторонников диктатуры. Реакция не сдавалась. Культ насилия, как и прежде, процветал в армии и поддерживался реакционными политиками. А вскоре на смену Primo де Ривере-старшему пришел его сын Хосе Антонио. В 1933 году, то есть в год прихода к власти в Германии нацистов, он основал собственную фашистскую партию — «испанскую фалангу».

Некоторые противники диктатуры выступали в тот период под лозунгом укрепления традиционных институтов монархии. Другие требовали, чтобы король Альфонс XIII, скомпрометировавший себя сотрудничеством с Primo де Риверой, отрекся от престола и передал власть выборным руководителям. Республиканское движение нарастало и усиливалось. На состоявшихся 12 апреля 1931 г. муниципальных выборах республиканцы одержали внушительную победу. А 14 апреля Революционный комитет объявил о свержении монархии. Испания была объявлена республикой. Альфонс XIII покинул Мадрид и отправился за границу.

Тем временем продолжавший обостряться общий кризис капитализма по-новому поставил вопрос о месте Испании на политической арене. Империалистические круги стали все серьезнее задумываться о возможности использования в своих корыстных целях географического положения Испании, ее людских и материальных ресурсов. Их привлекало, в частности, то, что эта страна являлась одним из важных поставщиков стратегического сырья (на ее долю тогда приходилось около 45 % мировой добычи ртути, более половины пирита; она поставляла на мировой рынок железную руду, цинк, свинец, вольфрам и другие полезные ископаемые, которые могли найти применение в военном производстве).

Постепенно складывались два противостоящих друг другу военно-политических блока капиталистических держав. В одном ведущую роль играли Германия, Италия и Япония, в другом — Англия, Франция и США. Оба блока рассчитывали уничтожить Советский Союз, установить собственную гегемонию в масштабах планеты и в то же время соперничали между собой.

По мере назревания второй мировой войны капиталистические страны зондировали возможность образования единого фронта против СССР. Они надеялись, что

совместными усилиями им удастся покончить с социализмом и разрешить таким образом в пользу капитализма главное противоречие эпохи. Надеждам не суждено было сбыться, и вторая мировая война, каковы бы ни были замыслы правящих кругов Англии, Франции и США, с одной стороны, Германии, Италии и Японии — с другой, началась со схватки двух капиталистических коалиций.

В марте 1933 года хозяином судеб Германии стал Гитлер. Его политические идеи были изложены в книге «Майн кампф», написанной в 1924—1925 годах и получившей широкую известность. Тогда еще никто не знал, что чуть позже, в 1928 году, диктатор сочинит секретную брошюру, специально посвященную международным вопросам (она была впервые опубликована в Нью-Йорке в 1961 г.). В ней главарь нацизма прямо провозглашал своей целью «завоевание новых земель для немецкого народа» и заявлял, что эти планы должны быть осуществлены за счет СССР и восточноевропейских государств. «Жизненное пространство», которое он хотел обеспечить Германии, простиралось и в других направлениях. В перспективе в него могло войти все Западное полушарие. «Для этого, — вещал Гитлер, — нам нужна сила». Что же касается политики мира, то она, по его утверждению, была «опасна», поскольку вела народ к «слабости»⁷.

На проходившем с 25 июля по 20 августа 1935 г. в Москве VII конгрессе Коммунистического Интернационала был сделан вывод принципиальной важности: приход фашизма к власти — не обычная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии другой — открытой террористической диктатурой. Важнейшей задачей коммунистических партий конгресс назвал создание единого рабочего фронта и широкого народного фронта против фашизма и войны. Конгресс выдвинул лозунг образования правительств Народного фронта.

Развернутая нацистами подготовка к войне не могла остаться незамеченной. Как указывалось в секретном меморандуме, составленном для американского правительства, «национал-социалистское движение создает чудовищную военную машину... и контроль над этой машиной находится в руках ограниченных, невежественных и неразборчивых в средствах авантюристов». Тем не менее большой бизнес в США (равно как и в других западных странах) не испытывал ни малейшей тревоги. Скорее наоборот. По свидетельству бывшего заместителя государ-

ственного секретаря США С. Уэллеса, многие финансовые круги были твердо уверены, что война между Советским Союзом и Германией соответствовала бы их интересам. Россия, по их мнению, неминуемо должна была потерпеть поражение, и «это повлекло бы за собой крах большевизма»⁸.

Так думали не только за океаном. Направить гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза, стремились тогда в Европе английское и французское правительства. Ради достижения этой цели они были готовы на многое, в том числе на фактический отказ от Версальского мирного договора 1919 года, который подвел итоги первой мировой войны.

7 марта 1936 г. подразделения вермахта, нарушив Версальский договор, вторглись на территорию Рейнской демилитаризованной зоны. По договору нарушение Германией статуса демилитаризованной зоны должно было квалифицироваться как враждебный акт, свидетельство стремления поколебать всеобщий мир. Гитлер с тревогой ждал бурной реакции Англии и Франции. Командирам трех батальонов, которые форсировали Рейн первыми, были выданы пакеты, подлежащие вскрытию в случае появления французских войск. Теперь известно, что в этих пакетах был документ с приказом немедленно вернуться на правый берег Рейна. Однако ни Франция, ни Англия на вопиющее нарушение гитлеровцами Версальского мирного договора по существу не отреагировали. О настроениях, которые испытывали тогда нацистские боссы, красноречиво рассказал бывший руководитель германского ведомства печати О. Дитрих:

— Напряженно всматривался Гитлер в тот день в сторону Запада... Он ждал в течение 24, 48 часов. Когда никакого противодействия не последовало, вздохнул свободно. Он играл на высшую ставку и выиграл!

Военное сотрудничество между Германией и Испанией началось еще в период, когда Версальский договор, по крайней мере формально, сохранял свою силу. Германские производители оружия вступали в договорные отношения с иностранными компаниями или создавали свои собственные подставные фирмы за рубежом, чтобы выпускать готовую продукцию, не нарушая формально положений договора. Часть самолетов для германских вооруженных сил производилась и на предприятиях — филиалах фирмы «Дорнье» в Испании.

Германские пушечные короли обеспечивали военной техникой не только собственную страну, но и некоторых

клиентов за рубежом. Так, в 1929 году испанское правительство сообщило Лиге Наций, что Германия является для него главным поставщиком оружия и боеприпасов.

После того как вслед за Италией под власть фашистов перешла и Германия, обе эти страны, готовясь к будущей «большой войне», активизировали экономическое проникновение в Испанию. За год до начала там гражданской войны, в 1935 году, германская компания «Металл АГ» в сотрудничестве с фирмами Италии учредила специальный орган по использованию испанской железной руды. Позднее внедрению германского и итальянского капитала в Испании способствовали созданные франкистами в самом начале войны полугосударственные акционерные общества «Хисма», «Робак» и др. Беседуя в 1937 году с начальником протокольного отдела МИД Германии, Муссолини распространялся о том, что Италия вложила в «испанское предприятие» миллиарды лир.

Постепенно налаживалось и политическое сотрудничество. Еще до гражданской войны германские и итальянские фашисты установили тесные связи со своими испанскими единомышленниками. В 1933 году они вступили в контакт с только что созданным «воинским союзом» Испании и с «испанской фалангой».

Руководитель абвера адмирал Канарис создал широкую агентурную сеть в государственном аппарате, в вооруженных силах и политических партиях Испании. В нее вошли не только профашистски настроенные генералы и высокопоставленные чиновники, но и многочисленные представители средней и мелкой буржуазии: владельцы небольших заводов и мастерских, хозяева постоянных дворов, трактирщики, торговцы.

От своих германских союзников старался не отстать и Муссолини. В марте 1934 года он встретился в Риме с группой испанских реакционных деятелей, среди которых были не только гражданские лица, но и высокопоставленный военный — генерал Баррера. Визитеры заручились обещанием, в соответствии с которым итальянское правительство выражало готовность в «нужный момент» передать испанским фашистам винтовки, пулеметы и ручные гранаты. Муссолини одобрил план вмешательства Италии во внутренние дела Испанской республики, разработанный начальником итальянской разведки генералом Роаттой при участии Канариса.

Незадолго до гражданской войны лидер фаланги Х. А. Примо де Ривера побывал в Берлине. Посол респуб-

ликанского правительства в Германии Луис де Сулуэта обратил внимание на этот новый шаг к сближению ультраправых сил Испании с германским фашизмом. Он информировал Мадрид о подготовке заговора. Увы, предупреждения посла были оставлены без внимания: находившиеся у власти консерваторы опасались не столько фашистов, сколько собственного народа.

Внутриполитическая обстановка в Испании в эти годы продолжала накаляться. В то время как в стране поднималась волна антифашистских выступлений, правительство сползало все более вправо. После очередной реорганизации кабинета, когда в его состав были включены три представителя сочувствовавшей заговорщикам Конфедерации правых автономных организаций Испании (СЭДА), в октябре 1934 года вспыхнуло народное восстание. По приказу правительства оно было подавлено войсками, во главе которых стоял генерал Франко.

В тот момент правые силы победили. Но это была пиррова победа. Отныне правительство не пользовалось поддержкой не только в стране, но и в кортесах (парламенте). Разногласия в правом лагере, усилившиеся после того, как достоянием гласности стали факты коррупции и взяточничества в высших сферах государства, привели к распаду коалиции. Президент республики был вынужден назначить досрочные выборы в кортесы.

Левые партии ответили на попытку правых осуществить перегруппировку сил сплочением своих рядов. 15 января 1936 г. был образован Народный фронт, куда вошли коммунисты, социалисты, левые республиканцы, а также некоторые другие политические партии и крупнейшее профсоюзное объединение страны — Всеобщий союз трудящихся (ВСТ).

Голосование, состоявшееся 16 февраля, принесло успех Народному фронту. Среди 473 депутатов новых кортесов 268 представляли Народный фронт и 205 — правые и ультраправые партии и группировки. Под знаменем Народного фронта были избраны 159 республиканцев, 88 социалистов, 17 коммунистов и несколько членов ряда небольших организаций.

В то же время, как подчеркивала Долорес Ибаррури, программа Народного фронта отнюдь не носила социалистического характера, она была общедемократической⁹. Внутри фронта социалисты и коммунисты составляли меньшинство, причем компартии принадлежало всего 3,5 % депутатских мандатов. И тем не менее реакция

восприняла сдвиг влево в настроениях избирателей как свидетельство «угрозы большевизма», которая якобы отныне нависла над Испанией.

Незадолго до выборов, в конце января 1936 года, Франко, который в то время возглавлял генеральный штаб вооруженных сил Испании, посетил Лондон. Официальным мотивом его поездки было участие в траурной церемонии по случаю кончины короля Англии Георга V. Обсуждал ли будущий диктатор со своими английскими собеседниками различные варианты действий на случай победы Народного фронта, нам не известно. Зато мы доподлинно знаем, что сам он уже размышлял о том, как ему следует поступить. По свидетельству испанского военного атташе в Париже майора Барросо, сопровождавшего Франко в этой поездке, генерал признался ему, что, хотя, как он надеется, Народный фронт не получит поддержки избирателей, не следует исключать полностью и такую возможность. «Если случится самое худшее, — добавил он, — наш долг — вмешаться»¹⁰.

Вернувшись в Мадрид, Франко пытался убедить министра обороны генерала Молеро сорвать голосование или объявить его итоги недействительными, немедленно введя военное положение. Его инициатива не была, однако, поддержана ни правительством, ни комендантами военных гарнизонов.

На следующий день после объявления результатов выборов печать опубликовала материалы, подтверждавшие причастность Франко и ряда других высших офицеров к подготовке мятежа. Скомпрометировавшие себя представители генералитета были сняты с занимаемых постов и переведены на периферию (сам будущий диктатор оказался на Канарских островах). Идейный вождь испанского фашизма Х. А. Примо де Ривера по той же причине был подвергнут аресту (позднее, во время гражданской войны, он будет расстрелян по приговору республиканского суда).

Но происки врагов Народного фронта не прекратились. Сразу же после образования нового правительства резко активизировались контакты между реакционно настроенной частью испанских политических деятелей и генералитета и властями двух фашистских государств — Германии и Италии. Мировую печать обошло сообщение о том, что наведавшийся в марте 1936 года в Берлин генерал Санхурхо, которого заговорщики и их покровители прочили в главари мятежа, разместился в фешенебельной гостинице

«Кайзерхоф», куда, как правило, поселяли официальных гостей правительства Германии. Санхурхо добился от руководителей гитлеровского рейха заверений относительно оказания помощи ему и его сообщникам.

Вправе ли мы сделать из этого вывод, что мятеж против правительства Народного фронта в Испании был начат по прямому приказу Гитлера и Муссолини? Для современного западногерманского исследователя М. Меркеса подобная версия — не более чем фантазия. Профессор С. П. Пожарская, тщательно изучившая архивные материалы и другие новые источники, не столь категорична: «По-видимому, официально, по государственной линии, не было предварительно разработанных политических планов относительно Испании, — пишет она. — Однако соответствующие исполнительные германские ведомства, в первую очередь заграничные организации нацистской партии и разведка, руководствуясь идеологическими соображениями, подготавливали почву для широкого вмешательства в испанские дела. Действия этих групп давления и повлекли за собой официальную политику нацистской Германии»¹¹.

Ультраправые ответили на победу Народного фронта развертыванием террора против сторонников нового правительства. Левые экстремисты отреагировали на террор правых контртеррором, который объективно лил воду на мельницу реакции. Незадолго до мятежа руководитель СЭДА Хиль Роблес, выступая в кортесах с критикой правительства, пытался возложить на него всю ответственность за создавшуюся в стране атмосферу насилия. Согласно статистике Х. Роблеса, за один лишь месяц — с 13 мая по 15 июня 1936 г. — было разрушено 36 церквей, частично повреждено 34, погибли 65 человек, были ранены 230, взорвано 47 бомб. Лидер правых предусмотрительно обошел молчанием вопрос об «авторстве» совершенных преступлений. Умолчал он и о том, что спираль насилия была раскручена действиями противников законного правительства¹².

Страна неотвратимо сползала к гражданской войне. Не хватало лишь искры, которая разожгла бы губительный пожар. 12 июля ультраправые расправились в Мадриде с лейтенантом-антифашистом Хосе дель Кастильо. Друзья погибшего ответили организацией террористического акта, жертвой которого оказался один из лидеров ультраправых Х. Кальво Сотело. Предотвратить худшее было уже невозможно.

II

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Первым очагом мятежа оказалось Испанское Марокко. 17 июля, расстреляв верных законному правительству офицеров, враги республики установили контроль над городами Мелилья, Сеута и Тетуан. На следующий день, 18 июля, радиостанция Сеуты передала условный сигнал: «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был приказ ультраправым в самой Испании выступить с оружием в руках против правительства Народного фронта. Приказ был выполнен. В лагере мятежников оказались 120 тыс. военнослужащих — 80 % вооруженных сил государства. С самого начала к ним присоединился и генерал Франко, который перелетел с Канарских островов в Марокко на английском самолете (арендованном в частном порядке корреспондентом мадридской газеты «А-Бэ-Сэ» Л. Болином)¹.

Предполагалось, что выступление армии возглавит генерал Санхурхо, который уже пытался организовать бунт против республики в августе 1932 года. Однако 20 июля 1936 г. он погиб в авиационной катастрофе по пути из Португалии в Бургос, и его место занял Франко. В сентябре 1936 года военная хунта мятежников провозгласила Франко своим вождем, а 1 октября он впервые подписал официальный документ в качестве «главы государства»².

Противникам правительства, однако, не удалось завоевать быструю победу, на которую они рассчитывали. На защиту республики поднялись широкие народные массы. В первые же дни после того, как вспыхнул мятеж, начали расти ряды Народной милиции, в нее записалось свыше 300 тыс. граждан. Правда, республиканцам не хватало оружия, и на первых порах в ход были пущены

охотничьи ружья, ножи, вилы, самодельные бомбы и даже музейное оружие. Зато боевого духа у них было более чем достаточно. Вслед за руководительницей коммунистов Долорес Ибаррури, легендарной Пасионарией, испанцы повторяли ставший знаменитым клич «Но пасаран!» [«Они (враги) не пройдут!»].

Рабочие штурмовали казармы и в ряде крупных промышленных центров страны, таких как Мадрид, Барселона, Овьедо, Хихон, заставили мятежников отступить. На первых порах верность правительству сохранили военно-воздушные силы и часть соединений военно-морского флота. За полтора месяца боев франкистам удалось установить контроль лишь над 17 из 50 провинций Испании. Правительство республики продолжало осуществлять свою власть на большей части территории страны.

Вскоре после начала мятежа эмиссары Франко посетили Муссолини и вручили ему письмо с просьбой снабдить националистов (как стали называть себя мятежники) самолетами. Главарь фашистской Италии принял — не без колебаний — решение отправить на помощь франкистам 20 летательных аппаратов.

Примерно тогда же другой франкистский эмиссар подполковник Хуан Бейгбедер просил военного атташе Германии в Париже помочь приобрести у частных германских фирм 10 транспортных самолетов для «националистической» авиации. И военное министерство, и министерство иностранных дел Германии отнеслись к этой просьбе более чем сдержанно. В архивах сохранился документ, подписанный тогдашним начальником политического департамента министерства иностранных дел Германии Г. Дикгофом: «Сведения о том, что мы поставляем оружие мятежникам, могут иметь чрезвычайно серьезные последствия».

Подобная реакция была вполне объяснима: донесения дипломатов из Мадрида предостерегали против поспешных решений. «Развитие обстановки с начала мятежа, — писал, в частности, советник посольства Германии в Мадриде Швендеман в депеше, датированной 25 июля 1936 г., — отчетливо свидетельствует о растущей силе и успехах правительства и о застое и развале у мятежников... Соотношение сил противников с точки зрения морального состояния и пропаганды... тоже продолжает развиваться в пользу правительства. Последнее рекламирует программу, которая привлекает широкие массы народа: защита республики, свобода, прогресс, борьба против политиче-

ской и социальной реакции... Члены милиции полны фанатичного боевого духа и сражаются с исключительным мужеством, соответственно неся и потери. Эти потери, однако, легко восполняются за счет масс населения, тогда как мятежники, которые имеют в своем распоряжении только собственные войска, обычно лишены таких резервов. Если не случится чего-либо непредвиденного, трудно рассчитывать, что военный мятеж в силу всего этого может иметь успех»³.

«Непредвиденное», однако, случилось: вмешались Гитлер и другие высшие руководители германского рейха. Осознав, что без тотальной поддержки с их стороны мятеж Франко обречен на неудачу, они приняли волевое решение начать в Испании прямую военную интервенцию. 25 июля, в тот же день, когда посольство Германии в Мадриде направило в Берлин свою пессимистичную депешу, фюрер созвал совещание, в котором участвовали Геринг, Канарис и другие нацистские главари. Там-то и было решено вмешаться в войну на стороне мятежников, сделать все, что потребуется, для их победы.

Позднее, на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками, Геринг расскажет, что советовал Гитлеру оказать поддержку франкистам, «во-первых, с целью предупредить господство коммунизма... и, во-вторых, с целью использовать представляющуюся возможность испытать (германскую. — А. К.) авиацию в техническом отношении». Гитлер согласился с этим предложением и дал добро на вмешательство в гражданскую войну в Испании. Для координации усилий по оказанию помощи испанским мятежникам в министерстве авиации был образован специальный штаб. А еще день спустя первые 20 самолетов транспортной авиации «Юнкерс-52», стартовав с германских аэродромов, взяли курс на юго-запад.

Делая ставку на помощь извне, Франко в то же время понимал, что режим, навязанный стране иностранными войсками, будет непрочен. Поэтому он стремился привлечь на свою сторону ту самую социальную реакцию, о которой упоминал Швендеман. Франкисты заручились поддержкой крупной буржуазии в городах и земельной аристократии в деревне. Среди тех, кто финансировал мятеж, были миллионер Х. Марч, владельцы банка «Уркихо», латифундисты герцог Альба, Хирон и др.

Для оправдания своих антиправительственных действий и в надежде завоевать новых сторонников нацио-

налисты прибегли к дезинформации. В августе 1936 года они распространили через контролируемые ими органы печати подложные документы, якобы подтверждающие, что 16 мая 1936 г. в Валенсии состоялась встреча представителей коммунистических партий Советского Союза, Франции и Испании. Из «документов» следовало, что на этой встрече был утвержден план установления на испанской и французской земле советской власти.

В действительности 22 мая 1936 г. Секретариат Исполкома Коммунистического Интернационала принял постановление прямо противоположного характера. В нем указывалось, что Компартия Испании не должна ставить перед собой задачу «перехода от завершения буржуазно-демократической революции к социалистической революции»⁴. В декабре 1936 года руководство ВКП (б) в письме на имя председателя испанского правительства Ларго Кабальеро еще раз напомнило о том, что «испанская революция прокладывает себе свои пути, отличные во многих отношениях от пути, пройденного Россией. Это определяется разницей предпосылок социального, исторического и географического порядка, иными требованиями международной обстановки, чем те, с которыми имела дело русская революция»⁵.

А Пальмиро Тольятти, направленный Коминтерном в Испанию и пробывший там с июля 1937 года по март 1939 года, настоял на отзыве тех советников Коминтерна, которые, как он писал, выдвигали «импровизированные и ошибочные теории»⁶.

Несмотря на очевидную нелепость утверждений дезинформаторов, свою роль они сыграли.

Франкистов практически сразу же поддержала пользующаяся огромным влиянием в Испании католическая церковь. Устами кардинала Гома она провозгласила 6 августа 1936 г. «крестовый поход против красных» (под «красными» подразумевались сторонники правительства Народного фронта). А 1 июля 1937 г. испанские епископы опубликовали коллективное письмо в поддержку Франко⁷.

— Провозглашение гражданской войны «крестовым походом» — дело вовсе не случайное, — отмечал позднее известный испанский социолог Амандо де Мигель. — В основе такого решения лежала целая концепция, имевшая глубоко практический смысл. Республиканских бойцов иначе, как красными, безбожниками, антииспанцами, ордами, националисты не называли, хотя те защищали

законное правительство. Называя так противника, оправдывали самое безжалостное его уничтожение, словно речь шла о «дурной траве», которую, согласно Библии, следует беспощадно вырывать с чистого поля⁸.

Реакционные настроения были распространены не только в мире бизнеса, армии и церкви, но и в дипломатическом ведомстве Испании. Вскоре после мятежа на сторону франкистов перешли многие испанские дипломаты, представлявшие свою страну за рубежом. Весьма показателен в этом отношении пример с посольством Испании в Софии. 25 августа 1936 г. посол Карлос де Миранда заявил, что не считает себя более представителем республиканского правительства и будет выступать от имени разместившейся в Бургосе военной хунты. Монархо-фашистское правительство Болгарии, несмотря на то что его симпатии были на стороне Франко, следуя примеру Германии и Италии, не пошло на немедленный разрыв отношений с правительством в Мадриде. Поэтому оно разрешило секретарю посольства Л. Табио исполнять обязанности временного поверенного в делах Испании. Однако впоследствии представительство республиканского правительства в Софии было закрыто⁹.

2 августа 1936 г. французское правительство официально выступило с предложением о невмешательстве извне в дела Испании. И вскоре был создан специальный Комитет по невмешательству. 9 сентября он приступил к практической работе в Лондоне при участии представителей 27 европейских государств, включая СССР.

Советский Союз на первых порах поддержал идею о невмешательстве в испанские события, будучи уверен, что при строгом соблюдении такой договоренности всеми сторонами испанский народ сумеет сам решить свои дела. Однако очень скоро стало ясно, что политика «невмешательства» все больше превращается в ширму, под прикрытием которой Германия и Италия развертывают подлинную войну против республиканской Испании*.

Помощь антиправительственным силам оказывали не только Германия и Италия. Немалое количество оружия и боеприпасов было передано им — через третьи страны — Англией. Английские фирмы продавали националистам самолеты и нефть. Авиационная техника и автомобили поступали к мятежникам из Франции. И это в условиях, когда французское правительство спустя всего лишь

* Этот вопрос подробно исследован в книге Р. С. Овинникова «За кулисами политики "невмешательства"» (М., 1959).

неделю после начала боевых действий запретило своим фирмам продавать военную технику законному правительству Испании, пойдя на нарушение торгового соглашения, которое было подписано между двумя странами в декабре 1935 года. В торговлю с франкистами вступили и американские компании, которые поставили врагам республики более трех четвертей необходимого им горючего.

Президент США Франклин Рузвельт отнюдь не сочувствовал фашистам. Он неодобрительно высказывался о действиях частных американских фирм.

— Самолеты Франко, — говорил Рузвельт на пресс-конференции в Вашингтоне, — сбрасывают на гражданское население Барселоны бомбы, сделанные в США... Но эти бомбы «законно» проданы американскими фабрикантами германскому правительству или германским компаниям и перевезены в Германию, а затем в Испанию для Франко.

Позднее диктатор жаловался в беседе со своим двоюродным братом генералом Франсиско Франко Сальгадо-Араухо, что в момент мятежа демократическая партия, находившаяся тогда у власти в США, не поняла причины восстания франкистов, а затем «не увидела, что наша победа была победой против международного коммунизма и что если бы мы потерпели провал, то хозяином Пиренейского полуострова оказалась бы Москва, а ситуация в Европе приобрела бы катастрофический характер»¹⁰.

Как раз в это время происходило формирование гитлеровской коалиции. 25 октября 1936 г. в Берлине было подписано германо-итальянское соглашение. Две фашистские державы условились следовать общим курсом во всем, что касалось гражданской войны в Испании и международной политики в целом. Несколькими днями позднее, выступая в Милане, Муссолини назвал это соглашение «осью», призвав другие европейские государства объединиться вокруг нее для «сотрудничества и мира».

Ровно через месяц, 25 ноября 1936 г., был подписан германо-японский антикоминтерновский пакт. Год спустя, в ноябре 1937 года, к нему присоединилась Италия. Так появился пресловутый «треугольник» Берлин — Рим — Токио.

На Западе прекрасно отдавали себе отчет в том, что судьба мятежа полностью зависит от степени его поддержки Германией и Италией. Вот что писал об этом в конце 1936 года в донесении своему правительству посол США в Мадриде К. Бауэрс:

«Имею честь доложить, что гражданская война, которая должна была закончиться в четыре, самое большее — в пять дней, идет уже пятый месяц и нет признаков ее скорого окончания...

В августе я предсказывал затягивание борьбы, будучи убежден, что испанские народные массы, составляющие 97 % всего населения, станут сражаться до конца за сохранение государственной системы, которая впервые за много веков кое-что сделала для них. Так оно и есть.

Я также докладывал в госдепартамент, что, если бы мятежники в отношении своей армии зависели полностью от испанцев, они давно потерпели бы поражение. Это было ясно показано в донесении. Они имеют в составе своей армии тысячи наемников из африканского иностранного легиона, тысячи марокканцев, и уже в августе и сентябре они имели сотни итальянских и германских офицеров — летчиков и танкистов.

Иными словами, бо́льшая часть армии Франко, единственно эффективно сражающаяся, была составлена из иностранцев, а не испанцев...

Следовательно, Франко не в состоянии, как видно, победить без открытой военной поддержки в широком масштабе со стороны Гитлера и Муссолини»¹¹.

Как только стало очевидно, что «невмешательство» выливается в открытое вмешательство ведущих капиталистических держав в гражданскую войну в Испании на стороне противников законного правительства, Советское правительство заявило (7 октября 1936 г.), что, «если не будут немедленно прекращены нарушения соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения». А вскоре правительство Народного фронта получило первую партию оружия, доставленного в Испанию из СССР морским путем.

— В трудные для Республики дни развернулось международное движение солидарности с нею, — рассказывал позднее Маршал Советского Союза К. А. Мерецков. — Одну из самых существенных ролей сыграли в нем советские люди. Из черноморских портов отправились к берегам Испании наши корабли с продовольствием, снаряжением, вооружением. Пароходами, самолетами, поездами прибывали в Испанию и наши добровольцы, военные специалисты. Они стремились помочь Республике, еще почти не обладавшей регулярными силами, создать кадровую армию, отбить натиск объединенных сил реак-

ции и отстоять от фашистов столицу страны Мадрид¹².

За годы гражданской войны с октября 1936 года по январь 1939 года Советский Союз поставил испанским республиканцам 60 броневых автомобилей, 347 танков, 648 самолетов, 1186 орудий, 20,5 тыс. пулеметов и 497,8 тыс. винтовок.

На испанской земле сражалось и трудилось около 3 тыс. советских добровольцев. Среди них были летчики, танкисты, моряки, технические специалисты. Выехали в Испанию и советники — военнослужащие Вооруженных Сил СССР.

Первые иностранные добровольцы присоединились к вооруженным отрядам республиканцев в самом начале войны. Позднее, к осени 1936 года, в бой вступили интернациональные бригады, в рядах которых сражались антифашисты из 54 стран. По данным Лиги Наций, общее число добровольцев составило 32 165 человек. Две трети из них погибли, были ранены или пропали без вести¹³.

Германия и Италия официально признали правительство Франко 18 ноября 1936 г. С этого момента их интервенция приобрела поистине огромные масштабы. Авторы вышедшего в Москве в 1968 году коллективного труда «Война и революция в Испании. 1936—1939» указывают, что стоимость военных поставок Германии и Италии франкистским мятежникам составила не менее 1 млрд. долл. В лагере мятежников воевало в общей сложности более 300 тыс. иностранных солдат, в том числе не менее 50 тыс. немцев, 150 тыс. итальянцев, 20 тыс. португальцев, отдельные группы фашистов из других стран Европы, а также около 90 тыс. марокканцев.

Будущий премьер-министр Англии Уинстон Черчилль высказался по этому поводу достаточно цинично:

— Когда я читаю, что значительное число германских нацистов и итальянских фашистов направляются в Испанию для того, чтобы уничтожить и русских большевиков, и французских коммунистов, я сожалею об этом. Но когда я спрашиваю свое сердце, я не могу не чувствовать, что, если все эти вооруженные туристы в Испании будут уничтожать друг друга с такой силой, что не останется никого, за исключением представителей прессы, которые расскажут нам об этом, интересы и безопасность Великобритании будут в известной степени обеспечены.

Настроения тори не остались незамеченными. Во время своего визита в Рим в январе 1937 года Геринг, беседуя с Муссолини, особо остановился на позиции

Англии, чье правительство продолжало официально ратовать за невмешательство в гражданскую войну в Испании. Как следует из записи беседы, которая хранилась в секретных архивах и стала достоянием гласности после разгрома фашизма, Геринг заявил:

— Консервативные круги, правда, сильно озабочены мощью Германии, но больше всего они боятся большевизма, и это дает основание говорить об их практически полной готовности к сотрудничеству с Германией.

Аналогичное мнение высказал Муссолини:

— Английские консерваторы весьма боятся большевизма, и этот страх можно хорошо использовать в политических целях.

В том же году англичане снова показали, на чьей стороне их симпатии. В августе — сентябре итальянские подводные лодки потопили два советских судна — «Тимирязев» и «Благоев», доставлявшие грузы испанским республиканцам. А 12 сентября министр иностранных дел Германии барон фон Нейрат поручил своему поверенному в делах в Риме лично проинформировать министра иностранных дел Италии о том, что, согласно заявлению английского посла в Берлине, англичане перехватили и расшифровали радиogramмы итальянских подводных лодок, действовавших в Средиземном море.

Английская дипломатия как бы предупреждала Рим, что следует действовать более осторожно. Ибо как раз в эти дни, с 10 по 14 сентября, в швейцарском городе Нионе проходила международная конференция, созванная специально для обсуждения обстановки, сложившейся в Средиземном море в связи с потоплением гражданских судов «неизвестными» подводными лодками. В конференции участвовали представители СССР, Англии, Франции и ряда других государств (Италия и Германия отказались направить своих представителей).

Впрочем, судьба Испании решалась в то время не на международных конференциях, а на полях сражений, где борьба шла с переменным успехом. Отбив атаку франкистов и интервентов на Мадрид, нанеся им серьезное поражение на реке Хараме, к югу от столицы, и под Гвадалахарой, республиканские войска не подкрепили этих побед контрнаступлением на других фронтах. Героизм и инициатива, проявлявшиеся на местах, гасились в центре, где руководители различных партий и организаций, входивших в Народный фронт, никак не могли прийти к согласию по вопросам стратегии и тактики.

Дело дошло до того, что члены троцкистской «Рабочей партии марксистского объединения» (ПОУМ) и федерации анархистов предприняли в одной из областей Испании — Каталонии — попытку путча, рассчитывая установить там свою власть. Путч был подавлен, однако силы республики продолжали ослабевать.

Анархисты и другие левацкие элементы наносили огромный ущерб отношениям правительства Народного фронта с населением везде, где им удавалось взять верх. Под флагом так называемого «либертарного коммунизма» они проповедовали немедленное уничтожение государства, частной собственности, армии. В контролируемых левыми экстремистами районах власти пытались национализировать практически все имущество граждан, в сельской местности проводили насильственную коллективизацию (о создании псевдоколхозов в Ла-Манче рассказывал, в частности, М. Кольцов¹⁴), отменяли деньги, проводили политику «тотального террора». Так, в области Арагон действовал совет, возглавляемый анархистом Аскасо, и, как писала позднее Д. Ибаррури, «там анархисты установили нечто вроде царства грабежа». Нет ничего удивительного в том, что арагонские крестьяне нередко встречали франкистов как избавителей от произвола.

Мятежники, напротив, принимали решительные меры для сплочения своих рядов. Этому объективно способствовала казнь по приговору республиканского суда в конце 1936 года Х. А. Примо де Риверы. Как рассказал позднее сын экс-короля Альфонса XIII дон Хуан, члены семьи духовного вождя испанского фашизма вступили через монархистов в контакт с англичанами, чтобы попытаться вызволить Хосе Антонио из заключения.

— Британские ВМС выставили одно-единственное условие, — сообщил дон Хуан. — Они хотели, чтобы руководство националистов дало «зеленый свет» планируемой операции. Ответ был: «Это нас не интересует». Аналогичный ответ ставка Франко дала и немцам, к которым друзья Примо де Риверы обратились, используя другие каналы... Воздержусь от утверждения, что Франко был заинтересован в расстреле Хосе Антонио. Нет сомнений, однако, в том, что ему отнюдь не улыбалась перспектива оказаться рядом с этим человеком в Бургосе¹⁵.

Каудильо (как стал называть себя Франко) не желал делиться властью с кем бы то ни было, и его руководящее положение в стане мятежников укрепились в еще большей степени, когда 19 апреля 1937 г. он объявил о слиянии

всех ультраправых организаций и партий в единую «испанскую традиционалистскую фалангу», или «национальное движение». Этой акции Франко предшествовала его встреча с германским послом генералом Фаупелем, который, посоветовавшись, в свою очередь, с итальянским посольством, решил поддержать руководителя мятежных генералов, отказав в такой поддержке лидеру «старой» фаланги Эдилье. В том же месяце Эдилья и 20 его сторонников были отданы под суд по обвинению в заговоре и приговорены к смертной казни, замененной длительным тюремным заключением.

30 января 1938 г. было сформировано первое «официальное» правительство мятежников. Пост министра иностранных дел в нем занял генерал Гомес Хордана, монархист, слывший англофилом. В правительстве были представлены все основные течения «национального движения». Это был кабинет без премьер-министра: Франко, объявивший себя вождем фаланги и присвоивший право назначать членов национального совета (руководства) единственной разрешенной политической партии своего режима, считал, что как глава государства он может сам возглавить и правительство¹⁶.

Англия и Франция неоднократно предпринимали дипломатические демарши с целью добиться ликвидации правительства Народного фронта и замены его временным правительством, разумеется, с участием франкистов. По мнению английских и французских руководителей, это правительство должно было приступить к исполнению своих обязанностей под контролем иностранных государств. Лондон и Париж, по существу, требовали от республиканцев капитулировать и передать управление страной новым властям, которые были бы приемлемы как для США, Англии и Франции, так и для фашистских режимов Германии и Италии.

Напомним, что это был период, когда Германия захватила Австрию (в марте 1938 г.) и вынашивала планы расчленения Чехословакии. Готовясь к мюнхенской сделке с Гитлером и Муссолини, Англия и Франция стремились поскорее избавиться от «испанской занозы». В августе 1938 года они ультимативно потребовали от правительства Народного фронта прекратить огонь. Французские политики вынашивали даже идею собственной военной интервенции на северо-востоке Испании с целью принудить республиканцев к капитуляции¹⁷.

В свою очередь, Гитлер никогда не считал победу

Франко в Испании задачей номер один своей политики. Поддерживая франкистских мятежников, он преследовал собственные цели. И если бы торжество франкизма помешало осуществлению глобальных планов нацизма, Гитлер без колебаний пожертвовал бы своим испанским «протее».

О том, что дело обстояло именно так, а не иначе, свидетельствуют материалы секретного совещания политических и военных руководителей Германии, которое состоялось 5 ноября 1937 г. В этот день Гитлер пригласил к себе военного министра генерал-фельдмаршала фон Бломберга, главнокомандующего сухопутными войсками барона фон Фрича, главнокомандующего военноморскими силами адмирала флота Редера, главнокомандующего военно-воздушными силами Геринга и министра иностранных дел барона фон Нейрата. Стенографическую запись совещания вел полковник службы генерального штаба Хосбах.

Документ, который отныне доступен для анализа историков, представляет в новом свете взаимоотношения между гитлеровской Германией и франкистскими мятежниками.

Высказывания Гитлера, сделанные в узком кругу единомышленников, показывают, насколько упрощенными являются оценки, согласно которым франкистский мятеж был простым порождением политики гитлеровской Германии, а Франко был всего лишь марионеткой в руках Гитлера.

Приведем дословно ту часть стенографической записи, которая касалась испанской войны:

«Учитывая ход событий, фюрер считает, что не предвидится скорое окончание военных действий в Испании. Если учесть время, которое затрачивал Франко для проведения своих наступательных операций до сих пор, то возможно, что война продлится еще примерно три года. С другой стороны, с точки зрения Германии, стопроцентная победа Франко является нежелательной. Напротив, мы заинтересованы в продолжении войны и в сохранении напряженности в районе Средиземного моря. Франко, безраздельно владея Пиренейским полуостровом, исключит возможность дальнейшего итальянского вмешательства и пребывания итальянцев на Балеарских островах. Поскольку наши интересы направлены на продолжение войны, задача нашей политики в ближайшее время будет состоять в том, чтобы обеспечить тыл Италии для дальнейшего пребывания на Балеарских островах. Но ни

Франция, ни Англия не могут согласиться с тем, что итальянцы закрепятся на Балеарских островах. Это может привести к войне Франции и Англии против Италии, причем Испания — если она будет целиком находиться в руках белых — может выступить на стороне противников Италии. В такой войне поражение Италии является маловероятным. Для пополнения ее сырьевых ресурсов открыт путь через Германию. Ведение войны со стороны Италии фюрер представляет себе таким образом, что она будет обороняться на своей западной границе против Франции и вести борьбу из Ливии против североафриканских французских колониальных владений»¹⁸.

Фюрер явно переоценивал стремление Италии захватить принадлежащие Испании Балеарские острова. Именно этим объясняется его фантастическая гипотеза о возможности войны между Франко и Муссолини. Но он верно подметил, что ради достижения своих конечных целей Франко не остановился бы перед сотрудничеством с кем бы то ни было и что для каудильо главным врагом отнюдь не были ни Франция, ни Англия: Франко воевал против собственного народа и законного правительства Испании.

Гитлер считал желательной не быструю победу мятежников, а затягивание войны, полагая, что в этом случае время работало бы на Германию. Тем более что, пока продолжались военные действия на испанской земле, вермахт располагал отличным естественным полигоном для испытания новейших образцов оружия, которое он мог в дальнейшем использовать в «большой войне». Как признал летом 1938 года германский генерал Райхенау, «Испания для Германии стала высшей школой войны, более полезной, чем десять лет обучения в мирных условиях».

А тем временем британский премьер-министр Невилл Чемберлен делал все новые шаги на пути «умиротворения» агрессоров. (Тогдашний посол СССР в Англии И. М. Майский вспоминает в мемуарах слова, сказанные ему Черчиллем: «Невиль — дурак... Он думает, что можно ехать верхом на тигре».) Вопреки предостережениям министра иностранных дел Антони Идена Чемберлен начал переговоры о сотрудничестве с фашистской Италией.

— Иден и некоторые другие видные политические деятели, — рассказывает И. М. Майский, — были в оппозиции к этим переговорам. Совсем не потому, что они со-

чувствовали Испанской республике, — нет! нет! Ни Иден, ни большинство его единомышленников не питали к Испанской республике никаких симпатий. Однако они знали о вероломстве фашистских диктаторов, плохо верили в их обещания, а потому требовали, чтобы в качестве доказательства серьезности своих намерений Муссолини предварительно вывел из Испании свои войска, сражавшиеся на стороне Франко... На этой почве между Чемберленом и Иденом произошел конфликт (искусственно раздувавшийся премьером), в результате которого 20 февраля 1938 г. Иден ушел в отставку.

Сторонники «умиротворения», констатирует советский дипломат, задавали тон и во Франции.

— Их настроение лучше всего характеризовалось их тогдашним лозунгом «Лучше Гитлер, чем Народный Фронт»¹⁹.

16 апреля 1938 г. английское правительство заключило «джентльменское соглашение» с Италией, в соответствии с которым оно признало «особые интересы» Муссолини в Испании. А 13 июня того же года французское правительство установило жесточайший контроль на франко-испанской границе, чтобы помешать транспортировке грузов для испанских республиканцев с территории своей страны.

В июле 1938 года, следуя призыву Англии и Франции, Комитет по невмешательству официально потребовал от республиканского правительства и от мятежников удалить из Испании всех иностранцев, принимавших участие в гражданской войне. Правительство Народного фронта пошло на удовлетворение этого требования, рассчитывая, что аналогичным образом поступит и другая сторона. Реальность оказалась иной. Правда, Германия и Италия вывели некоторые свои части из Испании. Вскоре, однако, стало известно, что взамен эвакуированных солдат и офицеров фашистские державы направили на помощь мятежникам новые части, которые тут же вступили в бой.

Интервенты понимали, что без их прямого участия в гражданской войне Франко может потерпеть поражение. К тому же отныне германское руководство могло не тревожиться по поводу гипотетического столкновения между Италией и Англией из-за Балеарских островов. Поэтому оно отказалось от тактики, которой придерживалось ранее, и решило сделать ставку на скорейшее завершение гражданской войны. В октябре 1938 года МИД Германии подготовил для Гитлера меморандум,

в котором, в частности, говорилось: «Наша политика в отношении Испании, то есть политика оси Берлин — Рим, должна способствовать быстрой победе Франко, содействовать восстановлению Испании и обеспечить тесную зависимость Испании от оси Берлин — Рим». Гитлер с такой точкой зрения согласился.

Поддерживаемые интервентами мятежники резко активизировали наступательные действия. При этом они широко использовали агентурную сеть, заблаговременно созданную на территории республики при содействии германской и итальянской разведок. Органы государственной безопасности Испанской республики раскрыли и обезвредили отдельные антиправительственные группы, сколоченные германской разведкой в Мадриде, Барселоне, Валенсии и ряде других городов страны. Однако «пятая колонна» франкистов в республиканском лагере продолжала действовать. Любопытный факт: один из самых активных франкистских разведчиков, действовавших на территории республики, молодой офицер М. Гутьеррес Мельядо, став генералом, сыграл в 70-е годы видную роль в демонтаже режима фашистской диктатуры. В качестве первого заместителя председателя правительства постфранкистской Испании он обеспечил благожелательный нейтралитет армии при переходе к новым демократическим порядкам²⁰.

Вмешиваясь в испанские дела, Гитлер и Муссолини стремились извлечь максимум выгоды из победы франкистов. Они отнюдь не собирались отказываться от своих долгосрочных целей в отношении Англии и Франции. Об этом свидетельствует, в частности, упоминавшийся выше меморандум МИД Германии, датированный октябрём 1938 года. «Заполнение военного и политического вакуума на Пиренейском полуострове, что уже в значительной степени достигнуто, означает коренное изменение в положении Франции.., — отмечали авторы документа. — Связь Франции с ее колониальной империей станет проблематичной. Гибралтар потеряет свою цену, свобода прохода английского флота через пролив будет зависеть от Испании, не говоря уже о возможности использовать Пиренейский полуостров для операций подводных лодок, легких морских сил, а также авиации... Европейский конфликт, в котором ось Берлин — Рим будет противостоять Англии и Франции, приобретет совершенно иной вид, если сильная Испания присоединится к оси Берлин — Рим».

Увы, ослепленные антисоветизмом руководители

английского и французского правительств продолжали рассчитывать на то, что им удастся направить фашистскую агрессию исключительно на Восток. На совещании в Лондоне 18 сентября 1938 г. они решили удовлетворить требование Гитлера о расчленении Чехословакии. 29—30 сентября состоялась конференция в Мюнхене. Соглашение о расчленении Чехословакии было заключено в первый же день. Под ним поставили подписи Гитлер (от Германии), Даладье (от Франции), Муссолини (от Италии) и Чемберлен (от Англии).

Английские и французские участники сделки не исключали возможности достигнуть более широкой договоренности о судьбах Европы и мира на антисоветской, антикоммунистической основе. Об этом свидетельствует запись беседы министра иностранных дел Германии Риббентропа с его французским коллегой Бонне, состоявшейся 6 декабря 1938 г., вскоре после мюнхенского сговора.

«Бонне, — указывается в записи, — перешел к испанскому вопросу и попросил имперского министра иностранных дел высказать свое мнение и по этой проблеме... Фон Риббентроп подчеркнул, что Германия желает победы Франко. Это вытекает из принципиальной антибольшевистской позиции рейха. Во внутренней и в значительной степени во внешней политике борьба против большевизма является лейтмотивом действий Германии. Фюрер поддержал национальное правительство Испании исключительно по этой причине. Гитлер и Муссолини, воспрепятствовав утверждению большевизма в Испании, оказали в конечном итоге услугу и Франции, так как если бы она имела своим соседом большевистскую Испанию, то многие дела внутри Франции и как раз в последнее время значительно усложнились бы. Впрочем, он может в этой связи заявить, что за усилиями правительства Даладье по урегулированию положения во Франции в Германии следили с большим интересом и полным пониманием, а достигнутые на этом пути успехи были восприняты с большим удовлетворением».

«Бонне, — сообщается далее, — заверил, что и французское правительство абсолютно против большевизма и что оно также совершенно ничего не имеет против победы Франко, если бы прежде были полностью выведены иностранные добровольцы, чтобы никто не мог сказать, что Франко победил лишь с иностранной помощью. Он, между прочим, указал в этой связи на сравнительно незначительное число германских добровольцев».

Министр иностранных дел Франции ясно дал понять своему собеседнику, что Франция закрывает глаза на германскую интервенцию в Испании и удовлетворилась бы выводом оттуда небольшой части германских войск. И чтобы окончательно убедить Риббентропа в своей лояльности по отношению к франкистам, Бонне напомнил, что «уже сделал значительный шаг в сторону свертывания гражданской войны, закрыв Пиренеи для провоза военных материалов».

К концу гражданской войны гитлеровцы были настолько уверены в благожелательном отношении французского правительства к франкизму, что всерьез обсуждали вопрос о возможности трехстороннего сотрудничества между Германией, Францией и франкистской Испанией. 1 февраля 1939 г. советник посольства Германии во Франции Кампе писал в министерство иностранных дел в Берлин, что в своих отношениях с франкистами «Германия и Франция... могли бы хорошо дополнять друг друга». «Германия, — продолжал он, — предлагает правительству Франко добрые отношения, свой уже находящийся в Испании технический персонал; Франция же могла бы предоставить для этих целей долгосрочные кредиты в валюте, а в случае необходимости также и рабочую силу».

По убеждению Кампе, «стыдливость» Франции в этом вопросе была скорее показной, поскольку тогдашним правителям этой страны было трудно объяснить общественному мнению переход на откровенно профранкистские позиции. «Правительство, — писал Кампе, — медлит и не решается сразу сделать еще один крутой поворот, но в конечном счете оно только ищет хороший предлог для установления отношений с Франко без особого ущерба для своего престижа»²¹.

Что же касается Англии, то ее правительство такой щепетильности не проявляло. Оно направило в территориальные воды Испании крейсер «Девоншир» — помочь мятежникам захватить остров Менорка. Это была вершина так называемого «невмешательства» Лондона в действия агрессоров.

15 марта 1939 г. Гитлер завершил уничтожение Чехословакии как самостоятельного государства, а 21 марта германское правительство официально потребовало от Польши согласия на присоединение к Германии Данцига (Гданьска) и на передачу ей экстерриториальной полосы между Восточной Пруссией и Германией для сооружения автострады и многоколейной железной дороги.

Тем временем в Испании дело шло к трагической развязке. 28 марта франкисты начали последнее наступление на всех фронтах. Предательство командующего армией центра Касадо открыло им путь в Мадрид. 1 апреля 1939 г. Франко объявил: «Война закончена». Испанская республика перестала существовать.

Незадолго до этого, в январе 1939 года, франкисты подписали договор о дружбе с Германией, а в марте того же года присоединились к антикоминтерновскому пакту. В июле 1939 года они заключили договор о помощи и всестороннем сотрудничестве с Италией. Англия и Франция признали правительство Франко 27 февраля, не дожидаясь окончания гражданской войны. Французское правительство назначило своим послом в Мадриде маршала Петэна — старого знакомого Франко, будущего главаря режима Виши.

Поражение республиканцев в гражданской войне означало победу финансовой и земельной олигархии, которая вместе с реакционной военщиной захватила ключевые позиции в руководстве государством. К моменту окончания войны в сельском хозяйстве было занято 56 % самодеятельного населения (против 24 % в промышленности и 20 % в сфере обслуживания). Значительная часть испанского крестьянства находилась под сильным влиянием католической церкви, которая приветствовала Франко как «избавителя» страны от «атеистического материализма».

Испания лежала в руинах. По подсчетам известного испанского экономиста и общественного деятеля Рамона Тамамеса, война обошлась ей в сумму, равную шести государственным бюджетам (в ценах 1935 г.) или почти всему годовому валовому национальному доходу. Экономика пришла в упадок. Валовой национальный доход был на 26 % ниже, чем в 1935 году, отнюдь не лучшим в истории развития испанской экономики. Нанесенный стране войной материальный ущерб составил около 1 трлн. песет. В промышленности и на транспорте царил разруха, производство сельскохозяйственной продукции составляло лишь около 60 % довоенного уровня. Полмиллиона жилищ стали непригодными для проживания. В городах и деревнях царил голод²².

Точное число жертв гражданской войны не установлено. В официальных текстах говорилось о миллионе погибших. Большинство историков считает более близкой к истине цифру 600—700 тыс. человек. «Как бы то ни

было, — пишет известный испанский исследователь Амандо де Мигель, — ясно, что жертвы имели место не столько в результате боев, сколько в результате широчайших репрессий в тылу. И это подтверждает оценку гражданской войны как войны исключительно жестокой. Конечно, и в том, и в другом лагере совершалось немало жестокостей. Разница между ними, однако, была весьма существенной: националисты постепенно занимали все большую территорию и в конце концов выиграли войну, а потому, проще говоря, у них было больше возможностей для расправы с врагами». Но «самым страшным в испанской войне, — добавляет А. де Мигель, — был террор, последовавший за окончанием военных действий»²³. За один лишь год — с апреля 1939 года по март 1940 года — франкисты казнили около 100 тыс. человек. Еще 2 млн. томились в тюрьмах и концентрационных лагерях.

Один из руководителей фаланги Дионисио Ридруэхо (перешедший впоследствии в лагерь антифашистов) рассценил это «репрессивное насилие» как политический инструмент, использованный правящим классом, чтобы удержаться у власти. Другим таким инструментом, по его словам, стала «тщательно продуманная коррупция»²⁴.

Даже придерживавшийся правых взглядов историк Рикардо де ла Сиерва признавал, что с первых дней франкизма коррупция стала «политическим средством», применявшимся систематически в условиях, когда «самые серые посредственности, не стеснявшиеся заниматься лизоблюдством», получили гораздо больше возможностей для продвижения, чем компетентные люди. «Когда представитель правящих кругов режима оставляет высокий политический пост, — добавлял де ла Сиерва, — то, как бы плохо он ни справлялся с порученным ему делом, ему всегда — и это стало чуть ли не узаконенной практикой — дают на откуп теплое местечко». Именно такие люди заняли руководящие посты в «национальном движении», новый устав которого был утвержден генералом Франко в конце июля, а также в «вертикальных синдикатах» (лжепрофсоюзах, объединявших под лозунгом «классового мира» трудящихся и предпринимателей одной отрасли), о создании которых было объявлено 9 августа.

Четыре месяца спустя после окончания гражданской войны, 10 августа 1939 г., Франко изменил состав правительства, передав пост министра иностранных дел полковнику Х. Бейгбедеру, который, как и его предшественник Хордана, считался сторонником хороших отношений с

Англией. Много лет спустя, беседуя со своим родственником генералом Франко Сальгадо-Араухо, диктатор отзывался о Бейгбедере весьма критически. Он осуждал, в частности, его слабость к женскому полу. По словам каудильо, во время мировой войны посол Германии фон Шторер просил его не передавать министру иностранных дел ни одного важного документа, будучи уверен, что тот разболтает государственную тайну женщинам, среди которых могли быть сотрудницы разведки союзников²⁵. Но в августе 1939 года Франко доверял этому человеку и считал его подходящей фигурой для руководства дипломатическим ведомством.

Рядом с Бейгбедером и несколькими другими пробританцами в правительстве заняли места откровенные поборники союза с гитлеровской Германией. До начала мирового конфликта оставалось всего несколько дней...

III

ГОДЫ МИРОВОГО КОНФЛИКТА

За день до вторжения германских войск в Польшу, 31 августа 1939 г., посол Германии в Мадриде фон Шторер информировал свое правительство, что в случае возникновения мировой войны франкисты постараются не ввязываться в боевые действия и объявят о своем нейтралитете. Правда, посол тут же уточнил, что этот нейтралитет будет носить благожелательный характер по отношению к Германии и Италии. Но большего от Франко он не ждал. Действительно, 4 сентября, когда вторая мировая война уже была реальностью, каудильо подписал декрет о нейтралитете Испании и оповестил об этом страну по радио.

В доверительных беседах с иностранцами франкисты выражали лицемерное «недоумение» по поводу нападения Гитлера на «католическую Польшу». Они «порицали» Германию и за подписание 23 августа 1939 г. пакта о ненападении с Советским Союзом. Франкистские дипломаты намекали на то, что их правительство было бы готово поддержать Германию и Италию в том случае, если бы те, объединившись с Англией, Францией и «католической Польшей», обратили оружие против СССР. Даже Муссолини попался на эту удочку, жалуюсь Гитлеру, что, будучи ослеплены ненавистью к большевизму, франкисты не могут понять «тактику, продиктованную политической необходимостью».

Гораздо более правдоподобную версию причин отказа франкистской Испании от немедленного выступления на стороне держав «оси» дал фон Шторер:

— Каудильо стремится избежать преждевременного вступления в войну и, следовательно, такого длительного в ней участия, которое было бы не по силам Испании, а

при некоторых условиях послужило бы источником опасности для режима¹.

На руинах республики Франко строил государство, которое, как отмечал сотрудник американского посольства в Мадриде Э. Пленн, напоминало пирамиду, опирающуюся на четырехсторонний фундамент из фаланги, армии, аристократии и церкви. Цементом, скреплявшим все здание, по выражению того же Пленна, был страх. Страх не столько перед внешним, сколько перед «внутренним врагом».

В ноябре 1939 года по приказу Франко останки расстрелянного республиканцами Х. А. Примо де Риверы были перенесены из города Аликанте в монастырь Святого Лаврентия в Эскориале. Церемония перезахоронения основателя фаланги дала повод для развертывания очередной пропагандистской кампании «против коммунистов и масонов», в поддержку «идеалов национализма».

Принятый 24 ноября 1939 г. закон «О принципах и границах вмешательства государства в промышленность» создал юридическую основу для насаждения в Испании государственно-монополистического капитализма в его франкистском варианте. Открытому месяцем раньше Национальному институту колонизации было поручено отстаивать интересы крупных землевладельцев и окончательно ликвидировать последствия аграрной реформы, проведенной правительством Народного фронта. Продолжалось создание системы «вертикальных синдикатов», фактически ставивших трудящихся в прямое подчинение предпринимателям. Все более широкий характер принимала и чистка в кругах интеллигенции.

Впрочем, ориентация на первоочередное установление фашистского «нового порядка» в своем собственном доме не мешала диктатору предпринимать активные действия и за рубежом, когда представлялся удобный случай прихватить легкую добычу. Так, 12 июня 1940 г. Франко заявил, что Испания будет «невоюющей стороной», а два дня спустя, 14 июня, воспользовавшись поражением Франции, отдал своим войскам приказ оккупировать международную зону Танжер. Законодательное собрание Танжера, а также контрольный комитет, куда входили представители восьми стран (Англии, Бельгии, Голландии, Испании, Италии, Португалии, США и Франции), при этом были ликвидированы, и в ноябре того же года Танжер был объявлен составной частью Испанского Марокко.

Англия, которая, казалось бы, должна была восстать

против агрессивных действий каудильо, ограничилась тем, что выразила принципиальное несогласие с этими действиями. 31 декабря 1940 г. английское правительство заключило с Франко соглашение, по которому испанский диктатор обещал гарантировать интересы Англии в Танжере. Днем раньше, 30 декабря, беседуя с испанским послом герцогом Альбой, А. Иден, вновь возглавивший министерство иностранных дел Англии, сказал, что его страна заинтересована во все более дружественных отношениях с Испанией.

Вступит ли Испания в войну на стороне держав «оси», и если да, то в какой момент? Этот вопрос продолжал волновать руководителей противоборствующих держав, особенно после того, как Франция прекратила сопротивление и сдалась на милость победителя.

В Берлине испытывали противоречивые чувства. Об этом свидетельствует, в частности, запись, которую сделал в своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер: «Намереваются «запрячь» Испанию, не думая об экономических последствиях этого шага... Первоначально Франко намеревался выступить на нашей стороне лишь в том случае, если Англия будет разбита, так как он боялся могущества Англии (морские порты, продовольственное положение и т. п.). Теперь фюрер будет его обрабатывать, чтобы склонить к немедленному выступлению на нашей стороне... Внутреннее положение Испании очень тяжелое. Плохо с продовольствием. Не хватает угля... Сейчас трудно предвидеть последствия союза с Испанией — с этим народом, на который нельзя рассчитывать и от которого можно ожидать всякого. Мы получаем союзника, который нам обойдется весьма недешево»².

Это мнение совпадало с выводом германского посла в Мадриде фон Шторера:

— Ослабленная в результате гражданской войны Испания экономически неспособна успешно участвовать в войне, которая продлилась бы дольше, чем несколько месяцев... Дальнейшее усиление тяжелого экономического положения, возможный голод, а также политический и военный регресс могут привести к внутренним бунтам.

Позднее главарь нацистского рейха признал справедливость опасений, высказывавшихся его собственными дипломатами и военачальниками. Но в тот момент германское руководство не отказывалось от мысли воспользоваться преимуществами географического положения франкист-

ской Испании и ее военным потенциалом. Генеральный штаб вооруженных сил Германии разработал секретный план «Феликс — Исабель», который предусматривал захват английской крепости Гибралтар и блокирование пролива, соединяющего Средиземное море с Атлантическим океаном, открытие еще одного фронта боевых действий на крайнем юго-западе Европы.

Разъясняя свои намерения, правительство Испании направило Германии 19 июня 1940 г. меморандум, в котором обещало вступить в войну в будущем, «если в этом возникнет необходимость». Франкисты уточняли, что хотели бы получить в качестве платы за такой шаг Гибралтар, Французское Марокко и часть Алжира. В то же время Мадрид не брал на себя обязательства начать боевые действия немедленно.

Ответ, переданный испанскому послу в Берлине 25 июня 1940 г., гласил: «Германское правительство принимает к сведению испанские требования в отношении Северной Африки. Правительство рейха особенно горячо приветствует заявление Испании о том, что после соответствующей подготовки общественного мнения Испания, если понадобится, охотно вступит в войну»³.

Рассматривая различные возможные варианты развития событий, Гитлер не исключал и такого, при котором роль Испании свелась бы к предоставлению в распоряжение Германии своей территории для нанесения удара по Гибралтару. В этом случае в операции участвовали бы только германские вооруженные силы.

Чтобы получить согласие франкистов на проход своих войск через испанскую территорию, германское руководство пригласило в Берлин близкого родственника Франко министра внутренних дел Испании Р. Серрано Суньера. Однако состоявшиеся в сентябре 1940 года переговоры принесли разочарование обеим сторонам. Гитлер и Риббентроп не получили от Серрано Суньера четкого ответа на вопрос, чем же конкретно франкистская Испания может помочь державам «оси» в начавшейся войне. Раздосадованный Риббентроп охарактеризовал территориальные притязания Испании как «нереальное».

Гитлеровцы предъявили гостю счет на оплату испанского военного долга Германии, который, по их утверждению, достиг 378 млн. рейхсмарок (не считая частных германских поставок на сумму 15 млн. рейхсмарок). Вот как описывает эту часть переговоров генерал Гальдер: «Фюрер поднял вопрос об уплате Испанией долгов, которые она

сделала в период гражданской войны (1936—1939 гг.). Суньер ответил, что «испанцам непонятно подобное смешение идеализма и материализма», что фюрер ведет себя, как «мелкий еврейский торгаш»⁴.

В конечном счете было условлено, что Испания приступит к погашению своих долгов, в частности, путем поставок в Германию промышленного и сельскохозяйственного сырья, однако выплаты будут производиться постепенно в течение длительного периода.

Гитлер был взбешен тем, что «иезуит» Серрано Суньер и «неблагодарный трус» Франко «всячески расхваливают Германию», а «помочь ничем не хотят». Но вводить войска в Испанию без согласия каудильо он не решался, так как в его планы отнюдь не входило затевать войну с испанцами. В надежде уговорить своего «протезе» Гитлер решил лично встретиться с Франко.

Первая и единственная встреча двух диктаторов состоялась 23 октября 1940 г. в Эндайе, недалеко от испано-французской границы. Каудильо специально задержал свой поезд, чтобы прибыть на станцию, где его ждали Гитлер и Риббентроп, с опозданием на целый час. Объясняя причину, он сказал одному из сопровождающих:

— Это самая важная встреча в моей жизни. Я должен прибегать ко всякого рода ухищрениям, и это одно из них. Если я заставлю Гитлера ждать, он будет психологически подготовлен с самого начала⁵.

Гитлер предложил своему собеседнику объявить войну Англии в январе 1941 года и осуществить совместную испано-германскую операцию по захвату Гибралтара. Со стороны Германии в ней приняли бы участие 20 дивизий, включая несколько танковых. Они прошли бы через всю испанскую территорию с севера до юга. По расчетам фюрера, Гибралтар должен был перейти в руки Германии и Испании 10 января 1941 г.

Франко в очередной раз выразил «в принципе» готовность вести войну на стороне Германии. Однако его отнюдь не прельщала перспектива германской оккупации, и он сказал Гитлеру, что план взятия Гибралтара войсками двух стран затрагивает национальное достоинство Испании, а посему в операции должны участвовать одни испанцы. К тому же, прежде чем подобная операция будет начата, нужно провести предварительную подготовку и вооружить испанскую армию самым современным оружием. Необходимо также оказать Испании экономическую по-

мощь, поставив ей, в частности, 1 млн. т пшеницы, дабы избежать голода в стране.

Каудильо призвал своего собеседника не считать поражение Англии делом предрешенным. Как рассказывал позднее сопровождавший фюрера переводчик П. Шмидт, по мере того как Франко излагал свои мысли, Гитлер постепенно терял хладнокровие. Каудильо оставался невозмутимым и лишь повторял, что Испания вступит в войну «в свое время».

Пока Франко вел переговоры с Гитлером, Серрано Суньер, назначенный к тому моменту на пост министра иностранных дел Испании, встретился со своим германским коллегой Риббентропом для подготовки текста заключительных документов встречи. Испанская делегация была готова зафиксировать на бумаге лишь то, о чем говорил каудильо, ни на йоту больше. И в конце концов немцы согласились помочь Испании продовольствием и военным снаряжением и удовлетворить некоторые территориальные притязания франкистов на Африканском континенте.

Но соглашения в Эндайе так и не были подписаны: Франко уехал, не дождавшись, когда будут подготовлены окончательные варианты документов. Не поставил под ними свою подпись и Серрано Суньер. Достигнутые договоренности были официально оформлены лишь позднее. В ноябре 1940 года Гитлер отправил в Мадрид специального курьера, который привез текст, уже подписанный Риббентропом и — от имени Италии — Чиано. Серрано Суньеру не оставалось ничего другого, как присоединить к этим двум подписям свою⁶.

В том же месяце Серрано Суньера вновь пригласили в Берлин. Ему было сказано, что Германия не отказалась от идеи атаковать Гибралтар. Следуя указаниям каудильо, министр предостерег Гитлера против ввода германских войск на испанскую территорию. Он сказал, что испанцы могут отреагировать на подобный шаг Германии так, как они отреагировали на французское вторжение во времена Наполеона, то есть всеобщим восстанием. Взаимоприемлемой договоренности и на этот раз достигнуть не удалось.

12 февраля 1941 г. каудильо встретился с Муссолини, который, как и Гитлер, ждал вступления в войну. Но встреча, проходившая в Бордигере, недалеко от итало-французской границы, также оказалась безрезультатной. Пример Италии, чьи войска терпели в боях одно пораже-

ние за другим, вряд ли мог вдохновить испанского диктатора.

К весне 1941 года давление нацистов на Испанию ослабло, поскольку они переключили свои основные усилия на подготовку агрессии против Советского Союза. А после того как эта агрессия стала свершившимся фактом, планы штурма Гибралтара были отложены на неопределенный срок.

Характерно, что англичане никогда не испытывали особых опасений за судьбу Гибралтара. Как подчеркивал 14 июля 1941 г. в своем донесении в Софию болгарский посол в Мадриде, Англия считала Гибралтар «единственно спокойной морской базой из имеющихся у нее в Средиземном море».

Франко встретил с ликованием известие о нападении гитлеровской Германии на СССР. 22 июня 1941 г. Серрано Суньер принял германского посла в Мадриде фон Шторера и по поручению каудильо выразил ему «величайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большевистской России». Он просил германское правительство разрешить «испанским добровольцам» выступить с оружием в руках против Советского Союза, добавив, что участие фалангистов в боях на советско-германском фронте не снимает вопроса о полном и окончательном вступлении Испании в войну «в соответствующее время». Два дня спустя пришел ответ: «Германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирование добровольцев фаланги». Отношения между двумя диктаторами вновь обрели утраченную было сердечность. Во второй половине августа 1941 года «голубая дивизия», получившая официальное наименование 250-й пехотной дивизии вермахта, двинулась в путь и в середине октября 1941 года прибыла на фронт в район Новгорода.

Антисоветская пропагандистская шумиха в Испании, усилившаяся летом 1941 года, стала все чаще сопровождаться открытыми нападкамии на Англию и США. Не желая портить отношений с Франко, англичане делали вид, что ничего не замечают. Американское же правительство не стало скрывать своего возмущения и отреагировало на выпады франкистской пропаганды введением эмбарго на поставки в Испанию нефти и нефтепродуктов. Впрочем, эмбарго это действовало не слишком долго. В ноябре 1941 года оно было отменено. Представителям английского правительства удалось убедить Вашингтон, что торговля с Испанией может быть использована как средство, спо-

собное привязать эту страну к ее партнерам на Западе в ущерб отношениям Мадрида с Берлином.

После того как в декабре 1941-го в мировую войну вступили Япония и Соединенные Штаты, Франко и Серрано Суньер подписали декрет, провозглашавший, что «Испания сохраняет, как и в предыдущей фазе конфликта, свою позицию невоюющей страны».

В январе — феврале 1942 года проходил очередной тур американо-испанских торговых переговоров. Соглашаясь поставлять Испании нефть и нефтепродукты, а также различные продовольственные товары в обмен на вольфрам, олово и некоторые другие виды сырья, Соединенные Штаты настаивали на том, чтобы Испания не перепродавала закупленные в США товары третьим странам и не перевозила их на иностранных судах (за исключением судов стран антигитлеровской коалиции). Представители испанского правительства согласились принять эти условия⁷.

В мае 1942 года пост посла США в Мадриде занял К. Хейс. В одной из первых своих депеш Ф. Рузвельту (30 июня 1942 г.) он писал, что, по его мнению, для испанцев вопрос о вступлении в войну или об оказании активной помощи Германии и Италии уже не носил приоритетного характера, уступив место вопросу о внутреннем устройстве испанского государства. Хейс был прав лишь в том, что в тот период в Испании действительно обострилась грызня между отдельными группировками франкистов.

В августе 1942 года было совершено покушение на военного министра генерала Варелу, монархиста по убеждениям. Как показала в своих исследованиях профессор С. П. Пожарская, пити заговора тянулись к «старой» фаланге и к германской агентуре. Гитлеровцы стремились любыми средствами воздействовать на политическую ориентацию Испании в выгодном для них направлении. Их происки потерпели провал. Вскоре после покушения на Варелу Франко произвел очередную реорганизацию правительства. Министром иностранных дел вместо слывшего прогерманцем Серрано Суньера вновь стал монархист граф Гомес Хордана, который уже занимал этот пост в первом франкистском кабинете в 1938—1939 годах⁸.

В конце сентября 1942 года в Мадриде пролетом находился личный представитель Рузвельта в Ватикане М. Тейлор. Франко воспользовался этим обстоятельством, чтобы пригласить высокопоставленного заокеанского гостя

на беседу и прощупать дальнейшие намерения Вашингтона. По свидетельству Хейса, каудильо пытался провести различие между войной, которую Соединенные Штаты ведут против Японии, и событиями в Европе, где, по его словам, развернулась борьба против коммунизма. Испанский диктатор настойчиво старался уверить своего гостя в том, что главный враг «всего христианского мира», куда входят не только Англия и Соединенные Штаты, но и Германия с Италией, — это «коммунистическая Россия».

Как рассказывал посол, Тейлор отверг эту интерпретацию событий в мире и, указав, что на деле идет война, в которой с одной стороны участвуют державы «оси», а с другой — страны антигитлеровской коалиции, дал понять своему собеседнику, что Соединенные Штаты будут вести дело к победе над фашизмом.

Готовя высадку своих войск во Французской Северной Африке, США и Англия опасались, как бы в этом случае Испания не вступила в войну на стороне держав «оси». Английский посол в Мадриде С. Хор был убежден в том, что так оно и произойдет. В отличие от него, У. Черчилль считал подобный вариант маловероятным. Хейс, со своей стороны, полагал, что Франко присоединится к Гитлеру и Муссолини лишь в том случае, если союзные войска вступят на территорию, принадлежащую Испании. Он не исключал даже, что Франко может перейти на сторону США и Англии. Президент США Ф. Рузвельт не заходил столь далеко, но и он склонялся к мысли, что, скорее всего, Испания не окажет поддержку Гитлеру и Муссолини.

В октябре 1942 года послы США и Англии в Мадриде по указанию своих правительств заявили Франко, что отказ Испании от участия в войне встречает у них понимание. А в день высадки войск союзников во Французской Северной Африке, 8 ноября 1942 г., Хейс передал Франко через Хордану послание американского правительства с заверениями, что предпринятые союзниками военные акции «не направлены ни против правительства или народа Испании, ни против Испанского Марокко и испанских территорий — метрополии или заморских территорий». Президент подчеркивал, что «Испании ничто не грозит со стороны Объединенных Наций», и выражал надежду, что «испанское правительство и испанский народ пожелают сохранить нейтралитет и остаться в стороне от войны».

Прежде чем дать ответ Рузвельту, Франко обратился за советом к Гитлеру и Муссолини. И лишь 10 ноября на-

правил президенту США ответное послание, в котором заявил, что с «благодарностью принимает гарантии», поскольку «знает цену миру и искренне желает его для себя и для всех других народов»⁹.

В то же время франкисты «на всякий случай» объявили о частичной мобилизации в подкрепление «решимости Испании защитить свою целостность и свой суверенитет» и обратились к Германии с просьбой о поставках оружия. Кроме того, Франко предпринял шаги по укреплению связей с Португалией. В декабре 1942 года в Лиссабоне побывал Хордана, который вел переговоры с Салазаром и президентом Португалии Кармоной. Переговоры позволили завершить организационное оформление «иберийского блока», который начал создаваться еще в 1939 году. Заключенный тогда договор носил главным образом политический характер. Новые переговоры позволили создать основу военно-политического союза между Испанией и Португалией.

Испано-германские переговоры о поставках оружия привели к подписанию 12 февраля 1943 г. протокола, в котором говорилось о «намерении германского правительства снабдить испанскую армию в возможно короткий срок оружием, военным снаряжением и военными материалами новейших образцов и в достаточном количестве». В соответствии с этим же протоколом испанское правительство подтверждало, что оно «преисполнено решимости оказать сопротивление всякому вступлению англо-американских вооруженных сил на Иберийский полуостров., равно как и вступлению в испанский протекторат Марокко, и отражать таковое вторжение всеми имеющимися в его распоряжении средствами».

Прогитлеровские настроения Франко материализовались не только в отправке «голубой дивизии» на советско-германский фронт. Испания предоставляла германским подводным лодкам и другим военным судам возможность ремонта и снабжения в испанских портах, разрешала действовавшему над Атлантикой германскому воздушному флоту пользоваться своими аэродромами (при вынужденных посадках) и радиостанциями. Одновременно Испания вела активную прогерманскую разведку. В частности, посты германского абвера, размещенные на испанской территории, на африканском и европейском побережьях с помощью испанских властей, вели наблюдение за крепостью Гибралтар и Гибралтарским проливом. Испания поставляла в Германию вольфрам и другие стратегические

товары, а в середине 1943 года Франко даже предоставил гитлеровцам кредит в 100 млн. марок.

Животный антикоммунизм Франко импонировал тем реакционным кругам на Западе, рупором которых выступал У. Черчилль. В декабре 1942 года, в момент, когда Сталинградская битва была еще в полном разгаре, министр иностранных дел Англии А. Иден заявил испанскому послу в Лондоне герцогу Альбе, что и он, и Черчилль выжидают лишь удобный момент, чтобы выразить симпатии испанскому правительству, и что Англия не имеет намерения вмешиваться во внутренние дела Испании¹⁰.

У испанских фашистов не было недостатка в друзьях и за океаном. Особую активность проявлял в этот период известный правокатолический деятель США кардинал Спеллман. Он лично выразил восхищение каудильо во время встречи с ним в Мадриде в феврале 1943 года и, вернувшись на родину, развернул там широкую кампанию солидарности с Франко.

Тем временем испанское правительство продолжало вести двойную игру. Принимая 24 января 1943 г. в Мадриде нового германского посла фон Мольтке, Франко заверил гитлеровского дипломата, что «Германия является другом, а Англия, Америка и большевизм — врагами его страны». «Испания, — сказал он, — готова и имеет намерение в рамках своих политических возможностей помогать Германии в борьбе, которую ей предопределила судьба». Каудильо выразил готовность вести работу «над углублением противоречий между Англией и Советским Союзом, с одной стороны, а также между Англией и Америкой — с другой».

Посол ответил:

— Работа Испании по углублению противоречий в лагере наших противников, конечно, могла бы быть полезной.

Свое обещание Франко сдержал. Встретившись вскоре с послом Англии С. Хором, он заявил:

— Я считаю роковой ошибкой Англии, что она продолжает поддерживать Советскую Россию... Полагаю, что было бы единственно правильным, если бы Англия своевременно вступила на путь компромиссного мира с Германией и тем самым отвратила коммунистическую опасность не только от Европы, но и от самой себя.

Хор, ненавидевший СССР и коммунистов не меньше, чем испанский диктатор, не стал спорить.

— Я считаю ваши высказывания в высшей степени

интересными, — ответил он, — и желал бы, чтобы разговоры в этом смысле были продолжены¹¹.

Пожелание английского посла было выполнено. Хордана пригласил к себе посланников нейтральных государств — Ирландии, Швейцарии и Швеции — и предложил «в соответствующий момент» выступить с призывом «прекратить войну в целях совместной защиты от большевистской опасности». А затем официально предложил Хору призвать правительство Великобритании «в интересах сохранения европейской цивилизации отвернуться от России и не оставлять без внимания ни единой возможности образования общего европейского фронта против большевизма, то есть сотрудничества с Германией».

К несчастью для Франко и для английского посла-антикоммуниста, в тот момент Англия не могла поддержать подобную позицию. Хору было поручено заявить своим испанским собеседникам, что правительство Великобритании считает невозможным принять участие в какой бы то ни было инициативе, которая могла бы заключать в себе нелояльность по отношению к советскому союзннику.

— Принимая во внимание англо-русские союзнические отношения, я и не ожидал иного ответа английского правительства, — сказал по этому поводу Хордана. — Однако это не мешает мне и далее быть убежденным в том, что стремление к единому европейскому фронту против большевизма восторжествует и в Англии и в свое время найдет практическое выражение.

В марте 1943 года посол Германии в Мадриде Мольтке умер, и вместо него на этот пост был назначен Г. Дикгоф, который с 1937 года и вплоть до вступления Соединенных Штатов в войну представлял свою страну в Вашингтоне.

В конце апреля 1943 года Дикгоф прибыл в Мадрид. Принимая от него верительные грамоты, Франко вновь заговорил об «опасности большевизма» и о «грандиозной борьбе», которую гитлеровцы ведут на Восточном фронте.

Дикгоф не мог, однако, не заметить, что испанский диктатор находится в подавленном состоянии:

— Бросалось в глаза, что каудильо, очевидно, не совсем верит в возможность полного разгрома Советов; он неоднократно говорил об огромных пространствах и о массе людей... Характерно неоднократное подчеркивание им мысли о том, что силы обеих воюющих сторон находятся приблизительно в равновесии и что касается наших противников, то надо считаться даже с возрастанием их сил¹².

Франко отдавал себе отчет в том, что в глазах общест-венности — и в самой Испании, и за ее пределами — соз-данный им режим воспринимался как более или менее точ-ная копия германского и итальянского. Поэтому по мере того, как на фронтах второй мировой войны державы «оси» терпели одно поражение за другим, испанский дик-татор стал все чаще задумываться о необходимости как-то дистанцироваться от Гитлера и Муссолини.

Стремясь продемонстрировать «нетоталитарный» ха-рактер своего государства, Франко решил вновь учредить кортесы, ликвидированные после гражданской войны. В законе от 17 июля 1942 г., в соответствии с которым воссоздавался этот орган, утверждалось, что франкист-ские кортесы «как по названию, так и по способу образо-вания и полномочиям возрождают славные испанские тра-диции». Однако ни для кого не было секретом, что новый «парламент» не имел равным счетом ничего общего с тем представительным органом, который существовал прежде, избирался путем всеобщего голосования и обладал законо-дательной властью. Отныне часть членов кортесов входила в их состав по должности и лишь часть подлежала избра-нию, да и то не прямым голосованием. Все без исключе-ния прокураторы (депутаты) были франкистами, и тем не менее диктатор не доверял даже им. Франкистские кор-тесы представляли собой по существу лишь совещательный орган, так как принятие законов оставалось и впредь исключительной прерогативой главы государства¹³. Вопре-ки очевидности Франко постарался представить начало работы кортесов, которые собрались на первое заседание в марте 1943 года, как некое проявление законности его власти.

В том же году каудильо обещал монархистам рас-смотреть вопрос о возможной реставрации (правда, в не-определенном будущем) королевской власти во главе с сыном умершего в феврале 1941 года в эмиграции (в Ита-лии) Альфонса XIII графом Барселонским доном Хуаном.

Попытки приукрасить фасад диктатуры сопровожда-лись авансами западным державам — участницам анти-гитлеровской коалиции. Выступая на приеме по случаю национального праздника Испании 10 октября 1943 г., каудильо вновь вернулся к тезису о «нейтралитете» Ис-пании, отказавшись от термина «невоюющая сторона», который воспринимался многими как синоним невоенного союза с державами «оси».

К этому моменту франкистское руководство уже осо-

знало, что допустило серьезный просчет, направив своих военнослужащих на советско-германский фронт. Родственник диктатора генерал Франко Сальгадо-Араухо признавал в своем дневнике, который был опубликован в Мадриде уже после его смерти, что многие солдаты «голубой дивизии» добровольно переходили на сторону советских войск и, «обосновавшись в России, вели оттуда коммунистическую пропаганду». Немало «добровольцев» покинули фронт и перебрались в Швецию, Швейцарию и другие нейтральные государства. В то же время сам факт участия испанских военнослужащих в боевых операциях вермахта воспринимался во всем мире как еще одно подтверждение фактической принадлежности Испании к блоку держав «оси»¹⁴.

12 октября 1943 г. франкистские власти сообщили союзникам СССР, что отзывают «голубую дивизию», которая была основательно потрепана в боях под Новгородом, а затем в районе Волхова, Ленинграда и на других участках фронта. Доведя это решение до сведения военных атташе США и Англии, франкисты скрыли его от общественности и резко усилили антисоветскую пропагандистскую кампанию на страницах контролируемой ими печати.

21 октября 1943 г. посол США, выполняя указание президента Рузвельта, посетил Хордану и настоятельно рекомендовал публично объявить о возвращении «голубой дивизии» и «немедленно перестать делать вид, что германская агрессия против России является крестовым походом». На следующий день министр иностранных дел Испании дал американскому послу ответ, согласованный с Франко. Он утверждал, что вывод «голубой дивизии» не является секретом ни для одного испанца, но если объявить об этом официально, то создастся впечатление, что это решение было вызвано давлением извне.

Все бóльшую остроту в этот период начал приобретать вопрос о поставках Испанией стратегических материалов державам «оси». Послы США и Англии в Мадриде предприняли ряд демаршей с целью побудить испанское правительство наложить эмбарго на экспорт в Германию и Италию вольфрама и других сырьевых товаров, используемых в военных целях. Лишь в конце января 1944 года Хордана, беседуя с Хейсом, дал понять, что эта проблема может быть урегулирована при условии, что Соединенные Штаты заменят Германию в качестве поставщика оружия для испанской армии.

Соединенные Штаты не поддались шантажу франки-

стов. Они заявили, что приостанавливают поставки в Испанию горючего, и публично разъяснили причины своего решения. Среди причин были названы: продолжающееся использование испанских портов итальянскими военными кораблями; непрекращающийся вывоз в Германию стратегических материалов, таких как вольфрам; свободная деятельность нацистской агентуры в Испании, ее владениях и в Танжере; сохранение части «голубой дивизии» на советско-германском фронте.

Встретившись 3 февраля с Хейсом, министр иностранных дел Испании дал понять, что причины, вызвавшие недовольство правительства США, могут быть устранены. Однако испанский посол в Лондоне герцог Альба сумел убедить Черчилля согласиться на то, чтобы эмбарго на поставки вольфрама Германии не было полным. Премьер-министр Великобритании, в свою очередь, уговорил Рузвельта пойти на такой компромисс. В итоге подписанное в начале мая 1944 года соглашение удовлетворяло не все первоначальные требования США. Оно подтверждало, однако, что испанские солдаты не будут более служить в германской армии.

Последующие события показали, что уступчивость Черчилля, которая была проявлена в ущерб интересам самой Англии (ибо испанский вольфрам использовался гитлеровцами на полях сражений, где гибли и английские солдаты), объяснялась далеко идущими стратегическими замыслами британского руководства. Вторая мировая война еще продолжалась, а будущий автор речи в Фултоне уже видел во Франко союзника в антикоммунистическом «крестовом походе», каковым, по его мысли, должна была стать третья мировая...

24 мая 1944 г., ко всеобщему удивлению, Черчилль выступил в палате общин с речью, в которой буквально расшаркивался перед Франко. Прекрасно зная о том, что франкистская Испания не вступила в войну на стороне гитлеровской Германии лишь потому, что была не в состоянии это сделать, английский премьер-министр рассыпался в благодарностях франкистам за то, что они, как он утверждал, оказали услугу Англии, Британской империи и даже всем Объединенным Нациям.

— Внутренние политические проблемы Испании, — вещал он, — касаются только самих испанцев. Не наше дело, не дело правительства Англии вмешиваться в эти проблемы. Наша программа обновления мира не включает в себя насильственных действий в отношении стран, чьи

внутренние формы правления не соответствуют нашим собственным идеалам¹⁵.

Демонстрируя франкистам свою заинтересованность в сотрудничестве с ними, британские власти не остановились перед грубейшим попранием самых элементарных норм взаимоотношений с союзниками по антигитлеровской коалиции. Поистине сенсационное разоблачение двуличия официального Лондона содержится в дневнике Франко Сальгадо-Араухо, записавшего рассказ своего двоюродного брата — каудильо — о лондонском периоде жизни руководителя «Свободной Франции» генерала де Голля. Приведем это удивительное свидетельство дословно:

«Англия использовала его (де Голля. — А. К.) в своих целях... Но при этом англичане установили в его кабинете аппаратуру, с помощью которой записывали все, о чем де Голль говорил. Затем запись расшифровывалась агентом английской секретной службы. Лондон информировал нас об этом, и поэтому мы хорошо знали, каковы идеи и планы председателя правительства соседнего государства»¹⁶.

Франко, однако, не считал, что англичане делают для него все, что в их силах. Он не мог простить Черчиллю отказа от вступления в союз с державами «оси» против «большевистской опасности» и не торопился откликнуться на авансы британского премьера. Лишь в октябре 1944 года, когда до окончательного разгрома гитлеровской Германии оставались считанные месяцы, испанский диктатор поручил своему послу в Лондоне передать Черчиллю, что на него произвели большое впечатление «благородные слова» главы английского правительства, сказанные в палате общин, не забыв, однако, подчеркнуть, что протягивает Черчиллю руку дружбы для того, чтобы в дальнейшем Англия и Испания могли противостоять Советскому Союзу и... Соединенным Штатам.

«Если Германия будет уничтожена и Россия укрепит свое господство в Европе и Азии, а Соединенные Штаты будут подобным же образом господствовать на Атлантическом и Тихом океанах как самая мощная держава мира, — писал Франко, — европейские страны, которые уцелеют на опустошенном континенте, встретятся с самым серьезным и опасным кризисом в своей истории»¹⁷.

И на этот раз Черчилль остался верен себе. Он подготовил письменный ответ Франко, но сформулировал его таким образом, чтобы текст письма мог быть сообщен также союзникам Англии по антигитлеровской коалиции.

Тем самым британский премьер как бы проявлял лояльность по отношению к СССР и США и в то же время оставлял открытой дверь для будущего сотрудничества с франкистской Испанией.

Черчилль напомнил каудильо о том, что во время войны Испания пыталась затруднить военные усилия союзников и оказывала помощь державам «оси». Далее он констатировал «благоприятные по отношению к Великобритании перемены в испанской политике», отметив, что, по признанию самого Франко, эти события «не получили еще достаточно глубокого развития, чтобы удалить барьеры между обеими странами». Позднее, 17 января 1945 г., Черчилль приложил недатированную копию письма к очередному посланию Сталину¹⁸.

Единомышленники британского премьера активизировались и в Соединенных Штатах. Об этом свидетельствовал, в частности, эпизод с проведенной в ноябре 1944 года в Чикаго международной Конференцией по вопросам гражданской авиации. На нее было приглашено среди других несколько государств, проводивших враждебную по отношению к СССР профашистскую политику, в том числе и Испания. Советский Союз был вынужден отказаться от участия в конференции. 10 ноября 1944 г. посол СССР в Вашингтоне А. А. Громыко информировал Народный комиссариат иностранных дел СССР о своей беседе с американским послом в Москве А. Гарриманом.

«Я спросил Гарримана, — писал А. А. Громыко, — допускает ли он, что США могли бы участвовать в конференции, на которой была бы представлена страна, посылавшая в ходе нынешней войны свои войска для борьбы против США. Он ответил, что наши отношения к Испании вполне понимает. Он заявил дальше, что сам считает, что с приглашением Испании допущена глупость... По его мнению, эта глупость была допущена ввиду той спешки, с которой готовился созыв конференции»¹⁹.

На деле речь, конечно, шла не о «спешке», а о защите конкретных политических и экономических интересов США. Не случайно вскоре после окончания конференции, 2 декабря 1944., было подписано соглашение, определяющее условия, на которых американские гражданские самолеты могли совершать посадку на аэродромах Испании. Кроме того, было бы ошибкой сбрасывать со счетов происки элементов, относившихся враждебно к нашей стране и стремившихся в преддверии нового исторического этапа наладить хорошие отношения с теми государствами, ко-

торые стояли на позициях воинствующего антисоветизма.

Иной была позиция президента США Франклина Рузвельта. Напутствуя нового посла США в Мадриде М. Армюра, получившего назначение в марте 1945 года, Рузвельт заявлял:

— Мы никогда не забудем ни официальную позицию Испании по отношению к нашим врагам — державам оси, ни ту помощь, которую она оказала им в то время, когда война развивалась неблагоприятно для нас. Мы не можем также игнорировать деятельность и официальные идеи фаланги как в прошлом, так и в настоящем. Воспоминания об этом не могут быть стерты различными благожелательными жестами в наш адрес в момент, когда мы стоим на пороге полной победы над нашими врагами, с которыми существующий в Испании режим был связан в прошлом не только в духовном отношении, но и своей политикой, и своими действиями²⁰.

Общественное мнение Соединенных Штатов, как, впрочем, и Англии, было всецело на стороне испанских демократов и рассматривало Франко как врага антигитлеровской коалиции. Этому способствовал, в частности, тот факт, что республиканцы, покинувшие Испанию после гражданской войны, не прекратили борьбы против фашизма. Многие из них участвовали в боях на фронтах второй мировой войны в составе советских, английских и французских войск. По данным Испанской федерации бывших ссыльных и интернированных, на полях сражений в Европе погибли 25 тыс. испанцев. Немало эмигрантов из Испании, переселившихся в США, вступили в ряды вооруженных сил этой страны и принимали участие в боевых операциях против Японии на Тихом океане.

С приближением конца войны движение сопротивления франкизму активизировалось и в самой Испании. Помимо партизанских отрядов, действовавших на территории страны с 1939 года, в вооруженную борьбу с режимом диктатуры включились целые подразделения испанцев, сформировавшиеся на территории Франции. После того как гитлеровцы были изгнаны с французской земли, эти подразделения перешли через границу и продолжили битву с фашизмом у себя на родине.

Политические руководители республиканской эмиграции, нашедшие приют во многих странах мира, стали один за другим перебираться поближе к Испании. Среди них была и легендарная Пасионария, которая весной 1945 года приехала в Париж. Перед отъездом из Москвы она имела

продолжительную беседу с советскими руководителями. Долорес Ибаррури поблагодарила за солидарность партии и народов СССР с антифашистской борьбой испанского народа и за братское гостеприимство, оказанное политэмигрантам из Испании, добавив:

— По нашему мнению, испанские антифашисты своей борьбой и своим сопротивлением заслужили право занять место за общим столом, когда будут подводиться итоги победы²¹.

Советское руководство, вне всякого сомнения, придерживалось той же точки зрения. Однако решение этого вопроса зависело не только от него. Входя в состав антигитлеровской коалиции вместе с Соединенными Штатами и Англией, СССР должен был считаться с мнением своих союзников. И каким оно будет, в тот момент можно было лишь догадываться.

Решения союзников ждали и в Испании. Несмотря на все авансы Черчилля, Франко не был уверен в том, что прокатившаяся по Европе волна антифашизма обойдет его стороной. Не были в этом уверены и те, кто когда-то вступил с ним в союз, считая франкизм «наименьшим злом». Наиболее серьезные аналитики предсказывали сокращение социальной базы режима. И они не ошиблись.

19 марта 1945 г. претендент на испанскую корону дон Хуан, граф Барселонский, проживавший в Швейцарии, обратился к соотечественникам с манифестом, в котором говорилось:

«Режим, установленный генералом Франко, с самого начала вдохновлялся тоталитарными системами держав оси и коренным образом противоречит характеру и традициям испанского народа».

Дон Хуан обещал испанцам в случае вступления на трон провозгласить конституцию, гарантирующую политические свободы, объявить широкую амнистию и даже приступить к ликвидации социальных контрастов и к проведению в жизнь политики «в духе времени»²².

Каудильо был взбешен и в то же время не на шутку встревожен. По его поручению новый министр иностранных дел Испании Хосе Лекерика пригласил к себе посла США М. Армюра и информировал его о том, что Франко готов восстановить монархическую форму правления, хотя и рассчитывает остаться главой государства до тех пор, пока не умрет или не решит добровольно уйти в отставку. По словам министра, планировались и другие шаги по либерализации режима.

Но судьба — в который раз! — готовила диктатору неожиданный подарок. Несколько часов спустя после встречи Лекерики с Армюром телеграф принес известие о кончине Ф. Рузвельта. В Мадриде вздохнули с облегчением.

Бывший сотрудник группы планирования политики госдепартамента США А. Депорт в опубликованной в 1979 году монографии «Европа между сверхдержавами» подчеркивает, что, если бы не преждевременная смерть Рузвельта, развитие событий по окончании второй мировой войны могло бы пойти по иному руслу. «По мере того как масштабы советской победы становились для Рузвельта все яснее, он приобретал убежденность в необходимости продолжения сотрудничества с СССР», — указывает автор монографии. Анализируя развитие международной обстановки после прихода к власти в США президента Гарри Трумэна, Депорт констатирует, что при нем Соединенные Штаты «повернули к политике навязывания русским своей воли»²³.

IV

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИЗОЛЯЦИЯ ФРАНКО И НАЧАЛО «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Победа государств антигитлеровской коалиции повергла франкистов в глубокое уныние. В Мадриде царило похоронное настроение. Контролируемая властями печать открыто оплакивала Гитлера и Муссолини. Много лет спустя, в январе 1961 года, каудильо с тоской говорил о поражении тех, кто, по его мнению, заслуживал лучшей участи. Не скрывая своих политических симпатий, а они остались прежними, он заявлял:

— Если фашистские правительства были отстранены от власти как в Германии, так и в Италии, это произошло не из-за краха их доктрин перед другими, которые оказались по душе общественности, пролетарским массам этих стран. Они потерпели провал из-за того, что проиграли войну, проиграли ее катастрофическим образом. В противном случае они и сегодня руководили бы режимами этих стран¹.

В демократических кругах Испании весной и летом 1945 года царили иные настроения. Антифранкисты ждали, что вскоре произойдут кардинальные перемены и на испанской земле, с фашизмом там будет покончено, как было покончено с ним в других странах Европейского континента (за исключением Португалии).

Демократы во всем мире приветствовали принятую 19 июня конференцией стран — учредительниц Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско резолюцию, в которой указывалось, что положение Устава о приеме членов не может применяться к государствам, режимы которых были созданы при поддержке держав, воевавших против Объединенных Наций².

Вопрос об отношении союзников к Испании был поднят на Берлинской (Потсдамской) конференции руководи-

телей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. На встрече с Трумэн, состоявшейся в день открытия конференции, Сталин сказал, что советская делегация хотела бы обсудить вопрос о режиме Франко. Трумэн, скрывавший до поры до времени свои подлинные планы, ответил, что Франко ему никогда не нравился и что он готов обсудить этот вопрос. Президент США добавил, что хочет обсудить и ряд других вопросов, имеющих исключительно важное значение для Соединенных Штатов. Во время встречи всех трех делегаций с участием У. Черчилля глава английского правительства также дал согласие на включение вопроса об Испании в порядок дня конференции.

Два дня спустя, 19 июля, советская делегация официально представила проект документа, в котором, в частности, говорилось:

«Конференция считает необходимым рекомендовать Объединенным Нациям:

1. Порвать всякие отношения с правительством Франко.

2. Оказать поддержку демократическим силам Испании и дать возможность испанскому народу создать такой режим, который соответствует его воле».

Дискуссия по этому проекту развернулась на пленарном заседании 19 июля и сразу же приобрела острый характер. У. Черчилль долго и пространно говорил на тему о том, что британское правительство «питает ненависть к Франко и его правительству». А закончил тем, что категорически отверг советское предложение, заявив:

— Но здесь перед нами страна, которая не приняла участие в войне, и поэтому я против вмешательства в ее внутренние дела. Правительству Его величества потребуются длительное обсуждение этого вопроса, прежде чем оно пойдет на разрыв отношений с Испанией.

Премьер-министра Англии поддержал и Трумэн. Он заверил участников конференции, что и у него нет сочувственного отношения к режиму Франко, однако тут же добавил, что «не хочет участвовать в испанской гражданской войне». «Для меня, — сказал Трумэн, — достаточно войны в Европе. Мы были бы очень рады признать другое правительство в Испании вместо правительства Франко, но я думаю, что это такой вопрос, который должна решать сама Испания».

На следующий день утром собрались министры ино-

странных дел трех держав. Им предстояло подготовить досье для очередной встречи глав государств и правительств. Испанский вопрос в повестке дня их заседания формально не стоял, но государственный секретарь США Дж. Бирнс сам поднял его при обсуждении пятого пункта повестки дня («Об Италии»). Он предложил, чтобы три великие державы высказались в пользу принятия Италии в Организацию Объединенных Наций, добавив, что при этом им следовало бы заявить об отказе поддержать вступление Испании в ООН до тех пор, пока эта страна будет оставаться под контролем режима, существующего там в настоящее время.

Позднее, однако, Бирнс снял свое предложение, пояснив, что ему «надоели дискуссии», продолжавшиеся почти две недели, но США готовы вернуться к обсуждению данного проекта, «если советская делегация сможет убедить англичан». Тем временем в связи с победой на выборах в Англии лейбористской партии и образованием нового правительства во главе с К. Эттли состав английской делегации на Берлинской конференции изменился, и в конечном итоге договоренность была достигнута. В решение «О заключении мирных договоров и допущении в Организацию Объединенных Наций» была включена одобренная всеми участниками заключительного этапа конференции формулировка:

«Три правительства... поддержат просьбу о принятии в члены (ООН. — А. К.) тех государств, которые оставались нейтральными во время войны...

Три правительства считают себя, однако, обязанными разъяснить, что они со своей стороны не будут поддерживать просьбу о принятии в члены, заявленную теперешним испанским правительством, которое, будучи создано при поддержке держав оси, не обладает, ввиду своего происхождения, своего характера, своей деятельности и своей тесной связи с государствами-агрессорами качествами, необходимыми для такого членства»³.

Много лет спустя после окончания войны, в 1961 году, беседа со своим родственником, Франко резко критиковал западные державы за «недальновидность» их политики по отношению к Испании в момент окончания боевых действий в Европе. «Союзные политики, участвовавшие в определении условий мира по окончании европейской войны, вели себя самым жалким образом, — утверждал диктатор. — Они показали, что не являются подлинно

государственными деятелями, поскольку проявили полное отсутствие политического предвидения».

Эти слова, сказанные диктатором, когда он уже был военным союзником Соединенных Штатов, выдавали его злорадное самодовольство: именно он, каудильо Испании, проявил себя как «гениальный стратег», в то время как «западные демократы отдают свою судьбу в руки политических пигмеев, неспособных прогнозировать будущее».

Понимая, что с каждым днем, отдалявшим Европу от военного конфликта, его шансы на выживание растут, Франко постепенно оправлялся от страха и смелел. В речи, посвященной 9-летию своего мятежа, он высокомерно заявил, что «Испания не нуждается и не будет нуждаться в импорте политических идей из-за границы». А на следующий день произвел очередную перетасовку членов правительства, характер которого в целом остался прежним. Символическим жестом в адрес западных держав явилось выдвижение на пост министра иностранных дел представителя религиозно-политической организации «Католическое действие» Альберто Мартина Артахо.

Еще до второй мировой войны, сразу же после окончания боев на земле Испании, Франко обещал сократить численность своих вооруженных сил и превратить в потенциальных солдат весь народ. В интервью газете «Вангардия» он заявлял:

— Нам нужна армия скорее немногочисленная. Правда, она должна быть настолько хорошо обученной и вооруженной, чтобы никакая другая военная сила не могла превзойти ее по мощи. Испания должна быть готова в любой момент встать под ружье. Именно такой военной доктрины мы будем придерживаться. Сохраняя кадровую армию, мы также дадим всему народу тщательное, строго продуманное и полное военное обучение. Каждый гражданин обязан стать солдатом, в любой момент готовым взять в руки оружие и использовать его надлежащим образом.

Но диктатор больше всего на свете боялся своего народа, и поэтому данное им обещание так и осталось на бумаге. Особенно заметно вырос в годы диктатуры офицерский корпус. В 1932 году он насчитывал всего 11,5 тыс. человек, во время гражданской войны достиг (в лагере франкистов) 21 тыс., а в 1945 году, шесть лет спустя после окончания гражданской войны, составлял уже 32 тыс. человек — гораздо больше, чем когда-либо в прошлом за всю историю Испании. Наряду с другими карательными органами армия стояла на страже диктатуры⁴.

Состоявшийся в декабре 1945 года во Франции первый после окончания мировой войны пленум Центрального Комитета КПИ констатировал беспочвенность надежд на то, что режим Франко может «автоматически» уступить место новому строю. «Решающее значение для ликвидации режима диктатуры, — считала компартия, — имеет борьба народа»⁵.

В начале 1946 года члены коммунистической партии вошли в состав республиканского правительства в эмиграции. Это был период, когда коммунисты участвовали в правительствах целого ряда западноевропейских стран, в том числе Франции и Италии. Мадрид был особенно встревожен включением представителей ФКП в правительство соседней Франции, и в доверительных беседах со своими единомышленниками Франко не раз порицал де Голля за сотрудничество с коммунистами.

На рубеже 1945—1946 годов в Испании продолжало развиваться партизанское движение против франкизма. В течение 1946 года было проведено множество партизанских операций. Франкисты ответили на усиление вооруженной борьбы масс против их режима новыми репрессиями. Печать то и дело сообщала об арестах и казнях антифашистов.

Западным державам пришлось на словах осудить франкистский режим. 4 марта 1946 г. правительства США, Англии и Франции выступили с совместной декларацией, в которой, в частности, говорилось: «Пока Франко продолжает править Испанией, испанский народ не может рассчитывать на полное и дружеское общение с теми нациями, которые общими усилиями нанесли поражение германскому нацизму и итальянскому фашизму». В том же документе, однако, подчеркивалось, что испанскими делами должны заниматься сами испанцы. Запад давал понять франкистам, что не будет мешать им расправляться с собственным народом, поскольку «есть дела и поважнее».

За океаном и в Западной Европе началась переориентация стратегии и в качестве «врага номер один» все настойчивее стал называться Советский Союз. В конце 1945 года Объединенный комитет начальников штабов США наметил первые мишени для атомной бомбардировки Советского Союза. Поименно были названы Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный,

Иркутск и Ярославль. В дальнейшем этот список был значительно расширен⁶.

5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Англии Уинстон Черчилль выступил в Фултоне с речью, в которой призвал к созданию англо-американского военного союза для борьбы с «восточным коммунизмом». Эта речь ознаменовала собой первый открытый призыв видного политического деятеля к развертыванию «холодной войны» капиталистических государств против СССР и его друзей в Восточной Европе.

Сорок лет спустя американский дипломат Джордж Кеннан признает:

— На значительной части европейской территории России разрушения надо было видеть, чтобы поверить в их реальность. Было очевидно, что только на восстановление понадобится несколько лет. Весь русский народ чувствовал потребность в мире и был охвачен жадой мира... В этих условиях Советский Союз просто не мог представлять никакой военной угрозы⁷.

Но в те времена Кеннан вместе с другими американскими (и английскими) официальными лицами настойчиво раздувал миф о «советской угрозе». Именно он явился автором «доктрины сдерживания», цель которой заключалась в том, чтобы ссылками на несуществующую угрозу со стороны СССР оправдать вмешательство Запада в дела социалистических стран и поддержку Соединенными Штатами самых реакционных режимов во всех частях света.

Сегодня уже не секрет, что сразу же после войны в Соединенных Штатах был подготовлен план, получивший кодовое название «Пинчер». Он был изложен в директиве № 432 Объединенного комитета военного планирования от 14 декабря 1945 г. И с предельной ясностью формулировал цель войны, которую Соединенные Штаты готовились вести против Советского Союза: «Предприняв военные действия совместно с нашими союзниками, навязать СССР условия мира, приемлемые для США и их союзников».

«Возможно, — писали авторы документа, — колоссальные разрушения, причиненные СССР атомной бомбой в самом начале военных действий, приведут к немедленному предложению капитуляции на условиях, приемлемых для Соединенных Штатов и их союзников. Но так как нет уверенности в том, что подобный результат будет достигнут, необходимо по крайней мере в общих чертах рассмотреть меры, которые обеспечат продолжение войны.

Одновременно следует учитывать военную необходимость установления и поддержания эффективного контроля над СССР...»

В одном из параграфов документа называлась Испания. Она рассматривалась авторами плана как «потенциальный союзник» Соединенных Штатов. Но до публичного признания готовности военного сотрудничества с франкистами дело еще не дошло. Не только в Западной Европе, но и в самих США общественность не поняла бы подобной метаморфозы.

12 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН рекомендовала лишить правительство Франко «права вхождения в международные учреждения, созданные Объединенными Нациями или поставленные с ними в связь, а также лишить его участия в совещаниях или иных видах деятельности, которые могут проводиться Объединенными Нациями или этими учреждениями, до того времени, когда в Испании будет создано новое и приемлемое правительство». Генеральная Ассамблея предложила всем членам ООН отозвать из Мадрида своих послов и посланников, аккредитованных при испанском правительстве.

Соединенные Штаты, как и другие страны Запада, выполнили эту рекомендацию ООН. Режим Франко оказался в такой изоляции, какой он не знал за все время своего существования.

Долорес Ибаррури рассказывает, что в апреле 1947 года, находясь в Париже, она встретилась с бывшим вице-президентом США Генри Уоллесом на приеме, который был устроен в его честь.

— Выражая явную симпатию по отношению к испанским антифашистам, — вспоминает Д. Ибаррури, — Генри Уоллес подошел ко мне и горячо пожал мою руку. Я выразила надежду, что народ Соединенных Штатов поможет испанскому народу в его борьбе за возвращение утраченных свобод и независимости. Уоллес ответил мне по-испански, что всегда будет призывать своих соотечественников оказывать поддержку тому делу, которое подавляющее большинство американцев считают благородным и справедливым. И, подняв переданный ему бокал, он произнес, опять-таки по-испански, тост: «За демократическую Испанию!»⁸.

Но Уоллес к тому моменту уже не мог говорить за правительство США. В глазах реакционеров он выглядел «красным», почти коммунистом, и был изгнан из амери-

канской политической элиты. Что же касается президента Г. Трумэна, то он придерживался совершенно иных взглядов.

Наглядным выражением их стал принятый в 1947 году закон о национальной безопасности. В соответствии с ним наряду с Советом национальной безопасности (СНБ) — главным межведомственным органом при президенте по вопросам внешней и военной политики — было создано Центральное разведывательное управление (ЦРУ), которое с первых дней существования направило свою деятельность против социалистических стран, прежде всего против Советского Союза. Совет национальной безопасности также сфокусировал внимание на борьбе против «советской угрозы», объявив ее, как это следовало из секретного меморандума СНБ-68, основой внешнеполитического курса США. Именно эта директива узаконила на практике любые меры, как тайные, так и открытые, как военные, так и гражданские, с целью срыва «замыслов Кремля». С этого момента во главу угла американской политики была поставлена готовность к «военному реагированию» на все, что связано с политикой Советского Союза.

К этому времени относятся и прямо связанные с именем Трумэна и возглавляемой им администрацией крупнейшие акции «холодной войны» первого послевоенного десятилетия. Это была «доктрина Трумэна», создавшая инструмент для прямого вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела суверенных государств (Греции и Турции) и для превращения их территорий в плацдарм против СССР и других социалистических стран.

Практически одновременно с ней, 5 июня 1947 г., государственный секретарь США Джордж К. Маршалл выдвинул план «восстановления и развития» Европы на базе предоставления европейским странам экономической помощи США. Действительная его цель, как об этом сразу же заявил Советский Союз, подвергнув резкой критике «план Маршалла», состояла в углублении и закреплении осуществляемого западными державами раскола Германии и разделении всей Европы на две противостоящие друг другу группы государств. В те дни «Правда» писала: «"План Маршалла" ставит перед европейскими странами своего рода ультиматум: либо завершайте создание «западного блока», либо США не предоставят вам кредитов»⁹.

Испания была исключена из «плана Маршалла», но подготовка общественности к повороту в отношениях с

этой страной уже началась. Выходившая в столице Соединенных Штатов газета «Вашингтон таймс геральд» поместила в 1947 году статью, в которой, критикуя американское правительство справа, как бы подталкивала его к налаживанию связей с франкистским режимом. «Если США предоставляют миллиарды социалистам Англии, Франции, Западной Германии, Италии, Греции, Турции и других стран, — писала газета, — то почему бы не дать несколько миллионов генералу Франко?»

Каудильо понимал, что должен сделать несколько жестов, чтобы облегчить потенциальным союзникам работу по переубеждению общественности в пользу дружбы с Мадридом. Пытаясь придать видимость законности своему режиму, он провел в июле 1947 года референдум по вопросу о будущем государственном устройстве Испании. Если верить официальным правительственным данным, на избирательные участки пришло большинство избирателей. 14 млн. высказались за то, чтобы Испания была провозглашена монархией, 722 тыс. человек выступили против реставрации монархии, и 335 тыс. воздержались от голосования¹⁰.

Через три недели после референдума Франко подписал закон, провозглашавший Испанию королевством. При этом указывалось, что главой государства до конца своих дней остается «каудильо Испании и крестового похода, генералиссимус вооруженных сил дон Франсиско Франко Баамонде». При каудильо создавался в качестве совещательного органа совет королевства, все члены которого назначались опять-таки диктатором. Он же зарезервировал за собой право предложить кандидата на королевский трон.

Благосклонности американцев добивались и буржуазные лидеры эмиграции. В августе 1947 года они сформировали новое правительство, исключив из него коммунистов и социалистов. С этого момента эмигрантские правительства, хотя состав их несколько раз и менялся, окончательно утратили международный авторитет и возможность хоть как-то влиять на судьбы Испании.

Ровно год спустя, в августе 1948-го, Франко встретился на борту яхты «Асор» с претендентом на испанский престол доном Хуаном и условился с ним о том, что юный сын претендента Хуан Карлос будет жить в Испании. Диктатор явно рассчитывал воспитать принца в духе своих идей, хотя и не брал на себя никаких обязательств в отношении политического будущего Хуана Карлоса.

Что касается самого дона Хуана, то после мартовского манифеста 1945 года путь к трону для него был закрыт.

Тем временем американские генералы уже начали рассматривать Испанию как фактор, который должен приниматься в расчет при долгосрочном военном планировании. Об этом свидетельствует рассекреченный документ № 465/2 Объединенного комитета военного планирования США, датированный августом 1947 года. В нем речь шла о возможной роли Испании в американской военной стратегии при отсутствии союза с Франко.

Подготовленный генералами текст начинался с детального описания «советской агрессии» против Западной Европы. Трудно сказать, кому предназначалась эта часть официальной бумаги. Может быть, на заре «холодной войны» ее авторы пытались оправдаться перед будущими историками, убеждая их в искренности своих опасений. Может быть, они отдавали дань моде, поскольку в США стало считаться хорошим тоном призывать к бдительности перед «происками» СССР. А может быть, все объясняется гораздо проще: представители военно-промышленного комплекса рассчитывали, запугав собственное политическое руководство, выбить дополнительные бюджетные ассигнования для армии и пушечных королей.

Во всяком случае, авторы этого объемистого документа (который занял 62 машинописные страницы) сами не верили выдумкам о возможном нападении Советского Союза на Испанию. На странице 32 они констатировали, что «попытку СССР осуществить вторжение в Испанию в ближайшее время следует считать маловероятной». И тем самым косвенно признавали, что их собственный план оккупации Пиренейского полуострова был порожден совершенно иными причинами. Какими? Сегодня мы можем, не боясь ошибиться, назвать по крайней мере две. Во-первых, это была подготовка к агрессивным действиям против Советского Союза с чужой территории, а во-вторых, подстраховка на случай выступления испанского народа против франкистского режима, который сам характеризовал себя как в первую очередь «антикоммунистический».

В соответствии с планом, получившим кодовое название «Драмбит» («барабанный бой»), имелось в виду как минимум оказать франкистам экономическую помощь, которая должна была позволить им «модернизировать железные дороги, шоссе, аэродромы, расширить выпуск промышленной продукции и тем самым увеличить военную

мощь», укрепив «антикоммунистические позиции» Испании — этого «слабого звена» Запада.

Далее предполагалось развернуть 12 дивизий и около 900 самолетов военной авиации. Самолеты, базирующиеся на авианосцах, должны были прикрывать передвижение союзных судов к испанским портам, оказывать поддержку наземным силам в прибрежных районах Бискайского залива и в Средиземноморье.

И наконец, речь шла о прямой «оккупации южной оконечности Пиренейского полуострова». В специальном приложении к документу давалось подробное описание береговой линии и указывались точные пункты возможной высадки интервентов. Были намечены, в частности, 28 таких пунктов на побережье Бискайского залива, столько же точек на берегах Галисии, 68 — на португальском берегу, 18 — на юге от португальской границы до Гибралтара и, наконец, 41 — на Средиземноморском побережье Испании.

В документе подчеркивалось также, что 49 испанских аэродромов могут принять две группы тяжелых американских бомбардировщиков, шесть групп средних бомбардировщиков-истребителей и транспортных самолетов, а также 40 групп легких транспортных самолетов¹¹.

Планы Вашингтона в отношении Испании согласовывались с общей военно-политической стратегией США, нацеленной на конфронтацию с СССР. Так, в директиве СНБ-20/1, утвержденной 18 августа 1948 г., излагались «цели США в отношении России», сводившиеся к тому, чтобы «Советский Союз был слабым в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».

В Испанию зачастили американские визитеры. В 1947 году там побывали конгрессмены К. Мундт, У. Джадж и Л. Смит. Их принял сам каудильо. В феврале следующего года Испанию посетил командующий Средиземноморским флотом США адмирал Ф. Шерман. Он также был принят Франко и министром иностранных дел Мартином Артахо.

В начале осени 1948 года Соединенные Штаты направили в Испанию военную миссию, которую возглавлял председатель комиссии сената США по делам вооруженных сил Гэрни. Он публично высказался за вступление Испании в военный союз против коммунизма. Встретившись с одним из руководителей испанской армии генералом Х. Вигоном, Гэрни зондировал почву относительно

возможности использования вооруженными силами США ряда военных баз в Испании.

Вывод, к которому пришел Гэрни, был объявлен им через прессу: «Все, кто борется против коммунизма, должны быть заинтересованы в том, чтобы Испания стала членом ООН».

Вслед за этими деятелями в Мадрид поспешили один из руководителей американской разведки контр-адмирал Хилленкеттер, член комиссии по делам вооруженных сил палаты представителей США Д. Шорт и другие американские официальные лица.

Как указывал известный французский испанист Жан Дескола, американцев привлекали выгодное стратегическое положение Испании, наличие у нее довольно крупной армии и, наконец, тот факт, что во главе испанского государства стоял один из ветеранов антибольшевизма¹².

Франко отчетливо представлял себе, что он сам, с его ненавистью к СССР, и его страна, учитывая ее место на карте Европы, нужны американцам в не меньшей степени, чем помощь США диктаторскому режиму Мадрида. Поэтому в ноябре 1948 года в интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» С. Сульцбергеру он выдвигает свои собственные условия для такого сотрудничества:

— Испания является атлантической державой. Мы не можем изменить законы географии. Ограничения к достижению взаимопонимания будут исходить не от нас. Но мы не можем не выдвинуть в качестве первого условия нашего сотрудничества сохранение за нами права управлять своей страной так, как мы хотим¹³.

В Вашингтоне к этому были готовы. О налаживании и развитии испано-американских отношений после второй мировой войны подробно рассказывает в своей книге воспоминаний, вышедшей в 1984 году, известный дипломат и политик Хосе Мария де Арейльса (занимавший пост министра иностранных дел в первом послефранкистском правительстве). Отрицательно отзывавшись о решениях Берлинской (Потсдамской) конференции, он констатирует, что Соединенные Штаты начали оказывать непосредственную экономическую помощь Испании вопреки решениям союзников по антигитлеровской коалиции¹⁴.

Франкистская пропаганда, действуя в унисон с официальной линией правительства США, развернула новую антисоветскую кампанию, пытаясь убедить испанский народ, будто над ним нависла угроза извне, со стороны СССР. И в этом не было ничего удивительного. Как

отмечал в свое время В. И. Ленин, «правительства, которые держатся только силой штыков, которым приходится постоянно сдерживать или подавлять народное возмущение, давно уже сознали ту истину, что народного недовольства не устранить ничем; надо попытаться отвлечь это недовольство от правительства на кого-нибудь другого»¹⁵.

Как раз в это время начались переговоры о создании Североатлантического союза, и руководители Соединенных Штатов не раз возвращались к мысли о возможности и желательности включения Испании в НАТО. Серьезным препятствием на пути осуществления этих планов была, однако, резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1946 года. Эту резолюцию, считали в Вашингтоне, следует как можно быстрее отменить. Государственный секретарь США Дж. Маршалл заявил на пресс-конференции 11 октября 1948 г., что, хотя Соединенные Штаты не намерены сами выступать с такой инициативой, они поддержат любое предложение других стран, если оно будет выдвинуто, поскольку, как они считают, резолюция 1946 года пришла в противоречие с новой обстановкой в мире.

Позиция, занятая Соединенными Штатами в ООН, подверглась резкой критике со стороны советской делегации. Выступая в мае 1949 года в Первом (политическом) комитете Генеральной Ассамблеи ООН, глава делегации СССР А. А. Громыко напомнил историю рассмотрения вопроса о фашистском режиме Франко в ООН, указав, что Организация Объединенных Наций занимается этим вопросом с самого начала своего существования.

— Делегация США шла на одобрение мер, направленных против режима Франко, лишь в той мере, в какой это было необходимо для того, чтобы удовлетворить требования американского общественного мнения, — констатировал А. А. Громыко. — Как в Совете Безопасности, так и на Генеральной Ассамблее правительство США в действительности поддерживало франкистский режим... Многие политические деятели США прямо указывают, что правительство США и американская военщина должны превратить Испанию в военно-стратегический плацдарм для использования его в будущей войне... Генеральная Ассамблея не должна регистрировать подобные факты. Задачей ООН является положить конец той политике потворства и поощрения фашистских режимов,

которую все с большей определенностью начинают проводить агрессивные круги некоторых государств¹⁶.

Другим препятствием, мешавшим немедленному вовлечению Испании в военно-политический блок западных держав, явилась отрицательная позиция союзников США по НАТО. Североатлантический договор, который был подписан в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. представителями 12 государств — первоначальных участников блока, на словах провозглашал решимость договаривающихся сторон «защищать свободы своих народов... на основе принципов демократии, личных свобод и уважения норм права». Распространение на франкистскую Испанию характеристики государства, защищающего принципы демократии, личные свободы граждан и общепринятые нормы права, могло бы скомпрометировать новый союз в глазах общественности.

Правительства большинства стран Западной Европы не могли дать согласия на подобный шаг: они должны были учитывать резко враждебное отношение собственных народов к фашистской диктатуре Франко. Исключение составляла Португалия, где у власти, не привлекая к себе особого внимания, уже около двух десятков лет находился политический единомышленник каудильо Салазар. В сентябре 1948 года был продлен на десять лет «иберийский пакт», заключенный в 1939 году. Франко и Салазар взяли за правило встречаться по возможности ежегодно.

В первой половине 1949 года появился ряд раздражающих факторов в испано-английских отношениях. Весной Мадрид потребовал отъезда из Испании трех английских консулов и закрытия консульства Великобритании в Сарагосе. А 19 мая Франко поставил Англию в довольно-таки затруднительное положение, сообщив в речи, с которой он выступил в кортесах, что в 1941 году английское правительство обещало удовлетворить некоторые территориальные претензии Испании в Северной Африке за счет французских владений. Одновременно в испанской печати появился ряд материалов, напоминавших о давнишнем требовании Испании вернуть ей Гибралтар.

Английское правительство было возмущено вероломством каудильо, который «забыл» о роли Англии в спасении его режима на заключительном этапе второй мировой войны. Раздражение англичан было тем большим, что буквально за пять дней до «возмутительной» речи Франко министр иностранных дел Англии Э. Бевин публично высказался за возвращение английского посла в Мадрид.

Пытаясь убедить мировую общественность, что пришло время прекратить дипломатическую изоляцию Испании, франкисты распустили слух, будто Советский Союз уже ведет с ней торговлю через третьи страны и, более того, вступил в прямые торговые переговоры с Мадридом. Эта фальшивка, подхваченная некоторыми органами западной печати, была опровергнута в январе 1950 года в специальном сообщении ТАСС.

19 января 1950 г. преемник Дж. Маршалла на посту государственного секретаря США Дин Ачесон сделал заявление, из которого следовало, что Соединенные Штаты по-прежнему готовы оказать в Организации Объединенных Наций поддержку резолюции, которая отменяла бы рекомендации, принятые Генеральной Ассамблеей в декабре 1946 года. Руководитель испанского дипломатического ведомства Мартин Артахо отреагировал на заявление Ачесона с известной долей иронии, назвав его слова реалистическим, но запоздалым признанием ошибки, допущенной в свое время западными державами.

Забегая вперед, отметим, что осенью того же года желание государственного секретаря США осуществилось. V сессия Генеральной Ассамблеи ООН 39 голосами против 10 при 12 воздержавшихся одобрила (по предложению Боливии, Гондураса, Доминиканской Республики, Коста-Рики, Никарагуа, Перу и Сальвадора, к которым присоединились также Филиппины) текст резолюции, в которой прямо говорилось об отмене рекомендаций, касавшихся отзыва из Мадрида послов и посланников, а также лишения Испании права участвовать в международных учреждениях, созданных ООН или связанных с ней.

Командование вооруженных сил США воспользовалось этим, чтобы изложить собственную позицию по вопросам, связанным с определением политики Запада по отношению к Испании. По указанию министра обороны США Объединенный комитет начальников штабов представил Совету национальной безопасности 8 июня 1950 г. секретный документ № 72, в котором «настойчиво рекомендовал государственному департаменту принять немедленные меры для того, чтобы Соединенные Штаты и их союзники получили военный доступ к Испании, завязали военное сотрудничество с ней либо на двусторонней основе, либо путем принятия этой страны в качестве члена в НАТО или в Западноевропейский союз».

«Объединенный комитет начальников штабов, — говорилось далее в документе, — считает чрезвычайно важным,

чтобы Соединенные Штаты и их союзники предприняли надлежащие шаги с целью сделать Испанию их союзницей на случай войны». Авторы документа были убеждены в том, что «необходимо найти какие-то пути для преодоления политических возражений Соединенного Королевства и Франции против улучшения отношений с Испанией»¹⁷.

Одним из таких путей могло стать сплочение западных держав вокруг США в связи с началом корейской войны, которая вспыхнула 17 дней спустя после представления СНБ документа № 72. Могло стать, но не стало. Страны НАТО поддержали действия Соединенных Штатов в Корее. Однако они не были готовы согласиться с тем, что США предлагали им в отношении Испании.

Как видно из рассекреченных американских архивных документов, в руководящих сферах США в связи с этим возникли расхождения во мнениях между дипломатическим ведомством и военными. Первое, разделяя в целом стратегические планы военных, рекомендовало им не торопиться, «дать плоду созреть», чтобы не вызвать ненужного обострения отношений с западноевропейскими странами. (Рекомендация «не торопиться» была связана и с тем, что политика маккартизма в США еще не принесла всех тех результатов, на которые рассчитывали ее вдохновители.) Вторые, напротив, требовали «не миндальничать» с союзниками и идти напролом.

V

СОЮЗ С США

Основные направления политики США в отношении Испании подверглись обсуждению на заседании Совета национальной безопасности США 1 февраля 1951 г. В документе, который был представлен СНБ государственным департаментом, отмечалось, что «инициативные действия Соединенных Штатов для обеспечения членства Испании в НАТО повредят основным политическим целям США в Западной Европе». В связи с этим Объединенный комитет начальников штабов США подготовил для министра обороны памятную записку, в которой подчеркивал, что, по его мнению, «пришло время для того, чтобы Соединенные Штаты придали гораздо больший вес военным соображениям относительно Испании»¹.

Американские военные руководители считали себя единовластными хозяевами НАТО и не скрывали пренебрежения к другим западным странам (включая Англию и Францию), как если бы те были сателлитами США. А потому, отбросив всякую дипломатию, заявляли: «Вместо того чтобы обсуждать с английским и французским правительствами политику в отношении Испании, Соединенные Штаты должны прежде всего предложить, чтобы Испания была включена в НАТО... Хотя для принятия Испании в НАТО необходимо единогласие членов НАТО, это согласие не будет получено, если Соединенные Штаты не окажут необходимого давления».

Признание более чем красноречивое. «Маленькая фраза» в совершенно секретном документе, который был предназначен для узкого круга лиц, принимавших решения от имени США, проливает свет на действительный характер взаимоотношений внутри атлантического сообщества.

И объясняет многое в последующей истории международных отношений.

Но вернемся к памятной записке. Военные руководители США понимали, что «выкручивание рук» противникам участия Испании в НАТО займет какое-то время (оно и в самом деле фактически продолжается до наших дней). А Испания была нужна им немедленно. Поэтому в том же документе генералы потребовали оказать Франко военную помощь на безвозмездной основе, не дожидаясь, когда будет найдено решение вопроса в целом. Критикуя предложения, представленные государственным департаментом, они писали:

«Рекомендация, согласно которой Испании должно быть разрешено приобретать военные материалы у Соединенных Штатов, способна превратиться в пустой жест по той причине, что у Испании нет достаточных запасов иностранной валюты для закупки необходимого военного снаряжения даже в том случае, если Соединенные Штаты предоставят ей такую возможность. Более того, можно ожидать, что испанцы отреагируют на подобные предложения неблагоприятным образом, учитывая, что все европейские страны — члены НАТО снабжаются сейчас американской военной техникой без какой-либо оплаты в соответствии с программой военной помощи».

В документе, подписанном председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом О. Брэдли, выдвигалось также требование наладить как можно быстрее координацию оборонных планов Испании с военными планами Соединенных Штатов. Для достижения этой цели предлагалось установить прямой контакт между американскими и испанскими военными руководителями, отвечающими за военное планирование².

Ознакомившись с запиской своих подчиненных, министр обороны США направил 29 января 1951 г. ответственному секретарю Совета национальной безопасности меморандум, в котором, ссылаясь «на хорошо известные цели Кремля и постоянно увеличивающиеся военные возможности СССР», утверждал, что «недостаток военного сотрудничества между странами — членами НАТО и Испанией оказывает отрицательное воздействие не только на безопасность Европы, но и на безопасность Соединенных Штатов».

Министр солидаризировался с предложениями Объединенного комитета начальников штабов, согласно которым:

«а) Соединенные Штаты должны немедленно выступить за прием Испании в НАТО;

б) независимо от того, станет ли Испания членом НАТО в недалеком будущем или нет, Соединенные Штаты должны выступить в НАТО за то, чтобы военным органам союза было разрешено установить связи с Испанией по военной линии и чтобы были предприняты необходимые политические шаги, позволяющие тем, кто планирует военную политику Соединенных Штатов, открыть диалог как можно быстрее с теми, кто планирует испанскую военную политику»³.

В итоге дискуссии, развернувшейся на заседании Совета национальной безопасности, которое проходило под председательством президента Трумэна, после детального обсуждения всех представленных проектов и поправок был одобрен документ, где впервые подробно излагалась политика постепенного втягивания Испании в военную орбиту США. Гриф «Совершенно секретно» был снят с этого документа, которому был присвоен номер 72/4, лишь в 1985 году, и, на наш взгляд, его текст заслуживает того, чтобы привести его полностью.

«ЗАЯВЛЕНИЕ О ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ ИСПАНИИ, ПРЕДЛОЖЕННОЕ СОВЕТОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

- I. Непосредственными целями политики Соединенных Штатов в отношении Испании должны быть следующие:
 - a. Срочно использовать военные возможности стратегического и географического положения Испании для общей защиты зоны НАТО. Все действия в этом направлении должны согласовываться с политическими соображениями.
 - b. Ориентировать планы использования Испании на общую оборону, а не на оборону Иберийского полуострова. Во всех дискуссиях американские официальные лица должны подчеркивать, что главная роль, предусмотренная для Испании, заключается в оказании поддержки общей политике обороны, а не освобождению Западной Европы.
 - c. Установить контакт с испанским правительством для получения таких возможностей, как базы для бомбардировщиков дальнего действия и для истребителей авиации, а также мест сосредоточения войск в прифронтовых районах. Мы должны также обратиться к испанскому правительству с просьбой о предоставлении баз для военно-морских операций.
 - d. Оказывать военную помощь Испании в той мере, в какой это соответствует целям, указанным в нижеследующем параграфе II. Все действия в этом направлении должны исходить из положения, согласно которому страны НАТО имеют право на первоочередное получение нашей помощи по различным действующим соглашениям. Через министерство обороны, используя соглашения о гражданской авиации, мы должны снабдить испанцев либо напрямую, либо через американские авиакомпании, действующие в Испании, как

можно большим количеством авианавигационных средств и иного электронного оборудования, которое испанское правительство попросило в июне прошлого года во время переговоров о продлении действия соглашения о гражданской авиации.

е. В области военного и военно-морского сотрудничества следует предусмотреть также:

- (1) завершение изучения военных потребностей и возможностей Испании;
- (2) взаимный обмен информацией;
- (3) консультации по вопросу об испанских оборонительных планах;
- (4) технические консультации по проблемам испанского военного и военно-морского производства и снабжения;
- (5) консультации и технические советы по вопросу об улучшении состояния испанских портов, дорог, железных дорог, телекоммуникаций и аэродромов.

Контакты с испанскими официальными лицами, предусмотренные данными рекомендациями, должны осуществляться в тесной координации между официальными представителями государственного департамента и министерства обороны.

ф. Оказывать испанцам помощь в улучшении их отношений со странами НАТО, имея в виду добиться готовности к сотрудничеству для осуществления целей НАТО.

г. Эта политика должна быть обсуждена с английским и французским правительствами, причем нам следует информировать их о нашем решении и в случае согласия относительно проведения совместной политики проинформировать постоянных представителей в Совете НАТО и постараться сформулировать общую линию НАТО в этом направлении.

II. Конечными целями политики США в отношении Испании являются:

а. Добиться быстрого присоединения Испании к НАТО. Хотя с политической точки зрения достижение этой цели в настоящее время нереалистично, нам следует подготовить почву для дискуссий с нашими союзниками по НАТО, особенно с англичанами и французами, с тем чтобы эта цель могла быть осуществлена.

б. Добиться в НАТО согласия по вопросу об участии Испании и вслед за этим начать дискуссии по данному вопросу с испанским правительством. Любая помощь Испании по программе военной помощи должна предоставляться на таких условиях, чтобы способствовать, а не препятствовать приему Испании в НАТО. Испанское правительство, несомненно, предпочло бы чисто двусторонние отношения с Соединенными Штатами, при которых Испания получала бы американскую помощь, а Соединенные Штаты получили бы некоторые права в Испании, причем эта страна не была бы связана какими-либо обязательствами в отношении обороны Западной Европы. Такого положения следует избежать, и помощь должна быть оказана лишь в том случае, если мы будем знать, что, предоставляя ее, способствуем продвижению Испании к членству в НАТО»⁴.

Приведенный текст примечателен во многих отношениях. На сей раз творцы внешней политики США не попытались оправдать избранный ими курс ссылками на «советскую угрозу». Правда, намеки на то, что действия Сое-

диненных Штатов и их союзников должны рассматриваться как «ответ» на агрессию каких-то не названных поименно внешних сил, сохранились в повторении слов «оборона» и «оборонительный» и в предписании американским официальным лицам «подчеркивать во всех дискуссиях», что Испания не будет участвовать в «освобождении Западной Европы». Но в целом документ, утвержденный президентом США и обращенный к нему же, был очищен от пропагандистской шелухи. Признавая «нереалистичность» попыток немедленно получить согласие Лондона и Парижа на многостороннее военное сотрудничество с Франко, Белый дом все же не отказался от этой цели в долгосрочной перспективе.

Документ № 72/4 свидетельствует о том, что не только американские генералы, но и высшее политическое руководство Соединенных Штатов считало ошибочной позицию своих ближайших друзей и союзников. Сколько бы ни возражали Англия и Франция, вовлечение Испании в НАТО провозглашалось «конечной целью» политики США в отношении этой страны.

Мы еще раз убеждаемся в том, что разногласия между дипломатами и генералами, делавшими погоду в Вашингтоне, касались не стратегии, а исключительно тактики. В главном, наиболее существенном и те и другие были согласны друг с другом (как, впрочем, и с президентом, а также с конгрессом США). Что касается отдельных частных расхождений во мнениях, то они устранялись «в тесной координации между представителями государственного департамента и министерства обороны».

И еще одно, последнее замечание.

Сегодня нам трудно согласиться с утверждением авторов документа, согласно которому Франко предпочитал двустороннее соглашение с Соединенными Штатами прямому участию в НАТО. Вероятнее всего, американские руководители были введены в заблуждение тем обстоятельством, что каудильо афишировал безразличие к членству в блоке. На деле, будучи реалистом, он сознавал, что западноевропейцы не могут согласиться на установление союзнических отношений с режимом, навязанным испанскому народу при поддержке Гитлера и Муссолини. Трезвый расчет вкупе с гипертрофированным национализмом не позволял диктатору идти к натовцам с протянутой рукой, которая так или иначе была бы отвергнута. И он делал хорошую мину при плохой игре.

Во исполнение директив Совета национальной безопас-

ности Стэнтон Гриффис, назначенный послом Соединенных Штатов в Испании, получил указание выяснить у генерала Франко, каково его отношение к военным проблемам Западной Европы. 12 и 13 февраля государственный департамент проинформировал правительства Англии и Франции о позиции Соединенных Штатов в вопросе о возможном использовании военного потенциала и стратегического положения Испании. А три дня спустя, 16 февраля, государственный секретарь выступил в сенате и в комиссии по военным делам палаты представителей конгресса США. Он выразил надежду на то, что «развитие отношений с Испанией пойдет по пути, близкому к подключению этой страны к обороне Западной Европы».

Получив информацию госдепартамента, английское и французское правительства выразили несогласие с идеей переговоров с каудильо. Как же отреагировали на это в Вашингтоне? «Когда стало ясно, что они не согласятся на такой шаг, — докладывал Совету национальной безопасности заместитель государственного секретаря США, — государственный департамент принял решение не задерживать осуществление действий, предусмотренных документом № 72/4, и 7 марта послу Гриффису было предписано приступить к зондажу позиции генерала Франко». Еще раз убедившись в невозможности протащить Испанию в военно-политический блок Запада «с порога», Соединенные Штаты решили взять курс на заключение двусторонних соглашений с этой страной. 14 марта американский посол в Мадриде встретился с каудильо и выложил все начистоту.

«Франко, — писал в докладе СНБ заместитель государственного секретаря США, — сказал, что прекрасно представляет обязательства, взятые на себя Соединенными Штатами по договору НАТО, и понимает, что для приема в Североатлантический пакт нового члена необходимо единогласное приглашение всех его участников. Он выразил сомнение в том, что подобное приглашение будет сделано Испании. Учитывая современную обстановку в мире, лучшим решением, по его мнению, было бы заключение прямого соглашения между США, Испанией и Португалией. «Если Соединенные Штаты предоставят Испании достаточную военную помощь, — сказал Франко, — она будет готова заключить с США соглашение, предусматривающее обязательства, идентичные тем, которые включены в договор НАТО». Таким образом Испания обязалась бы выполнять все положения этого договора, в том

числе и те, которые относятся к участию в боевых действиях между Советским Союзом и любым членом НАТО. “При любых обстоятельствах и независимо от существования каких-либо пактов, — добавил каудильо, — Испания, если она будет достаточно хорошо вооружена, послала бы свои войска воевать севернее Пиренеев”.

Как следует далее из доклада, «Франко заверил посла Гриффиса в том, что любой район в Испании или в ее владениях был бы немедленно предоставлен в распоряжение Соединенных Штатов для размещения там возможных военных, военно-воздушных или военно-морских баз при условии, что такие базы были бы созданы на совместной основе и были бы возвращены Испании по окончании войны». Каудильо соглашался пойти в военном сотрудничестве с США настолько далеко, насколько были готовы пойти сами Соединенные Штаты. Но он требовал уважения к себе и демонстрации хотя бы видимости равноправия⁵.

16 марта 1951 г. государственный департамент сообщил английскому и французскому посольствам в Вашингтоне о том, что, несмотря на возражения их правительств, контакт с каудильо был установлен. При этом, однако, как мы знаем теперь из рассекреченных документов Совета национальной безопасности, США скрыли от своих союзников высказывания Франко о создании баз на испанской территории.

В тот же день государственный департамент попросил министерство обороны США сформулировать свою позицию относительно желательности или, наоборот, нежелательности дальнейшего обсуждения вопроса о военном сотрудничестве с Испанией с представителями английских и французских вооруженных сил. Постоянному представителю США в Совете НАТО было дано указание проинформировать постоянных представителей других стран — членов союза о беседе Гриффиса с Франко в объеме информации, переданной англичанам и французам, то есть умолчать о той части беседы, которая касалась вопроса о базах.

Поворот официального Вашингтона к налаживанию все более тесного сотрудничества с франкистами не мог оставаться тайной в течение длительного периода, и правительство США решило само подготовить американскую и международную общественность к мысли о возможности и даже необходимости внесения изменений в прежний курс. 19 марта 1951 г. на пресс-конференции в столице

США было объявлено, что с назначением посла в Мадрид американо-испанские отношения вступили в «новую фазу» и что в будущем намечается провести переговоры военного характера. Была организована «утечка» информации, в результате которой газета «Нью-Йорк геральд трибюн», публикуя корреспонденцию о первом визите Гриффиса к Франко, смогла 20 марта 1951 г. сообщить, что во время первой встречи посла США с каудильо были затронуты и военные проблемы.

Средний американец не проявил по этому поводу никаких эмоций. Испания была от него очень далеко, и чаще всего он имел весьма смутное представление как о Франко, так и о его режиме. В Европе, напротив, известие о готовящемся сговоре с испанским диктатором вызвало резкие протесты. Там хорошо знали, что такое франкизм, и ни один ответственный политический деятель не решился бы открыто вступить в военное сотрудничество с каудильо.

27 июня 1951 г. Совет национальной безопасности направил президенту США еще один совершенно секретный документ о политике в отношении Испании. Этот документ в основном повторял положения, сформулированные в заявлении СНБ от 1 февраля. Однако он содержал и некоторые новые моменты.

Помимо чисто редакционной правки и некоторой структурной перестройки документа в него было включено важное положение: «Если решение вопроса о полном членстве Испании в НАТО будет задержано на непомерно долгое время, следует заключить с ней двустороннее соглашение о безопасности, которое включило бы Испанию (в западную военную систему. — А. К.) и в то же время не оказало бы отрицательного воздействия на перспективы быстрее вступления этой страны в НАТО».

Из заявления исчезло положение о необходимости подготовить почву для дискуссий с союзниками по НАТО. Судя по всему, Вашингтон разуверился в возможности получить в обозримом будущем согласие Англии и Франции на прямое вступление Испании в Североатлантический блок. В документе осталось лишь упоминание о необходимости обсудить с английским и французским правительствами политику двустороннего американо-испанского сотрудничества в военной области, информировать их о решении США и, если это окажется возможным, договориться о проведении совместной политики. Сохранилось и положение, согласно которому в случае выработки

общей политики Совет НАТО на уровне постоянных представителей должен быть проинформирован и должна быть сделана попытка сформулировать общую линию НАТО в этом вопросе.

Еще одним существенным нововведением стало решение усилить давление на Испанию в экономических вопросах с целью заставить ее следовать в фарватере американской политики. Действительно, если в заявлении, одобренном 1 февраля, предлагалось «оказать военную помощь Испании в той мере, в какой это соответствует целям, указанным в нижеследующем параграфе II», на сей раз эта оговорка была снята. Далее авторы документа вновь возвращались к этому вопросу, предлагая «предоставлять военную помощь и необходимую соответствующую экономическую помощь Испании постольку, поскольку это будет способствовать получению Соединенными Штатами и их союзниками стратегических материалов, пригодных для использования в их мобилизационных усилиях»⁶.

Новый текст был окончательно одобрен как «документ государственной политики» 28 июня 1951 г. и разослан узкому кругу лиц за номером 72/6 взамен предыдущего директивного документа № 72/4⁷.

Официальный Вашингтон торопился. Торопился настолько, что Трумэн не стал ждать появления окончательной редакции документа СНБ и дал своему послу в Мадриде Гриффису указание сообщить испанскому правительству о желании Соединенных Штатов возобновить дискуссию, начатую с Франко 14 марта. Указание президента было выполнено 25 июня. А вскоре Гриффис получил письменный ответ каудильо:

«Правительство Испании в принципе готово начать беседы по вопросам оборонительного военного характера».

Ближайшие союзники Соединенных Штатов по НАТО еще надеялись сдержать нетерпение Вашингтона. 29 июня английское правительство обратилось к американцам с просьбой не начинать дискуссию с Мадридом до тех пор, пока оно не сможет высказать им свою точку зрения по этим вопросам. Государственный департамент дал формальный ответ, обещав, что «будет сделано все возможное, чтобы принять английскую просьбу во внимание». Однако уже 6 июля английскому посольству в Вашингтоне было сообщено, что в связи со «срочной необходимостью осуществления политики в отношении Испании Соединенные

Штаты намерены возобновить в ближайшем будущем зондаж позиции испанского правительства».

9 и 10 июля к просьбе Англии присоединилась Франция. Французское правительство официально просило Соединенные Штаты «воздержаться от выступления с инициативой прямых контактов с испанским правительством». Париж уточнял, что его позиция продиктована «принципиальными соображениями».

10 июля английское правительство вновь сделало Вашингтону представление, в котором «протестовало против предполагаемого двустороннего решения вопроса о военных объектах» в Испании. Оно еще раз просило Вашингтон, чтобы подобная «политика была пересмотрена».

По словам некоторых исследователей, Трумэн колебался. Однако из очередного «промежуточного доклада» государственного департамента Совету национальной безопасности (совершенно секретный документ от 7 сентября 1951 г.) мы теперь знаем, что после консультации военных и дипломатов с президентом 11 июля было принято решение, невзирая на английские и французские возражения, направить в Испанию адмирала Шермана для того, чтобы начать предварительное обсуждение вопросов о размещении американских самолетов на испанских аэродромах и о праве пролета их через испанское воздушное пространство, а также общих вопросов использования испанских аэродромов и аэродромных служб и вопроса о праве на якорную стоянку военно-морских судов.

Ожидалось, что переговоры Шермана с испанцами в конечном итоге приведут к обсуждению вопроса о модернизации и использовании Соединенными Штатами военных баз на испанской территории. При этом в государственном департаменте отдавали себе отчет в том, что «обсуждение в настоящее время полной программы, предусмотренной планами Объединенного комитета начальников штабов, вне всякого сомнения, привело бы к выдвижению испанцами все новых требований военной и экономической помощи и это, по всей вероятности, увеличило бы трудности с Англией и Францией».

12 июля Соединенные Штаты дали Англии и Франции ответ, из которого следовало, что они не намерены считаться с просьбами своих союзников и продолжают дискуссию с франкистским правительством. А четыре дня спустя, 16 июля, адмирал Шерман и посол Гриффис встретились с Франко.

Шерман в общих чертах изложил позицию Соединенных Штатов, стремившихся получить военно-воздушные и военно-морские базы в Испании. Он упомянул о том, что США ожидают предоставления им особо льготных условий для полетов и пролетов через Испанию, Испанское Марокко и Канарские острова, а также права на якорную стоянку в этих трех зонах и на Балеарских островах. Адмирал сообщил испанскому диктатору, что Соединенные Штаты обдумывают вопрос о том, чтобы наладить военное сотрудничество с Испанией. Он обещал, что в случае согласия Франко на такое сотрудничество Трумэн обратится к конгрессу за разрешением оказать Испании помощь в модернизации аэродромов и соответствующих служб, а также в ее военных приготовлениях.

Франко в принципе согласился с позицией, изложенной Шерманом, добавив лишь, что Испания в таком случае хотела бы получить от Соединенных Штатов экономическую и военную помощь. Он сказал, что страна, предоставляющая подобные права другой стране, должна сама быть полностью готова к войне, ибо «использование американцами запрашиваемых ими прав неизбежно вовлечет Испанию в военные действия».

Визит адмирала Шермана был обставлен с большой помпой, и от внимания мировой и испанской общественности не укрылся тот факт, что высокопоставленный военный деятель из-за океана прибыл на испанскую землю в момент, когда франкисты отмечали 15-ю годовщину своей «революции». Не остался незамеченным и демонстративный жест американского правительства, которое запретило существование на территории США всех испанских республиканских организаций, обвинив их в «коммунистической деятельности».

Правительства Англии и Франции чувствовали себя оскорбленными. При всей готовности пойти на постепенное налаживание отношений с франкистским режимом они не могли не учитывать настроений своей общественности. В Лондоне и Париже были раздражены и тем, что американские власти не пожелали принять во внимание позицию союзников.

В докладе государственного департамента СНБ обо всем этом сказано довольно скупое: «После беседы адмирала Шермана с Франко английское и французское правительства публично отмежевались от подхода Соединенных Штатов к Испании в вопросах военного сотрудничества и заявили о несогласии с нашими действиями. Вслед за

этим испанский министр иностранных дел публично критиковал британское и французское правительства за неоправданное вмешательство в дела других стран»⁸.

Проводив Шермана и предвидя, что начинается новый этап в отношениях Испании с Западом, Франко провел очередную реорганизацию правительства. 19 июля 1951 г. он объявил о частичных переменах в его составе. Военным министром стал бывший командир «голубой дивизии» ярый антикоммунист генерал Муньос Грандес, министром иностранных дел остался Мартин Артахо.

После того как договоренность о размещении в Испании американских военных баз была достигнута в принципе, дискуссия приняла более конкретный, практический характер. Американцам не терпелось «осмотреть испанские авиационные и военно-морские базы и объекты и определить, какие усовершенствования необходимо осуществить, чтобы эти базы и объекты удовлетворяли требованиям, предъявляемым Соединенными Штатами». Именно с этой целью (как видно из памятной записки исполняющего обязанности государственного секретаря США исполнительному секретарю СНБ С. Лэю) в августе 1951 года в Испанию была направлена очередная американская военная миссия.

Миссия выполнила данное ей поручение. В докладе, представленном Объединенному комитету начальников штабов в ноябре 1951 года главой миссии генерал-майором Дж. Спрайем, указывалось, что ряд испанских аэродромов и портов может быть использован для удовлетворения военных потребностей Соединенных Штатов. На основании этого вывода правительство США решило «добиваться договоренностей с испанским правительством об использовании военных баз и объектов» на территории Испании. При этом оно учитывало, что конгресс ассигновал 100 млн. долл. (в июне 1952 г. эта сумма была увеличена до 125 млн.) для оказания экономической, технической и военной помощи Испании.

Американской делегации, которой предстояло обсудить с испанским правительством окончательный текст документов, были даны следующие директивы:

«а) соглашение о базах и соглашение об экономической и военной помощи должны быть заключены одновременно;

б) соглашение о базах должно позволить Соединенным Штатам: создать и использовать в Испании военно-воздушные базы, на которых в случае войны можно было бы развернуть 10 авиакрыльев и вспомогательных частей и подразделений, а в мирное время обеспе-

чить их чередование; построить и использовать разгрузочный пирс и выносную взлетно-посадочную полосу для морской авиации; получить право на якорную стоянку и использование портовых ремонтных сооружений;

с) экономическая техническая помощь, которую Соединенные Штаты предоставят Испании, должна стимулировать программу военного сотрудничества, компенсируя отрицательные последствия осуществления американской программы военного строительства для испанской экономики и способствуя развитию железных дорог, военной промышленности и программы капиталовложений;

д) значительная часть эквивалентного фонда в испанской валюте, образующегося в результате американской помощи, должна быть использована на покрытие местных расходов, связанных с осуществлением программы военного строительства, имея в виду, что расходы в долларах покрываются министерством обороны;

е) военная помощь, предоставляемая Испании, должна содействовать созданию и обороне баз и обеспечению боевой техникой, необходимой для военной подготовки»⁹.

23 марта 1952 г. испанцы встречали нового посла США Линкольна Маквига, который сменил Гриффиса. Четыре дня спустя он вручил каудильо верительные грамоты и условился с министром иностранных дел Испании о начале заключительного этапа переговоров. Для участия в них правительство США направило в Мадрид военную миссию во главе с генерал-майором О. Кисснером, а также экономическую группу во главе с Дж. Трейном.

Переговоры, однако, шли медленно. В Соединенных Штатах приближались очередные президентские выборы, исход которых был далеко не ясен, и для обеих партий — демократической и республиканской — проблема военного сотрудничества с Испанией на какое-то время отодвинулась на второй план. В Мадриде тоже ждали, кто возглавит американскую администрацию. Франко не скрывал недоверия к «масону» Трумэну и его окружению и делал ставку на победу республиканцев, считая, что они ближе ему по духу. Действительно, с приходом к власти в США республиканской администрации Дуайта Эйзенхауэра темп ведения переговоров ускорился. У Пентагона исчезла «необходимость оказывать давление на госдепартамент, так как в штабном мышлении генерала-президента, всегда придававшего особое значение созданию и укреплению НАТО, стратегическая роль Пиренейского полуострова была решающим аргументом в споре с противниками союза с франкистской Испанией»¹⁰. В годы второй мировой войны генерал Эйзенхауэр командовал американскими

войсками в Европе и храбро сражался с фашистами, теперь же ему предстояло вступить в союз с одним из наиболее одиозных режимов континента. Старый вояка оказался верным слугой тех сил, которые он сам определил как «военно-промышленный комплекс США».

Американские участники переговоров не вспоминали о делах «давно минувших дней», когда Франко и его камарилья, как могли, поддерживали Гитлера и Муссолини в их противоборстве со странами антигитлеровской коалиции. Франкисты, со своей стороны, также «забыли» о прежних привязанностях и не стеснялись своего прошлого. Как раз в это время одному из школьных комплексов в Гранаде присваивается имя «голубой дивизии». На следующий день газета «Арриба» выступает с восторженным комментарием: «Борцы «голубой дивизии» выдержали за эти одиннадцать лет две крупные битвы. Первая развернулась под Волховом, недалеко от Ленинграда, второй стала битва против забвения».

Все эти события происходили на фоне резкой активизации советской внешней политики после смерти Сталина. Весной 1953 года «Правда» публикует целую серию редакционных статей о приверженности СССР миру между народами. В Мадриде эти публикации вызывают нервность и беспокойство. Контролируемая испанским правительством пресса развертывает очередную антисоветскую кампанию. «Арриба» пишет 9 апреля: «Широкие маневры Москвы предвещают скорое начало войны». В аналогичном духе высказываются другие мадридские газеты. Их комментарии резко контрастируют с выступлениями большинства западных наблюдателей. Даже У. Черчилль отходит от старых штампов и говорит о возможности проведения конструктивных переговоров с Советским Союзом по наиболее острым международным вопросам (11 мая 1953 г.). И снова отрицательная реакция Мадрида не заставляет себя ждать: «Ветер, дующий из Лондона, — ветер капитуляции». Пять дней спустя, 16 мая, вернувшись с корриды, на которой он присутствовал вместе с президентом Португалии, Франко заявляет на торжественном обеде в честь своего гостя:

— Мы восстаем против идеи, согласно которой за непрочный мир можно платить постоянным рабством народов, оказавшихся беззащитными перед жестоким деспотизмом советских коммунистов¹¹.

Каудильо считает, что отныне может давать уроки «благонадежности» тем, кто продолжает стесняться откры-

той дружбы с ним: «своим» его признали окончательно президент США и папа римский. 1953 год стал, по выражению испанского историка Р. де ла Сиервы, годом «двойной победы Франко»¹². За несколько дней до подписания военных соглашений с Соединенными Штатами, 27 августа 1953 г., испанское правительство заключает конкордат с Ватиканом. Глава римско-католической церкви, не скрывавший в годы войны своего восхищения Гитлером и Муссолини, протягивает руку Франко. Правда, переговоры о конкордате были трудными и длились более двух лет (интересы обеих сторон совпадали не по всем вопросам). Но церковь, которая всегда пользовалась в Испании большим влиянием, не могла не оценить того факта, что особенно широкие возможности открылись перед ней именно после установления франкистского режима.

Многие статьи конкордата лишь закрепляли то, что давно существовало на практике. Католицизм провозглашался государственной религией. За церковным браком признавались все права гражданского. Обучение в школах и высших учебных заведениях ориентировалось на церковные догмы. Епископам предоставлялось право запрещать издание любых произведений, которые, по их мнению, противоречили вере. Религия объявлялась обязательным предметом и включалась во все школьные и университетские программы. Государство обязывалось субсидировать клир.

Главный же смысл соглашения заключался в официальном признании Святым престолом законности режима Франко, выдаче ему своего рода «сертификата респектабельности» в момент, когда большинство католиков Европы видели во франкизме одну из разновидностей фашизма. Действительно, испанским епископам предписывалось приносить присягу Франко. Текст присяги гласил:

«Перед лицом бога и святых евангелий клянусь и обещаю, как подобает епископу, хранить верность испанскому государству. Клянусь и обещаю уважать и обеспечивать уважение духовенства по отношению к главе испанского государства и правительству, созданному в соответствии с испанским законодательством». Каждый день во всех храмах Испании священники должны были молиться за каудильо.

Тем временем испано-американские переговоры шли с переменным успехом. Обе стороны нуждались в достижении соглашения. Однако каждая стремилась извлечь мак-

симум выгоды для себя. Наиболее острую дискуссию на переговорах вызвал вопрос о масштабах и характере американской помощи Испании. Испанская делегация настаивала, чтобы Соединенные Штаты обязались оказывать помощь Мадриду на регулярной основе, а также чтобы проблемы создания американских военных баз в Испании были увязаны с разработкой программ помощи.

К концу апреля 1953 года правительство США пришло к выводу, что никакие «дополнительные обсуждения не смогли бы изменить позицию Испании по существу в отношении помощи и вытекающих отсюда обязательств Соединенных Штатов». Новый американский посол в Мадриде Джеймс Данн, сменивший пробывшего недолго на этом посту Маквига, обсудив испанские требования с представителями гражданских и военных властей США, рекомендовал Совету национальной безопасности принять их за основу.

Трудность заключалась в том, что при подобном решении вопроса правительство США нуждалось в получении согласия конгресса, а конгрессмены отнюдь не были готовы к тому, чтобы пойти на предоставление помощи Испании в течение целого ряда лет. Белый дом мог рассчитывать лишь на 125 млн. долл., отпущенных ему на 1953 финансовый год, и в какой-то степени на 101 млн. долл. из новых фондов, запрошенных на 1954 финансовый год. Нужно же было 465 млн. долл. (для передачи Испании не безвозмездно, а в кредит).

Чтобы решить возникшую проблему, решено было воспользоваться процедурой «консультации с соответствующими комитетами конгресса», другими словами, — получить согласие нескольких конгрессменов и действовать, по существу, в обход всего конгресса в целом.

9 июля 1953 г. государственный секретарь США встретился с группой ведущих конгрессменов и условился с ними, что договоренность относительно создания военных баз США в Испании будет оформлена не в виде договора, который подлежал бы ратификации сенатом США, а как «исполнительное соглашение», не требующее санкции конгресса. Именно такой метод действий был рекомендован президенту США и одобрен им 15 июля 1953 г.¹³

Ко второй половине августа все нерешенные вопросы были урегулированы, и американская делегация получила указание подписать соглашения. С испанской стороны свою подпись под ними поставил министр иностранных дел А. Мартин Артахо, с американской — посол США в

Мадриде Дж. Данн. Церемония подписания состоялась в Мадриде 26 сентября 1953 г.

Соглашение об обороне, а также дополнения к нему и засекреченное техническое соглашение и технические графики заключались сроком на десять лет с двумя автоматическими продлениями на пять лет каждое в случае, если ни одна из сторон заблаговременно не уведомит другую о своем желании отказаться от достигнутых договоренностей.

Соединенные Штаты получали право создать и использовать для военных целей восемь аэродромов и две военно-морские базы в Испании, а также дополнительные базы и объекты по согласованию с испанской стороной. Было условлено, что прежде всего в распоряжение военно-воздушных сил США будут предоставлены аэродромы в Торрехоне (близ Мадрида), Эль-Коперо и Морон-де-ла-Фронтере (недалеко от Севильи), а также в Реусе (близ Таррагоны) и Роте (близ Кадиса). Там же, в районе Роты и в Картахене, могли быть созданы военно-морские базы США. Соглашение санкционировало создание и других объектов, включая военные склады и нефтепровод.

Военные базы и объекты подлежали совместному использованию и формально оставались под командованием испанцев. Однако оговаривалось, что Соединенные Штаты будут нести ответственность за оперативную эффективность баз, объектов и снаряжения и им будет предоставлена фактически полная юрисдикция над своими силами в Испании.

Минимум пять эскадрилий истребителей-перехватчиков и необходимый дополнительный военный персонал США могли быть размещены на аэродромах и военно-морских базах в мирное время. Американцы обещали свести к минимуму численность своего персонала, необходимого для функционирования военных баз и объектов. Однако никаких конкретных ограничений при этом не устанавливалось. Кроме того, Соединенным Штатам предоставлялось право разместить на военных базах и объектах части и подразделения военно-воздушных и военно-морских сил. Что касается возможного использования баз в условиях военного времени, то оно подчинялось следующим условиям и положениям, зафиксированным в секретных нотах, которыми обменялись стороны: «В случае явной коммунистической агрессии, создающей угрозу безопасности Запада, американские силы могут использовать указанные районы и объекты в качестве баз для своих операций против военных целей сообразно требованиям обстановки». При иных «чрезвычайных обстоятельствах» военные базы и объекты могли использоваться «по особой договоренности» между двумя сторонами.

При подписании соглашения посол вручил министру иностранных дел Испании конфиденциальное письмо, в котором говорилось о степени и масштабах обязательства Соединенных Штатов оказывать военную помощь Испании. В нем указывалось: «Что касается экономической, технической и военной помощи Испании, предусмотренной подписанными соглашениями, то я уполномочен информировать Ваше Превосходительство о том, что мое правительство намерено осуществить общую программу на сумму 465 млн. долл. в течение четырехлетнего периода при условии выделения ассигнований конгрессом».

Соглашение об экономической помощи с Испанией было аналогично соглашениям, заключенным Соединенными Штатами с другими странами — получателями помощи. В соответствии с этим документом Испания должна была внести свой вклад в создание «совместных» военных баз и объектов, используя 60 % эквивалентного фонда в наци-

ональной валюте (песетах), образующегося в результате американской военной помощи, на погашение расходов по сооружению баз.

Соглашение обязывало испанское правительство предоставлять Соединенным Штатам необходимые им сведения относительно состояния испанской экономики. Мадрид принимал обязательство предоставить целый ряд привилегий и льгот иностранному капиталу, снизить таможенные барьеры, установить льготную для американцев систему платежей и расчетов, облегчить закупку Соединенными Штатами в Испании материалов, в которых они могут нуждаться, девальвировать национальную валюту (песету) по отношению к доллару.

В засекреченном приложении устанавливался обменный курс для этого эквивалентного фонда (35 песет за 1 доллар). В соглашении указывалось, что в 1954 году Испания должна получить в порядке военной помощи 85 млн. долл.

Соглашение о взаимопомощи в целях обороны было аналогично соглашению, заключенным Соединенными Штатами с другими получателями военной помощи. Оно предусматривало предоставление Испании и Соединенными Штатами друг другу «оборудования, материалов, услуг и иных видов помощи». При этом оговаривалось, что Соединенные Штаты будут оказывать помощь в соответствии с положениями американского закона 1949 года о помощи в целях взаимной обороны и некоторых других законов США. Соединенные Штаты получали дополнительные льготы в контроле над испанской внешней торговлей и ряд других преимуществ.

В соответствии с соглашением в 1954 финансовом году Испания должна была получить от США военное и учебное имущество на сумму 141 млн. долл. В приложении, а также в нотах, которыми стороны обменялись при подписании соглашения и которые носили конфиденциальный характер, указывалось, что при этом Соединенные Штаты освобождаются от уплаты налогов.

Анализируя подписанные документы, исполняющий обязанности государственного секретаря США констатировал в памятной записке секретарю СНБ, что с заключением соглашений с Испанией можно было считать достигнутыми две первые цели, сформулированные в документе СНБ № 72/6 от 28 июня 1951 г. Действительно, указывалось в памятной записке, подписанные «соглашения предусматривают разработку программы совместного использования испанских авиационных и военно-морских баз и объектов и оказание необходимой экономической и военной помощи в поддержку программы военного сотрудничества. Эта программа, которая в полной мере использует выгодное географическое положение Испании, рассчитана на то, чтобы содействовать обеспечению обороны зоны НАТО».

В то же время автор памятной записки констатировал, что никакого или почти никакого прогресса не было достигнуто в решении таких вопросов, как улучшение отношений Испании со странами — членами НАТО и скорейшее включение Испании в эту организацию. Однако, добавлял он, «можно ожидать, что в конечном итоге установление более тесных отношений между США и Испанией в результате подписания соглашений не только укрепит боеготовность района, находящегося в зоне НАТО, но будет также содействовать постепенному улучшению отношений Испании с западноевропейским сообществом и в конечном итоге участию Испании в НАТО».

Международные наблюдатели обратили внимание на то обстоятельство, что ни по одному из соглашений 1953 года Соединенные Штаты не брали обязательства защищать Испанию в случае войны. В то же время Испания становилась своего рода плацдармом для

осуществления милитаристских планов Пентагона. Неравноправный характер соглашений был очевиден¹⁴.

Заключение соглашений с Соединенными Штатами подверглось резкой критике со стороны не только коммунистических, социалистических и республиканских эмигрантов, но и представителей самых различных политических кругов в Испании, включая тех сторонников франкистского режима, которые выступали за сохранение верности традиционной политике нейтралитета. В то же время значительная часть национальной буржуазии приветствовала соглашения. Эти соглашения оценивались ею как реальная возможность вывести страну из международной изоляции.

VI

БЛОКОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Вслед за созданием Североатлантического союза Соединенные Штаты приступили к сколачиванию целого ряда новых военно-политических блоков в других географических регионах. Так, в 1951 году в Сан-Франциско был подписан Тихоокеанский пакт безопасности, который положил начало деятельности блока АНЗЮС. В него вошли Австралия, Новая Зеландия и США. Политика этой агрессивной группировки была направлена против социалистических стран и национально-освободительных движений в Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана.

В том же 1951 году родилась Организация центральноамериканских государств (ОЦАГ), объединившая Гватемалу, Гондурас, Коста-Рику, Никарагуа и Сальвадор. Три страны — участницы этой организации (Гватемала, Гондурас и Никарагуа) были связаны с США двусторонними военными соглашениями. Соединенные Штаты стремились придать ОЦАГ в целом характер агрессивного антикоммунистического военного блока.

8 сентября 1954 г. США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Пакистан и Филиппины подписали договор о создании в Юго-Восточной Азии еще одного блока — СЕАТО. Под флагом СЕАТО Соединенные Штаты неоднократно вмешивались во внутренние дела азиатских стран, в частности Вьетнама, до тех пор пока блок не прекратил своего существования в 1977 году.

В 1955 году была образована Организация центрального договора (СЕНТО), к которой примкнули Англия, Турция, Иран, Ирак и Пакистан. До выхода Ирака из СЕНТО (в 1958 г.) организация была известна под названием «Багдадский пакт». Соединенные Штаты, не будучи формально членом этого блока, где они имели статус наблюда-

теля, тем не менее активно участвовали в его деятельности и являлись его фактическим руководителем.

После того как планы немедленного вступления Испании в Североатлантический союз оказались неосуществимыми, в Мадриде начали всерьез обсуждать перспективы создания группировок стран Средиземноморья. Упор при этом делался на ту роль, которую должна была играть в новом объединении Испания. Как заявил в феврале 1956 года генеральный директор испанского информационного агентства ЭФЭ Апарисио, будущий «Средиземноморский пакт» должен был объединить все страны бассейна Средиземного моря, готовые отстаивать общие цели. По утверждению Апарисио, приоритет в выдвижении этой идеи принадлежал правительству Испании, которое пришло к выводу о целесообразности создания подобного объединения после поездки министра иностранных дел Мартина Артахо по арабским странам Ближнего Востока в 1953 году.

«Политика Франко, — писала по этому поводу лондонская «Таймс», — основана на уверенности в том, что сама история предназначила Испании быть мостом и посредником между христианским и мусульманским миром».

Советский Союз противопоставлял курсу на создание замкнутых военно-политических группировок идеи коллективной безопасности и сотрудничества государств с различным строем. В начале 1954 года по инициативе СССР в Берлине было проведено совещание министров иностранных дел Советского Союза, США, Англии и Франции. На рассмотрение участников совещания был представлен советский проект «Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе». СССР предлагал, чтобы европейские государства взяли на себя обязательства «воздерживаться от всякого нападения друг на друга, равно как воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения и в соответствии с Уставом ООН разрешать все споры, которые могут возникнуть между ними, мирными средствами таким образом, чтобы не ставить под угрозу международный мир и безопасность в Европе».

Совещание, однако, окончилось безрезультатно. Мирные инициативы Советского Союза были отвергнуты западными державами, которые к тому моменту взяли курс на перевооружение Западной Германии и использование ее в своих военно-стратегических планах, на прямое включение в НАТО. Речь шла о срыве решений, принятых на Берлинской (Потсдамской) конференции, и о еще боль-

шем раздувании «холодной войны» против СССР и других социалистических государств.

Усиление военной опасности в Европе, особенно в связи с курсом НАТО на ремилитаризацию ФРГ, а также отказом западных держав от предложения о создании системы коллективной безопасности в Европе, побудило европейские социалистические государства создать собственный военно-политический оборонительный союз. В мае 1955 года, сразу же после того, как ФРГ была принята в НАТО, в Варшаве был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Албанией*, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией.

Государства — участники Варшавского Договора заявили, что стремятся к созданию системы коллективной безопасности в Европе, проведению активной политики обеспечения мира и безопасности, углубления дружбы, сотрудничества и взаимной помощи между народами в соответствии с принципами уважения независимости и суверенитета государств. Для взаимных консультаций и рассмотрения вопросов, возникающих в связи с осуществлением Варшавского Договора, был создан Политический консультативный комитет (ПКК).

Активизировалась и деятельность СССР в Организации Объединенных Наций. Советский Союз настойчиво выступал за универсальность ООН. В соответствии с этим принципом членами организации могут быть любые государства, независимо от политического и социального строя, если они принимают и соблюдают положения Устава. К середине 50-х годов о своем желании стать членом ООН заявило несколько стран, однако западные державы воспротивились приему в организацию государств, вступивших на путь социалистического развития. СССР, со своей стороны, решительно отверг предложения о приеме лишь тех стран, против которых не возражали США и их союзники по НАТО.

В конечном итоге было решено, как это предлагал Советский Союз, допустить в ООН все государства, которые обратились с соответствующей просьбой. Именно на такой основе в декабре 1955 года был урегулирован вопрос об одновременном приеме 16 государств, принад-

* С 1962 года Албания прекратила участие в работе органов Варшавского Договора, а в 1968 году вышла из него.

лежавших к разным социальным системам. В списке новых членов организации значилась и Испания.

К этому моменту практически все иностранные государства, поддерживавшие дипломатические отношения с Испанией, уже вернули своих послов в Мадрид. Не хватало лишь бельгийского. Правительство Бельгии было готово последовать примеру других западных держав, когда 8 декабря 1954 г. на торжествах, устроенных франкистами в мэрии Мадрида в честь ветеранов «голубой дивизии», вместе с членом правительства Р. Фернандесом Куэстой появился бельгийский военный преступник Дегрель, бежавший в Испанию в конце второй мировой войны. Фотография, на которой они были запечатлены рядом друг с другом, обошла всю мировую печать, и бельгийцы потребовали выдачи человека, обогрившего руки кровью бельгийских патриотов. Франко, как и следовало ожидать, отказался удовлетворить это требование.

15 декабря 1955 г. генерал Франко Сальгадо-Араухо записывает в своем дневнике:

«Когда мы с каудильо направлялись в машине на церемонию вручения верительных грамот новым послом Аргентины, разговор зашел о приеме Испании в ООН. Я поздравил Франко с этим событием, однако он сделал вид, что относится к нему равнодушно, как если бы речь шла о малозначительном факте. Однако я-то знаю, и очень хорошо, насколько он был рад этому дипломатическому успеху. «Мне не понравилось, — сказал каудильо, — что Бельгия воздержалась от голосования». «Не было ли причиной такой антипатии дело Дегреля?» — спросил я его. «Не думаю, — услышал в ответ. — Просто-напросто бельгийское правительство подчиняется указаниям масонов и социалистов, которые заставляют его вести себя подобным образом... Я не слишком верю в действенность ООН, однако во всяком случае хорошо, что государства встречаются и обсуждают вопросы, по которым у них возникают разногласия»»¹.

Членство в Организации Объединенных Наций рассматривалось испанским диктатором как одно из средств выхода из дипломатической изоляции и некое признание «законности» его режима. На деле же очень скоро стало ясно, что круг его друзей в ООН крайне узок. От контактов с франкистами уклонялись даже многие из тех, кто волею судеб оказался в орбите Вашингтона.

Особенно неуютно представители Испании чувствовали себя при обсуждении мирных инициатив СССР и других

социалистических государств, которые настойчиво добивались преодоления раскола мира на противостоящие военно-политические группировки.

На XI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1956 году Советский Союз выдвинул план, предусматривавший: сокращение в течение двух лет вооруженных сил пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности до согласованных уровней; запрещение атомного и водородного оружия с немедленным прекращением его испытаний; ликвидацию иностранных военных баз на территории других государств; сокращение военных расходов и установление эффективного международного контроля над разоружением. Представители Запада ответили, что сначала необходимо осуществить более ограниченную программу разоружения. Советский Союз согласился с этой идеей и в 1957 году внес предложение о частичных мерах по разоружению. И снова Соединенные Штаты и их союзники, в том числе Испания, пошли на попятную.

Демонстрируя свою добрую волю и стремление к снижению международной напряженности, Советский Союз принял целый ряд мер в одностороннем порядке. В 1955 году были ликвидированы советские военные базы в Порккала-Удде (в Финляндии) и Порт-Артуре (в Китае). В 1956 году была сокращена численность Советских Вооруженных Сил, размещенных на территории ГДР и Венгрии, полностью выведены советские войска из Румынии, находившиеся там в соответствии с Варшавским Договором. Во второй половине 50-х годов Советский Союз и другие государства Варшавского Договора значительно сократили свои вооруженные силы.

Наконец, в 1959 году СССР внес на рассмотрение XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН программу всеобщего и полного разоружения. В соответствии с этой программой предусматривалось осуществить роспуск всех вооруженных сил, уничтожение всех видов вооружений, включая ядерное и ракетное, отмену военной службы в любых формах, упразднение военных министерств и других военных организаций, прекращение отпуска средств на военные цели. В распоряжении государств остались бы лишь ограниченные контингенты полиции (милиции) с легким стрелковым оружием для поддержания внутреннего порядка и защиты личной безопасности граждан. Контролировать выполнение этих мероприятий должен был специальный орган из представителей всех государств. Западные державы отклонили все эти предложения как

«утопические». Однако они были вынуждены включиться в дискуссию, которая охватила все мировое сообщество.

— Россия проводит очень умную политику, — заявил Франко своему родственнику 28 ноября 1957 г. — И это меня тревожит... Гибкая политика России не дает мне спать и вызывает самые большие опасения.

Позднее, 5 ноября 1959 г., он вернулся к той же теме, но уже оценивая результаты деятельности своей делегации:

— Мы тратим в ООН кучу денег на пропаганду и не достигаем ровным счетом никакого политического эффекта².

Между тем и Франко, и его американские покровители, спекулируя на раздуваемых ими же страхах перед «советской угрозой», афишировали свое сближение, рекламировали дружбу, основанную на взаимной ненависти к СССР и другим социалистическим странам.

В 1954 году на пост посла Испании в Вашингтоне был назначен Х. М. де Арейльса. В мемуарах, опубликованных 30 лет спустя, он сообщает, что получил от Франко инструкцию установить личный контакт с президентом Эйзенхауэром. Арейльса восхищается «государственной мудростью» тогдашнего президента США, а заодно и государственного секретаря Джона Фостера Даллеса, подчеркивая, что они неоднократно высказывались в пользу установления более тесных отношений с франкистской Испанией³.

Франко Сальгадо-Араухо красноречиво описал в своем дневнике атмосферу, царившую тогда в Вашингтоне. Он находился в США, когда туда прибыл с визитом военный министр Испании генерал Муньос Грандес, воевавший в годы второй мировой войны на советско-германском фронте. Министр явился на встречу с американскими журналистами в форме, которую носил, когда служил в «голубой дивизии», увешанный гитлеровскими наградами. Явно рисуясь, Муньос Грандес заявил корреспондентам: «Перед вами — военный преступник, который к тому же не утратил своего восхищения Германией». По свидетельству автора дневника, подобное заявление шокировало даже выдавших виды дипломатов — сотрудников испанского посольства в Вашингтоне. Однако американская пресса, которая к тому времени уже перестроилась на антисоветский, антикоммунистический лад, встретила эту выходку как нечто само собой разумеющееся⁴.

Правительство США шло по пути быстрого развития военного сотрудничества с режимом Франко. В январе

1954 года оно определило структуру американского военного присутствия в Испании. Было решено разместить в Мадриде Объединенную военную группу (ОВГ) и Консультативную группу военной помощи (КГВП)⁵. Во главе обеих групп был поставлен один офицер, задача которого заключалась в том, чтобы «обеспечить единую точку контакта для американских военных программ в отношениях с представителями испанского правительства». Общее руководство американским военным персоналом в Испании возлагалось — от имени министра обороны США — на министра авиации.

В соответствии с секретной инструкцией, подписанной начальником штаба ВВС США генералом Н. Ф. Туайнингом, руководству ОВГ поручалось:

- координировать составление и осуществление подробных планов, вытекающих из утвержденных вышестоящими органами США требований военного характера;

- проводить — под общим руководством посла США — переговоры для доработки технических программ, составление которых не было завершено к моменту подписания соглашений 1953 года;

- координировать решение военных вопросов, связанных с материально-техническим и административным обеспечением американского военного персонала в Испании;

- проводить в жизнь согласованную программу военного строительства в Испании, избегая дублирования усилий различных видов вооруженных сил, строго в соответствии с утвержденными планами;

- следить за тем, чтобы критерии и стандарты строительства соответствовали политике министерства обороны, а заключаемые контракты — правилам закупок, действующим в вооруженных силах США.

Начальник ОВГ должен был передавать информацию, затрагивавшую внешнеполитические интересы США и представлявшую особую ценность в контексте американо-испанских отношений, послу США как личному представителю президента и старшему должностному лицу американского государства в Испании. За ним оставлялось, однако, право поддерживать прямые контакты с командующим вооруженными силами США в Европе, командующим военно-морскими силами США в Восточной Атлантике и на Средиземном море, командующим ВВС США в Европе, командующим сухопутными войсками США в Европе, а также со стратегическим авиационным командованием США. В обязанности ему вменялось следить за тем, чтобы ни один сотрудник ОВГ не брал каких-либо обязательств перед правительством Испании. Строжайше запрещалось давать испанцам «несанкционированные» консультации стратегического характера.

В отдельном пункте директив подчеркивалось, что, хотя

«ОВГ не является разведывательным ведомством, военнослужащие, приписанные к ней, несут ту же ответственность, что и другие военнослужащие вооруженных сил, за сбор информации, которая затрагивает или может затрагивать безопасность и жизненные интересы Соединенных Штатов». «Как правило, — указывалось в документе, — разведывательная информация передается через военного, военно-морского и военно-воздушного атташе США в Испании».

Консультативной группе военной помощи вменялось в обязанность:

- предоставлять послу США как главе дипломатического представительства консультации по военным вопросам, давая ему советы, необходимые для осуществления общего руководства программой обеспечения взаимной безопасности;

- координировать осуществление программы обеспечения взаимной безопасности с другими американскими ведомствами, действующими в Испании;

- оказывать испанскому правительству помощь в подготовке запросов о предоставлении помощи в целях взаимной безопасности;

- постоянно анализировать планы военных поставок, сопоставляя их с военными потребностями Испании;

- отменять или задерживать поставки в тех случаях, когда предоставляемая вооруженным силам Испании техника не может найти немедленного применения «с пользой для дела»;

- принимать поступающие из США американские материалы и передавать их в распоряжение Испании;

- консультировать испанское правительство в отношении номенклатуры, применения и ремонта предоставляемого или планируемого к поставке оборудования;

- оказывать испанским вооруженным силам консультативную, техническую, организационную и административную помощь «в соответствии с доктриной США»;

- оказывать испанским вооруженным силам помощь в подготовке кадров в военно-учебных заведениях США как на территории Соединенных Штатов, так и за рубежом;

- ежемесячно докладывать руководству о ходе осуществления программ, об использовании и обслуживании поставляемой Соединенными Штатами техники, о подготовке кадров для вооруженных сил Испании и о том, как используются выпускники военно-учебных заведений США.

Членам КГВП, как и сотрудникам ОВГ, запрещалось предоставлять испанцам какие-либо военные консультации стратегического характера без санкции вышестоящих военных органов США. В то же время им также вменялось в обязанность передавать своему руководству информацию, которая «затрагивает или может затрагивать безопас-

ность и жизненные интересы Соединенных Штатов». Как правило, такого рода разведывательная информация должна была передаваться через военного, военно-морского и военно-воздушного атташе США в Испании.

В заключительной части инструкции указывалось, что численный состав КГВП должен был определяться министерством обороны и государственным департаментом США в рамках их договоренности об общей численности американского персонала в Испании⁶.

30 ноября 1954 г. Франко принял американского адмирала Карнеги. Состоявшаяся между ними беседа касалась развития военного сотрудничества в свете соглашений, заключенных годом раньше. После беседы диктатор поделился впечатлениями о ней со своим родственником. Судя по высказываниям Франко, адмирал убедил его во всемогуществе США. Однако каудильо продолжал опасаться «внутренних врагов» — рабочих, коммунистов, тех, против кого он воевал в годы гражданской войны и кто, по его убеждению, был готов выступить под прежними лозунгами при первой же возможности.

«Степень готовности американцев к войне очень высока. Идеальным для нас было бы получить от них все необходимое, чтобы наш флот стал максимально эффективным. В случае войны придется считаться с возможностью саботажа и других враждебных акций, как это случается в большинстве портов мира, где рабочие поддерживают коммунистов. Надо все это хорошенько продумать, чтобы мы не были застигнуты врасплох»⁷.

Правда, войны как таковой Франко не боялся и был готов принести в жертву свой народ, который, по его мнению, не очень-то привязан к жизни. 28 мая 1955 г. Франко Сальгадо-Араухо записывает в своем дневнике:

«Сегодня, встретившись с каудильо, я показал ему аппарат, который мне привезли из Америки. Этот аппарат определяет радиоактивность человека, попавшего в зону заражения радиоактивными частицами вследствие атомного взрыва. Аппарат ему очень понравился, однако он счел его слишком дорогим для Испании. Продолжая разговор, мы вспомнили о том, что многие иностранцы, и в частности англичане, считают «слишком оптимистической» позицию Испании в связи с возможностью мировой войны, а также о том, что в большинстве европейских и североамериканских стран люди живут со страхом перед войной.

Каудильо сказал:

— Мы, в Испании, фаталисты, меньше привязаны к

жизни и более религиозны. По нашему мнению, война — это всего лишь одно из многочисленных бедствий, которые могут выпасть на долю человека. И точно так же, как в повседневной жизни мы не думаем о том, что на нас самих или на наших детей может в любой момент обрушиться болезнь, способная причинить нам боль или даже вызвать смерть, не озабочены мы и третьей мировой войной, которую встретили бы со всей энергией и решимостью»⁸.

Испанское правительство согласилось с представленным ему министром обороны США (по рекомендации Объединенного комитета начальников штабов от 17 марта 1955 г.) планом наращивания вооруженных сил Испании.

После этого Объединенный комитет начальников штабов по поручению министра обороны США вновь изучил проблему использования испанской армии в увязке с военными усилиями Западной Европы. Его заключение гласило:

«1. С военной точки зрения желательно начать планирование с испанцами использования их вооруженных сил в общей обороне Западной Европы.

2. Чтобы быть эффективным, такое планирование должно осуществляться в рамках Североатлантического союза. Однако в настоящее время это невозможно, так как Испания не является членом НАТО и любые предложения о проведении дискуссии на военном уровне с участием испанских и натовских представителей натолкнулись бы на политическую оппозицию, по крайней мере со стороны французов и англичан.

3. Планирование с участием испанских и американских военных руководителей в Европе, основанное на предположении о выполнении Испанией ограниченной и непрямой роли в обороне Западной Европы (т. е. в защите Иберийского полуострова), желательно и возможно. Такое планирование не должно привести к ознакомлению испанцев с американскими проектами ведения войны. Но оно поможет испанцам в планировании обороны Иберийского полуострова и приведет к пониманию ими значения этой роли в общей обороне»⁹.

В ноябре 1955 года министерство обороны США информировало госдепартамент и свои службы о том, что Объединенный комитет начальников штабов рекомендовал включить в программы помощи испанским вооруженным силам:

1. Противовоздушные силы (радарные установки, самолеты-перехватчики, зенитную артиллерию) для защиты (1) воздушных баз, (2) военно-морских баз и (3) основных правительственных центров, центров связи и промышленных центров.

2. Наземные силы, которые должны быть размещены на Пиренеях сразу же после начала боевых действий и будут оказывать помощь осуществлению военных планов США.

3. Военно-морские силы (борьба с подводными лодками, принятие мер против минирования, обеспечение защиты военно-морских баз, портов и кораблей каботажного плавания).

4. Наземные силы, защищающие важнейшие районы от воздушных десантов противника¹⁰.

В предварительном порядке был определен список возможных военных баз США на испанской территории. В соответствующем документе Объединенного комитета начальников штабов США говорилось:

«Военно-воздушная база Мадрид—Торрехон должна быть приспособлена для размещения как минимум одного полка стратегической разведывательной авиации, одной эскадрильи перехватчиков, штаба одной авиационной дивизии и служб военно-транспортной авиации.

Военно-воздушная база Эль-Коперо должна быть приспособлена для размещения как минимум одного полка средних бомбардировщиков, а также для складских помещений.

Военно-воздушная база Морен-де-ла-Фронтера должна быть приспособлена для размещения как минимум одного полка средних бомбардировщиков.

Военно-воздушная база Сарагоса — Санхурхо — Валенсуэла должна быть приспособлена для размещения как минимум двух полков стратегической истребительной авиации.

Военно-воздушная база Мундатас — Орреус должна быть приспособлена для размещения как минимум одной эскадрильи перехватчиков.

Военно-воздушная база Лос-Логльянос должна быть приспособлена для размещения как минимум двух полков средних бомбардировщиков.

Военно-воздушная база Лос-Паласиос должна быть приспособлена для размещения как минимум двух полков средних бомбардировщиков.

Вспомогательные авиабазы Алькала и Сан-Пабло должны быть приспособлены для размещения частей, которые будут определены по взаимному соглашению.

Матагорда — пирс и возможности для вылета самолетов.

Рота — воздушная база военно-морских сил и другие объекты.

Военно-морские силы должны обладать возможностью разместить новые или расширить существующие склады в следующих местах: Сан-Кристобале, Махоне, Картахене, Соллере, Эль-Ферроле, Тарифе, Пальме».

Далее следовал дополнительный список второстепенных военных объектов¹¹.

Франко ждал, что в обмен на ту готовность, с которой он отдавал испанскую землю в распоряжение американских генералов и адмиралов, Белый дом окажет ему наконец особые знаки внимания. Диктатору не терпелось увидеть фотографию, где он красовался бы рядом с президентом самой мощной державы Запада. Каудильо мечтал попасть в столицу Соединенных Штатов и требовал от своего посла ускорить подготовку визита. Тот, казалось, был близок к решению поставленной перед ним задачи.

4 февраля 1955 г. генерал Франко Сальгадо-Араухо записывает в своем дневнике: «Сегодня моими гостями за обедом были посол Арейльса и бывший мэр Мадрида Хосе Морено Торрес. Арейльса излучал оптимизм. Он был преисполнен энергии и говорил, что планирует сделать

в Вашингтоне очень многое. Он сказал мне, в частности, что намерен создать там благоприятную обстановку для того, чтобы Франко смог приехать и поприветствовать Эйзенхауэра, и что тот уже выразил ему на словах желание лично познакомиться с каудильо. Я заметил, что мне эта встреча кажется преждевременной и что у Испании и Франко в Соединенных Штатах немало врагов»¹².

Генерал разобрался в обстановке явно лучше, чем дипломат. Он понял, что американским властям придется в той или иной мере учитывать настроения противников франкизма. Что касается Арейльсы, то он обратил внимание лишь на одно — «согласие правительства в Вашингтоне с идеологическим профилем франкистской системы в диалектике холодной войны»¹³.

Так или иначе, пересечь океан диктатору Испании — ни тогда, ни позже — не удалось. Зато в ноябре 1955 года в Мадриде побывал государственный секретарь США Дж. Даллес. Ярый антикоммунист, глашатай политики «с позиции силы», он сыграл большую роль в укреплении военно-политических связей между США и франкистской Испанией и стал первым руководителем американского внешнеполитического ведомства, посетившим Мадрид после установления фашистской диктатуры в Испании. Даллес встретился с каудильо и заверил его, что франкистский режим и впредь может рассчитывать на самую широкую поддержку заокеанской державы.

2 ноября 1955 г. генерал Франко Сальгадо-Араухо делает следующую запись: «Я видел, как Джон Фостер Даллес вошел в кабинет Франко. Он широко улыбался и, подойдя к каудильо, горячо приветствовал его, долго пожимая ему руку. Мне показалось, что Франко не терпелось начать беседу, и он дал государственному секретарю США лишь немного времени для представления сопровождающих лиц. Даллес произнес несколько слов по-испански. Я не смог их услышать, но, судя по всему, они были весьма приятными, потому что присутствующие заулыбались. Затем государственный секретарь направился в министерство иностранных дел. Его супруга уже ожидала его на балконе, и на ее лице отразилось удовольствие, когда она увидела, как ее мужу аплодируют. Сердечная атмосфера царила и на обеде, который был дан в честь американского гостя».

«Какой прекрасный день для Испании, особенно для Франко, — умилялся генерал. — Сам государственный секретарь Соединенных Штатов приезжает в Мадрид из

Женева на несколько часов, чтобы побеседовать с каудильо!»

На листке дневника, помеченном 3 ноября 1955 г., автор сообщает, что для встречи с высокопоставленным визитером из-за океана Франко прервал (неслыханное дело!) свою двухнедельную поездку в имение графа Руисеньяды, где охотился на диких зверей в сопровождении толпы министров¹⁴.

Несколько месяцев спустя, в апреле 1956 года, ответный визит в США нанес министр иностранных дел Испании Мартин Артахо. Поездка в Вашингтон самого каудильо снова откладывалась.

По мере развития отношений между Испанией и США наряду с чисто военными аспектами сотрудничества двух стран на одно из первых мест стали выдвигаться проблемы экономического характера. В июне 1956 года, посетив барселонскую ярмарку, посол США в Испании Дж. Лодж обратился к представителям деловых кругов страны с речью, значение которой было отмечено всей местной печатью.

— Я убежден в том, что Испания найдет способ устранить те препятствия, которые мешают доступу иностранных капиталов, способных сыграть полезную роль, — заявил он. — Если будут приняты меры по либерализации экономики, американский капитал сможет оказать эффективную помощь испанскому капиталу в деле экономического развития страны¹⁵.

Слова посла США были восприняты испанскими руководителями как призыв отказаться от автаркии и вступить на путь, общий для всех развитых капиталистических стран. Именно такой линии придерживались и представители наиболее динамичной части испанской крупной буржуазии, чьи взгляды в значительной степени совпадали с позицией религиозно-политической организации «Опус деи» («Божье дело»).

«Опус деи» была создана в Испании в 1928 году. Ее основатель священник Хосе Мария Эскрива де Балагер (1902—1975) видел в своем детище кузницу кадров для церкви и государства. Высшее руководство римско-католической церкви долго присматривалось к деятельности нового религиозного общества, прежде чем признало в 1941 году официальный церковный статус организации. С 1947 года центр «Опус деи» был переведен в Рим¹⁶.

В июле 1985 года в Италии вышла книга, вызвавшая настоящую сенсацию. Автор — итальянский священник

Джанкарло Рокка рассказал об истории этой организации с 1934 по 1983 год на основе анализа 53 архивных документов¹⁷. «Опус деи» (свыше 70 тыс. членов более чем в 500 епархиях разных стран) никогда не признавала, что стремится к получению государственных постов и других должностей, обеспечивающих политическую и экономическую власть. На 230 страницах своей книги священник из Милана доказывает обратное. Вступая в члены организации, опусдеисты дают клятву, что будут советоваться со своим духовным наставником по всем мало-мальски серьезным вопросам, касающимся выполнения ими своих профессиональных обязанностей или других проблем. Они не имеют права сообщать даже самым ближайшим родственникам о том, что являются членами «Опус деи». Статья 6 «Основных уставных положений 1950 года» запрещает носить отличительные знаки и предписывает вести себя осторожно с посторонними, действовать «скромно, не бросаясь в глаза». В следующей статье говорится, что, хотя у «Опус деи» нет особой формы внешней коллективной деятельности, она действует через своих членов, «которые занимают государственные посты», или «через законно созданные ассоциации». Эти ассоциации, указывается в ст. 9, называются «вспомогательными обществами» и подчиняются «власти руководящих деятелей института».

Как отмечал советский ватиканист член-корреспондент Академии наук СССР И. Р. Григулевич, «“Опус деи” своей разносторонней и всегда тайной деятельностью напоминает одновременно иезуитский орден, масонскую ложу и ЦРУ»¹⁸. Но несмотря на секретность, окружающую все, что связано с этой организацией, имена многих ее членов стали достоянием гласности.

В декабре 1956 года Франко вводит в состав своей руководящей группы влиятельного опусдеиста Лауреано Лопеса Родо, который в первый момент занимает внешне скромный пост технического секретаря президиума правительства. А два месяца спустя, в феврале 1957 года, Франко производит очередную перетасовку всего состава кабинета.

Командуют в правительстве по-прежнему военные. На пост министра внутренних дел назначается генерал Алонсо Вега, друг детства каудильо. Военным министром вместо неумеренно тщеславного Муньоса Грандеса становится генерал Барросо. В качестве министра иностранных дел в правительство входит член организации «Католическое

действие» Фернандо Мария Кастиэлья. Но главной особенностью нового кабинета является то, что впервые в него включаются технократы, связанные с «Опус деи». Это — министр торговли Альберто Ульястрес и министр финансов Мариано Наварро Рубио.

После первого же заседания нового правительства его официальный представитель сообщает на пресс-конференции, что оно хочет «обеспечить в ближайшее время большую свободу внешней торговли». А несколько дней спустя, 1 марта, министр промышленности Планель заявляет: «Задача двигать вперед индустриализацию Испании возлагается в первую очередь на частную инициативу». Власти пришли к выводу, что им следует отказаться от практиковавшейся доселе политики государственного дирижизма в экономике.

В декабре 1957 года Дж. Даллес посетил Мадрид во второй раз. Франкисты встретили его как лучшего друга. Когда самолет ВВС, на борту которого путешествовал государственный секретарь США, приземлился на только что оборудованной американской военной базе в Торрехоне, недалеко от Мадрида, его ожидала когорта испанских министров. Приняв парад почетного караула, Даллес, отвечая на приветствие министра иностранных дел Испании Кастиэльи, изрек:

— Сегодня я приземлился на одной из новых баз, которые мы построили здесь для совместного использования. Этот факт глубоко символичен. Он свидетельствует о тесном характере взаимоотношений между нашими двумя странами и о нашей решимости совместно защищать нашу независимость и западную цивилизацию от угрозы материалистического и атеистического деспотизма¹⁹.

Советское правительство отреагировало на визит Даллеса нотой правительству Испании, в которой говорилось: «Хотя Испания не является членом НАТО, однако она имеет военные соглашения с США, которые связывают ее с Североатлантическим блоком. В соответствии с этими соглашениями, как известно, на территории Испании созданы американские воздушные и военно-морские базы в ряде городов... Учитывая развитие современной военной техники, становится очевидным, что наличие в Испании военных баз, находящихся под иностранным контролем, не может избавить ее от губительных последствий современной войны. Военные руководители США отнюдь не скрывают, что, создавая свои базы на территории стран — членов НАТО и других своих союзников, они хо-

тели бы отдалить от США фронт возможной войны и поставить под ответный удар чужие территории. В свете этого оправдан ли риск, которому подвергается население испанских городов вблизи иностранных военных баз в случае развязывания стратегами НАТО новой войны? Едва ли могут быть сомнения, что этот вопрос заслуживает самого серьезного внимания, если руководствоваться не фальшивой пропагандой инициаторов «холодной войны» и гонки вооружений, а трезво учитывать сложившуюся сегодня обстановку, особенно уровень развития военной техники»²⁰.

Предостережение Москвы оказало отрезвляющее воздействие на руководителей диктаторского режима. Обмениваясь позднее мнениями со своим родственником, Франко признал, что допустил ошибку, дав согласие на размещение американских военных самолетов в Торрехоне. Если верить записи беседы, сделанной генералом Франко Сальгадо-Араухо, каудильо заявил буквально следующее:

— По завершении контракта на аренду базы в Торрехоне представляется необходимым перенести военно-воздушный объект США подальше от Мадрида, например в провинцию Сьюдад-Реаль. Может быть, в случае ядерной войны эта мера окажется бесполезной, если противник выберет в качестве цели Мадрид. Однако по крайней мере он не сможет сослаться на то, что у ворот испанской столицы находилась военно-воздушная база. И вообще, перенеся эту базу подальше, мы сможем вздохнуть спокойнее. В свое время я согласился на размещение базы в Торрехоне, когда, по всеобщему убеждению, Советский Союз не обладал мощным термоядерным оружием. Сегодня же ситуация выглядит совершенно по-другому²¹.

Достижения СССР в развитии науки и техники и особенно прорыв в космос, осуществленный первым социалистическим государством планеты в 1957 году, настолько поразили Франко, что он вынужден был признать в одном из публичных выступлений:

— Невозможно отрицать политическую значимость нации, которая сумела запустить первый искусственный спутник Земли... Подобное было бы невозможно в старой России и с неизбежностью должно было произойти в новой России. Для того чтобы решить эту великую задачу, нужны были политическое единство и дисциплина.

5 марта 1959 г. родственник Франко записывает еще одно примечательное высказывание диктатора: «Обстановка в мире безусловно очень серьезна, и народы живут

под постоянной угрозой войны... Но я думаю, что война не разразится, поскольку известны ее возможные ужасные последствия. Ядерная энергия могла бы уничтожить население целых регионов, превратив разные страны в руины... Я не вижу ничего плохого в «плане Рапацкого»* ...Разоружение Германии было целью союзников в конце минувшей мировой войны, и не следует бояться того, что всего лишь несколько лет назад было общим желанием. Меня удивляет, что г-н Хрущев не использует эти аргументы, которые были бы исключительно вескими»²².

И все же франкистский режим не мог себе позволить выйти из американской военной упряжки. Не мог он и вернуться к прежнему изоляционизму в области экономики. 20 июня 1959 г. Ф. Кастиэлья подписал в Вашингтоне меморандум, в соответствии с которым Испания обязалась «переориентировать свою экономическую политику и направить ее по линии сближения с западными странами». Эти обязательства нашли отражение в «плане экономической стабилизации», облегчившем доступ в Испанию иностранных товаров и капиталов²³.

Расширение военного и экономического сотрудничества между США и Испанией явно опережало эволюцию их политических взаимоотношений. Вспоминая о встречах с главарями держав «оси» — Гитлером и Муссолини, Франко с раздражением констатировал, что его до сих пор не допустили к ручке президента США, хотя он сделал для американцев гораздо больше, чем для прежних покровителей, ибо разрешил им держать на постоянной основе свои войска на испанской территории.

В конце августа 1959 года, воспользовавшись поездкой президента США Д. Эйзенхауэра в Лондон, туда же поспешил и министр иностранных дел Испании Ф. Кастиэлья. 31 августа ему удалось встретиться с американским руководителем и вручить ему письмо каудильо. Эйзенхауэр тут же написал ответ. 2 сентября тексты обоих посланий были опубликованы в печати. Франко приветствовал Эйзенхауэра как «руководителя западного мира» и благодарил его «за помощь, которую Испания получила от США». Эйзенхауэр, в свою очередь, воздал должное «новой экономической программе» испанского правительства²⁴.

* Речь идет о выдвинутом в 1957 году министром иностранных дел Польши предложении создать безъядерную зону на территории четырех государств Центральной Европы: ФРГ, ГДР, Польши и Чехословакии. Это предложение было отвергнуто странами НАТО.

Но самым главным результатом усилий Кастиэльи было согласие Эйзенхауэра посетить Испанию с официальным визитом.

День прибытия Эйзенхауэра в Мадрид — 21 декабря 1959 г. — был объявлен нерабочим. По приказу мэра столицы на улицах города были развешаны плакаты с призывом к его жителям. В них говорилось: «Мадридцы! Приближается момент приезда президента Эйзенхауэра, и нам следует задуматься о значении этого впечатляющего визита, удивительного путешествия, напоминающего о проповеднической миссии святого Павла... Самый могущественный человек планеты объезжает... страны, чтобы смиренно молить их о мире».

Каудильо собственной персоной явился на базу в Торрехоне, чтобы встретить Эйзенхауэра у трапа президентского «Боинга». Вдоль всей 18-километровой магистрали, соединяющей Торрехон с Мадридом, были выстроены массы людей в штатском, приветствовавших руководителя заокеанской державы. Бесчисленное множество мадридцев высыпало на улицы. Одни пришли, повинувшись приказу начальства, другие — из чистого любопытства, третьи — следуя обычаям традиционного испанского гостеприимства.

— Сегодня, — сказал президент, обращаясь к каудильо, — осуществляется мечта моей жизни — посетить Испанию и Мадрид.

Честолюбие Франко было удовлетворено, и он не скрывал радости.

— Испанский народ, — заявил диктатор, пожимая руку главе американской администрации, — признателен вам за вашу деятельность и благородство.

В дни визита испанские газеты буквально захлебывались от восторгов, восхваляя дружбу, которая возникла между руководителями США и Испании. Старалась не отстать от них и американская печать, описывая сердечность атмосферы, царившей на встрече двух генералов. По словам очевидцев, участники переговоров остались довольны друг другом. А в момент расставания человек, командовавший в годы второй мировой войны войсками союзников в Западной Европе, и диктатор, в чьем кабинете в те же годы висели портреты Гитлера и Муссолини, горячо обнялись под восторженные возгласы собравшихся вокруг франкистов.

— Это был подлинный плебисцит в поддержку моей внешней политики, — хвастался Франко, беседуя со своим двоюродным братом.

Касаясь далее содержания бесед с президентом США, каудильо сказал:

— Эйзенхауэр посвятил меня в детали переговоров, которые он вел с руководителями государств, где ему довелось побывать. Он подробно информировал меня о том, как развивается внешняя политика повсюду в мире. И я испытываю глубокое удовлетворение²⁵.

С этого момента личные контакты между руководящими деятелями Соединенных Штатов и Испании приобрели регулярный характер. В марте 1960 года в Вашингтоне побывал министр иностранных дел Кастиэлья. В декабре 1961 года, сразу же по завершении очередной сессии Совета НАТО в Париже, на испанскую землю прибыл новый государственный секретарь США Дин Раск.

Нет сомнения, что без поддержки со стороны заокеанских покровителей франкистам было бы невероятно трудно держать народ в цепях на протяжении столь длительного периода. Однако было бы упрощением полагать, что союз Франко с Вашингтоном был единственным фактором, обеспечившим сохранение авторитарного режима в Испании после второй мировой войны. Как указывалось на состоявшемся в январе 1960 года VI съезде Коммунистической партии Испании, «если диктатура продолжает существовать, то не только благодаря внешней поддержке и своей силе. Причина этого кроется главным образом в том, что между силами оппозиции не существует договоренности о совместном выступлении, способном привести к отстранению Франко от власти».

VII

РАСШИРЕНИЕ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ИСПАНИИ

Внешняя политика всегда была для Франко одним из средств достижения главной цели, которую он поставил перед собой, — сохранить в максимально возможной степени характер режима, установленного на испанской земле после падения Испанской республики. Провозглашая в мае 1958 года «основополагающие принципы» своей партии, диктатор назвал «национальное движение» «носителем вечных ценностей», предупредив, что «любая иная политическая организация будет объявлена незаконной».

Стареющий каудильо еще не знал, кого будет готовить в преемники, но он не допускал и мысли о том, что после его смерти Испания может освободиться от созданной им системы. Он заявил:

— Необходимо обеспечить преемственность режима, независимо от того, кто будет управлять страной — король или регент.

И далее:

— У фаланги много врагов, и есть немало людей, считающих, что можно вернуться к буржуазной парламентской монархии. Но с ней покончено навсегда... В будущем Испания получит монархию, основанную на идеалах национального движения. В противном случае потребуются назначить регента, который возьмет на себя обязательство служить нашим идеалам¹.

На этот пост все настойчивее претендовал честолобивый Муньос Грандес, мечтавший стать новым каудильо. Однако Франко не собирался уходить от власти...

С тех пор как в 1957 году министром иностранных дел стал Ф. Кастиэлья, Мадрид начал уделять все большее внимание контактам со странами Западной Европы. Он умело использовал «европейскую карту» в своих взаимоот-

ношениях с Соединенными Штатами, стремясь заполучить как можно больше выгод для себя и от одних, и от других.

— Все было разыграно, как по нотам, — отмечал историк Хосе Гарсиа. — Испанская гитара брэнчала, напевая нежные серенады немцам и французам и унылые песни американцам. Мадрид ставил перед собой довольно конкретные задачи: добиться увеличения американской военной помощи в виде вооружения, судов, ракет, самолетов и т. п. и достижения более широкого и равноправного политического союза с США, поскольку «пакт, подписанный в 1953 году, — как заявил министр информации Испании Мануэль Фрага Ирибарне, — не обязывал Соединенные Штаты оборонять испанскую территорию, если они не чувствуют прямой угрозы в отношении себя»².

Наиболее сердечный характер — что совершенно естественно — носили отношения между Испанией и Португалией, двумя последними фашистскими государствами Европы. Франко и Салазар неоднократно встречались друг с другом и обсуждали все аспекты взаимного сотрудничества во имя сохранения своих режимов и повышения их роли на международной арене.

В январе 1954 года было заключено новое соглашение о координации действий генеральных штабов вооруженных сил двух стран. Это соглашение положило начало регулярным ежегодным консультациям военных руководителей Испании и Португалии.

В 1957 году в рамках «иберийского блока» был создан специальный министерский комитет для изучения вопросов, касающихся взаимоотношений Испании и Португалии с только что созданным Европейским экономическим сообществом (ЕЭС). А в марте 1962 года наиболее крупные банки двух стран приняли решение создать консорциум, чтобы дать новый толчок их индустриальному развитию. В том же году представители двух диктаторских режимов подписали соглашение о «социальной безопасности», подтвердив тем самым свою «заинтересованность в сотрудничестве при подавлении демократического движения в Испании и Португалии.

Быстрыми шагами в развитии связей с режимом Франко пошла Западная Германия. В новой обстановке начали поднимать голову бывшие гитлеровские вояки и агенты абвера, укрывшиеся после войны на испанской территории. В Испании разместился подпольный центр «европейского социального движения» — союза неонацистских партий и группировок, который был создан в

1950 году и координировал действия ультраправых сил во многих странах. Среди главарей этого движения были один из лидеров подрывных служб Гитлера Отто Скорцени, бывший главарь «железной гвардии» фашистской Румынии Хория Сима и югославский военный преступник Анте Павелич, а также венгерские фашисты — бывшие генералы Хенней и Сако, многие другие военные преступники. В Испании и Западной Германии стали устраивать встречи единомышленников и собратьев по оружию — бывших летчиков гитлеровского легиона «Кондор» и ветеранов франкистской «голубой дивизии».

Были установлены и официальные контакты. Посетивший в мае 1954 года Бонн член испанского правительства Р. Кавестани был принят лично канцлером К. Аденауэром и заявил ему, что Испания готова сотрудничать с ФРГ в самых различных сферах.

Через год после первой встречи представителей двух стран на высоком правительственном уровне Западная Германия предоставила франкистам в качестве кредита 90 млн. долл. Еще три года спустя, в апреле 1958-го, началась серия встреч руководителей дипломатических ведомств двух стран. Сначала в Мадрид прибыл министр иностранных дел ФРГ фон Брентано. В ходе переговоров со своим испанским коллегой Ф. Кастиэльей он достиг договоренности о судьбе германских капиталовложений, конфискованных правительством Испании в 1948 году. Было условлено, что испанские власти возвратят западногерманским фирмам часть собственности, которой те обладали в Испании до разгрома гитлеровского рейха.

В ноябре 1959 года в ФРГ побывал Кастиэлья. В ответ на постоянные просьбы Бонна он сообщил своим собеседникам, что Франко согласен передать в распоряжение бундесвера аэродромы, полигоны и другие военные объекты на испанской территории, где могли бы обучаться военнослужашие ФРГ. В свою очередь, представители западногерманского правительства обещали испанскому министру поддержать идею вступления Испании в НАТО.

Большой интерес к Испании проявили концерны, входящие в военно-промышленный комплекс ФРГ. По сообщениям печати, испанские и западногерманские фирмы создали предприятие, которое могло бы быть использовано для атомных исследований. Западногерманская компания «Мессершмитт АГ», производящая самолеты, скупила 27 % акций испанской компании «Испано-авиасьон СА». Недалеко от Саламанки обосновалось попавшее под

контроль западногерманского капитала предприятие по переработке урана³.

Зимой 1960 года достоянием гласности стали планы размещения в Испании военного персонала ФРГ. В январе в Мадриде побывал генерал бундесвера А. Шенц. Планы милитаристов вызвали протесты во всем мире. Советское правительство обратилось к руководителям Англии, Франции и других западноевропейских государств с призывом «воспрепятствовать осуществлению опасных военных планов правительства ФРГ»⁴.

Произошло некоторое потепление в испано-бельгийских отношениях. В январе 1960 года визит в Мадрид нанес министр иностранных дел Бельгии Виньи. Испанское правительство, в свою очередь, направило в Брюссель в марте 1963 года своего министра информации М. Фрагу Ирибарне.

Выступая в палате общин в июне 1958 года, британский премьер-министр Гарольд Макмиллан причислил Испанию к «свободному миру». Это выступление ускорило процесс сближения франкистской Испании с Англией. В конце августа — начале сентября 1959 года в Лондон направился министр иностранных дел Испании Ф. Кастилья. Там он не только встречался с Эйзенхауэром, но и имел продолжительные беседы с Макмилланом и со своим британским коллегой С. Ллойдом. Следующий визит Кастильи на берега Темзы состоялся в июле 1960 года. В ходе визита было подписано соглашение об обмене студентами и научными экспертами, а также научными работниками и литературой.

Год спустя, в мае 1961-го, Мадрид, в свою очередь, посетили новый министр иностранных дел Англии лорд Д. Хьюм и министр внутренних дел Р. Батлер. Как указывалось в совместном англо-испанском заявлении, «на переговорах обе стороны вполне согласились друг с другом в том, что единство и сплочение очень важны для мощи западного мира и его способности преодолевать кризисы».

По словам испанского министра информации Фраги Ирибарне, его собеседник выразил сожаление в связи с тем, что Испания долгое время не могла участвовать в международной жизни. При этом английский министр одобрительно отозвался о роли Испании в борьбе против коммунизма. Правда, Батлер заявил позднее, что испанский министр «несколько усилил» его высказывания, но опровергать их основной смысл он не стал.

О тесном сотрудничестве Испании с Англией в военной

области свидетельствовали и совместные военно-морские маневры, организованные в районе Мальты в декабре 1961 года.

Камнем преткновения в отношениях между двумя странами оставался, однако, гибралтарский вопрос. Став членом Организации Объединенных Наций, Испания тут же апеллировала к мировому сообществу в расчете заручиться его поддержкой. Опираясь на принятую в 1960 году по инициативе СССР Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, испанские представители впервые подняли этот вопрос в сентябре 1963 года в Комитете ООН по деколонизации. В тот момент дискуссия оказалась безрезультатной.

Летом 1964 года произошла новая вспышка разногласий. Она была вызвана тем, что британские власти решили приступить к разработке новой конституции Гибралтара. 30 июня, спустя ровно три недели после заключения англо-испанского соглашения о судостроении, Мадрид объявил, что разрывает его. А когда в августе того же года новая гибралтарская конституция вступила в силу, Испания обратилась с жалобой в ООН, указав, что действия Англии носят односторонний характер и противоречат Утрехтскому договору 1713 года, в соответствии с которым для любого изменения статуса Гибралтара необходимо предварительно заручиться согласием Испании. На этот раз Комитет по деколонизации поддержал позицию Испании и обратился к Англии с призывом разработать новый статут Гибралтара совместно с Испанией. Призыв ООН был, однако, проигнорирован Англией.

5 сентября 1959 г. министр иностранных дел Испании Кастиэлья побывал с кратковременным визитом в Париже. Там он беседовал с президентом Франции Шарлем де Голлем, который, как сообщала печать, одобрительно отозвался о новой экономической политике испанского правительства. О содержании их беседы со всей достоверностью мы узнаем лишь после того, как запись ее будет рассекречена и станет доступной исследователям. Однако некоторые историки уже сейчас пишут, что в ходе переговоров, в частности, была затронута тема о возможном создании средиземноморского союза при участии Франции и Испании.

Как указывает профессор С. П. Пожарская, это предложение было выдвинуто де Голлем еще в июле 1959 года и его следует рассматривать как воплощение идей, сформулированных французским руководителем в годы вто-

рой мировой войны⁵. Другой советский исследователь — профессор Д. Д. Прыгов — также констатирует, что «с приходом к власти во Франции де Голля сближение двух стран все больше получало антиамериканскую окраску. Уже в 1958 году Париж продемонстрировал желание выработать совместно с Мадридом позицию по многим международным проблемам, в частности связанным со Средним Востоком и Северной Африкой. Стало выясняться также, что Франция, стремясь к усилению собственной роли в Западной Европе, хотела вовлечь страны Пиренейского полуострова в сферу своего влияния»⁶.

В октябре 1959 года министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиль встречался с Ф. Кастиэльей. В ходе переговоров удалось снять целый ряд спорных вопросов, которые существовали в двусторонних отношениях, и договориться о сближении между Испанией и Францией.

Диктатору, безусловно, льстило то внимание, которое ему оказывал один из самых крупных политических деятелей Европы, политик, отличавшийся независимостью суждений и решимостью не допустить превращения своей страны в сателлита Соединенных Штатов. В то же время Франко побаивался своего северного соседа и не одобрял некоторых аспектов деголлевской внешней политики. Особенно тревожило его согласие Парижа (хотя и вынужденное) пойти навстречу требованиям участников национально-освободительного движения в Северной Африке. И это понятно: Испания сталкивалась там с аналогичными трудностями.

В доверительных беседах каудильо неоднократно порицал де Голля за выраженную им готовность решать алжирскую проблему путем переговоров с повстанцами, боровшимися за независимость Алжира. Ему не понравилась, в частности, деголлевская идея плебисцита. Обсуждая эту тему со своим родственником, он ворчал:

— Нет, я не оптимист. Де Голль взялся за дело не с того конца. Он хочет урегулировать конфликт с помощью урн, когда в действительности речь идет о военной акции... Президент Франции должен был продемонстрировать, что хочет и может одержать победу на поле боя.

В канун плебисцита во Франции, 7 января 1961 г., Франко вновь возвращается к той же теме:

— Я убежден, конечно, что победу одержит де Голль. Но эта победа не даст ему равным счетом ничего. Наступил трагический момент, когда алжирский Алжир, в поль-

зу которого высказывается президент, превратится просто-напросто в независимый⁷.

Из этого, однако, не следовало, что Франко собирался затруднять жизнь руководителю соседнего государства. Об этом свидетельствует и такой эпизод. В январе 1963 года в Испанию приехал министр внутренних дел Франции Р. Фре. Он пересек границу как частное лицо, обыкновенный турист. Правда, оказавшись в Мадриде, был тут же приглашен на беседу к Франко и министру внутренних дел Испании А. Веге. Частный визит превратился в официальный, и его итоги были подведены в специальном совместном коммюнике. В нем говорилось, что собеседники обсудили вопрос о деятельности лиц, нарушающих «дружественные отношения между двумя странами».

Достигнутая в ходе переговоров договоренность имела немалое значение для Франции: испанское правительство обещало Парижу не предоставлять убежища противникам алжирской политики де Голля — членам ультраправой террористической организации ОАС, которые, спасаясь от ответственности за свои преступления на родине и в Алжире, рассчитывали укрыться в соседнем государстве на Пиренейском полуострове.

1963 год вообще занял особое место в испано-французских отношениях. В феврале в Мадриде побывал начальник генерального штаба вооруженных сил Франции генерал Айере. Он подробно обсудил со своим испанским коллегой Муньосом Грандесом различные аспекты военного сотрудничества Испании и Франции. Было условлено приступить к проведению совместных маневров военноморских и военно-воздушных сил двух стран. Испания обещала северному соседу в случае необходимости предоставить в распоряжение его вооруженных сил свои порты и аэродромы. Речь шла на переговорах и о закупках Францией испанского урана.

В том же месяце Париж посетил Л. Лопес Родо, которому Франко поручил заниматься вопросами экономического планирования Испании. В ходе его встреч обсуждался главным образом вопрос об участии Франции в реализации совместных промышленных проектов.

В апреле состоялись переговоры министра экономики и финансов Франции Валери Жискар д'Эстена с группой представителей испанского правительства. Главным результатом переговоров явилось предоставление Францией займа Испании в размере 750 млн. франков.

В следующем году в Мадрид направился министр ино-

странных дел Франции М. Кув де Мюрвиль. По поручению де Голля он встретился с Франко и изложил ему взгляды французского руководителя на общее развитие обстановки в Западной Европе. Отвечая на вопросы журналистов на пресс-конференции, которая состоялась по окончании его визита, Кув де Мюрвиль назвал Испанию «важным звеном» в военной системе Запада, дав, однако, понять, что, по мнению Франции, испанцам не следует вступать в Североатлантический союз. «Дело в том, — пояснил он, — что эта организация вышла из моды». К тому же Испания и без того играет «жизненно важную роль» в западном лагере, поскольку она установила прямые военные связи с Соединенными Штатами Америки.

Усилия Франции, направленные на сближение с Испанией и на развитие сотрудничества с этой страной по военной линии, дали свои результаты. В конце осени — начале зимы 1964 года была проведена целая серия совместных маневров вооруженных сил двух стран. А в мае следующего года в Париже было подписано соглашение о строительстве двух французских подводных лодок для военно-морского флота Испании.

Развивая связи со странами Запада на двусторонней основе, Мадрид проявлял интерес и к многосторонним формам сотрудничества. 1958 год ознаменовался вступлением Испании в Организацию европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) (преобразованную в 1961 году в Организацию экономического сотрудничества и развития), куда она вошла в качестве ассоциированного члена. В том же году Испания стала членом Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР).

В марте 1959 года Организация европейского экономического сотрудничества опубликовала первый доклад об испанской экономике. А несколько месяцев спустя, 30 июня, испанское правительство направило в ОЕЭС и в МВФ меморандум с изложением своего «плана экономической стабилизации»⁸.

За провозглашением планов последовали и практические действия. В июле 1959 года денежная единица страны — песета — была девальвирована, а заработная плата трудящихся блокирована. С помощью этих мер франкистские власти рассчитывали увеличить поступления от экспорта. И они принесли ожидаемые результаты: к концу года валютный запас Испании составил уже 200 млн. долл.

В поисках средств, необходимых для экономического

развития страны и обеспечения ее участия в международном разделении труда, франкисты еще шире открыли двери для иностранного капитала. Был издан специальный декрет об иностранных инвестициях, облегчавший возможности внедрения в экономику Испании зарубежных монополий. Если ранее роль иностранного частного капитала в Испании была сравнительно незначительной, то стимулирование притока внешних инвестиций создало совершенно новую ситуацию. Правда, введенный в 1959 году режим ограничивал 50 % участие иностранного капитала в общем капитале акционерных обществ большинства отраслей испанской экономики. Однако это был крупный шаг вперед на пути либерализации условий деятельности иностранного капитала в Испании.

Зарубежные инвесторы не могли отказаться от соблазна вложить деньги туда, где, учитывая дешевизну рабочей силы (плюс бесплатную помощь государства при подавлении объявленных вне закона забастовок), они могли извлечь максимальные прибыли. В результате на Испанию обрушился поток долларов, фунтов стерлингов, франков и иен. Повсюду, как грибы после дождя, начали расти предприятия самых различных отраслей промышленности.

После 1959 года за короткое время в Испании обновились 43 из 50 крупнейших международных монополий (и 16 из 20 самых крупных монополий Западной Европы). Под их контроль перешло 49 % ведущих фирм Испании⁹.

Вторым по значению источником валютных поступлений Испании являлись доходы от иностранного туризма. Девальвация испанской песеты на 40 %, осуществленная в июле 1959 года, способствовала широкому привлечению туристов из других стран: поездки в Испанию становились с этого момента чрезвычайно выгодными с экономической точки зрения. Число иностранцев, ежегодно пересекающих испанскую границу, стало медленно, но верно приближаться к численности населения этой страны.

60-е годы оказались «золотым периодом» испанской индустрии туризма. Не проходило буквально ни одного месяца, чтобы где-нибудь не открывался новый шикарный отель. В моду вошло переоборудовать под жилье для туристов старинные замки и харчевни. Средства, затраченные на строительные и реставрационные работы, с лихвой окупались: ведь каждый иностранец привозил и оставлял здесь свои деньги. Эта операция, по сути дела, была равнозначна быстрому росту замаскированного экспорта,

то есть массовому притоку валюты в испанскую казну.

Наконец, третьим важным источником валютных поступлений стали денежные переводы от испанских трудящихся-эмигрантов, переехавших в поисках работы и куска хлеба в иностранные государства. Правительство генерала Франко не только разрешило, но и начало поощрять эмиграцию трудящихся в расчете, с одной стороны, избавиться от лишних голодных ртов, а с другой — заработать на этой операции дополнительные денежные суммы в иностранной валюте¹⁰.

В коллективном исследовании «Современная Испания», опубликованном группой советских ученых в 1983 году, справедливо указывалось, что испанская национальная буржуазия, стремившаяся к расширению своих внешних связей, понимала, что никакие контакты с Соединенными Штатами и странами других континентов, даже самые широкие, не дадут Испании возможности выйти из той изоляции, в которой она оказалась, если не будет налажено тесное сотрудничество и взаимодействие с Западной Европой¹¹.

В соответствии с Римским договором, подписанным 25 марта 1957 г. и вступившим в силу 1 января 1958 г., по соседству с Испанией создавался «Общий рынок». Договор учреждал Европейское экономическое сообщество, в состав которого с самого начала вошли Бельгия, Голландия, Италия, Люксембург, Франция и ФРГ. В 1973 году членами ЕЭС стали еще три государства: Англия, Дания и Ирландия, а в 1981 году — Греция.

Официально объявленными задачами ЕЭС были: постепенная отмена между государствами-членами таможенных пошлин и количественных ограничений для ввоза и вывоза товаров; установление общего таможенного тарифа и согласованной торговой политики в отношении третьих стран; создание условий для свободного перемещения рабочей силы, капиталов и услуг; проведение единой политики в области сельского хозяйства и транспорта; координация экономической, социальной, валютной и инвестиционной политики.

Как мы знаем теперь из опубликованных уже после смерти диктатора документов, на первых порах он весьма скептически отнесся к этой инициативе. 3 июля 1961 г. в доверительной беседе с Франко Сальгадо-Араухо он высказался по этому поводу так:

— Сейчас много говорят об Общем рынке. Однако речь идет об очень серьезном вопросе, решать который

надо со всеми необходимыми предосторожностями. Слишком легкое отношение к этому делу чревато исключительно серьезными последствиями для нашей экономики. Конечно, у нас есть такое преимущество, как дешевизна рабочей силы, по сравнению с другими странами. Однако не следует забывать, что мы не сможем конкурировать с заграницей по многим видам продукции¹².

И все же представители крупного капитала убедили его сделать первый шаг к сближению с ЕЭС. 9 февраля 1962 г. посол Испании в Бельгии граф Каса-Миранда передал генеральному секретарю совета министров ЕЭС письмо министра иностранных дел Испании Ф. Кастиэльи, адресованное дежурному председателю М. Кув де Мюрвилю. В нем говорилось:

«Имею честь от имени моего правительства просить вас о начале переговоров с целью изучить возможность присоединения моей страны к Европейскому экономическому сообществу способом, который будет в наибольшей степени отвечать взаимным интересам... Мое правительство, озабоченное необходимостью ускорить экономическое развитие страны, уверено в том, что важность осуществления этой задачи будет должным образом оценена сообществом... Успех плана стабилизации, успех, который был одержан благодаря сотрудничеству с международными органами, стал в этом отношении обнадеживающим опытом».

Комментируя этот демарш, министр торговли А. Ульястрес заявил на следующий день, 10 февраля:

— Просьба, которая была представлена испанским правительством по прямому указанию каудильо, означает, что настало время совершить то, что было уже в умах у всех, сделать еще один шаг на пути европейской и международной интеграции Испании¹³.

«Испания не могла сохранять странную позицию Робинзона экономики», — писала 10 февраля газета «А-Бэ-Сэ».

Франко не возражал против «нового увлечения» своих предпринимателей, но и не слишком огорчился, когда понял, что на пути в ЕЭС возникли первые трудности. 21 июля он заявил:

— Многие испанцы полагают, что, если нам закроют путь в этот орган, Испания потонет. Я думаю, что их ввели в заблуждение. Если нас примут, нам придется решать бесчисленное множество проблем, которые сразу же возникнут перед нами. Одной из таких проблем является

сбыт добываемых нами полезных ископаемых, который будет затруднен из-за конкуренции со стороны промышленности Западной Германии, Бельгии и других стран. То же самое произойдет с производством автомобилей и других видов промышленной продукции. У всего имеются плюсы и минусы, и поэтому нам следует сохранять спокойствие и не поддаваться иллюзиям. Экономические вопросы очень деликатны, и надо действовать с максимальной осторожностью и предусмотрительностью.

А вот его слова, сказанные 13 декабря 1962 г.:

— Это обоюдоострое оружие. Мы должны будем столкнуться с жесткой конкуренцией в общем производстве и в продаже промышленной продукции. Испанские фрукты будут покупаться хорошо, как это происходит и сейчас. Мы эволюционируем в сторону «Общего рынка», однако не испытываем ни малейшей нервозности по поводу возможного приема туда. Хотя я думаю, что в конце концов трудности будут преодолены.

Интересно отметить, что переговоры между Испанией и странами Западной Европы по вопросам развития политического, военного и экономического сотрудничества между ними особенно активизировались в тот самый момент, когда истек срок действия американо-испанских соглашений 1953 года. Выше отмечалось, что каудильо использовал к своей выгоде «европейскую карту», рассчитывая выторговать у Вашингтона более выгодные условия партнерства. Следует добавить, что к тому же он относился с настороженностью к новой администрации США. Когда в ноябре 1960 года на президентских выборах победу одержал Джон Кеннеди, Франко сказал своему родственнику:

— Было бы лучше, если бы победил Никсон. Среди членов республиканской партии США у нас гораздо больше друзей, и они понимают нас лучше. Когда президентом был Эйзенхауэр, он проявлял по отношению к Испании большую лояльность и дружбу и находил правильное решение тех трудных проблем, которые возникали время от времени. А в демократической партии США у нашего режима довольно много врагов.

Несколько месяцев спустя, вернувшись к той же теме, он прямо признался, что не слишком доверяет президенту Кеннеди¹⁴.

В связи с предстоявшим в сентябре 1963 года окончанием срока действия военных соглашений 1953 года франкистские власти заблаговременно, за восемь месяцев,

уведомили Соединенные Штаты через посла США в Мадриде Р. Вудворда о своем желании внести изменения в текст этих документов, учитывая эволюцию общей обстановки в мире. Переговоры о пересмотре соглашений оказались нелегкими, но в итоге новое соглашение, подписанное в Нью-Йорке 26 сентября 1963 г. государственным секретарем США Д. Раском и министром иностранных дел Испании Ф. Кастиэльей, свидетельствовало о том, что франкистам удалось добиться от США целого ряда уступок.

В соответствии с новым соглашением, заключенным сроком на пять лет, в Мадриде создавался американо-испанский консультативный комитет по вопросам обороны. Он приступил к практической работе в декабре 1963 года под руководством двух сопредседателей. Одним из них был начальник генерального штаба вооруженных сил Испании генерал Муньос Грандес, другим — начальник военной миссии США в Испании генерал С. Донован¹⁵.

В послании государственного секретаря США на имя министра иностранных дел Испании, в частности, указывалось: «Правительство Соединенных Штатов подтверждает заявление испанского правительства о том, что правительство США окажет содействие, с учетом позиции конгресса, в усилении испанской обороны, доведении ее до соответствующего уровня путем оказания военной помощи испанским вооруженным силам. Правительство Соединенных Штатов радо отметить, что в рамках программы помощи между обеими странами продолжается тесное техническое и военное сотрудничество, которое внесет вклад в дело достижения быстрой и эффективной модернизации испанских вооруженных сил и военной промышленности»¹⁶.

5 октября 1963 г. Франко Сальгадо-Араухо делает в своем дневнике новую запись: «Беседую с каудильо и в заключение нашей беседы спрашиваю, доволен ли он продлением на пять лет испано-американского соглашения о стратегических базах в Испании. Франко отвечает:

— Я испытываю удовлетворение, потому что с внесенными поправками это соглашение значительно лучше прежнего. США взяли на себя обязательство предоставить нашим вооруженным силам современное военное снаряжение и держать нас в курсе развития военной техники. США будут предоставлять нам информацию и консультироваться с нами по всем вопросам, касающимся международных конфликтов. Не следует забывать о том, что, независимо от союзнических отношений с американцами,

в случае военного конфликта с СССР мы в первый же момент оказались бы воюющей страной и должны были бы защищаться, обладая для этого лишь скромными средствами. С экономической точки зрения Испания не имеет возможности организовать оборону, способную противостоять нападению столь мощной военной державы, как Россия. Со вступлением же в союз с американцами оборона нашей территории будет обеспечиваться совместно с Соединенными Штатами, причем в нашем распоряжении окажется самое современное военное снаряжение и оборудование. Наши офицеры смогут проходить учебу на курсах в Соединенных Штатах. Это значит, что их подготовка будет соответствовать самому современному уровню и что мы получим современное военное снаряжение».

Коммунистическая партия Испании отреагировала на подписание нового испано-американского соглашения заявлением, в котором говорилось: «Правительство диктатора получило некоторое политическое удовлетворение, но не добилося сколько-нибудь серьезных гарантий в обеспечении безопасности страны. Создание консультативного комитета, в сущности, ничего не меняет в положении дел. Политика и меры, от которых зависят вопросы войны и мира, вырабатываются совсем в других инстанциях, куда Испания по-прежнему не имеет никакого доступа».

Отдавая приоритет укреплению связей с Западом, правительство Испании в то же время предпринимало немалые усилия для сохранения и упрочения своих отношений с латиноамериканскими странами, прежде всего с теми, где господствовали реакционные, диктаторские режимы. Происки франкистов в Латинской Америке были разоблачены на проведенном в октябре 1960 года в Париже совещании представителей коммунистических и рабочих партий Аргентины, Боливии, Бразилии, Колумбии, Коста-Рики, Чили, Кубы, Эквадора, Гватемалы, Ямайки, Мартиники, Мексики, Никарагуа, Панамы, Перу, Пуэрто-Рико, Уругвая, Венесуэлы и Испании.

Новую обстановку на континенте создала победа кубинской революции, в результате которой впервые в Западном полушарии появилось государство, взявшее курс на развитие по социалистическому пути. Принимая желаемое за действительное, испанский диктатор утверждал, что революционное правительство Кубы «не контролирует две основные силы страны — экономику и армию». В то же время он сокрушался по поводу того, что «Северная Америка не может открыто выступить против Кубы, так

как она заинтересована в том, чтобы сохранить свою военно-морскую базу в Гуантанаме, и к тому же вынуждена считаться с позицией других латиноамериканских стран, которые в этом случае солидаризировались бы с Кубой».

В этой связи Франко весьма критически отзывался о деятельности американских спецслужб, которые, по его словам, «просмотрели» назревание на Кубе революционной ситуации, не обратили внимания на отношение кубинского народа к диктатуре Батисты и не сумели разгадать планы сторонников Фиделя Кастро.

Впрочем, испанская дипломатия действовала в этот период не лучше, чем эмиссары Вашингтона. 21 января 1960 г., выступая по телевидению, Фидель Кастро был вынужден публично призвать к порядку испанского посла в Гаване Пабло де Лохендио, который позволил себе вмешиваться во внутренние дела Кубы, пытаясь руководить контрреволюционными элементами. Услышав критические высказывания вождя кубинской революции, посол Испании не нашел ничего лучшего, как ворваться в студию, чтобы помешать Фиделю Кастро продолжить свое выступление. Разумеется, его выходка окончилась провалом, а самому ему было предписано покинуть Кубу. Одновременно правительство Кубы отозвало своего посла в Мадриде для консультаций.

Инцидент в Гаване поставил Франко в затруднительное положение: в отличие от своего импульсивного дипломата, он понимал, что послам не следует демонстративно нарушать нормы поведения, установленные международным правом. У Лохендио рыльце было в пушку, и «взрываться» в этих условиях значило нанести ущерб своей стране.

Вот что рассказал об обстоятельствах этого дела (в доверительной беседе со своим родственником) сам каудильо:

— 7 января Лохендио встретился с группой священнослужителей, занявших отрицательную позицию по отношению к правительству Фиделя Кастро. Цель встречи заключалась в том, чтобы создать противовес деятельности одного священника — выходца из Страны Басков, который осуждал испанский режим и Национальное движение. Этот баск заявлял, что во время крестового похода (так Франко именовал гражданскую войну. — А.К.) не все испанские епископы подписали документ (против правительства Народного фронта. — А.К.) и что, в частности, его не подписал епископ из Страны Басков. По словам того же

священника, не все католики и даже не все священники поддерживали Национальное движение.

Каудильо скромно умолчал о том, каким именно образом профашистски настроенные кубинские священнослужители собирались вместе с послом Испании «создать противовес» деятельности баскского священника-антифашиста. Но он не мог не признать, что выходка Лохендио была по меньшей мере неумной.

— Я полагаю, что посол действовал не слишком дипломатично, — сказал Франко. — Для того чтобы отвергнуть утверждения Фиделя Кастро, ему не требовалось бежать на телестудию... Испания и ее режим подвергались нападениям много раз и во всех странах, однако наши послы не выступали с протестами... Вчера я сказал на заседании правительства, что наши представители не должны проходить мимо нападок, однако им следует уважать законы страны, где они выполняют свой долг... Выходка Лохендио может привести к тому, что президент Кастро... разорвет отношения с Испанией и даже признает эмигрантское правительство красных... Это нанесло бы ущерб... нашим торговым связям с Кубой, которые в настоящее время довольно интенсивны. Сегодня мы опубликуем ноту министерства иностранных дел, где подтвердим, что наша внешняя политика исходит из принципа невмешательства во внутренние дела других стран.

Эти слова были сказаны Франко 23 января 1960 г. А несколько дней спустя, 4 февраля, беседуя со своим родственником, он вновь вернулся к этой теме, подчеркнув, что Лохендио «поставил под удар испанские интересы, которые он обязан был защищать»¹⁷.

Во время карибского кризиса осенью 1962 года, когда мир оказался на грани ракетно-ядерного конфликта, католик Франко (как и католик Кеннеди) прислушался к предостережению нового главы римско-католической церкви папы Иоанна XXIII. Он осознал всю неотвратимость возмездия, которое настигло бы американских агрессоров в случае развязывания ими войны.

Генерал Франко Сальгадо-Араухо рассказывает, что, беседуя 8 ноября 1962 г. с каудильо, он спросил его, не было бы лучше, если бы американцы высадились на Кубе. Тот ответил:

— Подобный шаг оказался был провокацией. С таким же основанием русские могли бы поступить аналогичным образом, введя свои войска в Турцию, поскольку там имеются американские базы.

И впоследствии каудильо старался избегать слепого подчинения заокеанскому лидеру в вопросах взаимоотношений с Кубой и другими латиноамериканскими странами. В феврале 1963 года президент США утвердил директиву, которая запрещала оказывать помощь любому государству, если оно в течение двух месяцев не прекратит доставку товаров на Кубу и с Кубы на своих транспортных средствах. Испанское правительство просило Вашингтон не распространять эти меры на торговлю между Кубой и Испанией, однако госдепартамент США эту просьбу отклонил.

Несмотря на давление Вашингтона, торгово-экономические связи между Испанией и Кубой прекращены не были. В 1965 году испанское правительство пошло на подписание крупного торгового соглашения с Кубой, а еще раньше, в январе 1964 года, выступило в поддержку требования Панамы пересмотреть условия соглашения о Панамском канале. Официальные власти Мадрида не скрывали своего раздражения вооруженной интервенцией США против Доминиканской Республики в 1965 году. Будучи заинтересованы в сохранении своих военных баз в Испании, американцы не решились привести механизм «санкций» против Мадрида в действие и смирись с неуступчивостью Франко.

Считая себя «арабистом» (видимо, на том основании, что он начинал свою карьеру генерала с войны в Марокко), каудильо любил выставлять себя в роли посредника между Арабским Востоком и Европой. Развернувшееся в 50-е годы национально-освободительное движение во Французском Марокко дало ему повод выступить в роли «друга» марокканского народа. Испанский диктатор не раз вспоминал, что наемники из Марокко сыграли важную роль в мятеже против республиканского правительства Испании в годы гражданской войны, и давал понять, что не хочет остаться неблагодарным по отношению к соседней североафриканской стране.

Когда французы свергли неугодного им султана Сиди Мохаммеда бен Юсефа, поддерживавшего движение за независимость Марокко, и посадили на его место свою марионетку Мулая Мохаммеда бен Арафу, Франко не признал нового руководителя местной администрации Французского Марокко. Многие сторонники свергнутого колонизатора-ми султана нашли прибежище в испанской зоне Марокко. 21 января 1954 г. глава испанской военной администрации в контролируемой Мадридом зоне Марокко генерал

Р. Гарсиа Валиньо собрал в Тетуане представителей марокканской аристократии и выступил перед ними с речью, в которой обрушился с резкой критикой на политику Франции. Каудильо, со своей стороны, пригласил тех же марокканских деятелей в Мадрид и, поблагодарив их за «братскую» дружбу, обещал поддержать объединение Марокко в единое государство¹⁸.

Под контролем Испании находилась тогда северная часть марокканской территории с населением более миллиона человек. Юридически она считалась владением марокканского султана. Однако на деле с момента подписания испано-французской конвенции о разделе Марокко (1912 г.) была колонией Испании.

Испанский диктатор не ожидал, что марокканская авантюра Франции закончится довольно быстро. В ноябре 1955 года в связи с усилившейся антиколониальной борьбой марокканского народа французское правительство было вынуждено согласиться на возвращение на трон Мохаммеда бен Юсефа, который объявил себя королем Марокко под именем Мохаммеда V. А 2 марта 1956 г. Франция признала независимость Марокко.

Оказавшись в ловушке, каудильо был вынужден выполнить обещание, данное им марокканцам. 4 апреля 1956 г. он встретился с Мохаммедом V на мадридском аэродроме Барахас. Начались трудные переговоры, которые завершились 7 апреля в 6 часов утра признанием испанским правительством независимости Марокко (реально франкистские войска покинули испанскую зону Марокко лишь в августе 1961 г.). При этом было условлено, что города Мелилья и Сеута, а также район Ифни останутся и впредь под суверенитетом Испании*.

Накануне признания Мадридом независимости Марокко, 6 апреля 1956 г., генерал Франко Сальгадо-Араухо записывает в своем дневнике:

«Каудильо прочитал мне письмо, которое он написал президенту США. Это письмо должен был передать адресату Мартин Артахо. В нем подчеркивались значение Марокко для Западной Европы и необходимость оказать этой стране помощь для того, чтобы она не попала под влияние коммунистов. Письмо свидетельствовало об озабоченности Франко судьбой нового марокканского государства и о том, что он был убежден в абсолютной необходи-

* Подписание договора о независимости Марокко состоялось в Мадриде 11 февраля 1957 г.

мости сохранения связей Марокко с западным блоком».

Решение марокканской проблемы открыло путь к завязыванию более тесных отношений между Испанией и государствами Арабского Востока. В мае 1956 года в Мадриде побывали королева-мать Иордании и король Ирака Фейсал. К тому моменту уже бушевала алжирская война, и отношения между Францией и арабским миром переживали новый кризис. В этой обстановке каудильо вновь выдвигает себя на роль посредника между арабами и Западом. «Информасьонес» прямо пишет о «посреднических возможностях, которые Испания может предложить свободным странам». «В то же время, — добавляет газета, — дружба Испании может означать твердую поддержку народов Северной Африки и Ближнего Востока».

Неплохими были отношения между франкистской Испанией и шахским Ираном. Наивысшая точка в их развитии была достигнута в 1956 году, когда был подписан договор о дружбе между двумя странами. Годом позже шах побывал в Мадриде. В 1957 году Испанию посетил президент Пакистана Мирза. Этому визиту была придана антисоветская, антикоммунистическая окраска.

Дружественный характер носили отношения Испании с монархическим Ираком. Франко глубоко скорбел, когда в этой стране произошла революция и король Ирака был свергнут с престола. На следующий день, 15 июля 1958 г., двоюродный брат Франко записал в дневнике:

«Сегодня вечером я встречался с генералиссимусом. Он был крайне озабочен событиями в Ираке, где победила левая революция, провозгласившая республику. «По моим данным, — сказал мне Франко, — американские войска высаживаются в Ливане. Совет Безопасности ООН собрался, чтобы обсудить вопрос об агрессии на Ближнем Востоке. Все это происходит из-за непонимания, проявляемого западными державами, которые колеблются к выгоде коммунистов. Хотя мусульманские народы не готовы к полной независимости, они помнят о поддержке, которую получил Насер и которая имела решающее значение»¹⁹.

В апреле 1959 года был подписан договор о дружбе между Испанией и Турцией. Он имел явную антисоветскую, антикоммунистическую направленность.

Франкисты уделяли большое внимание отношениям с режимом Чан Кайши на Тайване. Министры иностранных дел двух диктаторских режимов встречались неоднократно (в 1957 и 1958 гг. — в Мадриде и в 1960 г. — в Тайбее). В 1961 году была проведена встреча начальников генераль-

ных штабов Испании и Тайваня. Газеты сообщали о «глубокой симпатии», которую испытывали друг к другу Франко и Чан Кайши.

При всем своем антикоммунизме каудильо не мог, однако, не считаться с реальной действительностью и с получавшими все более широкое распространение настроениями в пользу разрядки международной напряженности. Постепенно, высказываясь об СССР, он начинает отказываться от прежних стереотипов. Беседуя со своим братом, Франко делает красноречивое признание:

— Я думаю, что русский народ не хочет войны... Россия хочет мира.

В своих признаниях он заходит еще дальше:

— Русские не могут забыть тот факт, что политика их руководства позволила им стать второй державой планеты, готовой к тому же стать первой. Культура в России достигла больших высот. Все учатся, все работают и таким образом добиваются все новых успехов²⁰.

Вслед за выводами, сформулированными в беседах с глазу на глаз, без свидетелей, следует публичное выступление в кортесах. Франко позволяет себе высказываться в том смысле, что не следует ставить знак равенства между западной цивилизацией и капитализмом и признает необходимость мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Испания устанавливает торговые контакты с Болгарией, Венгрией, Польшей, Румынией и Советским Союзом.

В 1965 году исполнилось 20 лет с момента окончания второй мировой войны. ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР обратились по этому случаю к правительствам, парламентам и народам всех стран, призвав их умножить усилия для урегулирования проблем, оставшихся в наследство от войны. В обращении особо подчеркивалась необходимость «создания прочной системы европейской безопасности на основе принципов мирного сосуществования и делового сотрудничества государств с различным общественным строем». Из этой системы не исключалось, разумеется, ни одно государство Европы, в том числе и Испания.

VIII

ПОДГОТОВКА «ПОСТФРАНКИЗМА»

Внешний облик Испании менялся буквально у всех на глазах. Крестьяне Кастилии, Арагона, Андалусии, Эстремадуры веками обращались с молитвами к небу, чтобы оно оросило их засушливые земли живительной влагой. 60-е годы ознаменовались строительством крупных гидротехнических сооружений, что позволило оросить полмиллиона гектаров пашни. По созданию плотин Испания вышла на третье место в капиталистическом мире, уступая лишь Соединенным Штатам и Японии. Повсеместно росли оснащенные высокопроизводительным оборудованием промышленные предприятия. Быстро развивались многие отрасли промышленности. Появились и новые, ультрасовременные, такие как атомная энергетика (в 1968 г. была открыта первая атомная электростанция в Сорите). Широкий размах приняло градостроительство.

Как отмечалось выше, тремя основными источниками средств, необходимых для экономического развития страны, были иностранные инвестиции, доходы от туризма и поступления от испанских трудящихся-эмигрантов, переводивших заработанные на чужбине деньги домой, на родину. Общий приток внешних финансовых средств, поступивших в Испанию в течение 1960—1976 годов, составил внушительную сумму — 40 млрд. долл. Именно они позволили оплатить широкий импорт новейшей техники и технологии и осуществить, причем ускоренными темпами, программы промышленного развития страны.

Экономическое развитие Испании с неизбежностью вело к быстрому росту рабочего класса — объективно самого решительного и последовательного противника франкистского режима. Испанские коммунисты развернули активную деятельность среди рабочих, проникнув в

«вертикальные синдикаты», которые ввиду обязательного членства в них всех трудящихся насчитывали свыше 12 млн. человек. При этом коммунисты следовали совету В. И. Ленина, который учил «уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса»¹. В недрах франкистских «вертикальных синдикатов» родились в условиях подполья подлинно классовые профсоюзы — «рабочие комиссии», руководимые коммунистами.

Полное банкротство потерпела политика франкистского режима по национальному вопросу. Подавление прав населения национальных районов, отмена автономии, которой жители этих районов пользовались до установления диктатуры, превратили басков, каталонцев, галисийцев, представителей всех национальностей Испании в еще более непримиримых противников франкистской системы.

Одновременно происходило сужение социальной базы франкизма. Все более дистанцировавшиеся от Франко представители буржуазии стали называть себя «цивилизованными правыми» (этот термин был пущен в оборот Арейльсой, который впервые использовал его на одном из собраний в Барселоне в 1968 г.). От каудильо отвернулась значительная часть духовенства, служившего прежде одной из важных опор диктатуры. Она следовала новому курсу Ватикана, избранному папами Иоанном XXIII и Павлом VI, которые призывали католиков повернуться лицом к актуальным вопросам современного мира². Антифранкистские настроения проникли в государственный аппарат и даже в армию.

В конце 1966 года правительство Испании приняло решение реабилитировать участников гражданской войны, воевавших на стороне республики. В этой связи Центральный Комитет КПСС направил Центральному Комитету КПИ телеграмму, в которой выражалась надежда, что «это решение правительства позволит беспрепятственно вернуться на родину всем испанским демократам, находящимся ныне в изгнании». «Одержанная победа, — указывалось в телеграмме, — является результатом долгой и упорной борьбы коммунистов, всех прогрессивных сил Испании, а также международной демократической общественности за предоставление всеобщей и полной

амнистии политическим заключенным и политэмигрантам»³.

Все эти факты подтверждали правильность выдвинутого КПИ еще в 1956 году, 20 лет спустя после франкистского мятежа, лозунга национального примирения всех испанцев, независимо от того, по какую сторону баррикады они, их отцы и деды сражались в годы гражданской войны. Как указывалось в докладе Генерального секретаря КПИ Долорес Ибаррури на пленуме ЦК партии, состоявшемся в августе 1956 года, провозглашение такого лозунга не имело ничего общего с проповедью классового мира. Оно было направлено исключительно на достижение широкого согласия различных слоев населения страны на антифашистской основе с целью ускорить свержение диктатуры Франко мирным путем⁴.

Однако сам каудильо все еще рассчитывал, что ему удастся увековечить режим диктатуры в Испании. Поэтому он взял в собственные руки подготовку «постфранкизма». В ноябре 1966 года франкистские кортесы приняли «органический закон», который определял порядок замены главы государства в случае смерти каудильо. Закон предусматривал создание регентского совета и назначение короля или регента. Пост короля или регента мог занять испанец католического вероисповедания не моложе 30 лет. Будущий глава государства должен был поклясться соблюдать принципы «национального движения». 14 декабря новый закон был утвержден на референдуме, после чего вступил в силу.

Занять место каудильо после его смерти мечтали многие «сильные личности» режима, но особенно серьезными претендентами считались генерал Муньос Грандес, которого диктатор еще в 1962 году назначил заместителем председателя правительства (при несуществующем председателе), и адмирал Луис Карреро Бланко, старый приятель Франко (со времен войны в Марокко), сделавший карьеру не на море, а в коридорах власти. Нетерпение Муньоса Грандеса, считавшего, что регентство у него уже почти в кармане, сослужило ему плохую службу. Сухопутный адмирал ловко воспользовался неумным честолюбием соперника и настроил против него каудильо. В итоге в августе 1967 года Муньос Грандес был отстранен от занимаемой должности, а 21 сентября Франко назначил заместителем председателя правительства Карреро Бланко.

И все же вопрос о том, кто встанет в будущем во главе испанского государства — регент или король, оставался открытым. 5 января 1968 г. принцу Хуану Карлосу

исполнилось 30 лет, а в конце того же месяца у него родился сын. Проходит еще полтора года, и 22 июля 1969 г. Франко официально назначает его своим преемником. Он полагает, что будущее созданного им режима в Испании обеспечено.

17 января 1966 г. произошло событие, которое надолго омрачило испано-американские отношения и дало толчок разворачиванию широкого антивоенного движения в Испании.

В районе деревни Паломарес, на юге страны, столкнулись два американских военных самолета — заправщик, стартовавший с базы Морон, и бомбардировщик В-52 с грузом водородных бомб⁵.

...Казалось, ничто не предвещало беду. Деревня жила своей обычной жизнью. В этот утренний час большинство мужчин трудились на полях. Оставшиеся дома женщины возились по хозяйству. На улицах можно было увидеть лишь беседующих стариков да играющих детей. Был слышен гул самолетов, к которому здесь давно привыкли: американские военные самолеты чуть ли не ежедневно совершали учебно-тренировочные полеты.

Нынешнему мэру Паломареса Антонии Флорес тот далекий день запомнился навсегда. Она была еще маленькой девочкой, но случившееся запечатлелось у нее в памяти с поразительной ясностью. Вот что она рассказала 20 лет спустя корреспонденту шведской газеты «Дагенс нюхетер»:

— Сначала раздался грохот. Затем мой брат крикнул: «Горит небо!» Мы испугались и бросились в дом. Когда снова вышли на улицу, то увидели сначала большой черный столб дыма. Нас было много, детей, прибежавших посмотреть, что произошло. Мы стали собирать обломки бомб в качестве трофеев. Прошло три дня, прежде чем мы узнали, что это были ядерные бомбы. В течение этих трех дней все продолжали жить обычной жизнью, ели выращенные на земле Паломареса овощи, пили воду, трогали обломки. Затем те, кто жил особенно близко к месту, где упали бомбы, были переселены подальше.

Столкнувшись с самолетом-заправщиком, бомбардировщик сбросил свой груз — четыре 25-мегатонные водородные бомбы. Три бомбы рухнули на землю, причем две из них раскололись, а находившаяся в них начинка распространилась на большой территории. Четвертая бомба упала в Средиземное море, и на ее поиски были брошены чуть ли не все американские военные корабли, дислоци-

рованные в этом регионе. Бомбу искали почти три месяца, прежде чем она наконец была найдена.

В первый момент американское командование, признав факт катастрофы, в которой погибли семь летчиков, попыталось скрыть опасность обрушившегося на землю смертоносного груза. В конце концов, однако, оно было вынуждено признать, что речь шла о водородных бомбах. Через несколько часов после катастрофы почти 2 тыс. американских солдат с расположенных неподалеку военных баз разбили вблизи деревни свой лагерь. Четыре месяца они собирали обломки самолета и бомб. С места катастрофы были вывезены тысячи тонн земли, а также выращенные на ней овощи, которые подверглись уничтожению на кладбище ядерных отходов в Эйкене (США). Это была секретная операция под кодовым названием «Сломанная стрела». Американские солдаты сменялись каждые полмесяца и были обеспечены дополнительными средствами защиты помимо специальной одежды, которую они носили все время. Что касается испанцев, то о них тогда не позаботился никто. Лишь через год после катастрофы 70 жителей Паломареса были вызваны в Мадрид для медицинского обследования.

Власти сделали все для того, чтобы успокоить общественность. Тогдашний министр информации Фрага Ирибарне и посол США приехали в деревню и выкупались на соседнем пляже. Они знали при этом, что им ничто не угрожало.

— Это был неудачный пропагандистский трюк, — усмехается Антония Флорес. — Ведь из упавшей в море бомбы не произошло утечки плутония. Радиоактивному заражению подверглась только поверхность земли в том месте, где расколовшиеся при падении две ядерные бомбы заразили почву радиоактивным плутонием.

В деревне проживали 1200 человек. Через 20 лет в ней осталось лишь 800, остальные покинули ее, опасаясь последствий радиации. Уже после смерти генерала Франко вызовы жителей Паломареса в Мадрид для медицинского осмотра стали регулярными, ежегодными. Однако результаты обследований до сих пор держатся в секрете.

— Каждый раз мы слышали лишь, что все идет, как надо, что у нас нет причин для беспокойства, — рассказывает далее мэр. — Но если действительно все в порядке, то почему нам все еще не позволяют ознакомиться с данными наших обследований? Здесь что-то не так, и мы не сдадимся до тех пор, пока не узнаем всей правды.

За истекшие годы несколько жителей умерли от лейкемии. В деревне родились двое детей с врожденными дефектами.

— Власти утверждают, что эти цифры ниже средних показателей по стране, — говорит Антония Флорес. — Однако каждый раз, когда здесь кто-либо заболевает, это обсуждает вся деревня. И кто знает, что может проявиться через десять, двадцать или тридцать лет? И как пострадают будущие поколения? Вероятно, вся правда известна лишь Вашингтону...⁶

Как бы подтверждая эти слова мэра, радиобиолог из Высшего совета научных изысканий в Барселоне Э. Родригес Фарре заявляет, что проводимые сейчас медицинские обследования недостаточны и должны включать проверку хромосом. Население Паломареса должно было быть эвакуировано еще в момент инцидента, считает он. Зараженная территория почти наверняка гораздо больше, чем это было признано официально⁷.

В связи с инцидентом в Паломаресе правительство СССР направило правительству США 16 февраля 1966 г. памятную записку. В ней говорилось, в частности, о серьезной опасности, которую представляют полеты американских бомбардировщиков с ядерным оружием на борту за пределами национальных границ⁸.

Для Вашингтона Паломарес был лишь второстепенным эпизодом, мелкой оплошностью, которую следовало поскорее забыть, чтобы возобновить усилия по все более прочному привязыванию Испании к военной машине Запада. В 1966 году подкомиссия по европейским делам, созданная в рамках комиссии по иностранным делам палаты представителей конгресса США, высказалась в пользу приема Испании в НАТО. Однако состоявшаяся в том же году очередная сессия Совета НАТО не последовала этой рекомендации.

Военная политика Вашингтона, грозившая втянуть союзников США в конфликты в самых отдаленных уголках земного шара, начала все больше беспокоить отдельных членов Североатлантического союза. Не желая быть втянутой в американские авантюры, в 1966 году из объединенной военной организации НАТО вышла Франция (сохранившая членство лишь в политических органах союза). По требованию де Голля Соединенные Штаты эвакуировали из этой страны все свои войска, демонтировав оборудованные там после создания НАТО военные базы.

Во время визита в Париж в конце 1967 года Лопеса

Родо и Кастиэльи среди тем, обсуждавшихся на переговорах с де Голлем, затрагивалась и судьба американских военных баз на испанской территории. По словам газет, министр иностранных дел Испании признался главе французского государства, что был бы не прочь вырваться из паутины, в которую Мадрид попал, подписав соглашения с США в 1953 и 1963 годах.

Сделать это было, однако, нелегко. Американские генералы не ослабляли военного давления на своих союзников, и весной 1967 года были проведены совместные маневры воздушно-десантных войск двух стран. Одновременно Соединенные Штаты усилили воздействие на испанское правительство, используя в этих целях возможности своего Центрального разведывательного управления. В распоряжение служб ЦРУ был выделен весь шестой этаж посольства США в Испании. Половина работавшего под дипломатическим прикрытием состава сотрудников ЦРУ была замаскирована как «персонал ВВС», а другая — как «политические советники» государственного департамента.

13 марта 1967 г. генерал Франко Сальгадо-Араухо отмечает в дневнике, что беседовал с каудильо о ставших достоянием гласности случаях вмешательства ЦРУ во внутренние дела многих иностранных государств, включая Испанию. «Я, — пишет автор дневника, — назвал достойным сожаления тот факт, что подобным образом поступает страна, которая является нашим союзником. Каудильо в ответ заявил:

— Я допускаю, что этот орган вмешивается во внутреннюю политику европейских стран. Трудно, однако, конкретно обсуждать деятельность ЦРУ, особенно если, как утверждают, она разворачивается под эгидой американского посольства в Мадриде. Но эта деятельность, осуществляемая во имя интересов Соединенных Штатов, не достигает цели. Я полагаю, что действия, предпринимавшиеся в западном мире против нас, исходили от организаций, получавших средства от ЦРУ... Американцы постоянно озабочены обеспечением безопасности своего государства. Поэтому они наносят удары то направо, то налево в зависимости от того, что им представляется наиболее подходящим для достижения своей цели. Однако в случае с Испанией я полагаю, они заблуждаются, поскольку на деле благоприятствуют беспорядку и подрывной деятельности, что в конечном итоге приносит выгоду России».

Полтора месяца спустя Франко вновь коснулся вопроса о деятельности ЦРУ на территории Испании. Он сказал:

— Наше правительство хорошо информировано об этой деятельности и следит за ней с близкого расстояния⁹.

На деле, как утверждал позднее бывший сотрудник испанской разведки и агент ЦРУ Луис Гонсалес Мата, «с близкого расстояния» за каждым шагом испанского правительства следило американское ведомство. ЦРУ внедрило своих людей в правительственные учреждения Испании и даже в ее спецслужбы. Больше того, они использовали сотрудников Главного управления безопасности Испании для шпионско-диверсионных миссий не только в самой этой стране, но и за рубежом. Вот как рассказывал он, к примеру, о начале майских событий 1968 года в Париже:

— Первая вспышка студенческого мятежа в Латинском квартале произошла в пятницу, 3 мая 1968 г. Затем перерыв в выходные дни, и битва возобновляется в понедельник, 6 мая, в районе Сен-Жермен-де-Пре. 7 мая длинный кортеж студентов пересекает Париж. В пятницу, 10 мая, к вечеру Латинский квартал покрывается баррикадами. Во французской контрразведке, в испанских, западногерманских спецслужбах, в ЦРУ никто не мог понять, что происходит. Старые досье оказались бесполезными. Можете представить себе затруднительное положение тайных агентов, когда им предложили разобраться, где действует троцкист-франкист, где — троцкист-ламбертист или маоист. Я получил приказ полковника Бланко*. Мадрид требовал от меня внедриться в движение и выявить испанцев, которые могли принимать участие в манифестациях. Генерал Франко заботился лишь о том, чтобы избежать переноса заразы за Пиренеи. Требования ЦРУ были гораздо большими.

Далее Гонсалес Мата приводит разговор, который, по его словам, состоялся у него с представителем ЦРУ в Париже:

— Вам предстоит предпринять акцию против французского правительства.

— Что вы сказали?

— Может быть, нам представляется случай избавиться от генерала де Голля.

— Вы предпочитаете ему леваков?

— Леваки никогда не придут к власти, а беспорядки —

* Полковник Эдуардо Бланко Родригес с 1965 года по 1974 год занимал пост генерального директора Главного управления безопасности Испании.

если они примут широкий размах — напугают французскую буржуазию. Она заставит де Голля изменить политику, отдалиться от стран Востока и от «третьего мира» и сблизиться с Соединенными Штатами. А может быть, даже откажет генералу в доверии и сделает ставку на другие партии, с которыми мы сможем поладить гораздо легче.

— Как же воплотить эту задачу в конкретные дела?

— Надо способствовать беспорядкам, провоцировать инциденты между их участниками и службой охраны порядка. Только таким образом мы можем вызвать взрыв возмущения молчаливого большинства¹⁰.

(Заметим в скобках, что в 1969 г. де Голль действительно был вынужден подать в отставку с поста главы французского государства.)

У испанского правительства не было таких средств воздействия на американцев, какими США обладали для вмешательства в дела других стран. Но оно пыталось использовать к своей выгоде события в Паломаресе и вызванную ими волну антиамериканских настроений в Испании. В связи с истечением в 1968 году срока действия испано-американских соглашений 1963 года франкисты решили запросить более высокую цену за свое военное сотрудничество с Соединенными Штатами. В феврале 1968 года испанский посол в США Мерри дель Валь вручил представителю государственного департамента меморандум, суть которого сводилась к тому, что Соединенные Штаты «экономически эксплуатируют Испанию». Испанцев возмутил также заход кораблей 6-го американского флота, курсировавших в Средиземном море, в Гибралтар. Он был воспринят в Мадриде как выражение поддержки английской позиции в вопросе о судьбе этой военной базы.

Наконец, в Мадриде не остался незамеченным тот факт, что отныне в Средиземном море наряду с американскими несли вахту корабли Советского Военно-Морского Флота. Как признал, выступая с речью в кортесах в апреле 1968 года, министр иностранных дел Кастилья, присутствие советского флота в Средиземноморье побудило Испанию «очень внимательно пересмотреть все сегодняшние и будущие военные соглашения».

Когда начались переговоры о продолжении соглашений, представители Испании выдвинули целый ряд новых условий. Они настаивали, в частности, на том, чтобы соглашения были заменены «договором об обороне»,

который носил бы равноправный характер для обеих сторон. Речь шла о том, чтобы Испании был предоставлен такой же юридический статус, на котором основывались военные связи между США и их союзниками по НАТО. Испанское правительство хотело, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя обязательство защищать испанскую территорию в случае войны. В Мадриде настаивали также на существенном расширении военной и экономической помощи Испании со стороны США.

К этому моменту американское военное присутствие в Испании было уже весьма значительным, и американцы не обнаруживали ни малейшего желания уходить из этих мест. Скорее наоборот: Соединенные Штаты продолжали укреплять свои военные базы, размещенные на испанской территории. А тем временем американская пропаганда пыталась уверить испанцев в том, что эти базы служат «надежным щитом» для Пиренейского полуострова, которому якобы угрожают не атомные бомбы США, а Советский Союз.

База в Торрехоне использовалась в качестве штаб-квартиры 16-й воздушной армии Соединенных Штатов. По словам мадридской газеты «Арриба», она занимала площадь 1320 га и могла принять до 3600 солдат и офицеров. Сооружение этой базы обошлось в 4,34 млрд. испанских песет.

Другая военно-воздушная база США находилась в Морон-де-ла-Фронтере, на юге Испании. Здесь разместились бомбардировщики стратегического назначения и военный персонал численностью около 600 человек. Площадь базы — 1000 га, стоимость сооружения — 2,3 млрд. песет.

Третья база военно-воздушных сил США была дислоцирована в районе Сарагосы. Ее площадь 1800 га, а вместимость казарм — 900 мест. На строительство базы было израсходовано 2,59 млрд. песет.

Наконец, четвертая крупная американская военная база была сооружена у морского побережья близ Роты. «Она гвоздь всей сложной системы американских баз в Испании, — писала «Нью-Йорк таймс». — Стратегически выгодное расположение близ порта Кадис и Гибралтарского пролива делает ее господствующей на подступах к Западному Средиземноморью».

Рота стала одной из трех точек за пределами Соединенных Штатов, где базировались американские подводные лодки, оснащенные ракетно-ядерным оружием. Ря-

дом — ангары для самолетов, несущих патрульную службу над Средиземным морем. Склады горючего были рассчитаны на обслуживание нескольких авиационных баз. Управление снабжения базы обеспечивало транспортировку грузов, часть которых предназначалась для кораблей 6-го американского флота, а также для военных баз США в Англии, Италии и в Африке. Площадь наземных сооружений базы — 2400 га. Их строительство обошлось в 5530 млн. песет. Газета «Арриба» писала, что на базе были размещены 2700 военнослужащих, а «Нью-Йорк таймс» называла значительно большую цифру — 10 с лишним тысяч человек¹¹.

Переговоры о продлении соглашений проходили очень тяжело и неоднократно прерывались. Ни одна из сторон не желала отступать от своей первоначальной позиции. В итоге 26 сентября 1968 г. срок действия соглашений истек, а новые все еще не были готовы. В связи с этим по предложению испанской стороны было решено считать соглашения действующими в течение еще шести месяцев, а тем временем провести новый тур переговоров.

Пытаясь вывести возникшую ситуацию из тупика, в ноябре в Мадрид прилетел государственный секретарь США Д. Раск, которого сопровождал председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал Э. Уилер. Но и эта поездка оказалась безрезультатной.

Тем временем в США произошла смена администрации. Вместо демократа Линдона Джонсона президентом стал республиканец Ричард Никсон. После того как в марте 1969 года истек дополнительный шестимесячный срок действия соглашений 1963 года, в переговоры с американской стороны включился новый государственный секретарь США Уильям Роджерс. Однако и ему с первого захода не удалось разгрызть «испанский орешек», оказавшийся слишком твердым. Переговоры были вновь прерваны и возобновились в мае 1969 года. Лишь 20 июня 1969 г. Кастиэлья и Роджерс смогли подписать в Вашингтоне новый документ. Он носил компромиссный характер и не давал полного удовлетворения ни одной из сторон.

Было решено, что Соединенные Штаты сохраняют на условиях аренды две военно-воздушные и одну военноморскую базы до 26 сентября 1970 г. После этой даты, если не будет достигнуто согласия, удовлетворяющего как Вашингтон, так и Мадрид, американцам будет предоставлен год для эвакуации своих вооруженных сил с испанской территории. Уровень американской военной по-

мощи определялся в 50 млн. долл., к которым добавлялся заем экспортно-импортного банка США в размере 35 млн. долл. для закупки Испанией американского оружия.

Но Франко не собирался порывать с американцами. 29 октября 1969 г. он уволил в отставку министра иностранных дел Кастиэлью, который снискал себе репутацию «антиамериканца» и «европеиста». Новым главой дипломатического ведомства стал еще один член «Опус деи» Грегорио Лопес Браво.

После того как в феврале 1970 года во время очередного заседания американо-испанского консультативного комитета по вопросам обороны в Вашингтоне делегация США дала согласие уделить «особое внимание» просьбам, представленным Испанией, в марте того же года франкисты разрешили Соединенным Штатам в дополнение к трем базам, аренда которых была подтверждена соглашением от 20 июня 1969 г., возобновить использование военно-воздушной базы в Сарагосе.

В августе 1970 года Лопес Браво, обманув бдительность средств массовой информации, совершил неожиданную поездку в Вашингтон и подписал там с государственным секретарем США Роджерсом соглашение, подтвердившее сохранение Соединенными Штатами всех их военных баз на испанской территории на очередные пять лет. Взамен Испания получала военную и экономическую помощь (преимущественно в виде кредитов на приобретение американского военного снаряжения и оружия), которая достигла 400 млн. долл.

Соглашение обязывало Испанию принимать участие в мероприятиях по «обеспечению безопасности Атлантики и Средиземноморья». Было решено создать специальный комитет по вопросам обороны в составе представителей двух стран. Одним из членов этого комитета становился верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе. По мнению газеты «Вашингтон пост», это было равнозначно вступлению Испании в НАТО «через черный ход».

В знак благодарности Никсон в начале октября 1970 года отправился в гости к Франко. В мемуарах, опубликованных в 1978 году, он особо подчеркивает «европейскую направленность» своей политики. Касаясь проведения им переговоров с руководителями различных государств Западной Европы, включая Испанию, бывший президент заявляет, что хотел продемонстрировать, что

«к власти в Вашингтоне пришла новая, заинтересованная в их делах администрация»¹².

Комментируя отношение президента к франкистскому режиму, тогдашний государственный секретарь США Генри Киссинджер признает позднее, что в Вашингтоне серьезно задумывались о том, как сохранить Испанию в военной орбите США после смерти диктатора:

— Географическое положение Испании превращало большое стратегическое значение этой страны для Запада в аксиому. Начиная с 50-х годов сменявшие друг друга администрации обеих партий заключали соглашения с франкистским правительством относительно баз для стратегических бомбардировщиков и подводных лодок с ракетами «Поларис»... Оппозиция разоблачала соглашения с фашистской страной, называя их ненужными и неприемлемыми с моральной точки зрения. Администрация же не могла согласиться покинуть испанские базы.

Г. Киссинджер рассказывает о визите своего шефа в Испанию:

— Никсон был не первым американским президентом, посетившим Мадрид. Эйзенхауэру был оказан там триумфальный прием в декабре 1959 года. Одной из навязчивых идей Никсона было сравняться, а по возможности и превзойти предшественника, которого он уважал и которому одновременно завидовал. Но переговоры о базах к тому времени были уже завершены, переход же к «постфранкизму» представлял собой слишком деликатную тему для того, чтобы даже намекать на нее. В результате переговоры с Франко — по крайней мере для меня — не оставили в памяти ровным счетом ничего¹³.

Испанское правительство было озабочено в тот период не столько состоянием отношений с Соединенными Штатами, сколько другими проблемами. Принятое Комитетом ООН по деколонизации в 1964 году решение, в соответствии с которым Англия должна была разработать новый статус Гибралтара, как и следовало ожидать, осталось невыполненным. Поэтому Испания вновь обратилась в 1967 году в эту международную организацию с просьбой высказать свою точку зрения по вопросу о судьбе Гибралтара. 19 декабря 1967 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой высказалась за ликвидацию «колониального состояния Гибралтара».

Мадридская печать метала громы и молнии в адрес «английских колонизаторов», однако власти не драматизи-

ровали ситуацию. В беседе с глазу на глаз со своим братом Франко сказал:

— Необходимо учитывать образ мыслей англичан... Гибралтар — это последний осколок престижа Англии в мире, и нельзя ждать, что мы сможем продвинуться вперед с помощью насилия и добиться таким образом возвращения того, что было отобрано у нас по Утрехтскому договору¹⁴.

Дискуссия в ООН показала, что большинство молодых развивающихся государств не слишком верило в искренность Испании, поскольку эта страна сама проводила политику колониализма на Африканском континенте.

Чтобы предстать в лучшем свете перед «третьим миром», испанское правительство начиная с середины 60-х годов предприняло новые усилия для дальнейшей активизации традиционно интенсивных отношений с арабскими странами. В момент израильской агрессии против соседних арабских государств в июне 1967 года оно солидаризировалось с жертвами агрессии.

В декабре того же года между Мадридом и Каиром было подписано соглашение о культурном сотрудничестве. На договорную основу были поставлены культурные связи Испании с другими государствами Северной Африки и Ближнего Востока, в том числе с Алжиром, Тунисом, Марокко, Сирией, Ливаном и Ираком.

Стремясь разрядить напряженность в отношениях с Марокко, Испания возвратила этой стране в январе 1969 года Ифни — свое владение, окруженное со всех сторон марокканской территорией.

Несколькими месяцами раньше, в октябре 1968 года, было достигнуто соглашение о предоставлении Испанией национальной независимости Рио-Муни (Экваториальной Гвинее). Подписание соглашения явилось результатом длительной борьбы населения Рио-Муни против испанского колониального владычества. Надеясь сбить накал национально-освободительного движения на этой территории, Мадрид еще в 1960 году предоставил ее жителям такие же права, какими пользовались испанские граждане. Учитывая реальное бесправие испанцев в условиях франкизма, это решение Мадрида не имело сколько-нибудь существенного значения для африканцев. В августе 1963 года Мадрид сделал очередной шаг навстречу требованиям жителей Рио-Муни. Им была предоставлена экономическая и административная автономия.

Формальное предоставление Рио-Муни независимости

в 1968 году не привело, однако, к созданию там подлинно самостоятельного государства, поскольку Мадрид сохранил в своих руках все рычаги воздействия на экономику страны. В феврале 1969 года президент Экваториальной Гвинеи Масиас Нгема потребовал от испанцев подкрепить взятое ими обязательство конкретными делами, которые привели бы к обеспечению экономической независимости его страны. Франкисты бросили против законных властей нового государства свои вооруженные силы, которые оккупировали Экваториальную Гвинею, несмотря на провозглашение ее независимости. Президент Масиас Нгема обратился за поддержкой в Организацию Объединенных Наций и попросил Генерального секретаря ООН направить в свою страну международные силы безопасности. Лишь после этого, стремясь как-то уладить возникший конфликт и опасаясь новых разногласий с международным сообществом, Франко отдал приказ своим войскам покинуть Экваториальную Гвинею.

Но особенно много забот принесли испанскому правительству переговоры с «Общим рынком». Домогательства Мадрида не вызвали энтузиазма практически ни у одного из членов ЕЭС. Страны Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды и Люксембург), например, считали, что сближение с Испанией может привести к политическим издержкам для сообщества. Франция и Италия, со своей стороны, не скрывали, что опасаются конкуренции испанцев на рынке сельскохозяйственных продуктов. Благожелательный нейтралитет соблюдала лишь Западная Германия. Во время переговоров, которые в марте 1966 года вел в Мадриде министр иностранных дел ФРГ Г. Шредер, испанские собеседники поставили перед ним вопрос о содействии сотрудничеству их страны с ЕЭС. Шредер обещал представителям испанского правительства помочь расширить связи Испании с «Общим рынком».

9 февраля 1969 г. руководство Европейского экономического сообщества получило официальное письмо министра иностранных дел Испании Кастиэльи, в котором говорилось: «Территориальная близость моей страны к сообществу побуждает мое правительство добиваться ассоциации, способной в свое время вылиться в интеграцию после преодоления этапов, необходимых для того, чтобы испанская экономика смогла приспособиться к условиям Общего рынка»¹⁵.

Вряд ли письмо Кастиэльи могло оказать скольконибудь существенное воздействие на участников перегово-

воров. Однако дискуссия к тому моменту уже продвинулась столь далеко, что какой-то промежуточный итог мог быть подведен при соблюдении интересов всех сторон. 29 июля 1970 г. в Люксембурге было подписано соглашение о преференциальной торговле. Оно предусматривало снижение таможенных тарифов на испанскую промышленную продукцию, ввозимую в страны ЕЭС, в среднем на 65 %. Испания, в свою очередь, предоставляла странам ЕЭС право наиболее благоприятствуемой нации и некоторые другие таможенные привилегии. 1 октября соглашение вступило в силу.

Член испанской делегации А. Алонсо, латифундист из Ла-Манчи, ставший дипломатом, делится воспоминаниями об атмосфере того времени:

— Участники переговоров тщательно избегали их политизации. Они держались строго экономических рамок, сознавая невозможность политического диалога между представителями сообщества и посланцами генерала Франко. Однако при подписании соглашения министр иностранных дел и пресса Испании не выдержали. Они выступили с подчеркнуто политическими заявлениями, давая понять, что сделан первый шаг к вступлению страны в Европейское сообщество¹⁶.

В отличие от своих друзей в Западной Европе, Соединенные Штаты не видели никаких препятствий для сотрудничества с франкистами во всех областях.

В докладе, представленном конгрессу весной 1971 года, государственный секретарь США У. Роджерс снова говорил о необходимости принятия Испании в НАТО. Вскоре после этого министр обороны США М. Лэйрд предпринял попытку убедить своих коллег на одном из очередных натовских заседаний в том, будто «неучастие Испании в Атлантическом союзе значительно ослабляет оборону южного фланга». И опять эта попытка не удалась.

В этот период руководители американской дипломатии приступили к разработке новых концепций о характере взаимоотношений с Западной Европой и Японией. Они подумывали о перераспределении ролей, с тем чтобы обеспечить интересы США при меньших издержках, рассчитывая переложить часть этих издержек на плечи партнеров. В апреле 1973 года США предложили своим союзникам разработать «новую атлантическую хартию». Переговоры на межправительственном уровне велись на фоне активизации деятельности транснациональных корпораций, которые создали в июле 1973 года по инициативе прези-

дента «Чейз Манхэттен бэнк» Д. Рокфеллера трехстороннюю комиссию (США — Западная Европа — Япония). Вместе с родившимся еще в 1952 году при участии того же Рокфеллера и других руководителей монополистического капитала «Бильдербергским клубом» она стала, по выражению Л. Гонсалеса Маты, своего рода «теневым кабинетом» международного капитала, «приготовительным классом», через который прошли многие из тех, кто впоследствии занял руководящие посты в своих странах (упомянем среди них Джимми Картера, Маргарэт Тэтчер, Жоржа Помпиду, Гельмута Шмидта, Франца-Йозефа Штрауса, Мануэля Фрагу Ирибарне, Джозефа Лунса)¹⁷.

«Кое-кто говорит, — отмечала газета «Таймс», — что это замкнутая группа самых богатых и самых влиятельных в экономическом и политическом отношении людей западного мира. Они встречаются секретно, чтобы выработать план событий, которые затем происходят как бы сами собой».

В Вашингтоне с настороженностью следили за развитием политической обстановки в Испании. Для сбора информации и оказания воздействия на испанских деятелей спецслужбы США ловко использовали широко распространенную в Испании систему совместительства. По данным испанского журнала «Экономия индустриаль», совместительство и сверхурочные работы привели к удлинению фактической рабочей недели и в начале 70-х годов она составляла в среднем 58 часов для рабочих и 48 — для служащих.

Американцы и их союзники приглашали на работу в филиалы и представительства своих фирм и в другие учреждения испанцев, работавших в других местах и имевших доступ к сведениям, которые интересовали правительство США. Совместительство оплачивалось щедро, значительно выше, чем основная работа. В результате в Вашингтоне получали подробную информацию обо всем, что происходило на испанской земле.

Любопытно, что предложение занять почетный пост «советника» в одной из иностранных фирм было сделано даже Франко Сальгадо-Араухо. «Уговорить» генерала, который в тот момент руководил военным секретариатом главы государства, было поручено Г. Гамбаре, бывшему послу фашистской Италии при штабе франкистских мятежников. «Я ответил ему, — пишет автор дневника, — что очень благодарен за предложение, однако не могу принять его, учитывая мое служебное положение». Итальян-

янец, добавляет генерал, был, без сомнения, удивлен, что встретил человека, который отказался от такого предложения в момент, когда высшие сановники режима буквально лезли в драку из-за «тепленьких местечек», приносящих немалый доход¹⁸.

Именно в этот период было отмечено возвышение адмирала Карреро Бланко, которого почти открыто прочили в преемники Франко. В середине 1973 года Испания получила в его лице первого за треть века председателя совета министров (ранее эти функции выполнял глава государства). По свидетельству испанского историка Рамона Гарриги, исследовавшего функционирование механизма власти в период диктатуры, сухопутный адмирал, которого за приверженность политике репрессий прозвали Огро (людоед), занимал первое место среди окружавших каудильо льстецов, называя его посланцем бога. Стремясь увековечить фашистский режим в Испании, он заявлял: «Пусть никто в стране и за ее пределами не тешит себя ни малейшей надеждой на изменение установленного нами порядка»¹⁹.

Соединенные Штаты констатировали, что вовлечь Испанию в НАТО при сохранении там прежних порядков им не удастся. Требовалась хотя бы символическая, хотя бы чисто внешняя либерализация. Кстати, этот факт косвенно признает в своих мемуарах Г. Киссинджер. Приход Карреро Бланко на смену Франко в качестве главы государства означал бы не только сохранение, но даже усиление авторитарного характера режима. Этого, учитывая долгосрочные интересы Вашингтона, следовало избежать. Американцам претили также демонстративный национализм главы правительства, его нежелание беспрекословно выполнять приказы из-за океана, публичное возмущение лицемерной «стыдливостью» США и их союзников, проявлявшееся всякий раз, когда по Испании прокатывалась очередная волна репрессий.

Карреро Бланко не только не препятствовал антиамериканским настроениям, но порой даже потакал им. Не без его ведома с антинаатовскими заявлениями выступили, в частности, бывший председатель политической хунты фаланги Серрано Суньер и бывшие министры иностранных дел Мартин Артахо и Кастиэлья. Суньер сделал, например, такое заявление:

— Принято считать, что Испания, как и остальная часть Европы, если начнется война, окажется под угрозой советского оружия. Возможно, это и так. Но если базы

будут ликвидированы, степень риска станет иной: удар будет... не таким неизбежным. Без баз мы могли бы пострадать от последствий конфликта, с ними же неотвратимо навлекаем на себя первые удары, которые в ядерной войне окажутся достаточными, чтобы стереть Испанию с лица земли²⁰.

— Американцы могут, злоупотребив своим положением, использовать базы в Испании для целей, не имеющих ровным счетом ничего общего с защитой отечества, — вторил ему Мартин Артахо, подпись которого стоит под первым соглашением с США, заключенным в 1953 году.

— Военные базы Соединенных Штатов в Испании представляют собой для нас не столько щит, сколько угрозу, — констатировал Ф. Кастиэлья, занимавший пост министра иностранных дел с 1957 по 1969 год.

19 декабря 1973 г. Карреро Бланко встретился с прибывшим в Мадрид с кратким визитом государственным секретарем США Г. Киссинджером, а на следующий день был убит в результате террористического акта, совершенного членами баскской подпольной националистической организации ЭТА.

Как заявил впоследствии бывший испанский разведчик Гонсалес Мата, террористы, организовавшие покушение на Карреро Бланко, фактически исполнили приговор ЦРУ. По словам Гонсалеса Маты, представители американского шпионско-диверсионного ведомства, заранее узнав о готовящемся покушении, информировали об этом помощника президента США генерала А. Хейга (будущего верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе и государственного секретаря США). Хейг вызвал в Вашингтон резидента ЦРУ в Мадриде. Совместно с Киссинджером и при участии руководителей спецслужб он тщательно взвесил все «за» и «против» устранения упрямого адмирала.

— Было принято решение сделать последнюю попытку переубедить Карреро Бланко, склонить его к тщательно дозированному «реформизму» и к более четкой ориентации на Соединенные Штаты, — утверждает бывший разведчик. — Выполнение столь щекотливой миссии взял на себя сам государственный секретарь США. Но миссия Киссинджера завершилась полным провалом. Его слова вызвали у председателя испанского правительства вспышку гнева. Тем самым был окончательно закреплен разрыв и включен хронометр, отсчитывавший последние часы

Карреро Бланко. Агенты ЦРУ не только скрыли от Франко, что им известно о планах ЭТА, но, больше того, продублировали действия баскских террористов, добавив к заложенной ими по пути следования адмирала взрывчатке две противотанковые мины. Бронированный автомобиль, в котором ехал председатель правительства, был подброшен взрывом на 20-метровую высоту²¹.

Еще в июле 1966 года на совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора в Бухаресте была одобрена Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе. Авторы декларации вновь предложили созвать общеевропейское совещание для обсуждения вопросов безопасности и сотрудничества на континенте.

На совещании ПКК, состоявшемся в марте 1969 года в Будапеште, государства — участники Варшавского Договора констатировали, что ни одно правительство не высказалось против идеи общеевропейского совещания. Несколько месяцев спустя, 5 мая того же года, правительство Финляндии выступило с важной инициативой, предложив стать организатором совещания и предварительной встречи для подготовки его созыва. Финская инициатива встретила положительный отклик со стороны целого ряда правительств, в том числе СССР и Испании.

Важными вехами на пути к общеевропейскому совещанию стали Московский договор 1970 года между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии, зафиксировавший принцип нерушимости границ европейских государств, и четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, подписанное в 1971 году СССР, США, Великобританией и Францией. За ними последовали договоры между ФРГ, с одной стороны, Польшей, ГДР и Чехословакией — с другой. ФРГ, где в то время у власти находились социал-демократы, признала недействительность мюнхенского соглашения 1938 года, отказалась от продолжения открытой конфронтации с ГДР, пошла на нормализацию отношений между двумя германскими государствами, признала существующие в Европе реальности.

Весь этот комплекс мер позволил приступить к многосторонним консультациям в Хельсинки с участием представителей 33 европейских государств, включая Испанию, а также США и Канады. Участники консультаций, проходивших в столице Финляндии в два раунда — с 22 ноября по 15 декабря 1972 г. и с 15 января по 7 июня 1973 г., —

подготовили рекомендации относительно организации работы совещания, его повестки дня, состава участников, даты, места проведения, правил процедуры, а также порядка финансирования.

Все это позволило провести Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое открылось в том же 1973 году.

О «постфранкизме» думали не только на Западе, но и в социалистических странах. Разумеется, для СССР и его союзников не могло быть и речи ни о вмешательстве во внутренние дела Испании, ни о признании режима Франко. Однако, исходя из принципов мирного сосуществования государств с различным строем, они дали согласие на участие Испании в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В последние годы, предшествовавшие демонтажу франкизма, были установлены торговые отношения между Испанией и социалистическими странами. Товарооборот между ними рос даже несколько быстрее, чем торговля Испании с капиталистическими и развивающимися странами. В то же время он занимал весьма скромное место во внешнеторговых операциях Испании в целом. Так, в 1970 году экспорт Испании в социалистические страны составил 5,53 % от общего объема испанского экспорта, а ее импорт — 2,27 % от общего объема импорта.

Отношения Испании с социалистическими странами Европы регулировались различными соглашениями торгового и консульского характера. Первые связи между Испанией и Болгарией были завязаны еще в 1963 году, когда в двух странах открылись их торговые представительства. В 1970 году в результате переговоров, которые были проведены в Париже, обе стороны условились об установлении консульских отношений. Позднее было подписано соглашение о платежах, позволившее отказаться от клиринговой системы и перейти на взаимные расчеты в валюте. Между двумя странами были заключены также соглашения о воздушном сообщении, об автомобильных и транспортных перевозках и др.

Определенного развития достигла торговля между Испанией и Польшей. Контакты между этими странами были установлены также в 1963 году. Шесть лет спустя в Варшаве обосновалось испанское торгпредство. В 1974 году было подписано соглашение, в соответствии с которым Польша обязалась экспортировать в Испанию уголь, в то время как испанское правительство взяло обяза-

тельство экспортировать в Польшу продукцию своей металлургической промышленности, а также различное оборудование.

В 1964 году были подписаны первые экономические соглашения между Испанией и Югославией. Пять лет спустя было заключено соглашение о платежах, а в 1972 году объявлено об открытии торговых представительств двух стран. В следующем году был подписан протокол, срок действия которого в дальнейшем продлевался.

Консульское и торговое представительства Испании в Бухаресте были открыты в самом начале 1967 года. Первое крупное соглашение о товарообмене между двумя странами относится к октябрю 1967 года. А три года спустя, в 1970 году, создается двусторонняя смешанная румыно-испанская комиссия по экономическому сотрудничеству.

Установление отношений на уровне консульств между Испанией и Чехословакией произошло в 1969 году. Консульские отношения между Испанией и Венгрией существовали с декабря 1969 года. Постепенно налаживался и товарообмен.

Торговые связи между отдельными, в основном коммерческими, фирмами Испании и советскими внешнеторговыми организациями установились в конце 50-х годов, но были ограничены и не имели сколько-нибудь устойчивых тенденций ни в экспорте, ни в импорте. Обмен товарами происходил, как правило, через посреднические фирмы третьих стран и основывался исключительно на заинтересованности некоторых наиболее динамичных поставщиков традиционных товаров испанского экспорта (цитрусовых, выделанных кож, пробки, проката черных металлов). Из СССР в Испанию поступали — опять-таки в ограниченных количествах — нефть, нефтепродукты и пиломатериалы. Долгое время торговля с Советским Союзом была практически монополизирована несколькими фирмами, а финансовое обслуживание товарооборота осуществлялось через иностранные банки.

Первые после гражданской войны официальные контакты между Испанией и Советским Союзом были установлены на рубеже 60—70-х годов. Сначала в Москве и Мадриде открылись представительства организаций, ведающих вопросами мореплавания. Их учреждение вызывалось необходимостью решения практических вопросов, связанных с ростом грузовых перевозок морем и с заходом судов в порты обеих стран.

Несколько месяцев спустя ТАСС и испанское агентство ЭФЭ договорились об обмене журналистами, а также информационными вестниками для печати. В столице Испании приступил к работе корреспондентский пункт ТАСС, в столице СССР — корпункт ЭФЭ. Впервые после 30 лет перерыва средства массовой информации двух стран начали получать сообщения из Мадрида и Москвы от своих собственных корреспондентов.

15 сентября 1972 г. в Париже было подписано торговое соглашение. Обе стороны условились «содействовать тому, чтобы товарооборот между Союзом Советских Социалистических Республик и Испанией носил по возможности постоянный и регулярный характер и осуществлялся в гармоничной форме и на разумно сбалансированной основе, с тем чтобы в наиболее полной мере были использованы возможности экономики их стран». СССР и Испания взаимно предоставили друг другу режим наибольшего благоприятствования в торговле.

Одновременно с этим соглашением был заключен и протокол об учреждении торговых делегаций, которым были поручены и консульские функции. Торговое соглашение вступило в силу 28 февраля 1973 г., а осенью того же года были организованы и начали работать торговые делегации обеих стран соответственно в Москве и Мадриде.

Наконец, тогда же было создано смешанное акционерное общество «Совиспан» со штаб-квартирой на Канарских островах. Вскоре оно уже оказывало большую помощь судам советского и испанского рыбного промысла, торгового и научного флотов, бороздившим воды Атлантики.

Разумеется, обмен морскими представительствами, журналистами, а чуть позже и торгпредствами, равно как и создание смешанного общества, не имел ничего общего с признанием Советским Союзом режима Франко.

IX

ПОСЛЕДНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА УЛЬТРАПРАВЫХ

И в самой Испании, и за ее пределами ждали, что власти отреагируют на убийство Карреро Бланко развязыванием очередной волны массовых репрессий. Однако Франко не решился бросить еще один вызов испанскому и мировому общественному мнению. Больше того, он сделал вид, что готов допустить либерализацию режима. Назначенный им на пост председателя правительства Карлос Ариас Наварро (который до того был министром внутренних дел и в этом качестве отвечал за безопасность Карреро Бланко) объявил, что собирается разрешить существование наряду с «национальным движением» неких «политических ассоциаций». Об истинном характере «либерализации» говорил тот факт, что для получения права на открытую деятельность создаваемые «ассоциации» должны были продемонстрировать свою верность принципам установленной в результате гражданской войны франкистской системы.

Новый министр иностранных дел Педро Кортина Маури просил Киссинджера вернуться к обсуждению вопросов, оставшихся без ответа после встречи государственного секретаря США с Карреро Бланко. Киссинджер дал согласие на встречу, но предоставил своему коллеге лишь несколько минут, ради которых сделал 11 января 1974 г. краткую остановку в мадридском аэропорту Барахас. На сей раз принципиальная договоренность по всем вопросам была достигнута немедленно, и Кортина Маури сообщил представителям печати:

— Учитывая, что в связи с предстоящим 25-летием Североатлантического союза его члены выступают с совместной декларацией, мы сочли целесообразным подготовить параллельный документ, в котором будут изложены

основы наших отношений. Целью документа станет подтверждение того первостепенного внимания, которое мы уделяем проблемам нашей безопасности и обороны¹.

Новое сближение Мадрида и Вашингтона подоспело вовремя для обеих сторон. Ровно три с половиной месяца спустя после остановки Киссинджера в Барахасе, 25 апреля, произошла «революция гвоздик», опрокинувшая диктаторский режим в Португалии. В том же году была свергнута военно-фашистская диктатура в Греции. Натовцы были в панике. Средства массовой информации США и других стран Запада на разные лады повторяли один и тот же тезис: отныне Испания становится «невралгическим пунктом» стратегии НАТО в Южной Европе, а посему необходимо во что бы то ни стало сохранить в этой стране «твердую власть».

Сразу же резко возросла активность Центрального разведывательного управления США в Испании. По данным печати, после убийства Карреро Бланко на испанскую территорию было заброшено более 200 агентов ЦРУ в дополнение к тем, которые находились там ранее.

Напуганный развитием обстановки каудильо командировал в Соединенные Штаты Кортину Маури, дав ему поручение согласовать текст совместного документа, который связывал бы дальнейшее использование Соединенными Штатами военных баз на испанской территории с более широким политическим партнерством.

Прибыв в столицу США в конце июня 1974 года, посланец Франко условился с Киссинджером, что они подготовят двустороннюю «декларацию принципов», сходную по содержанию с «новой атлантической декларацией», только что провозглашенной по инициативе Никсона странами — членами НАТО. Единственный щекотливый момент заключался в том, что натовский текст декларировал приверженность присоединившихся к нему государств принципам демократии, а это вряд ли могло прийтись по вкусу испанскому диктатору.

В конце концов выход был найден. Руководители дипломатических ведомств двух стран решили заменить «сомнительный» пассаж положением о том, что сотрудничество между США и Испанией в течение последних 20 лет способствовало сохранению ценностей, идеалов и устремлений, основанных на уважении свободы и достоинства человека. Эта формула устраивала обе стороны.

В начале июля Киссинджер прилетел в Мадрид для подписания согласованного текста. Но он пробыл в столи-

це Испании всего шесть часов и не был принят каудильо. В политических салонах уже начали поговаривать о личной размолвке между государственным секретарем США и Франко. Однако вскоре все прояснилось: испанское правительство объявило, что каудильо был срочно госпитализирован. Спустя еще несколько дней официальное коммюнике оповестило страну о том, что в связи с обострением болезни каудильо функции главы государства временно передаются наследнику престола принцу Хуану Карлосу.

Болезнь престарелого диктатора вновь привлекла внимание всего мира к судьбе созданного им режима. В последние годы франкизма правительству с огромным трудом удавалось сдерживать движение за демократизацию страны, охватившее широкие массы испанского народа. Несмотря на официальный запрет, рабочие все чаще стали прибегать к забастовкам как к средству борьбы за свои требования, причем требования эти постепенно приобретали все более ярко выраженный политический характер. В двух тысячах социальных конфликтов 1974 года было потеряно 20 млн. рабочих часов. В январе 1975 года бастовало более 100 тыс. человек. По стране прокатилась волна студенческих волнений.

Недовольство охватило и государственный аппарат. 500 служащих различных министерств и ведомств обратились к главе правительства с письмом, требуя «привести образ жизни в соответствие с принципами демократии». В Каталонии и некоторых других областях вспыхнула настоящая эпидемия отставок муниципальных советников и мэров городов, которые не хотели больше служить франкистской системе.

Значительно осложнились отношения франкистского государства с церковью. На Вселенском соборе римско-католической церкви в Ватикане (1962—1965) испанские епископы в большинстве выступали с самых консервативных позиций. Однако именно с этого момента руководство испанской церкви стало во всей большей степени отдавать себе отчет в том, что оно оказалось в изоляции в своей стране. Под воздействием решений Вселенского собора многие испанские священнослужители начали пересматривать свои взгляды на роль церкви в обществе².

Брожение возникло даже в армии, в недрах которой в 1975 году был создан подпольный «военный демократический союз» (ВДС). Как утверждала впоследствии испанская печать, демократически настроенные военные

нашли опору в лице одного из руководителей вооруженных сил страны генерала Мануэля Гутьерреса Мельядо (сам он заявил позднее, что подобные утверждения не соответствовали действительности). Появление оппозиции в военных кругах особенно беспокоило франкистов после революционных событий в Португалии.

К трудностям внутривластного характера добавились внешнеполитические. В 1974 году обострились отношения Испании с государствами Северной Африки, заинтересованными в судьбе ее «африканской провинции» — Западной Сахары. «Провинция» эта представляла собой узкую полосу пустыни на побережье Атлантического океана, населенную 150 тыс. жителей, в основном кочевников-скотоводов. Западная Сахара представляла интерес как для Испании, так и для непосредственных соседей прежде всего тем, что в ее недрах было обнаружено одно из самых крупных в мире месторождений фосфатов. На суверенитет над Западной Сахарой претендовали Марокко (заявлявшее, что до испанской оккупации она была частью марокканского государства) и Мавритания, в то время как правительство Алжира требовало предоставить ей право на самоопределение.

По инициативе Марокко Комитет ООН по деколонизации просил высказаться по данному вопросу Международный суд в Гааге, однако его решение оказалось не таким, какого ожидали в Рабате. Суд пришел к выводу, что ни Марокко, ни доколониальные правители Мавритании не имеют прав на Западную Сахару. Организация Объединенных Наций, со своей стороны, высказалась за проведение на этой территории референдума для решения вопроса о ее судьбе.

Испанское правительство обещало, что референдум будет проведен в 1975 году, однако в том же году кортесы приняли закон о деколонизации Западной Сахары и передаче ее территории Марокко и Мавритании вопреки решению Международного суда. В том же месяце с этими двумя странами был подписан соответствующий договор. Многие международные наблюдатели увидели в избранном Мадридом решении вопроса попытку задобрить Марокко, с тем чтобы оно сняло свои претензии на анклав Сеута и Мелилья.

Действительно, ранее, зимой 1975 года, из-за этих анклавов в отношениях между Испанией и Марокко возник кризис. В начале февраля Испания направила туда свои военные корабли и вертолеты. В состав группы

вошли два эсминца, три войсковых десантных транспортных судна, на борту которых находились два батальона морской пехоты, три десантно-вертолетных корабля, а также две подводные лодки. Демонстрация силы Мадрида явилась ответом на дипломатическую акцию марокканского правительства, которое 3 февраля передало в Комитет ООН по деколонизации письмо с требованием, чтобы испанские анклавы, а также несколько прибрежных островов были признаны принадлежащими Марокко.

Решение направить военные корабли в Сеуту и Мелилью было одобрено на заседании кабинета министров, проходившем под председательством Франко. После заседания министр информации Леон Эррера Эстебан заявил:

— Испанское правительство преисполнено твердой решимости отвергнуть необоснованные притязания Марокко как посягательство на национальное единство и территориальную неприкосновенность Испании. Оно готово использовать любые законные меры, которые окажутся необходимыми.

Предъявление прав Марокко на Сеуту и Мелилью вызвало в Испании негодование. Мадридские газеты писали о том, что Марокко еще не существовало как политическая единица, когда Испания приобрела Сеуту (в 1581 г.), Мелилью (в 1497 г.) и другие районы, и поэтому не имеет законного права притязать на эти территории.

После передачи Марокко и Мавритании территории Западной Сахары вопрос о судьбе Сеуты и Мелильи был, по крайней мере на какое-то время, снят с повестки дня. Но Франко, вернувшийся к руководству делами государства, продолжал чувствовать себя неуверенно. Он хотел возобновления военного союза с Соединенными Штатами и одновременно опасался его. «Соединенные Штаты, — писала в те дни американская газета «Крисчен сайенс мониторинг», — заинтересованы в сохранении доступа к четырем военным базам, которые они в настоящее время используют на испанской территории, прежде всего на случай новой войны на Ближнем Востоке. Но испанское правительство во время военных действий на Ближнем Востоке осенью 1973 года заявило командованию военно-морских и военно-воздушных сил США, что эти базы не могут быть использованы в связи с таким конфликтом, как арабско-израильская война». Мадрид, добавляла газета, со своей стороны, стремится заключить договор безопасности (утверждаемый сенатом) вместо нынешнего соглашения, заключенного с исполнительным органом власти США (без

ратификации сенатом). Это обеспечило бы Испании более надежную защиту.

В поддержку каудильо выступил новый президент США Джеральд Форд, сменивший досрочно расставшегося с Белым домом из-за «уотергейтского дела» Р. Никсона. В мае 1975 года он посетил Мадрид и обратился ко всем странам — членам НАТО с призывом установить более тесные отношения с Испанией. «Испания, — заявил Форд, — уже внесла и продолжает вносить важный вклад в систему военной безопасности Запада посредством двусторонних отношений с США»³.

В связи с приближавшимся истечением (в сентябре 1975 г.) пятилетнего срока действия испано-американского военного соглашения начались переговоры о его очередном пересмотре.

— Дискуссия с американскими представителями продолжалась целый год и была весьма напряженной, — рассказывал впоследствии генерал Гутьеррес Мельядо, входивший в состав испанской делегации. — Лично я настаивал со всей твердостью на том, чтобы подводные лодки с ракетами «Поларис» покинули Испанию. В конце концов мне удалось добиться согласия американцев осуществить этот выход, хотя и не столь быстро, как этого хотелось нам⁴.

Интересно отметить, что позиция, занятая генералом на переговорах с представителями Соединенных Штатов, во многом перекликалась с платформой «военного демократического союза». Подпольная организация антифранкистски настроенных офицеров Испании высказывалась за ликвидацию американских военных баз на испанской территории. В одном из документов, разработанных ВДС в тот период, говорилось: «Офицеры обязаны осознать необходимость предотвращения угрозы национальному суверенитету родины. Зависимость от поставок устаревшего американского вооружения и джипов времен корейской войны унижительна»⁵.

Опросы общественного мнения, проводившиеся в те же годы, показали, что против сохранения военных баз США выступало подавляющее большинство испанцев.

Согласно данным еженедельника «Актуалидад экономика», за дальнейшее присутствие американских войск в Испании высказалось лишь 18% опрошенных. Однако, как указывал журнал «Камбио-16», в условиях резкого обострения внутривнутриполитической обстановки в стране правящие круги

не могли «позволить себе роскошь выйти из-под американской опеки».

Испанские демократы понимали, что дальнейшее сближение с Соединенными Штатами и с НАТО превратит их родину в заложницу военно-политической стратегии Запада. Они видели также, что союз Вашингтона с франкистским режимом укрепляет позиции тех, кто хотел бы увековечить диктатуру в Испании.

Это последнее обстоятельство вызывало разногласия и в самом западном лагере. Канцлер ФРГ Г. Шмидт считал необходимым предостеречь Дж. Форда против форсирования вопроса об установлении более тесных связей между Испанией и НАТО. Аналогичную позицию заняли и «малые страны» Североатлантического союза.

Вашингтон направил на вырубку зашедшему в тупик каудильо нового посла Уэллса Стэблера, занимавшего до того престижный пост заместителя помощника государственного секретаря по европейским делам. Работать в тандеме со Стэблером было поручено Роберту Гейхагену, который прибыл в Мадрид в качестве нового резидента ЦРУ 5 ноября 1975 г. Однако спасти обанкротившегося диктатора и его систему было уже поздно.

30 июля 1974 г. на пресс-конференции в Париже было объявлено о создании Демократического совета — объединения нескольких антифранкистских организаций. В совет вошли Коммунистическая партия Испании, Социалистическая народная партия, Федерация независимых демократов, «рабочие комиссии», а также отдельные представители деловых и промышленных кругов страны.

Годом позже, в июне 1975-го, родилась еще одна оппозиционная группировка — Демократическое соглашение. Ее основу составили Испанская социалистическая рабочая партия, Испанский социал-демократический союз и некоторые другие организации.

30 октября 1975 г. оба объединения подписали соглашение о сотрудничестве и совместных действиях. 21 ноября 1975 г. они опубликовали совместное заявление, в котором призывали к формированию широкого коалиционного правительства.

Франко ушел из истории Испании так же, как и вошел в нее, — под разрывы пуль. В сентябре 1975 года франкистский суд рассматривал дело группы баскских националистов, обвинявшихся в терроризме. Одиннадцать обвиняемых были приговорены к смертной казни. Во всем мире сразу же поднялась волна требований отменить

приговор по явно сфабрикованному обвинению. Однако Франко решил не отступать. Он заявил, что международная общественность и правительства иностранных государств вмешиваются во внутренние дела Испании, и отдал приказ казнить пятерых осужденных.

С резким протестом против расправы над антифранкистами выступила Коммунистическая партия Испании. В заявлении Генерального секретаря партии, опубликованном на следующий день после казни, говорилось: «Каудильо, который стоит уже одной ногой в могиле, хочет оставить в наследие Испании гражданскую войну».

Мадрид демонстративно покинули 14 иностранных послов. Папа римский Павел VI, безуспешно пытавшийся предотвратить расправу, отозвал своего нунция. Мексика разорвала дипломатические отношения с Испанией. Несколько авиакомпаний приостановили полеты туда своих самолетов.

1 октября Франко обратился к толпе единомышленников, собравшихся на площади Орьенте в Мадриде. Он всячески восхвалял «достижения» своего режима и жаловался на «козни» заграницы и «левомасонский заговор». Распавшись, каудильо не заметил, что оказался на сквозняке. А наутро проснулся с температурой. За гриппом последовал инфаркт, затем второй, третий, четвертый. 20 ноября его одряхлевший организм сдался.

Смерть диктатора ускорила развал франкистской системы. Правда, принц Хуан Карлос, занявший пост главы государства в качестве короля Испании, на первых порах явно не торопился вносить какие-либо коррективы в политику властей. Настораживало уже то обстоятельство, что он сохранил на посту главы правительства франкиста Ариаса Наварро.

Впрочем, в тот момент вряд ли можно было ожидать каких-либо существенных перемен. Как отмечал испанский политолог Г. Моран, в стране «сложилось своеобразное равновесие сил... Постфранкистский режим не мог сохранить старую систему, а оппозиция не была способна установить иную»⁶.

С мнением своего однофамильца по существу согласился и будущий министр иностранных дел Испании Фернандо Моран.

— В те месяцы, — говорил он, — внешняя политика определялась наследием предыдущего режима. В лучшем случае речь шла о том, чтобы выиграть время в ожидании, когда наконец можно будет исправить ошибки прошлого⁷.

На первом заседании нового правительства, состоявшемся 15 декабря 1975 г., была одобрена декларация, текст которой свидетельствовал о том, что большинство министров все еще видели во франкизме «благо» для страны и ее народа. В декларации, в частности, говорилось: «После великой исторической эпохи, когда генералиссимус Франко восстановил мир и обеспечил развитие прогресса и справедливости, необходимо открыть новый период правительств монархии». Явно заигрывая с военными, авторы документа квалифицировали вооруженные силы как «одну из опор конституционного порядка и гаранта присутствия Испании на международной арене». В заключительной части декларации подчеркивалось, что, по мнению правительства, национальные интересы Испании «тесно связаны с интересами атлантического и западного мира».

Вместе с тем определенная эволюция все-таки происходила. Из заключения было освобождено несколько видных антифранкистов и среди них руководитель «рабочих комиссий» Марселино Камачо. Полиция получила приказ более терпимо относиться к деятельности неразрешенных политических организаций. Были смягчены наказания за участие в запрещенных франкистами с первых лет диктатуры забастовках.

26 марта 1976 г. на основе Демократического совета и Демократического согласия создается единый орган антифранкистской оппозиции — Демократическая координация. Ее программа включает семь пунктов: 1) немедленное освобождение всех политических заключенных, возвращение эмигрантов, восстановление в правах всех, кто был лишен их по политическим мотивам; 2) восстановление основных прав и свобод в полном объеме; 3) ликвидация «вертикальных синдикатов» и признание свободы профсоюзов; 4) немедленное предоставление прав и свобод различным национальностям Испании; 5) введение демократического законодательства; 6) невмешательство армии в политику; 7) демократический разрыв с прошлым и предоставление народу права решить вопрос о будущем государственном строе путем референдума. Под программой подписались 13 оппозиционных организаций.

Еще до этого события, наблюдая резкую активизацию деятельности антифашистских партий и группировок, правительство Ариаса Наварро принялось лихорадочно искать поддержку на Западе. Одной из первых его забот

явились поиски путей более широкого сотрудничества с иностранным капиталом.

Специальная правительственная делегация посетила Соединенные Штаты Америки, а несколько дней спустя министр финансов заявил, что «иностранный капитал и монополии представляют собой благоприятный фактор развития испанской экономики».

Новый руководитель внешнеполитического ведомства Испании Хосе Мария де Арейльса принял участие в Конференции по международному экономическому сотрудничеству, которая состоялась в Париже в конце декабря 1975 года. В ходе ее работы Арейльса встречался с руководителями западных делегаций, включая государственного секретаря США, министра иностранных дел Англии и представителей ряда других государств. По окончании конференции он сделал заявление, в котором подчеркнул, что Испания впервые оказалась в одном лагере с другими странами Запада на международной конференции.

Касаясь первого прямого контакта руководителей внешнеполитических ведомств Испании и США после смерти Франко, Арейльса сказал:

— Мы побеседовали обстоятельно, и наш обмен мнениями, носивший позитивный характер, касался пересмотра документов, регулирующих отношения между нашими двумя странами.

Несколько дней спустя «Камбио-16» опубликовал большую статью, проливавшую свет на деятельность, которую развернули в тот период в Испании агенты ЦРУ во главе с Гейхагеном.

«Американцы, — писали, в частности, авторы статьи, — одобряют тесные связи Испании с европейскими государствами. В перспективе они видят вступление Испании в НАТО и в Общий рынок. В этом случае США были бы готовы поддержать короля Хуана Карлоса, как они поддерживали Франко до его смерти. Команда Гейхагена установила постоянные контакты с широким кругом испанских политиков — от франкистов до лидеров социалистической и христианско-демократической оппозиции, не афишируя эти контакты, но и не делая из них секрета. Многие из этих деятелей регулярно посещали американское посольство в Мадриде, хотя некоторые предпочитали встречаться в других местах. В течение последних лет такие контакты привели к потоку приглашений занимающим видное положение политикам, независимым журналистам и лидерам умеренной оппозиции посетить Соединенные Штаты.

И хотя все приглашения поступали от имени посла, Гей-хаген и его люди принимали самое непосредственное участие в отборе визитеров, причем некоторые из них принадлежали даже к левой оппозиции».

По данным «Нью-Йорк таймс», ЦРУ передало миллионы долларов группам португальских социалистов и христианских демократов, имевших тесные связи в Испании. Часть этих средств поступила через каналы, которые ЦРУ установило в социалистических партиях ряда стран Западной Европы.

«Соединенные Штаты, — писал «Камбио-16», — имеют обширные программы военной подготовки и сотрудничества и, согласно хорошо информированному источнику, стараются использовать эти программы для приобретения влиятельных связей среди испанских военных и всячески помочь им продвинуться по служебной лестнице... Если провалятся умеренные.., американцы знают, на кого из военных ориентироваться»⁸.

24 января 1976 г. в Мадрид прибыл с двухдневным официальным визитом Г. Киссинджер. В тот же день он подписал с Х. М. де Арейльсой договор о дружбе и сотрудничестве между Испанией и США, а также дополнительные соглашения, касавшиеся различных сторон этого сотрудничества.

В преамбуле к договору была сделана ссылка на «декларацию принципов», подписанную представителями США и Испании 19 июля 1974 г. Статья 1 договора предусматривала создание испано-американского совета под председательством министра иностранных дел Испании и государственного секретаря США. Устанавливалось, что совет должен собираться по меньшей мере два раза в год. Статья 2 касалась развития экономического сотрудничества между двумя странами. При этом особо подчеркивалось, что сотрудничество в экономической области «будет учитывать влияние экономического положения каждой из стран на их усилия в области обороны». В соответствии со ст. 3 обе стороны взяли обязательство сотрудничать также в научно-технической области. В ст. 4 речь шла о развитии сотрудничества в области образования и культуры.

Важнейшее значение имела статья договора, в которой определялись условия военного сотрудничества между Испанией и Соединенными Штатами. В ней прямо говорилось о координации планов и деятельности вооруженных сил, о предоставлении Соединенным Штатам разного рода льгот для использования испанской территории в военных

целях, а также о сотрудничестве в производстве и приобретении военной техники.

Военному сотрудничеству Испании с Соединенными Штатами были посвящены и все остальные статьи договора, за исключением ст. 7, определявшей порядок вступления в силу подписанного документа. В ст. 6 упоминалось о том, что предоставленные американцам льготы «способствуют обороне Запада», а посему в военных вопросах за основу будут браться «правила безопасности, установленные в североатлантической зоне». Статья 8 предоставляла правительству Соединенных Штатов годичный срок для эвакуации своего военного персонала, а также вывоза вооружения и другого военного имущества с территории Испании в случае прекращения действия договора (который был заключен сроком на пять лет)⁹.

Одновременно с договором о дружбе и сотрудничестве были разработаны 8 соглашений, а также 17 приложений к ним с детальным изложением порядка осуществления достигнутых договоренностей. Они предусматривали, в частности, создание смешанного военного комитета, которому поручалось следить за действенностью и координацией усилий в военной области. Было решено также создать совместный штаб для координации и планирования деятельности вооруженных сил Испании и Соединенных Штатов. При этом определялась «географическая зона общих интересов» (в нее были включены «атлантическая и средиземноморская зоны, а также воздушное пространство над ними»).

Испания предоставила Соединенным Штатам право и далее использовать в военных целях базы и объекты в Роте, Торрехоне и Сарагосе, а также полигон Лас-Барденас и военно-воздушную базу в Мороне (последнюю — в качестве «резервной базы»).

В один из документов по настоянию испанской стороны было включено обязательство Соединенных Штатов приступить к выводу своих ядерных подводных лодок из Испании начиная с января 1979 года и завершить этот вывод в течение шести месяцев. Соединенные Штаты обязались также не размещать на испанской территории ядерное оружие или его компоненты. Правда, это положение несколько ослаблялось обязательством Испании направлять своих представителей для участия в срочных консультациях «в случае угрозы или нападения извне, ставящего под вопрос безопасность Запада».

В особом приложении перечислялись «другие испан-

ские военные объекты меньшей важности», на которые распространялись достигнутые договоренности. Наконец, отдельное соглашение предусматривало предоставление Соединенными Штатами ежегодных займов Испании для приобретения американской военной техники. Вашингтон обещал также «подарить» Испании кое-какое вооружение и различную военную технику на сумму 75 млн. долл.¹⁰

В марте 1976 года вопрос о новом испано-американском договоре был поставлен на обсуждение комитета по иностранным делам сената США, которому предстояло высказаться о ратификации этого документа. Сенаторы выразили удовлетворение тем, что проведение в жизнь достигнутых договоренностей не потребует существенных расходов с американской стороны, так как средства, необходимые для финансирования испанских военных программ, будут передаваться Соединенными Штатами в основном в форме кредитов.

Комментируя завершение испано-американских переговоров, новая мадридская газета «Паис», которая вскоре стала самым влиятельным органом печати Испании, писала: «Творцы договора подчеркивают, что он был подписан не для того, чтобы арендовать несколько кусков испанской территории, и что базы используются совместно и на них распространяется испанский суверенитет. Они утверждают также, что помощь, которую Соединенные Штаты окажут Испании, имеет очень важное значение для всех отраслей, особенно военной, и что общая сумма помощи превысит 700 млн. долл. На деле прямая помощь в виде субсидий, то есть безвозмездная, составит лишь меньшую ее часть. Бóльшая же — 600 млн. долл. — предоставляется в форме кредитов для закупки у американской промышленности военной техники и снаряжения. При этом следует учитывать, что предоставляемые Америкой кредиты на вооружения составляют менее 4 % фактических расходов Испании на оборону. К тому же американские кредиты ориентируют вооруженные силы Испании на использование американской военной техники и снаряжения, нанося тем самым ущерб испанской военной промышленности. Доказательством того, что мадридский договор не является подлинным союзом двух суверенных держав, служит и тот факт, что до сих пор не изменен юридический статус американского военного персонала в Испании. Военнослужащие США не подчинены в полной мере юрисдикции испанских судов при рассмотрении уголовных дел. В этот вопрос необходимо срочно внести

ясность. Союзы демократической Испании должны заключаться на основе равноправия, уважения суверенитета, без уступок гегемонистской и, как это принято говорить во всем мире, империалистической позиции США».

Что касается давно волновавшего Вашингтон вопроса о вовлечении Испании в НАТО, для Ариаса Наварро и его министров на сей счет не существовало никаких сомнений. Они были готовы ринуться в эту организацию и ждали лишь соответствующего сигнала из-за океана. Выступая перед представителями высшего света и членами дипломатического корпуса в мадридском клубе «XXI век», Арейльса говорил о предстоящем присоединении к НАТО как о чем-то само собой разумеющемся. Его волновало лишь одно: «При вступлении в эту организацию наши вооруженные силы должны быть современными и действенными»¹¹.

Однако после смерти каудильо прошло слишком мало времени, и западноевропейские союзники США не были готовы изменить свою отрицательную позицию по данному вопросу, ожидая дальнейшего развития событий в Испании. В этих условиях на одно из первых мест выдвигалась проблема более тесного сотрудничества с Западом в области экономики.

9 февраля 1976 г. испанская песета была в очередной раз девальвирована (на 10 %) по отношению к доллару США. Объясняя необходимость этой меры, заместитель председателя правительства по экономическим вопросам Х. М. Вильяр Мир напомнил, что в предыдущие два года платежный баланс страны сводился с дефицитом в 3 млрд. долл. В результате девальвации, по его словам, этот дефицит должен был сократиться. Кроме того, правительство рассчитывало стимулировать дальнейший приток в страну иностранной валюты¹².

Сразу же после смерти Франко испанская дипломатия возобновила усилия, направленные на сближение с «Общим рынком». Во время состоявшейся в Париже Конференции по международному экономическому сотрудничеству Х. М. де Арейльса активно обсуждал этот вопрос с руководителями делегаций стран — членов ЕЭС. Беседуя с журналистами, он заверил, что «переговоры о заключении соглашения возобновятся и речь пойдет о сближении Испании с сообществом».

В течение зимы и весны 1976 года министр иностранных дел Испании посетил столицы всех девяти стран, входивших в Европейское экономическое сообщество.

8—10 января он побывал в Бонне, Париже и Люксембурге, 16—17 февраля — в Брюсселе, 18—20 февраля — в Дублине, 20—21 февраля — в Гааге, 1—3 марта — в Лондоне и 3—4 марта — в Копенгагене. Поездка Арейльсы по странам «Общего рынка» завершилась визитом в Рим, где он находился 11—13 апреля 1976 г.

— Моя тактика, — рассказывал он позднее, — заключалась в том, чтобы описать и проанализировать обстановку в Испании после смерти Франко и разъяснить, что конечной задачей переходного периода является разработка конституции демократической, парламентарной и плюралистической монархии¹³.

По возвращении из Рима Арейльса прокомментировал перспективы сотрудничества с ЕЭС. По его словам, до подачи просьбы о членстве в «Общем рынке» Испании предстояло решить две задачи: одну — срочную, другую — требующую длительного времени. Наиболее срочная заключалась, по мнению министра, в том, чтобы привести в соответствие с требованиями момента соглашение, которое было заключено между Испанией и ЕЭС в 1970 году, когда сообщество включало еще шесть членов. «Что касается даты вступления в ЕЭС, — добавил Арейльса, — как мне представляется, ей мог бы стать 1980 год».

Действительно, в конце апреля 1976 года в Брюсселе начались переговоры, в которых приняли участие с испанской стороны — посол А. Ульястрес и со стороны ЕЭС — генеральный директор сообщества Ролан де Керголе. Речь шла об актуализации преференциального торгового соглашения 1970 года и распространении его на трех новых членов «Общего рынка» (Англию, Данию и Ирландию). Испанский представитель добивался, чтобы соглашение касалось только вопросов сельского хозяйства. Комиссия ЕЭС, со своей стороны, требовала от Испании соответствующих таможенных уступок в отношении промышленной продукции всех стран — членов ЕЭС. Аргументируя свою позицию, представители «Общего рынка» ссылались на трудности, переживаемые «зеленой Европой», и на односторонние выгоды, которые, по их словам, Испания получала от соглашения, заключенного в 1970 году с «шестеркой»¹⁴.

2 июня 1976 г. Ульястрес заявил представителям печати:

— Период предварительного зондажа закончился. Мы условились об основных принципах будущей договоренности. Речь идет о том, чтобы взять за основу соглашение

1970 года и распространить его на все страны «Общего рынка» с учетом проблем, которые испанское сельское хозяйство создает для Англии, Ирландии и Дании, и соответствующих проблем в промышленной области для Испании.

В сфере сельского хозяйства Испания настаивала на сохранении преимуществ, полученных ею от «Общего рынка» ранее. В сфере промышленности, не выдвигая конкретных предложений о возможном уровне снижения таможенных тарифов, испанская делегация дала понять, что пойдет на уступки «Общему рынку» в «разумных и скромных пределах». Мадрид согласился, в частности, обсудить вопрос о некотором взаимном снижении таможенных пошлин на продукцию металлургической промышленности, имея в виду, что в конечном итоге должно сохраниться равновесие между взаимными уступками в сельскохозяйственной и промышленной областях. «Все это будет делаться с учетом того обстоятельства, что в конце концов Испания подаст заявку на вступление в ЕЭС»¹⁵, — сказал Ульястрес.

Явный крен испанской внешней политики в сторону Запада не мог не насторожить развивающиеся государства, которые связывали с концом правления Франко надежды на демократизацию Испании и ее включение в Движение неприсоединения. Встретившись с послами стран Латинской Америки, аккредитованными в Мадриде, Арейльса постарался в какой-то мере снять эту настороженность. Он утверждал, что «соединиться с Европой не означает для Испании отдалиться от Латинской Америки». «Наоборот, — заверял министр своих собеседников, — это значит для нас служить мостом и доносить ваши проблемы и чаяния до Европейского континента». О договоре с Соединенными Штатами Арейльса предпочел просто «забыть».

Той же цели — демонстрации «интереса» правительства К. Ариаса Наварро к отношениям с развивающимися государствами — должен был послужить официальный визит министра иностранных дел Испании в Марокко. По окончании визита Арейльса заявил, что в ходе состоявшихся переговоров речь шла главным образом о развитии дружбы и сотрудничества между Испанией и Марокко. «Тема Западной Сахары, — добавил он, — отныне принадлежит прошлому»¹⁶.

Иного мнения придерживались сами западносахарцы. После вывода из их страны испанских войск и оккупации ее вооруженными силами Марокко и Мавритании создан-

ный еще в 1973 году Народный фронт освобождения Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро (ПОЛИСАРИО) провозгласил себя единственным законным представителем народа Западной Сахары и 27 февраля 1976 г. объявил о рождении нового африканского государства — Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР). На протяжении 1976 года САДР была признана 10 государствами (Алжиром, Анголой, Гвинеей-Бисау, Корейской Народно-Демократической Республикой, Мадагаскаром, Мозамбиком и рядом других). Отряды ПОЛИСАРИО развернули боевые операции против Марокко и Мавритании.

Три дня спустя после подписания договора о сотрудничестве и дружбе с Соединенными Штатами, 28 января 1976 г., испанские кортесы собрались на пленарное заседание, чтобы заслушать программную речь Ариаса Наварро. Председатель правительства подчеркнул, что внешняя политика его кабинета «не может рассматриваться в отрыве от внутренней». Действительно, проамериканский, прозападный курс первого правительства монархии, намеченный еще при жизни Франко, вполне гармонировал с его внутренней политикой¹⁷.

Правда, власти закрывали глаза на деятельность самозаконодательных политических организаций. Но юридически вся созданная Франко система оставалась в целости и неприкосновенности. С отдельными примирительными жестами властей резко контрастировал подчеркнуто жесткий тон публичных заявлений премьер-министра, постоянно делавшего упор на преемственности режима и верности франкизму. 28 апреля Ариас Наварро обратился к стране по телевидению. В обращении, вызвавшем недоумение даже в правых кругах, он всячески восхвалял «эру Франко», как бы противопоставляя «сильного» диктатора «слабому» королю. Председатель правительства обещал реорганизовать кортесы и восстановить в неопределенном будущем всеобщее избирательное право. Однако эти обещания были обставлены такими условиями и оговорками, что планируемые реформы лишались какого бы то ни было реального содержания.

Испанские демократы ответили на колебания властей усилением борьбы за демонтаж диктатуры. Согласно официальным данным, в течение первой половины 1976 года в результате забастовок было потеряно 70 млн. рабочих часов. Невиданного размаха достигла общенациональная кампания за освобождение узников диктатуры. Волнения

затронули все области и провинции, все сколько-нибудь крупные города.

Все говорило о назревании конфликта между главой государства и председателем правительства, причем обстановка накалялась день ото дня. Через несколько дней после телевизионного выступления Ариаса Наварро Хуан Карлос пригласил для беседы одного за другим несколько деятелей антифранкистской оппозиции. Ультраправые ответили организацией кровавой расправы над участниками движения монархистов-оппозиционеров в Монтехурре.

В конце мая король выехал с официальным визитом за океан. По словам наблюдателей, он предпринял эту поездку, чтобы объяснить американским руководителям свои планы относительно изменения режима и попытаться убедить Вашингтон способствовать их осуществлению или по крайней мере не мешать им.

По мнению Арейльсы, главная цель визита Хуана Карлоса в Соединенные Штаты заключалась в том, чтобы «представить отчет, чем является Испания, показать образ Испании международному сообществу». Поводом для визита, добавил министр, послужило празднование 200-летия независимости Соединенных Штатов Америки.

Впоследствии Арейльса рассказал в своих мемуарах, что во время беседы с государственным секретарем США Г. Киссинджером 3 июня 1976 г. тот выразил озабоченность возможными последствиями демократизации внутриполитической жизни в Испании. Американцев особенно волновал вопрос, сможет ли король сохранить контроль над развитием обстановки в стране и не вспыхнет ли в Испании социальная революция.

О том же писала в те дни американская печать. «Вашингтон пост», например, поместила статью, в которой, ссылаясь на официальные круги, предупреждала короля Хуана Карлоса и членов монархического кабинета, что легализация Коммунистической партии Испании могла бы вызвать неблагоприятную реакцию в американском конгрессе и положить конец американским капиталовложениям в Испанию. «Из советов Киссинджера, — добавляла газета, — следует, что можно ожидать решительных возражений американского сената против нового двустороннего договора об обороне, прекращения поддержки Америкой принятия Испании в НАТО и остановки потока американских капиталовложений в Испанию, переживающую экономические трудности»¹⁸. Несколькими днями раньше та же газета писала, что посол США в Мадриде У. Стэб-

лер также высказался за «твердый курс» против легализации КПИ.

Впрочем, как отмечал мадридский журнал «Камбио-16», государственного секретаря США Киссинджера в этот момент реально беспокоила не столько перспектива внутривнутриполитических перемен в Испании, сколько вопрос, «как избежать перехода к нейтрализму в испанской внешней политике».

«Главной, — констатировал журнал, — становится проблема создания сверхмощного кулака, «очагов активности» для блокирования процесса нормализации в международных отношениях... Не считаясь с тем, что больше приемлемо для правительства в Мадриде, Соединенные Штаты не стали бы терпеть средиземноморскую Швейцарию»¹⁹.

Вашингтонский корреспондент агентства ЮПИ передал 3 июня заявление Киссинджера, согласно которому Испания «должна как можно скорее стать членом НАТО».

Собираясь в свою первую поездку за рубеж в качестве главы испанского государства, Хуан Карлос не счел возможным направиться прямо в Вашингтон: подобный жест приобрел бы слишком очевидное политическое значение, которого монарх хотел избежать. Тем более что за всю испанскую историю ни один король вообще не пересекал океан и не посещал Америку*.

31 мая 1976 г. Хуан Карлос прибыл в Доминиканскую Республику. Выбор был сделан не случайно: франкисты, сохранившие в своих руках фактическую власть в Испании, не могли не приветствовать встречу на высшем уровне с руководством одного из самых правых режимов Латинской Америки. Министерство иностранных дел в Мадриде, со своей стороны, нашло отличное «дипломатическое объяснение»: остров Гаити, на котором расположена Доминиканская Республика, был первой американской землей, открытой Христофором Колумбом 6 декабря 1492 г. Эспаньола, как назвал остров Колумб, стала первой испанской колонией в Новом Свете.

Хуан Карлос пробыл в Доминиканской Республике полтора дня, после чего проследовал дальше, в Вашингтон. В саду Белого дома он был встречен президентом США Дж. Фордом и беседовал с ним целый час.

Одним из центральных моментов поездки короля в США явилось его выступление в конгрессе. Хуан Карлос счел необходимым прежде всего напомнить американским

* Хуан Карлос бывал в Америке до вступления на престол.

конгрессменам, что «Испания является частью Европы и, как таковая, подписала Заключительный акт хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству». Принципы этого документа, продолжал он, «лежат в основе нашей политики в отношении Европейского континента и подкрепляют нашу готовность поддерживать мирные и плодотворные отношения со всеми государствами».

«Сотрудничество, к которому Испания горячо стремится, — добавил он, — должно развиваться при самом строгом уважении суверенитета и достоинства нации»²⁰.

4 июня 1976 г. «Нью-Йорк таймс» писала: «Поведение короля в Вашингтоне свидетельствует о его готовности целиком и полностью взять на себя роль своего рода «движущей силы в процессе перемен», которые принесут Испании демократию».

В то же время Хуан Карлос поспешил заверить своих американских собеседников, что изменение государственного строя в Испании не приведет к ущемлению интересов США. Он обещал конгрессменам, что «всегда будет разделять с Соединенными Штатами — в рамках строгого соблюдения суверенитета и взаимности — ответственность за общую безопасность». «Традиции сотрудничества между Испанией и Соединенными Штатами, — сказал король, — были подтверждены в наших соглашениях об обороне, действующих с 1953 года и направленных на защиту ценностей нашей западной цивилизации».

Взвесив все «за» и «против», в Вашингтоне решили не мешать королю провести эксперимент по демонтажу франкистских порядков и созданию демократических институтов на приемлемых для Запада условиях (никакого подобия Народного фронта, сохранение союза с США). В то же время за океаном были приняты меры для предупреждения возможного выхода эволюции из-под контроля. Были, в частности, расширены связи с профашистски настроенной частью испанского офицерства, которая могла бы «в случае необходимости» бросить против гражданских властей армию и вернуться таким образом к более твердому режиму.

В июле 1976 года во дворце Сарсуэла в Мадриде состоялся семинар, организованный Высшим центром исследований национальной обороны. Для участия в дискуссии были приглашены известные гражданские и военные деятели правого толка. Семинар проходил при закрытых дверях, однако два испанских исследователя —

Хосе Луис Моралес и Хуан Селада — смогли познакомиться с его материалами. Они рассказывают:

— В свете самых современных контрреволюционных теорий Пентагона были проанализированы гипотезы будущего политического развития Испании, а также альтернативные варианты «ответа» на демократическую эволюцию режима, с тем чтобы «предотвратить любое возможное политическое отклонение» от интересов правящих классов.

Х

НАЧАЛО ДЕМОНТАЖА ДИКТАТОРСКОГО РЕЖИМА

В итоговом документе «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе», принятом на берлинской Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, отмечалось, что «в Испании возникла новая ситуация. Мощная и сплоченная борьба, все более открыто развивающаяся в стране, предвещает близкий конец последнего фашистского режима в Европе»¹.

Под этими словами стоит дата: 30 июня 1976 г. На следующий день, 1 июля, в Мадриде было объявлено об отставке правительства К. Ариаса Наварро. Новым премьером стал 43-летний Адольфо Суарес — человек, который внес особенно большой вклад в демонтаж франкистской диктатуры и обеспечение мирного перехода к буржуазно-демократическим порядкам.

А. Суарес родился в небольшом городе Авила в 1932 году, всего за четыре года до начала гражданской войны. Его отец, юрист по профессии, был мелким предпринимателем. Как рассказывал сам Суарес, в годы войны его близкие родственники оказались в противоположных лагерях, по разные стороны баррикады.

Окончив юридический факультет, Суарес поступил на службу в аппарат губернатора Авилы Эрреро, который на долгие годы стал его покровителем. В 1957 году приехал в Мадрид, где был принят на службу в генеральный секретариат «национального движения». В 1964 году вошел в состав правления испанского телевидения, а в 1969 году, пробыв год губернатором Сеговии, где однажды ему довелось принимать Франко — причем он произвел на диктатора «хорошее впечатление», — был назначен генеральным директором телевидения с правом непосредственного доклада главе правительства.

В начале 70-х годов Суарес устанавливает связи с двумя политическими деятелями, сыгравшими в дальнейшем важную роль в его карьере. Это были принц Хуан Карлос, будущий глава испанского государства, который к тому времени уже был провозглашен преемником Франко, и председатель кортесов (с 1975 г. — председатель совета королевства) Фернандес Миранда.

По мнению Г. Морана, автора политической биографии А. Суареса, его карьере помогло и феноменальное политическое чутье, позволявшее ему понять, «куда дует ветер». Уравновешенный, дисциплинированный, наделенный способностью скрывать свои чувства, Суарес, как полагает Моран, более всего подходил для переживаемого Испанией момента².

Новый министр иностранных дел Марселино Ореха Агирре характеризовался как «человек диалога». Родился в 1935 году. Образование получил в Боннском университете, а также в Академии международного права в Гааге и в Лондонском университете. Опубликовал ряд научных работ. В 1962 году был назначен директором технического кабинета министра иностранных дел. Впоследствии занимал различные дипломатические должности, в частности был советником представительства Испании при ООН. В 1971 году стал директором банка Испании по международным связям и занимал этот пост вплоть до назначения в 1974 году заместителем министра информации. С 1975 года был заместителем министра иностранных дел.

Правительство Суареса приступило к своей деятельности в условиях, когда в движение пришли широкие массы испанского народа. В авангарде борьбы за демократизацию общественного строя по-прежнему шел испанский рабочий класс, который проявил себя в тот момент как «сила, с которой вынуждены считаться различные политические партии»³.

Изменению сложившегося ранее соотношения сил между сторонниками прежнего режима и теми, кто стремился к разрыву с прошлым (а именно такой лозунг выдвинула левая оппозиция), в значительной мере способствовал переход на позиции антифранкизма большинства испанских предпринимателей.

Комментируя назначение А. Суареса, американская газета «Нью-Йорк таймс» назвала его «самым типичным представителем верхнего слоя среднего класса». Что касается нового правительства в целом, то можно сказать, что оно верно отражало интересы правящего класса.

Крупный капитал делегировал в его состав несколько своих наиболее видных представителей. Девять министров занимали в общей сложности 16 постов в административных советах крупнейших дочерних компаний транснациональных корпораций. И в этом нет ничего удивительного: известный испанский экономист Рамон Тамамес убедительно показал, что в Испании исключительно четко прослеживается «личная уния» между миром большого бизнеса и государственной властью, о которой писал В. И. Ленин⁴. Проанализировав деятельность так называемых «институциональных групп давления», Р. Тамамес пришел к выводу, что образ их действия зачастую весьма различен, однако можно утверждать, что «свои основные усилия они направляют на то, чтобы оказывать влияние на официальных представителей государственной администрации и членов правительства». Тамамес констатировал, что испанское государство целиком и полностью зависит от «финансовой олигархии, которая всеми доступными ей средствами стремится превратить государственный механизм, призванный служить всему обществу, в орудие монополистического капитала»⁵.

В то же время было бы ошибкой сбрасывать со счетов конкретно-исторические условия момента, особенности внутрисполитической и международной обстановки в тот период. Внутри страны на повестку дня встал вопрос о переходе от режима диктатуры к буржуазно-демократическим порядкам. «В международном положении, — как отметила Конференция коммунистических и рабочих партий Европы, — произошли существенные позитивные сдвиги, являющиеся результатом изменения соотношения сил в пользу мира, демократии, национального освобождения, независимости и социализма... Это определило процесс перехода от политики напряженности и конфронтации к утверждению курса на разрядку, на нормализацию и всестороннее развитие новых отношений и сотрудничества между государствами и народами»⁶.

Став главой правительства, Суарес обещал осуществить конституционную реформу, провести до 30 июня 1977 г. всеобщие выборы, восстановить гражданские свободы, предпринять шаги по решению национальных проблем.

Излагая в коротких внешнеполитический раздел своей программы, он заявил:

— Правительство подтверждает преемственность основных направлений внешней политики Испании и подчеркивает свою решимость поддерживать нормальные и

дружественные отношения со всеми странами на основе взаимного уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела и соблюдения норм международного права. Правительство также выражает стремление к вступлению в европейские сообщества и к активному участию в растущем международном сотрудничестве, в частности, в рамках системы Объединенных Наций. Правительство присоединяется к требованию нации относительно Гибралтара как составной части испанской территории⁷.

Нарочито общий характер заявления оставлял без ответа вопрос, каким же конкретным содержанием будет наполнен внешнеполитический курс Суареса и насколько этот курс отойдет от традиционной линии Франко. Настояжвало, в частности, упоминание о «преемственности основных направлений внешней политики Испании». Ясно было одно: новое правительство, как и предыдущее, надеялось расширить международные связи страны, которая во времена диктатуры ориентировалась прежде всего на сотрудничество с США. Но поскольку прежняя ориентация была вынужденной — Мадрид сталкивался с осуждением мировой общественностью авторитарного режима Франко, — успех А. Суареса в области внешней политики зависел от того, насколько далеко он мог пойти в осуществлении перемен внутри страны.

Первая зарубежная поездка нового главы правительства была в соседнюю Францию. Визит позволил установить личный контакт с премьер-министром Ж. Шираком и другими французскими руководителями. На состоявшейся в Париже пресс-конференции журналисты забросали гостя вопросами, в основном по внутриполитическим проблемам. Ответы Суареса были предельно осторожны:

— Проведете ли вы амнистию?

— Я намерен начать диалог по этому вопросу со всеми испанцами, независимо от того, каких политических взглядов они придерживаются.

— Каковы долгосрочные планы вашего правительства?

— Мы предусматриваем проведение в жизнь политики, которая прежде всего будет отражать волю народа.

— Признáете ли вы Коммунистическую партию?

— Решение этого вопроса входит в компетенцию кортесов.

Во второй декаде июля М. Ореха направился в Вену. Он встречался с президентом Австрии Рудольфом Кирхшлегером, канцлером Бруно Крайским и другими офи-

циальными лицами. И снова в центре переговоров оказались проблемы внутренней политики Испании.

В те дни мировая печать широко комментировала решение правительства А. Суареса не отмечать 18 июля (день франкистского мятежа) как национальный праздник. Международные наблюдатели обратили внимание на то, что, несмотря на решение властей, в испанской столице и в других крупных городах страны состоялись различные мероприятия, включая собрания и уличные шествия, с участием официальных лиц. Приемы, которым предшествовали военные парады по случаю очередной годовщины мятежа, были устроены командующими практически всех военных округов. Торжественные собрания были проведены в национальном и провинциальных советах франкистской партии.

Не укрылась от внимания и опубликованная в газете «Арриба» статья первого заместителя главы правительства по военным вопросам генерал-лейтенанта Фернандо де Сантьяго, озаглавленная «Вечная дата». Автор статьи полностью оправдывал мятеж Франко как якобы единственный способ спасения нации от угрожавшего ей кризиса. «Время подтвердило правильность действий каудильо, — утверждал генерал, — и 40 лет, прошедших с тех пор, — лучшее тому доказательство». Автор статьи предостерегал против попыток «предать забвению эту дату, ибо она принадлежит прошлому, настоящему и будущему».

В то же время все дипломатические канцелярии с интересом ожидали конкретных шагов испанского правительства в области внешней политики. Выбор для визита Франции и Австрии, принявших новых испанских лидеров, наводил на определенные размышления: в одном случае речь шла о государстве, которое, входя в состав Северо-атлантического союза, не участвовало в его объединенной военной организации; во втором — о нейтральном государстве. К тому же, находясь в Вене, М. Ореха провел встречу с руководителями консульских и торговых представительств Испании в странах Восточной Европы и, согласно официальному сообщению, обсуждал с ними планы нового испанского правительства, касающиеся развития отношений с социалистическими государствами.

Позднее министр торговли Хосе Льядо созвал в Мадриде совещание, на которое были приглашены руководители торговых представительств Испании в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Румынии, ГДР, Югославии, Вен-

грии, Болгарии и на Кубе (торгпреды в Чехословакии и Румынии представляли также интересы Испании соответственно в Венгрии и Болгарии). На совещании речь шла о необходимости значительно расширить товарообмен со всеми этими государствами.

Новые интонации зазвучали и в высказываниях руководителей правительства по поводу возможного участия в Североатлантическом союзе. Давнишняя мечта каудильо (и Вашингтона), казалось, не волновала больше официальный Мадрид. Во всяком случае, новый руководитель внешнеполитического ведомства Испании высказался по этому вопросу 6 августа 1976 г. весьма спокойно:

— Вопрос о НАТО тщательно изучается в тех кругах, которые непосредственно заинтересованы в его решении. Но поскольку вступление в НАТО означало бы участие Испании в одном из двух военных союзов, противостоящих друг другу в нынешнем двухполюсном мире, данная тема требует широкой национальной дискуссии. Лично я вижу во вступлении в НАТО как большие плюсы, так и столь же большие минусы.

Подобные речи не могли не вызвать настороженности в Вашингтоне, где и без того были встревожены «нейтралистскими поползновениями» нового испанского правительства. Поэтому там вздохнули с облегчением, когда комиссия по иностранным делам кортесов, рассмотрев текст договора о дружбе и сотрудничестве между Соединенными Штатами и Испанией, подписанного 24 января 1976 г., пришла к выводу, что он «имеет для страны обязательную силу». Правда, кортесы приняли при этом резолюцию, провозглашавшую, что «любое выдвижение условий, которое означало бы вмешательство во внутренние дела и установление контроля, являющегося исключительной компетенцией испанского народа, противоречило бы международному праву». Но что значил этот булавочный укол по сравнению с главным — сохранением Испании в военной орбите США?

В августе король Хуан Карлос и королева София побывали на американском ядерном авианосце «Нимиц», флагманском корабле 6-го флота США. Впервые в истории испанский король посещал военный корабль США, впервые «Нимиц» принимал в качестве гостя главу иностранного государства. А 21 сентября министр иностранных дел Испании М. Ореха и посол США в Мадриде У. Стэблер обменялись ратификационными грамотами договора о дружбе и сотрудничестве. С этого момента договор

официально вступил в силу и должен был действовать до сентября 1981 года. На церемонии обмена ратификационными грамотами Ореха произнес речь, в которой выразил надежду, что отныне отношения между двумя странами будут подняты на более высокую ступень. Важность договора, добавил министр, определяется тем, что он позволит Испании принять участие в системе обороны Западной Европы, явится связующим звеном между Испанией и НАТО и, что самое главное, укрепит контакты Испании с Соединенными Штатами Америки.

Учитывая выражения, в которых была составлена резолюция комиссии кортесов, американцы при каждом удобном случае прокламировали свой отказ от вмешательства во внутренние испанские дела. В ходе поездки по стране в городе Хихоне (Северная Испания) посол США Стэблер публично заявил, что решать вопрос о легализации Коммунистической партии Испании надлежит испанскому правительству и народу, а не Соединенным Штатам. Он скромно умолчал при этом о тайных усилиях Вашингтона, направленных на то, чтобы не допустить признания КПИ легальной политической партией.

В октябре правительство США аннулировало визу, выданную ранее Р. Тамамесу для въезда в Соединенные Штаты. Этот деятель, придерживающийся прогрессивных взглядов, намеревался выступить там с циклом лекций. Как заявил сам Тамамес в интервью агентству ЭФЭ, случившееся свидетельствовало о том, что «в США существуют ограничения для передвижения нежелательных лиц, то есть нарушаются права человека, в защиту которых они (Соединенные Штаты. — А. К.) выступают в ООН».

XXXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН, собравшаяся в Нью-Йорке осенью 1976 года, дала новому испанскому правительству повод вернуться к изложению основных принципов своей внешней политики. Выступая на сессии 27 сентября, Ореха особо подчеркнул заинтересованность своей страны в разрядке международной напряженности и прекращении гонки вооружений:

— Мы связываем с разрядкой определенные надежды. Хотя идеологическая конфронтация продолжается, все же открылись определенные возможности для развития взаимопонимания и сотрудничества. И, может быть, это наиболее подходящий способ удержать возникающие конфликты в рамках, достаточно далеких от вооруженного столкновения. Мы не можем, — продолжал министр, —

рассматривать меры безопасности в отрыве от разоружения.

В этой связи он высказался за создание условий для всеобщего и полного разоружения под строгим международным контролем.

Другой важной темой выступления главы испанского дипломатического ведомства стала деколонизация. Заявив, что с отказом от управления Западной Сахарой Испания завершила демонтаж своей бывшей колониальной империи, он добавил, что если его стране приходится сталкиваться с пережитками колониализма, то происходит это по вине Англии, удерживающей в своих руках контроль над Гибралтаром — британской колонией, расположенной на испанской земле.

М. Ореха одобрил усилия молодых развивающихся стран, стремящихся добиться экономической независимости и установления нового международного экономического порядка. Он высказался за скорейшее урегулирование конфликта на Ближнем Востоке на основе резолюций Совета Безопасности, «включающих три элемента, в равной степени необходимых и взаимозависимых: вывод израильских войск со всех оккупированных ими арабских территорий, признание границ всех государств этого региона и уважение национальных прав палестинского народа»⁸.

Особенно подробно испанский министр остановился на отношениях своей страны с государствами Латинской Америки. Он сказал, что Испания будет всячески стремиться к тому, чтобы Европа начала лучше понимать проблемы, волнующие латиноамериканцев.

Политические наблюдатели вновь отметили явное снижение интереса Мадрида к участию в военных программах Запада, упор на разрядку и разоружение, а также реверансы в сторону неприсоединившихся государств, прежде всего стран Латинской Америки.

Осенью король совершил новую поездку за океан. С 10 по 16 октября он посетил Доминиканскую Республику, Колумбию и Венесуэлу. «Эти семь дней стали не просто напоминанием об общем историческом прошлом, — заявил, комментируя визит, М. Ореха. — Они породили конкретные планы сотрудничества в будущем».

27 октября 1976 г. Хуан Карлос прибыл с официальным визитом в Париж. Это была первая поездка испанского короля в Европу после того, как он стал главой государства. Выступая на приеме, устроенном в его честь

президентом В. Жискар д'Эстеном, Хуан Карлос не преминул воспользоваться возможностью, чтобы напомнить о трудностях испано-французской торговли:

— Мы преодолели те препятствия, которые природа воздвигла на путях, связывающих наши две страны. И мы не можем позволить, чтобы другие препятствия, совершенно иного характера, затрудняли свободное передвижение людей и товаров между нашими территориями.

В речи короля, как в капле воды, отразились те проблемы, которые в дальнейшем долгие годы будут оставаться в центре дискуссии о взаимоотношениях Испании с «Общим рынком».

Последующие недели и месяцы прошли под знаком дальнейшего укрепления связей Испании с Латинской Америкой. В конце октября в Никарагуа, Коста-Рике и Панаме побывал министр торговли Испании Х. Льядо. В ходе бесед с руководителями этих стран были обсуждены возможности сотрудничества Испании с латиноамериканскими государствами в самых различных областях. Был подписан также ряд контрактов по сотрудничеству, причем «Банко экстерьор де Эспанья» предоставил для их осуществления кредиты на общую сумму 80 млн. долл.

28 ноября Мадрид посетил президент Венесуэлы Карлос Андрес Перес. Он первым из глав государств Латинской Америки нанес ответный визит в Испанию после поездки за океан короля Хуана Карлоса. Выступая на приеме в Мадриде, президент Венесуэлы выразил удовлетворение тем, что «отныне открывается возможность достижения согласия между Америкой и Испанией, развития сотрудничества на новой основе». «В момент, когда над испанской землей встает заря демократии, — сказал К. Андрес Перес, — Латинская Америка хочет выразить свою солидарность с новой Испанией»⁹.

Вслед за президентом в декабре официальный визит в Испанию нанес министр иностранных дел Венесуэлы Рамон Эсковар Салом. Принимая его, М. Ореха повторил, что Испания намерена играть роль моста между Европейским и Латиноамериканским континентами.

В марте 1977 года, после 38 лет перерыва, были официально восстановлены отношения Испании с одной из самых крупных стран Латинской Америки — Мексикой. На протяжении всего периода франкистской диктатуры мексиканское правительство не переставало осуждать режим, навязанный испанскому народу силой оружия при

поддержке извне. Восстановление отношений между двумя странами свидетельствовало о том, что демократические круги в Латинской Америке поверили в необратимость перемен, начавшихся на испанской земле.

Справедливости ради надо, однако, отметить, что политика Испании в отношении стран Латинской Америки оставалась двусмысленной. Эта двусмысленность проявлялась, в частности, в сохранении тесных связей с ультраправыми диктаторскими режимами. Так, 9—10 марта 1977 г. по приглашению министра иностранных дел Испании в Мадриде побывал его чилийский коллега вице-адмирал Патрисио Карвахаль. В ходе визита было подписано несколько соглашений о сотрудничестве в различных областях.

Что касается Соединенных Штатов, то они не отказались от попыток активизировать обсуждение вопроса о взаимоотношениях Испании с НАТО. Этот вопрос был поднят, в частности, во время встречи М. Орехи с американскими руководителями в Вашингтоне, когда глава испанской дипломатии прибыл туда с кратким визитом во время XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В ноябре 1976 года по инициативе Г. Киссинджера, который завершал свое пребывание на посту государственного секретаря США (на президентских выборах в этой стране победил представитель демократической партии Джимми Картер, и предстояла смена всего состава американского правительства), за принятие Испании в НАТО высказались члены Североатлантической ассамблеи, заседавшие в Вильямсберге (США).

Г. Киссинджер выступил в том же духе и на сессии Совета НАТО в декабре. Отвечая тем, кто предлагал повременить с решением вопроса о приглашении Испании в военный блок Запада до окончательного урегулирования отношений с ЕЭС, он заявил, что для реализации таких планов совсем необязательно дожидаться вступления Испании в «Общий рынок». 30 высших чинов из министерства обороны Испании посетили штаб-квартиру Североатлантического союза в Эвере, под Брюсселем, и встретились с верховным главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе американским генералом А. Хейгом. Начальник генерального штаба Испании генерал Карлос Фернандес Вальэспин был приглашен с официальным визитом в США.

В феврале 1977 года в рамках испано-американского совета начала действовать специальная группа, которой

было поручено изучить вопросы, связанные с возможным вступлением Испании в НАТО. В Высшем центре исследований национальной обороны в Мадриде был организован курс лекций о взаимоотношениях Испании с Североатлантическим союзом.

Против планов привязывания страны к военной колеснице Запада высказывалась не только действовавшая полулегально Коммунистическая партия Испании, но и члены самолегализовавшихся организаций социалистов. В ноябре 1976 года в Барселоне собралась конференция социалистических партий стран Средиземноморья. В ней участвовали 70 делегатов из 12 стран. Выступивший на одном из заседаний председатель Социалистической народной партии Испании (СНПИ) Энрике Тьерно Гальван, подчеркнув необходимость расширения сотрудничества между всеми социалистическими партиями региона, заявил:

— Социалисты стран Средиземноморского бассейна должны настаивать на том, чтобы их государства проводили политику неприсоединения, так как она отвечает интересам народов этих стран.

Состоявшийся в Мадриде открыто XXVII съезд ИСРП также выступил за проведение Испанией независимой внешней политики, отвечающей ее национальным интересам, делу мира, прогресса и справедливости. Высказавшись за участие в Европейском парламенте и за вступление в ЕЭС, делегаты съезда в то же время подчеркнули, что эти шаги не должны сопровождаться вхождением Испании в НАТО.

В документах съездов прямо указывалось, что вступление в Североатлантический блок противоречило бы интересам международной разрядки, разоружения и борьбы за мир. Одновременно съезд потребовал пересмотра испано-американского договора, эвакуации ядерного оружия с военных баз США в Испании и решения вопроса о судьбе этих баз (по истечении договора в 1981 г.) путем всенародного обсуждения¹⁰.

Внешнеполитические программы двух ведущих социалистических партий Испании — ИСРП и СНПИ — были созвучны положениям декларации «За новые рубежи в международной разрядке, за укрепление безопасности и развитие сотрудничества в Европе», принятой Политическим консультативным комитетом государств — участников Варшавского Договора на совещании в Бухаресте 26 ноября 1976 г. Указав, что интересы нормализации

международных отношений требуют преодоления разделения мира на противостоящие военные блоки, авторы декларации подтвердили готовность к роспуску Организации Варшавского Договора одновременно с роспуском организации Североатлантического договора и в первую очередь — к ликвидации их военных организаций. Они призвали все государства не предпринимать действий, которые могли бы привести к расширению существующих или созданию новых замкнутых группировок и военно-политических союзов. Государства — участники Варшавского Договора выразили уверенность, что расширение разностороннего сотрудничества всех стран и народов Европы — верный путь к упрочению фундамента мира на континенте¹¹.

Как следует из более поздних признаний генерала М. Гутьерреса Мельядо, который в тот период занимал пост первого заместителя председателя правительства по военным делам, позиция социалистов была в известной мере близка взглядам А. Суареса, равно как и самого генерала.

«Оба мы, — заявил он в 1983 году, — были согласны с тем, что, прожив почти 30 лет без НАТО, Испания могла обойтись без этой организации и дальше, по крайней мере в обозримом будущем»¹².

В первые же полгода пребывания у власти А. Суарес сумел завоевать на свою сторону симпатии большинства испанцев. Как показали опросы общественного мнения, проведенные институтом Гэллапа в июле 1976 года, 61 % испанцев выражали удовлетворение отстранением от власти Ариаса Наварро, 15 % опрошенных видели в этом плохой признак и 24 % не могли точно выразить свое мнение по данному вопросу. В октябре, вскоре после назначения Гутьерреса Мельядо первым заместителем председателя правительства вместо уволенного в отставку франкиста Ф. де Сантьяго, 58 % опрошенных заявили, что согласны с проводимой Суаресом политикой (9 % опрошенных при этом выразили несогласие с линией правительства, и многие уклонились от ответа). В ходе третьего опроса общественного мнения шесть месяцев спустя после того, как Суарес возглавил испанское правительство, в поддержку его политики высказались уже 74 % испанцев. Только 5 % опрошенных прямо и недвусмысленно высказались против, 21 % воздержался от ответа на заданные вопросы.

Перемены в Испании были встречены с удовлетво-

нием и за рубежом, в том числе в нашей стране. СССР и другие социалистические государства не могли поддерживать нормальные дипломатические отношения с франкистской Испанией. Они ограничивались контактами в торгово-экономической, научно-технической, культурной и спортивной областях, идя на эти контакты в интересах как своих собственных народов, так и народа Испании. Теперь же складывалась совершенно иная ситуация. И установление дипломатических отношений в их полном объеме объективно укрепляло позиции тех представителей нового испанского руководства, которые были преисполнены решимости покончить с тяжелым прошлым и вновь сделать Испанию родиной для всех испанцев.

Пересмотр позиции социалистических государств по вопросу о характере отношений с Испанией совпал с изменением концепций внешнеполитического ведомства этой страны. Вот что сказал по этому поводу М. Ореха:

— Прежняя политика Испании в отношении социалистических стран была неправильной и вытекала из глубоко ошибочных, на мой взгляд, концепций, бытовавших в испанском дипломатическом ведомстве. Развиваясь на основе строгого соблюдения норм международного права, отношения Испании с социалистическими странами могут стать в будущем чрезвычайно плодотворными, внося существенный вклад в дело укрепления всеобщего мира и безопасности народов. Отношения с Восточной Европой позволят повысить роль Испании в системе современных международных отношений, создадут новый фактор — фактор равновесия — и откроют возможность дальнейшей диверсификации внешней политики страны.

21 января 1977 г. было объявлено об установлении дипломатических отношений между Испанией и Румынией. Сообщение об этом совпало с возвращением из Бухареста министра торговли Испании Х.Льядо, который подписал в столице Румынии соглашение об экономическом сотрудничестве сроком на 10 лет. В соответствии с соглашением обе стороны предоставили друг другу статус наиболее благоприятствуемой нации.

Приблизительно неделю спустя дипломатические отношения с Испанией установили Югославия, Болгария и Польша.

Смерть Франко и начало демонтажа фашистской диктатуры ликвидировали основное препятствие, мешавшее развитию отношений между Испанией и СССР. Осенью 1976 года в Мадриде состоялась сессия советско-испанской

комиссии по проверке выполнения торгового соглашения. Комиссия с удовлетворением констатировала, что дела в этой области развивались неплохо. Увеличились, в частности, поставки из СССР в Испанию промышленных товаров, нефти, асбеста, хлопка и поставки из Испании в СССР промышленной и сельскохозяйственной продукции. Были заключены контракты в области судостроения и судоремонта, расширена продажа патентов и лицензий.

Торгово-промышленная палата СССР и Высший совет официальных палат торговли, промышленности и мореплавания Испании подписали соглашение о формах сотрудничества между советско-испанским и испано-советским комитетами по содействию развитию торговли. В феврале 1977 года в Москве состоялось первое совместное заседание этих комитетов. Была разработана конкретная программа мероприятий по сотрудничеству палат.

Качественно новый этап в развитии действительно всесторонних взаимовыгодных связей двух государств начался 9 февраля 1977 г., когда правительства Советского Союза и Испании установили дипломатические отношения, решив обменяться официальными представительствами на уровне посольств. В совместном коммюнике об этом говорилось: «Обе стороны выражают уверенность, что установление дипломатических отношений между СССР и Испанией будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурной и других областях на благо советского и испанского народов, в интересах мира и безопасности в Европе и во всем мире»¹³. Первым послом СССР стал С. А. Богомолов.

Сообщения об установлении дипломатических отношений между Испанией, с одной стороны, Венгрией и Чехословакией — с другой, были опубликованы в тот же день. А 4 апреля о восстановлении дипломатических отношений объявили правительства Испании и ГДР. В этой связи МИД Испании напомнил, что ГДР была первой восточно-европейской страной, вступившей в официальные отношения с Испанией еще в 1973 году (они были прерваны по решению Берлина в сентябре 1975 г.). Несколько позже, 4 июля, протокол об установлении дипломатических отношений подписали послы Испании и МНР в Париже.

Нормализовав отношения с социалистическими странами, испанское правительство предприняло ряд шагов, направленных на развитие связей с нейтральными государствами Европы. По приглашению М. Орехи с 7 по 10 марта 1977 г. в Мадриде находился с визитом министр иностран-

ных дел Австрии В. Пар. Он был принят королем Хуаном Карлосом и председателем правительства А. Суаресом. Более интенсивными стали контакты Испании со Швецией и Швейцарией.

Весна 1977 года прошла в Испании под знаком крупных перемен во внутриполитической жизни. 9 апреля была официально разрешена деятельность Коммунистической партии.

«Легализация Компартии Испании, — отмечалось в послании ЦК КПСС, направленном ЦК КПИ, — стала возможной в результате длительной и упорной борьбы коммунистов, рабочего класса, крестьянства, всех испанских демократов против фашизма, за глубокую демократизацию политической и общественной жизни страны. Это — одновременно результат мощной международной солидарности с демократическими силами Испании»¹⁴.

Ранее, зимой 1977 года, разрешение на легальную деятельность получили почти все партии левой оппозиции. Специальный королевский закон-декрет санкционировал ликвидацию «национального движения». Секретариат «движения» и все подчиненные ему политические органы как в центре, так и на местах объявили себя упраздненными. В то же время огромный аппарат организации, которая была при Франко единственной разрешенной партией в стране, не разгонялся, а включался в состав государственного аппарата. Бывшие штатные работники франкистской партии становились государственными служащими.

Ведущие деятели «движения» создали на его обломках несколько политических группировок. Часть из них вошла в состав сформировавшегося весной того же года объединения под названием Союз демократического центра (СДЦ), лидером которого незадолго до выборов в кортесы стал А. Суарес. Другие образовали так называемый «Народный альянс» (его возглавил бывший франкистский министр М. Фрага Ирибарне). Наконец, на крайне правом фланге легализовалась откровенно фашистская «фуэрсануэва» («новая сила»). Руководитель этой организации Блас Пиньяр открыто объявил членов правительства и лично Суареса «предателями» и поклялся вести против них борьбу «не на жизнь, а на смерть».

Западные правительства, опасавшиеся, как бы демонтаж франкизма не завел Испанию «слишком далеко», прибегли к излюбленному методу воздействия — экономическому давлению. О масштабах этого давления стало известно из материалов состоявшегося в конце апреля 1977 года в министерстве торговли Испании совещания советников

по торговле при испанских посольствах в странах — членах ЕЭС. На совещании подробному рассмотрению подверглись мандат, выданный Европейским экономическим сообществом своим представителям для переговоров с Испанией, а также неопротекционистская политика стран ЕЭС, наносившая ущерб экономическим интересам Испании.

Заместитель министра торговли Эдуардо Пенья отметил в докладе, что испанские экспортеры жалуются на те ограничительные меры, жертвами которых они являлись в последнее время. В ряд случаев, констатировал он, протекционизм носил «поистине глобальный характер». Пенья подчеркнул, что для Испании речь шла не о том, чтобы начинать «торговую войну», которую, учитывая ее финансовые возможности, она не могла выиграть. Испанское контрнаступление, добавил он, ограничится углубленным обсуждением возникших разногласий.

Давление ЕЭС не было безуспешным, ибо в результате его Мадрид снял практически все ограничения, сдерживавшие проникновение транснациональных корпораций в экономику страны. В начале 1977 года был опубликован декрет правительства № 3099. В соответствии с этим декретом иностранные вкладчики капитала получали право более чем на 50-процентное участие в капитале испанских фирм практически во всех отраслях экономики¹⁵. По мнению авторитетных исследователей, принятие декрета фактически ознаменовало начало нового этапа в деятельности иностранного капитала в Испании — начало политики «открытых дверей» в полном объеме. «Учитывая постоянно смягчающуюся политику правительства по отношению к иностранному капиталу, — пишет советский экономист А. О. Строганов, — мы становимся свидетелями прогрессирующей зависимости экономики страны от интересов ТНК. Основой такой зависимости является управление дочерними компаниями ТНК из-за рубежа... Многие отрасли испанского хозяйства настолько зависят от иностранного капитала, что можно говорить об их подчинении интересам ТНК»¹⁶.

Испанское руководство предприняло ряд демаршей перед руководящими деятелями западноевропейских государств, чтобы убедить их способствовать внутривнутриполитической эволюции страны в направлении демократии. Король Хуан Карлос нанес визит в Бонн, напомнив там в одной из речей: «Наша поездка в ФРГ происходит в момент, когда испанский народ стремится обеспечить торжество принципов демократии».

В Мадрид были приглашены руководители дипломатических ведомств Италии и Дании. Датский министр К. Б. Андерсен сказал: «Мы будем с большим интересом следить за тем, что происходит в Испании. Мы поняли, что все в этой стране очень сложно и что решения ждут многочисленные проблемы».

Страна готовилась к первым за 40 лет свободным выборам в кортесы. Они должны были состояться 15 июня 1977 г. — за полмесяца до крайнего срока, объявленного А. Суаресом при вступлении в должность премьер-министра. За океаном, как и в Западной Европе, волновались, и чтобы успокоить «старшего брата», предостеречь его от неверных шагов, в дорогу собрался председатель правительства Испании.

Как раз в это время с теоретическим обоснованием необходимости вмешательства США в дела западноевропейских государств с целью помешать росту влияния коммунистических партий выступил бывший государственный секретарь Соединенных Штатов Г. Киссинджер. В брошюре, выпущенной по заказу Центра стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете, он явил пример самого примитивного антикоммунизма. По словам Киссинджера, глубокая ирония заключается в том, что в то время, когда Запад «сплочен как никогда в отношении внешней опасности», когда он проводит «скоординированную политику по самому широкому кругу политических и экономических проблем», возникла «серьезная внутренняя угроза» со стороны компартий. Запугивая западноевропейцев, Киссинджер утверждал, что «распространение левых настроений грозит подорвать те взаимосвязи и политику в области безопасности, на которых построен Атлантический союз».

Признавая на словах, что «непосредственный ответ» на «коммунистический вызов» должны дать руководители и массы избирателей западноевропейских стран, американский деятель не только не исключал, но, наоборот, даже проповедовал необходимость вмешательства крупнейшей империалистической державы мира в дела других стран, с тем чтобы преградить дорогу коммунистам. «На США, — писал он, — в силу их глобальной роли ложится главная ответственность за выработку контрмер». Автор призывал четко осознать «опасность», с которой, по его словам, столкнется Запад, «избавиться от иллюзий о возможности ведения переговоров с коммунистами» и укрепить союз-

нические отношения не только в рамках существующих блоков и союзов, но и на глобальном уровне¹⁷.

Свою третью официальную поездку за рубеж после назначения на пост председателя правительства А. Суарес из тактических соображений начал не с Соединенных Штатов, а с Мексики, куда он прибыл 25 апреля. В Мексике Суарес и сопровождавший его Ореха имели встречи с президентом Хосе Лопесом Портильо и секретарем по иностранным делам Сантьяго Роэлем. Как отмечалось в опубликованном по окончании визита совместном испано-мексиканском коммюнике, они подробно обсудили перспективы развития отношений между двумя странами. В ходе переговоров был выявлен широкий круг вопросов, требовавших решения: пересмотр действующих соглашений между Мексикой и Испанией; подписание соглашений о торговле, об отмене виз, о туризме, о сотрудничестве в культурной, экономической, промышленной, технической и научной областях и т. д. Было условлено создать совместную смешанную комиссию, возложив координацию ее работы на министров иностранных дел двух стран.

По окончании переговоров в Мексике Суарес направился в Соединенные Штаты. Центральным моментом его визита в США была встреча с президентом Дж. Картером. В соответствии с программой этой встрече было отведено 45 минут, однако она продлилась на 30 минут дольше. В официальном сообщении указывалось, что «два государственных деятеля обсудили многочисленные проблемы, представляющие взаимный интерес для их стран. Прежде всего они остановились на предстоящих всеобщих выборах в Испании и на политической эволюции в этой стране»¹⁸. В сообщении была сделана ссылка на новый испано-американский договор, что прозвучало как намек и предостережение: Испания была военным партнером США и, идя на выборы, должна была твердо помнить о взятых обязательствах.

Судя по всему, Суаресу удалось убедить Картера в своей лояльности и в том, что легализация коммунистической партии не означала перехода Испании на позиции, неприемлемые для Соединенных Штатов. Во всяком случае, сразу же по возвращении на родину, 3 мая 1977 г., председатель правительства сообщил, выступая по телевидению, что выдвигает свою кандидатуру на предстоящих выборах в качестве независимого кандидата центра¹⁹. На следующий день было объявлено о создании коалиции 15 партий, тяготеющих к идеалам центризма. Суарес

возглавил центристскую партию, однако, представляя свою предвыборную программу, он сознательно придал ей характер личной политической платформы, к которой лишь позднее присоединилась партия СДЦ.

Касаясь внешней политики, которую он предлагал испанцам, Суарес подчеркнул в предвыборном выступлении по телевидению, что Испания должна играть более активную роль на международной арене. «Отныне, — сказал он, — наша страна будет выступать как равноправный партнер других государств мира». Среди важнейших задач страны Суарес назвал укрепление независимости и национального достоинства Испании, диверсификацию политических и экономических отношений с зарубежными странами, подтверждение стремления к миру и согласию со всеми нациями.

— Я не хочу предугадывать, каким будет в свое время выражение суверенной воли нашего народа при определении того или иного аспекта национальной политики, — продолжал Суарес. — Но я хотел бы выразить свое убеждение в том, что присутствие Испании на международной арене, учитывая ее стремление жить в мире и согласии со всеми членами международного сообщества, должно опираться на три фундаментальных принципа: Испания будет активно участвовать в системе безопасности Запада, способствовать при этом занятию таких позиций, которые положили бы конец гонке вооружений; будет содействовать сотрудничеству в деле более справедливого распределения материальных благ во всемирном масштабе; наконец, постарается дать толчок повсеместному уважению прав человека и основных свобод, нарушение которых стало корнем стольких конфликтов и очагов напряженности²⁰.

Выборы 15 июня 1977 г. прошли без инцидентов и показали, что испанский народ решительно отвергает франкизм во всех его проявлениях и стремится к углублению демократических преобразований. На первое место по числу собранных голосов вышел СДЦ, подтвердивший свою роль наиболее влиятельной буржуазной партии страны. Этим успехом СДЦ был обязан прежде всего тому, что его руководители предприняли практические шаги по демонтажу франкизма и обещали продолжать действовать в этом направлении. Испанская социалистическая рабочая партия, которая и до гражданской войны была самой крупной среди левых политических организаций страны, сохранила свои позиции. Третьей политической силой в

Испании оказалась коммунистическая партия. По ее спискам в кортесы были избраны возвратившаяся в мае 1977 года из СССР Председатель КПИ Д. Ибаррури, руководитель «рабочих комиссий» М. Камачо и многие другие известные борцы против франкизма. Неофранкистский «Народный альянс» не добился поставленной перед собой цели — прийти к власти, завоевав парламентское большинство. Больше того, он был оттеснен на четвертое место.

XI

ВНЕБЛОКОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ НАБИРАЮТ СИЛУ

22 июля в Мадриде состоялось официальное открытие сессии кортесов. А вскоре парламент утвердил новый состав правительства, куда вошли члены одной партии — СДЦ — во главе с А. Суаресом. Второе правительство Суареса, как и предыдущее, было правительством крупного капитала. Девять его членов совмещали руководство министерствами с пребыванием на 13 постах в административных советах компаний, связанных с транснациональными корпорациями. Они верой и правдой отстаивали интересы крупного испанского и международного монополистического капитала.

В сентябре 1977 года 89 наиболее крупных отраслевых организаций предпринимателей образовали Испанскую конфедерацию организаций предпринимателей, которая, постепенно расширяясь, объединила практически всех представителей испанского капитала.

Тем временем парламент приступил к обсуждению вопроса о будущей конституции. Для подготовки проекта был организован специальный комитет в составе семи депутатов: трех от СДЦ и по одному от КПИ, ИСРП, «Народного альянса» и каталонских буржуазных националистов.

Основные направления внешней политики правительства, сформированного после первых свободных выборов, были намечены в программной декларации от 11 июля 1977 г. Политические наблюдатели обратили внимание на тот факт, что в декларации, как и в заявлениях Суареса, акцент делался не на конфронтации, а на сотрудничестве государств с различным общественным строем в условиях разрядки международной напряженности и продвижения вперед к разоружению. Вклад Испании в «западную обо-

ронительную систему» прямо увязывался с существующими отношениями с США. Что же касается вопроса о НАТО, то правительство не возражало против его обсуждения, но в то же время не высказывалось в пользу вступления в этот блок.

Следует отметить, что в тот период не только в Испании, но и повсюду на Западе, в том числе и в Соединенных Штатах, многие видные политологи выступали за решительный поворот к разрядке, за нормализацию международных отношений, против стратегии «холодной войны». Так, основатель и один из директоров Института политических исследований в Вашингтоне Ричард Барнет в опубликованной в 1977 году книге «Гиганты» открыто выступил против происков военно-промышленного комплекса.

— Риск, связанный с нынешней системой безопасности, — указывал этот исследователь, — гораздо больше, чем риск, связанный с постепенным разоружением и отказом от анахронического военного соперничества между Соединенными Штатами и Россией¹.

Еще острее поставил вопрос о борьбе против милитаризма в США американский публицист Сидней Ленс. В своей книге «Канун Судного дня» он обратил внимание на тот факт, что все президенты Соединенных Штатов в ядерный век заявляют о стремлении к сокращению ядерных вооружений и к разоружению, однако на деле до сих пор не уничтожена ни одна ядерная боеголовка. Больше того, запасы ядерного оружия постоянно увеличиваются. С. Ленс пришел к выводу, что «американцы гораздо больше нуждаются в защите от своего собственного руководства, чем в обороне от вторжения извне»².

Вопросы внешней политики подверглись всестороннему обсуждению в ходе первых парламентских дебатов на эту тему, состоявшихся в конгрессе депутатов 13—20 сентября 1977 г. Представители пяти партийных групп затронули в своих выступлениях все важнейшие аспекты взаимоотношений Испании с другими государствами. Депутаты от ИСРП и КПИ подчеркивали в своих речах необходимость преодоления «логики блоков» и указывали на опасность, связанную с возможным сближением Испании с НАТО, требовали от правительства более активных выступлений в пользу разрядки международной напряженности.

Отвечая на выступления депутатов, министр иностранных дел М. Ореха заверил их, что правительство стремится к укреплению мира и безопасности. «Испания, — сказал он, — это не великая держава, однако она может играть

важную роль на международной арене». Министр обещал, что правительство будет стремиться к достижению консенсуса при определении основных направлений внешней политики — консенсуса, в пользу которого высказывалось большинство представителей парламентских групп.

Внешнеполитический курс правительства СДЦ не вызвал сколько-нибудь серьезных возражений со стороны левой оппозиции. Поддерживая в основном этот курс, Испанская социалистическая рабочая партия предприняла самостоятельные шаги на международной арене. В ноябре 1977 года Фелипе Гонсалес нанес визит за океан. Там он встретился с вице-президентом США У. Мондейлом, помощником президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинским, государственным секретарем С. Вэнсом и другими официальными лицами. А в следующем месяце делегация ИСРП во главе с Ф. Гонсалесом провела в Москве переговоры с делегацией КПСС. В совместном коммюнике обе делегации высказались за преодоление раскола современного мира на противостоящие военно-политические блоки, против их расширения³.

24 ноября 1977 г. под звуки королевского марша испанский флаг был поднят перед зданием Европейского совета в Страсбурге. С этого дня Испания официально стала членом Европейского совета — консультативной организации, созданной в 1949 году для содействия интеграционным процессам в Западной Европе. Внутри совета Испания в этот период пыталась выступать с внеблоковых позиций, в пользу разрядки и сотрудничества между государствами с различным строем.

Выступая на заседании совета в январе 1978 года, М. Ореха счел необходимым напомнить, что Европа не ограничивается странами, входящими в ЕЭС. В нее входят также государства, образующие зону свободной торговли, и с ними должен расширяться диалог.

— Наконец, существует и другая Европа, — продолжал Ореха. — Мост к ней был наведен сначала на совещании в Хельсинки, а затем на встрече в Белграде. Эти два международных форума способствовали уточнению концепции разрядки, подчеркнули постоянную актуальность вопросов безопасности и сотрудничества, имеющих важнейшее значение для большой Европы в ее географических границах, Европы, которая, несмотря на идеологические разногласия между отдельными государствами, все-таки существует, причем европейские государства заинтересо-

ны в том, чтобы взаимно дополнять друг друга, и в том, чтобы антагонизм между ними уменьшался⁴.

Стремление Испании к развитию международного сотрудничества на внеблоковой основе получило новое подтверждение в ходе встреч с руководителями ряда нейтральных и неприсоединившихся стран Европы.

В соответствии с внешнеполитической программой правительства Суареса Испания сделала особый акцент на сотрудничестве с латиноамериканскими государствами. 8—18 сентября 1977 г. король Хуан Карлос совершил третью поездку по странам Латинской Америки. Он посетил Венесуэлу, Гватемалу, Гондурас, Сальвадор, Коста-Рику и Панаму. Наиболее важное значение, вне всякого сомнения, имела речь Хуана Карлоса в венесуэльском парламенте. В ней была выдвинута идея создания испано-латиноамериканского сообщества, ставшая стержнем всей дальнейшей политики Испании в этой части света.

Год спустя после поездки за океан Хуана Карлоса туда же направился Адольфо Суарес. 6 сентября 1978 г. он прибыл в Венесуэлу. В итоге его пребывания в этой стране было опубликовано совместное коммюнике, в котором подчеркивалось стремление содействовать возможно более полному осуществлению прав человека. Как указывалось в комментарии МИД Испании, этот факт приобретал особое значение в связи с происходившими тогда важными событиями в Никарагуа (где борьба против фашистской диктатуры семейства Сомосы, установленной в 1936 г., вступила в решающий этап).

Большой резонанс во всем мире вызвал осуществленный председателем правительства Испании в 1978 году официальный визит на Кубу. Перед визитом американский посол в Мадриде демонстрировал явное неудовольствие, однако это не остановило Суареса, который стал первым из глав правительств Западной Европы, направившимся в Гавану для переговоров с кубинскими руководителями.

На аэродроме Суареса встречали Фидель Кастро, его брат Рауль и другие руководящие деятели первого социалистического государства Латинской Америки. Перед отлетом Суареса с Кубы Фидель Кастро и председатель испанского правительства провели совместную пресс-конференцию.

Выступая перед журналистами, Фидель Кастро подчеркнул, что Куба с огромным интересом следила за политической эволюцией в Испании. Он особо отметил личный вклад короля Хуана Карлоса и председателя правитель-

ства Суареса в продвижение Испании вперед по пути демократии.

— Мы глубоко интересуемся испанской политикой и искренне надеемся, что эта страна явится равноправным членом мирового сообщества, проводя в жизнь политический курс, абсолютно независимый, нейтральный и дружественный по отношению к развивающимся странам, — сказал Фидель Кастро.

Кубинский руководитель напомнил, что в самые трудные времена американской блокады Кубы Испания противостояла давлению Вашингтона и продолжала торговлю, несмотря на различия в государственном строе двух стран. Сейчас создались как нельзя лучшие условия для развития испано-кубинских отношений. Касаясь возможного вступления Испании в НАТО, Фидель Кастро сказал:

— Этот вопрос относится к исключительной компетенции правительства и народа Испании. Однако мы считаем, что блоки и военные союзы — анахронизм. Испания обладает всем необходимым для того, чтобы сыграть важную роль в борьбе за независимость и нейтралитет «третьего мира». Будучи объединены с Испанией общими культурными корнями и узами кровного родства, мы ждем от нее лишь братства и дружбы.

Выступая на той же пресс-конференции, Суарес сообщил, что от имени короля передал Фиделю Кастро приглашение посетить Испанию с официальным визитом и что это приглашение было в принципе принято. Он признал, что был «покорен» Фиделем Кастро, добавив с улыбкой, что обаяние кубинского руководителя, возможно, объясняется его галисийским происхождением. (Отец Фиделя Кастро — выходец из Галисии, одной из автономных — с 1981 г. — областей Испании.)

Касаясь позиции Испании в отношении неприсоединившихся стран, Суарес сказал, что окончательное решение по этому вопросу, как правильно заметил Кастро, принадлежит испанскому государству. В то же время, продолжал председатель испанского правительства, уже сейчас можно констатировать, что Испания — это страна, которая имеет особые связи с «третьим миром», чувствует свою глубокую ответственность за происходящие там события и стремится к хорошим отношениям со всеми развивающимися странами.

Комментируя визит А. Суареса на Кубу, мадридская газета «Паис» констатировала, что в качестве нейтральной и независимой Испания проводила бы политику, отвечаю-

щую интересам развивающихся стран, и могла бы играть роль своего рода «моста» между Латинской Америкой, Европой и Африкой⁵.

С 16 ноября по 1 декабря 1978 г. новую поездку в Латинскую Америку совершил король Хуан Карлос. Он посетил Мексику, Перу и Аргентину. Во время визита было подписано несколько соглашений об экономическом сотрудничестве и обсуждалась идея испано-латиноамериканского сообщества наций.

С момента создания первого правительства Суареса Испания не прекращала усилий с целью наладить более тесные отношения с арабскими государствами. Что касается его отношения к «горячим проблемам» Африки, то оно было выражено, в частности, в совместном коммюнике, опубликованном по окончании визита в Мадрид президента Сенегала Л. Сенгора в ноябре 1978 года. В этом документе, в частности, указывалось, что «обе стороны высказались против политики расовой дискриминации и всех ее проявлений и осудили апартеид, а также режим меньшинства в Родезии и незаконную оккупацию Намибии Южно-Африканской Республикой»⁶.

Внимание внешнеполитических наблюдателей привлек официальный визит короля Хуана Карлоса в КНР во второй половине июня 1978 года. Излагая позицию Испании в вопросах войны и мира, король заявил:

— Мы хотим, чтобы международные отношения основывались на мирном сосуществовании, поддержании мира и безопасности, на развитии сотрудничества и дружественных отношений между всеми народами.

В свою очередь, сопровождавший короля министр иностранных дел Испании в беседе со своим китайским коллегой сказал, что испанское правительство отложило обсуждение вопроса о возможном участии в Североатлантическом союзе до утверждения конституции испанского государства. Он добавил, что в своей внешней политике Испания исходит из принципа универсальности и в соответствии с ним будет и впредь развивать отношения с другими государствами, в том числе с Советским Союзом.

Действительно, советско-испанские связи развивались успешно. В интервью газете «Известия» в феврале 1978 года, в первую годовщину установления дипломатических отношений с Советским Союзом, М. Ореха отметил, что испанское правительство рассматривает их развитие в качестве одной из первоочередных задач своей внешней политики⁷.

Как бы подтверждая справедливость этих слов, заместитель министра торговли Испании К. Бустело говорил в том же году:

— Экономические и торговые контакты между Испанией и Советским Союзом развиваются неплохо, особенно если иметь в виду, что их история пока очень коротка. Испания не может не развивать отношений с такой могучей державой, как Советский Союз, ибо это означало бы идти против течения, закрывать глаза на реальность⁸.

Осенью 1978 года в Москве была организована первая испанская промышленная выставка. В ходе состоявшейся по этому случаю беседы Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с министром торговли и туризма Испании Х. А. Гарсиа Диесом констатировалось, что дальнейшее успешное развитие отношений между двумя странами будет способствовать еще большему взаимопониманию между советским и испанским народами, а также упрочению мира и разрядки на Европейском континенте.

Внешнеполитический курс новой Испании получал все более широкое международное признание. Одним из свидетельств этого признания явилось решение 35 стран — участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе созвать очередную встречу своих представителей в 1980 году в Мадриде. Как указывалось в памятной записке, врученной посольством СССР в Мадриде министерству иностранных дел Испании позднее (7 сентября 1981 г.), при выборе Мадрида в качестве места проведения встречи Испания воспринималась как внеблоковая страна, неоднократно заявлявшая о своей приверженности принципам и целям хельсинкского Заключительного акта⁹.

Аналогичной точки зрения придерживались и руководители других европейских стран, в том числе президент Финляндии Урхо Кекконен. В одном из публичных заявлений он подчеркнул, что, избрав Мадрид в качестве места своей очередной встречи, представители государств — участников общеевропейского совещания «воздали должное активному и конструктивному вкладу Испании в осуществление целей, определенных на совещании».

М. Ореха присоединился к этой интерпретации решения, принятого европейскими странами на белградской встрече, напомнив об активном участии Испании в работе, направленной на обеспечение безопасности и сотрудничества в Европе.

— Испания, — подчеркнул министр, — благодарна за доверие, которое оказывают ей европейские страны, и, когда

придет время, сочтет за большую честь предоставленную ей возможность оказать гостеприимство. Испанское правительство сделает все, чтобы отстаивать и впредь идеи безопасности и сотрудничества в Европе, чтобы предстоящая встреча стала действительно важным шагом в процессе европейской разрядки¹⁰.

Руководитель испанского внешнеполитического ведомства вернулся к той же теме на заседании политической комиссии Европейского совета, которое впервые собралось в Мадриде в здании кортесов. Выступая перед собравшимися, он заявил:

— Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, участники которого направят своих представителей в Испанию в 1980 году, предлагает нам широкую основу для организации отношений между странами Восточной и Западной Европы. В этом смысле Заключительный акт, подписанный в Хельсинки, имеет значение не только для Европы, но и для всего международного сообщества. Ибо разрядка в Европе может и должна освободить энергию для того, чтобы ответить на вызов нашего времени — помочь ликвидации голода и удовлетворению нужд развивающихся государств.

Строительство новой Испании проходило в условиях, когда быстрое развитие экономики сменилось спадом, который в значительной степени был вызван общим ухудшением экономической конъюнктуры в странах капитала. Сокращение иностранных капиталовложений сопровождалось «бегством» собственных, испанских капиталов за границу. Опасаясь далеко идущих демократических преобразований, часть местной буржуазии поспешила изъять свои вклады из внутреннего оборота и перевести их в заграничные банки.

Управляющий «Банко де Эспанья» Хосе Мария Лопес де Летона сообщил генеральному совету банка летом 1977 года, что внешний долг Испании достиг к этому моменту 12 млрд. долл., в том числе 7 млрд. долл. — в результате займов, полученных государственным сектором, и 5 млрд. долл. — частным сектором.

В этой обстановке испанское правительство решило активизировать усилия по сближению с «Общим рынком», полагая, что это поможет преодолеть переживаемые страной экономические трудности. При этом в Мадриде исходили из того, что экономика Испании тесно связана с экономикой других капиталистических стран. Как следует из статистических данных министерства торговли, Европей-

ское экономическое сообщество было в 1978 году самым крупным покупателем испанских товаров. В стране ЕЭС в 1978 году направлялось 46,3 % всего испанского экспорта. Из 300 крупных испанских предприятий 200 непосредственно контролировались иностранным капиталом (в том числе капиталом США — 32,2 %, Швейцарии — 15,2, Франции — 9,1, ФРГ — 8,7, Англии — 6,5, Италии — 6 %) ¹¹.

28 июля 1977 г. министр иностранных дел М. Ореха официально представил в Брюсселе заявку на вступление Испании в качестве полноправного члена в Европейское экономическое сообщество. 20 сентября совет министров ЕЭС подтвердил получение этой заявки и поручил Комиссии европейских сообществ рассмотреть ее и дать свое заключение.

В конце августа 1977 года А. Суарес посетил Гаагу, Копенгаген, Париж и Рим, а в первой половине ноября завершил серию поездок в столицы стран — членов ЕЭС. «Эти визиты, — указывал в официальном комментарии МИД Испании, — свидетельствуют о большом интересе испанского правительства к переговорам с ЕЭС в связи с перспективой вступления в Европейское сообщество. Их целью было ознакомление западноевропейских руководителей с положением в Испании с учетом ее заявки» ¹².

По мере того как западноевропейские государства одно за другим обнадеживали Испанию в отношении перспектив ее вступления в «Общий рынок», в Мадриде все больше укреплялись в убеждении, что эта задача может быть решена быстро и с выгодой для испанской экономики. В связи с наступлением нового года Ореха дал интервью агентству Эуропа Пресс, заявив, что в 1978 году особое внимание должно быть уделено расширению рамок соглашения 1970 года с ЕЭС с целью получить некоторые уступки в торговле сельскохозяйственной продукцией и добиться более уравновешенных обменов промышленными товарами.

В испанском правительстве был создан специальный пост министра по делам отношений с Европейским сообществом. 13 февраля 1978 г. присягу в качестве руководителя нового ведомства принес Леопольдо Кальво Сотело. Политические обозреватели комментировали это решение А. Суареса как подтверждение намерения Испании добиваться быстрее приема в «Общий рынок».

Вскоре после своего назначения Л. Кальво Сотело нанес первый официальный визит в штаб-квартиру ЕЭС в Брюсселе. Беседуя с журналистами, он выразил оптимизм

по поводу перспектив переговоров о вступлении Испании в «Общий рынок».

Новый министр не видел (или делал вид, что не видит) трудностей, мешавших быстрому достижению соглашения с ЕЭС. Экономические интересы Испании и ее партнеров по переговорам были слишком различны. Это показала, в частности, испано-французская встреча на высшем уровне. Заявив в очередной раз, что Франция в принципе за прием Испании в ЕЭС, глава французского государства добавил:

— Совершенно очевидно, что с присоединением Испании к Общему рынку возникнет новая ситуация, которая потребует от каждого из нас дополнительных усилий, чтобы приспособиться к создавшемуся положению. Это неизбежно породит проблемы для Франции, где ряд отраслей сельского хозяйства должен будет перестроиться... Наконец, все это приведет к определенным последствиям также и для сообщества. Число его членов вырастет, и нам потребуется изучить вопрос, каким образом сохранить единство, как действовать более эффективно.

Особая настороженность Франции объяснялась довольно просто. Как отмечал советский исследователь В. П. Евстигнеев, при заключении Римского договора этой стране отводилась роль главного поставщика сельскохозяйственной продукции на рынки промышленно развитых стран Западной Европы.

Во второй половине 70-х годов французская монополия была серьезно нарушена. Печально известна «винная война» между Францией и Италией. Участие Испании в сообществе привело бы к снятию таможенных барьеров на пути поступающих с Пиренейского полуострова овощей, фруктов, вин, более дешевых, чем французские. Это внесло бы дополнительную остроту в конкурентную борьбу¹³.

В то же время развитые капиталистические страны Запада были заинтересованы в том, чтобы как можно прочнее привязать Испанию к своей экономической системе, ибо проникновение в испанскую экономику приносило им немалые прибыли и к тому же позволяло влиять на политическую эволюцию страны.

29 ноября 1978 г. Комиссия европейских сообществ завершила обсуждение испанской заявки, переданной на ее заключение в сентябре предыдущего года, и высказалась в положительном смысле. А 19 декабря 1978 г. совет министров ЕЭС, ознакомившись с заключением, дал согла-

сие на официальное открытие переговоров о вступлении Испании в феврале 1979 года.

Испанское правительство, со своей стороны, одобрило декрет, предоставивший иностранным банкам свободу действий. Как указывалось в официальном сообщении совета министров, было решено установить в Испании порядок, подобный тому, который существует практически во всех развитых странах с рыночной экономикой. Правда, власти обещали установить «определенные рамки», с тем чтобы исключить такое положение, при котором экономика Испании оказалась бы под контролем иностранцев. Однако, дав «зеленый свет» деятельности банков, чьи штаб-квартиры находятся за рубежом, в основном в США, они — независимо от субъективных расчетов тех или иных деятелей — предоставили международным финансовым монополиям мощное средство для вмешательства во внутренние дела своей страны.

К моменту принятия декрета 56 иностранных банков уже имели свои представительства в Испании. В большинстве случаев это были небольшие конторы с ограниченным числом служащих, однако некоторые банки уже превратили свои представительства в самые настоящие филиалы, лишь ожидавшие момента, когда им будет разрешено действовать в полном объеме.

Прощупывали новые возможности и «атлантисты». В этот период даже самые непримиримые из них были вынуждены признать, что в сложившейся международной обстановке все труднее убеждать общественность западноевропейских государств в том, что над ней нависает опасность, якобы исходящая от Советского Союза. «Люди постоянно спрашивают, — писал, в частности, английский адмирал П. Хилл-Нортон, долгое время занимавший пост председателя высшего военного органа НАТО — Военного комитета, — существует ли угроза Атлантическому блоку или отдельным государствам, участвующим в этой организации». «Другие идут дальше и утверждают, что такой угрозы вообще не существует»¹⁴, — признавал этот военный деятель.

Подписанный в январе 1976 года испано-американский договор о дружбе и сотрудничестве толковался обеими сторонами неодинаково. Вашингтон интересовало прежде всего более тесное привязывание Испании к своим военным планам. Мадрид же был озабочен неравноправностью сотрудничества, в том числе в экономической области. Первое заседание испано-американского совета, созданный

го в соответствии с договором, состоялось в феврале 1977 года в здании министерства иностранных дел Испании в Мадриде. Испанскую делегацию возглавлял заместитель министра Солана. Обращаясь к членам американской делегации, он подчеркнул, что климат дружбы и сотрудничества, который следовало создать во всех областях, несовместим с сохранением большого дефицита в торговом балансе Испании с Соединенными Штатами.

США, со своей стороны, делали акцент на военных вопросах. В мае того же года в Мадриде побывал с кратким визитом государственный секретарь США Сайрус Вэнс. Прибыв в столицу Испании из Лондона, он принял участие во втором заседании испано-американского совета. На заседании было принято решение о размещении в Мадриде Объединенного штаба по координации и планированию, а также об активизации деятельности Объединенного военного комитета.

Совет рассмотрел результаты, достигнутые за первые семь месяцев действия договора о дружбе и сотрудничестве в рамках каждого из объединенных комитетов, созданных в соответствии с этим документом. Результаты оказались более чем скромными: военное сотрудничество двух стран явно пробуксовывало.

Американцы поставили перед своими собеседниками вопрос о сотрудничестве с НАТО. Однако те уклонились от принятия каких-либо обязательств, и в совместное коммюнике была вставлена весьма туманная формулировка о том, что «обе страны выражают готовность содействовать своим сотрудничеством установлению более тесных связей в европейской и атлантической зонах».

Незадолго до этого в Мадриде состоялось очередное заседание Объединенного военного комитета, на котором речь шла о сотрудничестве на чисто двусторонней основе.

Видя, что правительство А. Суареса не проявляет особого интереса к установлению более тесных связей с Соединенными Штатами и НАТО, вашингтонские руководители решили попытаться «приручить» левую оппозицию. Осенью 1977 года они пригласили в США лидеров Испанской социалистической рабочей партии и Коммунистической партии Испании. Генерального секретаря ИСРП Ф. Гонсалеса просили изложить политику своей партии и обсудить проблемы международного положения с руководящими деятелями США. Что касается генерального секретаря КПИ С. Каррильо, то ему предложили выступить с серией лекций о «еврокоммунизме».

В течение нескольких месяцев испанские руководители избегали высказываться на тему о НАТО. Лишь 9 марта 1978 г., выступая в сенате, М. Ореха подчеркнул, что принятие решения по данному вопросу потребует согласия нации. В то же время он высказался против «безоружного нейтрализма», назвав его «опасной утопией». Министр иностранных дел провел различие между вступлением в Североатлантический союз и участием Испании в объединенной военной организации НАТО. Членство Испании в союзе, сказал он, не изменит общего стратегического баланса в Европе.

Председатель правительства также затронул проблему взаимоотношений Испании с НАТО на своей первой официальной пресс-конференции с момента прихода к власти, состоявшейся весной 1978 года. Он заявил, что «порамышлять» на эту тему можно будет после утверждения конституции и что дебаты по ней состоятся в парламенте «в свое время»¹⁵. Впоследствии А. Суарес признал, что был — и остается — противником участия в НАТО. Беседуя в 1985 году с корреспондентом мадридского еженедельника «Интервью», он сказал:

— Принять решение не вступать в НАТО, как это сделал я, легче, чем решить выйти оттуда. Я отдаю себе отчет в том, что такой выход вызвал бы немало трудностей. И все же он дал бы нам определенные преимущества. Внешняя политика Испании в период, когда я находился у власти, была последовательной. Это была политика независимости. И я горжусь тем, что проводил в жизнь именно эту политику со всеми ее плюсами и минусами¹⁶.

А в то время председатель правительства ограничивался заявлениями о том, что этот вопрос должен быть решен на основе национального консенсуса (при этом он, конечно, хорошо знал, что левая оппозиция решительно отвергла идею вступления в НАТО и никакого консенсуса достигнуть не удастся). 15 октября 1978 г. в интервью газете «Паис» А. Суарес выразил убеждение, что вступление Испании в НАТО — это не тот вопрос, который «может своей волей решить одна партия, каким бы большинством ни располагала она в парламенте. Проблема вступления в НАТО не является срочной».

Позицию председателя правительства не разделяли представители правого крыла его собственной партии. Выступая в специальной телевизионной передаче «Лицом к лицу», посвященной теме взаимоотношений Испании с НАТО, секретарь по вопросам внешней политики партии

Союз демократического центра Хавьер Руперес, известный своими симпатиями к Соединенным Штатам, сразу же заявил, что Испания должна быть членом НАТО. При этом он связал воедино возможное участие Испании в НАТО и ее заявку о приеме в ЕЭС.

Секретарь по внешнеполитическим вопросам ИСРП Луис Яньес, со своей стороны, отметил, что между этими двумя вопросами не существует прямой связи. «Социалисты, — сказал он, — за вступление в ЕЭС, однако они возражают против участия Испании в Североатлантическом союзе, поскольку вступление в эту военную организацию влечет за собой риск и угрозу милитаризации, сужает поле для маневра и ставит под вопрос национальный суверенитет испанского государства»¹⁷.

За океаном решили усилить нажим на Испанию. В июне 1978 года туда прибыл в качестве посла Соединенных Штатов Теренс Тодмэн. По словам «Камбио-16», новый посол был тесно связан с ЦРУ. А вот как характеризовали его Хосе Луис Моралес и Хуан Селада — авторы вышедшей тремя годами позднее книги «Военная альтернатива»:

«Это был один из специалистов по поддержке военных диктатур и реакционных правительств. Проработав послом сначала в Чаде, а затем в Коста-Рике, он получил назначение на пост заместителя государственного секретаря США по межамериканским делам. В этом качестве всячески опекал хунту Пиночета и другие диктаторские режимы континента. Что касается его деятельности в Испании, то о ее оценке лучше всего говорит тот факт, что и после прихода к власти администрации Рейгана Т. Тодмэн был оставлен во главе посольства США в этой стране»¹⁸.

В октябре 1978 года состоялся первый съезд СДЦ. Он высказался за участие Испании в ЕЭС и дал принципиальное согласие на вступление Испании в Североатлантический союз. Однако при этом было подтверждено, что для решения вопроса о членстве в НАТО потребуются широкие национальные дебаты. В международном разделе одной из резолюций съезда указывалось, что СДЦ выступает за установление нормальных отношений со всеми государствами, за активную концепцию поддержания мира, которая отражена в Уставе ООН и Заключительном акте общеевропейского совещания. Важнейшими задачами внутренней политики партии провозглашались завершение перехода от франкистской диктатуры к буржуазно-демократическому режиму, укрепление нового правопорядка и оздоровление экономики.

Тем временем подходила к концу разработка проекта новой конституции государства. Правительство и оппозиция довольно быстро пришли к согласию по важнейшим пунктам: Испания объявляется парламентарной монархией; власть короля ограничивается кортесами, избираемыми всеобщим и тайным голосованием; распускается Совет королевства — орган, который достался Испании в наследство от эпохи франкизма.

Целый ряд положений конституции касался вопросов внешней политики. В частности, в преамбуле указывалось, что Испания стремится «сотрудничать в целях укрепления мирных отношений и эффективного сосуществования между всеми народами Земли». Статья 63 предоставляла королю право назначать послов и других дипломатических представителей. Иностранные представители в Испании аккредитуются при нем. Он же объявляет о принятии Испанией международных обязательств посредством договоров в соответствии с конституцией и законами страны. Наконец, король с предварительного согласия Генеральных кортесов (двухпалатного парламента) объявляет войну и заключает мир.

Четыре статьи конституции (с 93-й по 96-ю) посвящены международным договорам. В соответствии с ними при заключении важных международных договоров или соглашений правительство должно заручиться предварительным согласием Генеральных кортесов. Это касается, в частности, договоров или соглашений политического и военного характера, а также договоров или соглашений, налагающих финансовые обязательства на государство. Устанавливалось также, что заключение международного договора, содержащего положения, противоречащие конституции, возможно лишь после ее предварительного пересмотра. Особо оговаривалось, что международные договоры, заключенные в соответствии с установленными требованиями, после их официальной публикации в Испании являются составной частью внутреннего законодательства. Их положения могут быть отменены, изменены или приостановлены только в порядке, указанном в самих договорах, или в соответствии с общими нормами международного права¹⁹.

Пленум ЦК КПИ, состоявшийся в Мадриде под председательством Д. Ибаррури, оценил подготовленный конституционным комитетом проект в целом положительно, указав, что «он отражает переживаемый страной процесс социально-демократических преобразований».

Отдельные изменения в тексте, разработанном конституционным комитетом, были утверждены кортесами. После этого документ с внесенными в него дополнениями и поправками был принят в окончательном варианте 31 октября 1978 г. и представлен на одобрение всех испанцев, которые должны были высказаться по нему на референдуме.

В ноябре 1978 года, в канун третьей годовщины со дня смерти Франко, группа реакционно настроенных офицеров подготовила план свержения правительства А. Суареса. По названию мадридского кафе, где собирались заговорщики, этот план получил кодовое наименование «операция Галаксия». Участники заговора намеревались, воспользовавшись отъездом за границу короля Хуана Карлоса и отсутствием его ближайшего помощника по военным делам — заместителя премьер-министра Гутьерреса Мельядо, занять резиденцию главы правительства и арестовать А. Суареса. Они были уверены в том, что получат поддержку всей армии и сорвут референдум и вступление в силу конституции.

Многие офицеры, приглашенные присоединиться к путчистам, доложили об этом своим непосредственным начальникам, однако те — по небрежности или из сочувствия франкистам — оставили доклады подчиненных без последствий. Планы заговора были раскрыты только после того, как один из офицеров, встревоженный отсутствием какой бы то ни было реакции со стороны командования, решил проинформировать о происходящем непосредственно членов правительства.

По словам Х. Л. Моралеса и Х. Селады, нити заговора тянулись к американскому посольству. Непосредственным советником заговорщиков «операции Галаксия» был (по их же утверждению) полковник Ф. Кинтеро Моренте, находившийся на военно-дипломатической службе Соединенных Штатов. После того как заговор провалился, он официально отмежевался от его участников, однако позднее, в феврале 1981 года, его имя вновь всплывет в связи со следующей попыткой военного путча²⁰.

6 декабря 1978 г. почти 16 млн. испанских избирателей, или 88 % тех, кто принял участие в голосовании, высказались за новую конституцию. Это была еще одна капитальная победа противников франкистской диктатуры. Основным законом испанского государства перечеркивал законы, принятые во времена франкизма. Юридически закреплялся переход к новому этапу истории Испании.

Первые постфранкистские кортесы выполнили возложенную на них миссию учредительного собрания и могли отныне уступить место обычному конституционному парламенту. Поэтому вскоре после вступления в силу основного закона страны они были распущены.

16 января 1979 г., выступая на приеме в честь дипломатического корпуса, король Хуан Карлос напомнил, что испанская нация стремится сотрудничать в деле укрепления мирных отношений со всеми народами Земли. Он сказал, что эти слова мира выражают убежденность Испании в том, что «человеческие проблемы могут решаться без применения насилия и международные конфликты должны регулироваться путем переговоров, а не с помощью силы».

XII

МЕЖДУ ДВУМЯ ТЕНДЕНЦИЯМИ

1 марта 1979 г. по всей Испании прошли выборы в Генеральные кортесы нового созыва. Союз демократического центра провел свою кампанию под девизом «сказано — сделано», подчеркивая, что выполняет свои предвыборные обещания. И добился успеха, оставшись первой партией страны и сохранив за собой возможность сформировать правительство. В то же время расширилось представительство в парламенте левых партий — коммунистов и социалистов. Что касается неофранкистского «Народного альянса», то он, несмотря на союз с другими правобуржуазными группировками, значительно сдал свои позиции.

30 марта депутаты проголосовали за доверие к А. Суаресу как председателю правительства. «За» было подано 184 голоса, «против» — 149, 8 депутатов воздержались от голосования и 10 отсутствовали.

Внутриполитическая эволюция Испании и поиски ее места на международной арене происходили на фоне изменений, которые затронули соотношение сил в капиталистическом мире в целом. Еще Карл Маркс отмечал, что буржуазия в борьбе с рабочим классом оказывается способной проявлять подлинную солидарность, «поистине масонское братство»¹. Развивая эту мысль основоположника научного коммунизма, В. И. Ленин указывал, что «существуют две тенденции: одна, делающая неизбежным союз всех империалистов, другая — противопоставляющая одних империалистов другим — две тенденции, из которых ни одна прочной под собой основы не имеет»².

Обе эти тенденции сохранились в условиях, когда в системе империализма тон стали задавать три центра экономической, научно-технической, финансовой и политической силы: США. Западная Европа (прежде всего ЕЭС) и

Япония, сконцентрировавшие 80 % промышленного производства и 65 % экспорта капиталистического мира.

Как подчеркивалось в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии, взаимоотношения трех основных центров современного империализма полны явных и скрытых противоречий. «Экономическое, финансовое, технологическое превосходство над ближайшими конкурентами, которым США располагали вплоть до конца 60-х годов, подверглось серьезному испытанию. Западной Европе и Японии удалось кое в чем потеснить американского патрона». При этом «в той мере, в какой достигается согласование позиций трех центров империализма, оно чаще всего оказывается следствием американского давления или открытого диктата, преследует интересы и цели прежде всего самих США»³.

19 апреля 1979 г. представители политических и экономических кругов Испании официально вступили в трехстороннюю комиссию. Выступая на заседании комиссии в Токио в апреле 1979 года от имени всей группы испанцев, председатель Испанской конфедерации организаций предпринимателей К. Феррер Салат констатировал, что его страна переживает переходный период, характеризующийся, в частности, серьезными экономическими трудностями, такими как существенный рост безработицы, галопирующая инфляция, вдвое превысившая показатели других развитых капиталистических стран, и сравнительно скромный, по его мнению, объем иностранных капиталовложений.

Действительно, экономический кризис, поразивший Испанию, продолжал обостряться. Издаваемый «Банко де Бильбао» журнал «Ситуасьои» констатировал, что 1979 год характеризовался возросшими экономическими трудностями в стране. Что касается иностранных инвестиций, то сетования руководителя испанских бизнесменов вряд ли можно признать основательными. Как сообщил бюллетень МИД Испании, в течение первых девяти месяцев 1979 года были разрешены мажоритарные операции капитала в испанских предприятиях на общую сумму 65,348 млн. песет. Эта цифра превышала рекорд 1978 года, когда в течение 12 месяцев иностранные капиталовложения в Испании составили 56,7 млрд. песет. В сентябре была произведена особенно крупная инвестиционная операция американской корпорации «Дженерал моторс», которая перевела в Испанию 24 300 млн. песет. Другие американские фирмы вложили свои средства в пищевую

и фармацевтическую промышленность, а также в производство оргтехники. Всего же в 1979 году иностранные инвесторы вложили в испанскую экономику (по официальным данным) 1100 млн. долл.⁴

На международной арене в этот период обстановка складывалась непросто. Разрядка 70-х годов привела к корректировке политического курса и дипломатии развитых капиталистических государств в отношении социалистических и освободившихся стран. В целом позитивно развивались политические отношения между Советским Союзом и ведущими странами капиталистической системы. К концу 1978 года были значительно продвинуты к успешному завершению советско-американские переговоры об ограничении стратегических наступательных вооружений, а в июне 1979 года в Вене руководители двух великих держав подписали Договор ОСВ-2. Однако едва договор был подписан, как силы, выражавшие интересы военно-промышленного комплекса, принялись его дискредитировать. А в декабре 1979 года на сессии Совета НАТО в Брюсселе было принято решение о размещении в Западной Европе новых американских ядерных ракет средней дальности.

А. Суарес оказался перед непростым выбором. Склоняясь к внеблоковой политике, он должен был в то же время считаться с тем фактом, что большинство руководителей его партии занимают откровенно проамериканские позиции. Выступая в конгрессе депутатов с программной речью, председатель правительства заявил:

— В области международных отношений мы намерены проводить реалистическую, активную и независимую политику, которая, исходя из внутренних преобразований, осуществленных в Испании, защитит наши интересы в быстро меняющемся мире.

Затронув щекотливые вопросы о присоединении к военно-политическому блоку западных держав, Суарес и на этот раз попытался уйти от открытого выбора «за» или «против». Как бы успокаивая «атлантистов», он напомнил, что «Испания участвует в общей стратегии Запада через двусторонний договор с Соединенными Штатами», заключенный еще при К. Ариасе Наварро. И тут же сделал реверанс в сторону противников привязывания Испании к американской военной колеснице, обещав, что договор будет подвергнут пересмотру к завершению срока его действия, с тем чтобы «соответствовать новой реальности».

Суарес, по существу, предложил отложить дискуссию

по вопросу об отношении к НАТО на неопределенное будущее, сказав:

— Союз демократического центра выступает за участие Испании в Атлантическом союзе. Однако мы понимаем дело таким образом, что наше вступление в НАТО должно произойти с учетом условий, которые вытекают из наших особенностей и из наших требований безопасности, так же как из необходимости широкой парламентской поддержки. Парламенту предстоит в свое время обсудить эту тему, проанализировав условия и детали возможного присоединения (к НАТО. — А.К.) в форме, которая будет в наибольшей степени соответствовать нашим политическим и стратегическим интересам. Ибо, как мы знаем, существует множество факторов экономического, военного и политического характера, которые должны быть тщательно взвешены. Разнообразны и политические решения, к которым мы можем прийти с учетом этих обстоятельств.

Уже в тот момент можно было заметить разницу в расстановке акцентов в вопросах внешней политики между деятелями, занимавшими самые высокие руководящие посты. В отличие от председателя правительства, министр иностранных дел М. Ореха стал все чаще демонстративно подчеркивать, что «не испытывает тяготения ни к нейтрализму, ни к третьему миру». Правда, он тут же добавлял, что «Испания поддерживает особые отношения с Латинской Америкой, сохраняет прочную дружбу с арабскими странами, питает глубокий интерес к проблемам, затрагивающим Средиземноморье, и солидарна с развивающимися африканскими государствами». Однако различие позиций двух деятелей, формировавших внешнеполитический курс страны, не вызывало более сомнений⁵.

В этих условиях А. Суарес добился расширения своих прав. Королевским декретом от 14 августа 1979 г. была создана специальная правительственная комиссия по вопросам внешней политики. Председательствовать в ней было поручено премьер-министру. Статья 2 королевского декрета устанавливала, что глава правительства может в случае необходимости поручить председательствование на заседаниях комиссии одному из своих заместителей. Заместителем председателя комиссии по должности объявлялся министр иностранных дел. Главе правительства предоставлялось право приглашать на заседания комиссии министров, в компетенцию которых входило решение вопросов, выносимых на обсуждение⁶.

Тем временем общенациональная дискуссия по вопросу

об отношениях Испании с НАТО продолжалась. Серьезный вклад в нее внес координатор Центра по анализу конфликтных ситуаций в Барселоне Висенс Фисас. В изданной в 1979 году книге «Военная власть в Испании» он доказывал необходимость проведения Испанией нейтральной политики, исключающей какие бы то ни было связи с военными блоками.

В Испании с интересом встретили опубликование очередного ежегодного доклада Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира (СИПРИ). Как указывалось в докладе, данные о «военном превосходстве» Советского Союза «чрезвычайно сомнительны»⁷. Однако Вашингтон все больше настраивался на обострение конфронтационного курса по отношению к социалистическим странам и на новые шаги по пути гонки вооружений. Об этом свидетельствовал, в частности, аналитический доклад, который был подготовлен Исследовательской службой конгресса США. Как утверждали авторы доклада, учитывая «важность интересов и целей США в Западной Европе», практическое и «символическое» значение американских баз в Европе остается огромным, а дальнейшее военное присутствие США в регионе обязательным⁸.

Охлаждение испано-американских отношений дало себя знать в период обострения обстановки в районе Персидского залива после свержения шахского режима в Иране. Испанское правительство не разрешило американским истребителям-бомбардировщикам F-15, направлявшимся к границам Ирана, совершить посадку на авиационной базе в Торрехоне, и это вызвало раздражение Пентагона и госдепартамента США. Несомненным успехом А. Суареса и его правительства явился также начавшийся вывод американских ядерных подводных лодок с военно-морской базы в Роте. К 30 июня 1979 г. последние подводные лодки, вооруженные ракетами «Поларис» и «Посейдон», покинули эту базу.

В 1979 году активизировались усилия, направленные на сближение Испании с «Общим рынком». Переговоры о вступлении в ЕЭС официально начались в Брюсселе 5 февраля торжественной церемонией, в которой участвовали министр иностранных дел М. Ореха и министр по делам отношений с Европейским сообществом Л. Кальво Сотело. Представители Испании заявили, что готовы в полном объеме взять обязательства, вытекающие из участия в ЕЭС. Они подтвердили заинтересованность в широ-

ком сотрудничестве со всеми членами сообщества. Со своей стороны, министр иностранных дел Франции Жан Франсуа Понсе, выступая в качестве официального представителя ЕЭС, отметил, что переговоры «должны будут охватить широкий спектр вопросов, учитывая экономическое значение Испании и сложность нерешенных проблем».

По возвращении в Мадрид М. Ореха квалифицировал начало переговоров между Испанией и «Общим рынком» как «трудное». Обоснованность такой оценки подтвердилась очень быстро, за несколько месяцев до того, как переговоры вступили в практическую фазу. Надо было срочно решить некоторые вопросы, связанные с повседневными взаимоотношениями Испании с ЕЭС. И тут «Общий рынок» потребовал, чтобы испанцы сократили свой экспорт. Мадриду пришлось согласиться, в частности, на снижение максимальной квоты продукции металлургической промышленности, которая могла экспортироваться в страны ЕЭС в 1979 году, до 800 тыс. т — на 100 тыс. т ниже уровня, установленного для Испании в 1978 году.

Но чем больше трудностей начинало просматриваться во взаимоотношениях с «Общим рынком», тем желаннее представлялась руководящим кругам Испании поставленная ими перед собой цель. Об этом свидетельствовало и обсуждение вопроса о вступлении в ЕЭС на специальном заседании конгресса депутатов. В итоге обсуждения 285 голосами «за» при 2 «против» была принята резолюция, представленная совместно парламентскими группами СДЦ, ИСРП, группой «Демократическая коалиция» (основу которой составляли члены «Народного альянса») и националистическими организациями Каталонии и Страны Басков. Авторы резолюции выражали поддержку решению о вступлении в ЕЭС.

Выступивший в ходе дебатов Л. Кальво Сотело, по существу, признал, что вступление в ЕЭС сотрет последние различия между Испанией, где все еще существовали некоторые ограничения для деятельности международных монополий, и другими странами Запада, где эти монополии могли действовать практически бесконтрольно. «Мы, — сказал он, — создаем у себя в стране систему, схожую с системами наших соседей — государств — членов сообщества».

Министр иностранных дел М. Ореха, взявший слово по ходу дискуссии, связал возможное вступление Испании в Европейское экономическое сообщество с ее членством

в НАТО. «Среди целей политического характера, относящихся к интеграции, — сказал он, — следует упомянуть вклад в обеспечение мира и безопасности в этой зоне». По утверждению Орехи, «организация европейской обороны вне Атлантического союза в обозримом будущем нереальна», а «проблемы обороны и безопасности Европы не решаются роспуском военных блоков». Вывод, к которому подталкивал депутатов министр, должен был, по его мнению, напрашиваться сам собой: членство в ЕЭС и в НАТО — два звена одной и той же цепи.

Проблемам, связанным со вступлением Испании в Европейское экономическое сообщество, был посвящен коллоквиум, организованный университетом Овьедо. По мнению представителей Испании, принявших участие в состоявшейся там дискуссии, вступление их страны в ЕЭС являлось «неизбежным и необходимым шагом». Представитель министерства сельского хозяйства Ф. Ботелья построил свою аргументацию в пользу вхождения Испании в «Общий рынок» на двух основных посылах. В первых, сказал он, «Испания не может оставаться в стороне от процесса формирования социоэкономических и геополитических блоков в мире» и вступление в ЕЭС в этом смысле — лучшее решение для Испании. А во вторых, сельское хозяйство Испании в целом должно было, по его словам, выиграть от вступления в «Общий рынок»⁹.

По мнению советского исследователя В. Л. Калинина, причины благожелательного отношения значительной части представителей политических и социальных сил Испании к перспективам интеграции в ЕЭС были во многом связаны со своеобразием исторического и политического момента, переживаемого Испанией. В стране, писал он, «сформировался широкий консенсус относительно необходимости обеспечить мирный переход от франкистской диктатуры к буржуазной парламентской демократии по западноевропейскому образцу, добиться ее консолидации и устранения угрозы нового фашистского военного путча. Реализация подобной программы требовала политической и экономической поддержки извне. Представители испанских политических сил — как левых, так и умеренно правых — надеялись получить ее в первую очередь от западноевропейских государств — членов «Общего рынка». При этом многим испанским политикам и общественным деятелям «европейский выбор» Испании представлялся своеобразной альтернативой односторонней внешнеполитиче-

ской ориентации франкизма на Соединенные Штаты Америки»¹⁰.

С момента официальной церемонии начала переговоров до рабочей встречи, когда их участники собрались за столом, чтобы приступить наконец к практическому обсуждению стоящих перед ними вопросов, прошло более семи месяцев. Встреча состоялась 18 сентября 1979 г. в Брюсселе. Как и ожидалось, первым же препятствием на пути достижения договоренности оказалась продолжительность переходного периода, необходимого для того, чтобы приспособить экономическую структуру Испании к требованиям ЕЭС. Испанское правительство предложило установить переходный период, единый для всех секторов экономики, — от 5 до 10 лет. Представители ЕЭС, со своей стороны, выступили за то, чтобы установить различные переходные периоды для каждой из отраслей экономики, сократив в максимально возможной степени срок перехода к свободному обмену промышленными товарами.

Стремясь как можно скорее снизить таможенные барьеры для продвижения на испанский рынок своих промышленных товаров, некоторые страны ЕЭС, прежде всего Франция, начали все настойчивее говорить о том, что они пока не готовы к такому же снижению барьеров для провоза сельскохозяйственной продукции, ибо опасаются конкуренции со стороны Испании. Так возникла идея отложить распространение взаимных льгот в области сельского хозяйства на неопределенное время, до проведения в странах «Общего рынка» реформ, о существовании которых еще предстояло договориться. Эта идея, разумеется, никак не устраивала Испанию, которой в этом случае пришлось бы согласиться с издержками и отказаться от выгод, связанных со вступлением в ЕЭС.

Летом 1980 года на границе между Испанией и Францией произошла целая серия инцидентов, спровоцированных крупными французскими землевладельцами. Грузовики с испанской сельскохозяйственной продукцией, направлявшиеся во Францию, подвергались нападениям, а перевозимые товары уничтожались. Инциденты совпали по времени с заявлениями президента Франции В. Жискард'Эстена о необходимости урегулировать внутренние проблемы «Общего рынка» до принятия новых членов в ЕЭС. Испанское правительство опубликовало в связи с этим специальное заявление, осудив «позицию президента, которая, как кажется переносит на кандидатов трудности, касающиеся других стран-членов»¹¹.

Прибывший в Мадрид премьер-министр Франции Раймон Барр выразил сожаление по поводу нападений и обещал принять меры к тому, чтобы подобные инциденты не повторялись в будущем. По его словам, Франция не собиралась мешать вступлению Испании в Европейское экономическое сообщество. В то же время он снова подтвердил, что, по мнению французского правительства, необходимо изучить изменения, которые следует внести в сельскохозяйственную и финансовую политику ЕЭС, прежде чем оно сможет пойти на новое расширение своих рядов.

Взгляды французских противников расширения Европейского экономического сообщества выразил известный экономист-международник Э. Маффр-Боже. В опубликованной им в 1979 году книге «Европа безысходности» он не скрывал, что наибольшую тревогу у него вызывает предоставление статуса члена ЕЭС Испании, которую он назвал «самым серьезным соперником Франции». Между тем и до расширения своего состава ЕЭС столкнулось с серьезными трудностями, так как «не были устранены нечестная конкуренция и практика замаскированного демпинга, помощь со стороны органов сообщества предоставлялась на дискриминационных условиях, а разница в курсах национальных валют лишала всякого смысла любую торговую политику»¹².

Впрочем, многие французские политологи, признавая обоснованность опасений правительства в связи с перспективой приема новых членов, включая Испанию, в состав «Общего рынка», отмечали, что такая мера окажется для Запада скорее выигрышной, чем проигрышной. Так, Ф. Визин, один из лидеров французского «движения христианских демократов», доказывал, что, хотя включение в ЕЭС Греции, Португалии и Испании создаст некоторые экономические трудности, они окажутся «несущественными» по сравнению с геополитическими, демографическими и экономическими преимуществами, которые даст расширение ЕЭС до 12 государств¹³.

В июле 1980 года мадридская газета «Диарио-16» написала, будто президент Франции В. Жискар д'Эстен выступил за то, чтобы приостановить переговоры относительно вступления Испании в ЕЭС под непосредственным влиянием Советского Союза. Тем самым, утверждала газета, Москва хотела бы предотвратить или задержать присоединение Испании к НАТО. Это утверждение было опровергнуто на страницах «Правды», которая отметила,

что «подобные небылицы отнюдь не служат укреплению атмосферы доверия и добрососедства на нашем континенте»¹⁴.

Вскоре выявилась еще одна область трений. На встрече участников переговоров в марте 1980 года делегация Испании поставила в центр дискуссии проблему трудящихся-эмигрантов. Она предложила, чтобы испанские рабочие, выезжающие за пределы своей страны, могли свободно циркулировать по странам — членам ЕЭС с первого же дня после официального вступления Испании в сообщество. В Мадриде хотели также, чтобы испанским трудящимся, находящимся в странах ЕЭС, были немедленно предоставлены те же права, которыми пользуются граждане этих стран.

Предложения учитывали позицию левых партий, которые добивались от правительства А. Суареса конкретных мер в защиту трудящихся-эмигрантов. Однако власти стран — членов «Общего рынка» не были готовы пойти на такие уступки. Сталкиваясь с трудностями, вызванными экономическим кризисом и ростом безработицы у себя дома, они не испытывали ни малейшего желания тратить средства на улучшение положения рабочих-испанцев.

Партнеров Испании интересовало скорее другое: как направить процесс перемен, происходящих в стране с тех пор, как главой правительства стал Суарес, по нужному им пути. Незадолго до конца 1980 года председатель кружка руководителей фирм Испании С. Фонсильяс, выступая в торговой палате Нью-Йорка, дал ясно понять своим американским коллегам, что испанские предприниматели готовы внести свой вклад, чтобы положение в стране «стабилизировалось на основе западных концепций». «Хотя сегодня обстановка в Испании еще внушает некоторое беспокойство, — заявил он в частности, — руководители предприятий, в том числе и я, убеждены, что отсутствие полного порядка в Испании в связи с политическими и социальными переменами будет преодолено»¹⁵. Крупный капитал был уверен, что не выпустит развития ситуации в стране из-под своего контроля.

«Атлантисты» с беспокойством следили за укреплением дружественных взаимовыгодных связей между Испанией и социалистическими государствами. Особенно успешно развивались испано-советские отношения. Наивысший уровень в их развитии был достигнут в 1979 году: впервые состоялся обмен визитами министров иностран-

ных дел двух стран, были подписаны новые двусторонние соглашения, советские и испанские представители провели большую конструктивную работу на различных международных форумах.

По поручению правительства М. Ореха посетил Советский Союз в январе 1979 года. В итоге его переговоров с руководящими деятелями нашей страны было опубликовано коммюнике, в котором обе стороны подтвердили глубокую приверженность СССР и Испании целям и принципам Устава ООН и стремление добиваться их претворения в жизнь, а также твердую решимость содействовать делу всеобщего мира и международной безопасности.

От имени советского руководства испанскому министру было заявлено: «Мы хотим видеть Испанию, играющую на международной арене роль, достойную ее возможностей и вклада испанского народа в мировую цивилизацию. Если бы нас спросили, что, по нашему мнению, лучше всего отвечало бы интересам Испании как государства, поскольку речь идет о ее внешней политике, мы ответили бы так, линия на мир, на независимую, именно независимую, мирную политику в международных делах, то есть та линия, которая отвечает чаяниям всех без исключения народов»¹⁶. В ходе визита А. А. Громыко и М. Ореха подписали соглашение о культурном и научном сотрудничестве и соглашение о научном и техническом сотрудничестве.

Министр иностранных дел СССР нанес ответный визит в Испанию в ноябре того же года. Внимание испанской стороны было привлечено к одностороннему обязательству СССР никогда не применять ядерное оружие против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения такого оружия и не имеют его на своей территории. Выступая в Мадриде, А. А. Громыко сказал, что соответствующее обязательство СССР готов оформить с любым заинтересованным государством. «Это предложение, — добавил он, — адресовано и Испании с учетом того, что на ее территории, как объявлено теперь, уже больше нет ядерного оружия».

Участники переговоров выразили удовлетворение прогрессом, достигнутым в различных областях советско-испанских отношений. Были отмечены, в частности, позитивные результаты в области экономических обменов. Товарооборот между двумя странами, выросший за первые пять лет, не переставал расширяться от года к году и в 1979 году охватывал уже около 100 позиций. Существенно

расширилась и номенклатура товаров, поставляемых Испанией нашей стране. В Москве открылись постоянные представительства ряда испанских банков и промышленных фирм. В Испании было создано несколько акционерных обществ со смешанным испанским и советским капиталом.

Наряду с развитием деловых связей заметно активизировался культурный и научный обмен. Были намечены важные направления прикладных и фундаментальных исследований в энергетике, цветной металлургии, океанологии, медицине, сельском хозяйстве, градостроительстве. Приступили к практической деятельности соответствующие смешанные межправительственные комиссии, которые разработали конкретную программу обменов.

Нормальное развитие испано-советских отношений явно не устраивало проатлантические круги в Испании и за ее пределами. Некоторые органы испанской печати предприняли попытку искусственно создать «проблему вмешательства во внутренние дела Испании». Появились, в частности, рассуждения о неких связях Советского Союза с подпольными террористическими организациями, действующими в Испании. Эти домыслы были опровергнуты официальными представителями и прессой нашей страны, а министр иностранных дел СССР назвал их на пресс-конференции 25 июня 1979 г. «стопроцентным нонсенсом»¹⁷.

В 1979—1980 годах Испания продолжала активно развивать отношения со странами Латинской Америки, Арабского Востока, Африки и Азии. Испанские предприниматели издавна обладали прочными позициями в самых различных отраслях экономики латиноамериканских стран. Более двух третей испанских капиталовложений за рубежом приходилось на страны этого континента. По инициативе А. Суареса Испания вошла в состав Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и подписала с ней два соглашения: о совместных программах и о подготовке специалистов для участия в осуществлении проектов экономического развития стран Латинской Америки.

В марте 1979 года Суарес побывал в ряде латиноамериканских государств. Как сообщал МИД Испании, в ходе визита были заложены основы более широкого сотрудничества на всех уровнях. Заметное место в переговорах председателя правительства и других испанских руководителей с представителями государств Латинской Америки занимала тема демократизации государственного и об-

ественного строя. Новые испанские власти солидаризировались с борьбой сандинистов против диктатуры Сомосы в Никарагуа, выразили озабоченность нарушениями прав человека в Боливии и разорвали дипломатические отношения с диктаторским режимом Гватемалы. В совместных документах, которые испанские руководители подписали в этот период с представителями других стран, неизменно фиксировалась позиция в пользу разрядки международной напряженности, развития широкого сотрудничества между всеми странами, против «пережитков колониализма и всякого рода дискриминации».

Развитие связей с Кубой — одним из самых активных членов Движения неприсоединения — способствовало сближению Испании с этим движением в целом. Испания решила принять участие в качестве наблюдателя в Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая проходила с 28 августа по 2 сентября 1979 г. в Гаване.

Комментируя решение Суареса, мадридский еженедельник «Камбио-16» отмечал, что глава правительства поступил подобным образом, учитывая необходимость укрепления позиций Испании в Латинской Америке и в других районах земного шара¹⁸. Правда, позднее, выступая в Брюсселе, руководитель испанской дипломатии М. Ореха в очередной раз заверил западные державы, что его правительство не собирается примыкать к Движению неприсоединения. Но было ясно, что последнее слово зависело от того, как решится вопрос об участии Испании в НАТО.

Возвращаясь с конференции в Гаване, участвовавший в ее работе Председатель Исполкома Организации освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат остановился 13—15 сентября 1979 г. в Мадриде в качестве официального гостя испанского правительства. Как указывалось в опубликованном по этому поводу сообщении МИД Испании, испанские руководители заявили делегации ООП о своем стремлении и впредь развивать отношения дружбы и сотрудничества с арабским миром. Они выразили уверенность, что достигнуть мира на Ближнем Востоке невозможно без глобального, справедливого и прочного решения проблемы на основе принципов и резолюций ООН и признания неотъемлемых национальных прав палестинского народа.

Непросто складывались в этот период отношения между Испанией и североафриканскими государствами. Кам-

нем преткновения оказался вопрос о Западной Сахаре. Посетив 30 апреля — 1 мая 1979 г. Алжир, А. Суарес изложил позицию, согласно которой процесс деколонизации Западной Сахары не может считаться завершенным до тех пор, пока население этой страны не выразило своего желания в соответствии с резолюциями международных организаций. Однако реальное решение вопроса не продвинулось ни на шаг, поскольку Марокко, со своей стороны, не отказалось от претензий на территорию Западной Сахары. «Дипломатический» характер отношений между Испанией и Марокко в известной степени объяснялся и тем обстоятельством, что Мадрид не выражал ни малейшего намерения расстаться со своими владениями на Средиземноморском побережье Марокко — городами Сеута и Мелилья.

1979—1980 годы прошли под знаком дипломатического наступления Испании на Африканском континенте. Разумеется, форсируя развитие отношений со странами Африки, монополистический капитал Испании преследовал корыстные цели, стремясь обеспечить более широкий рынок сбыта испанских товаров и получить максимально благоприятные условия для приобретения промышленного и сельскохозяйственного сырья.

Однако факт остается фактом: как указывал известный испанский юрист-международник А. Ремиро Бротонс, «процесс деколонизации вдребезги разбил все наши старые внешнеполитические догмы. Он обусловил необходимость переоценки и уточнения наших позиций в сфере отношений с освободившимися странами»¹⁹.

Испания проявляла повышенный интерес к политике нейтральных стран Европы, и пробуждению этого интереса нередко способствовал сам глава государства. В 1979 году в Мадриде побывал с официальным визитом президент Австрии Рудольф Кирхшлегер. Обращаясь к нему с приветствием, король Хуан Карлос высоко отозвался о политике «активного нейтралитета» Австрии, которая, как он выразился, «представляет собой специфически большой вклад Австрии в международные отношения». Король провел параллель между действиями обоих государств на международной арене. «Обе наши страны, — сказал он, — считают главным делом поддержание мира и сотрудничества между Востоком и Западом; оба государства считают необходимым также преодолеть разрыв, который существует между развитыми в промышленном отношении государствами и теми, что находятся в процессе разви-

тия, путем создания нового международного экономического порядка, более справедливого и правильного».

В том же году Хуан Карлос посетил с официальным визитом Швецию. В одном из своих выступлений он подчеркнул, что Испания и Швеция «призваны» тесно сотрудничать друг с другом ради достижения общих целей.

В то же время нельзя не отметить, что Испания уклонилась от участия в проведенном в 1979 году в Вене Совещании представителей нейтральных и неприсоединившихся государств Европы, где обсуждались вопросы, связанные с подготовкой к мадридской встрече.

При реорганизации кабинета в сентябре 1980 года руководителем дипломатического ведомства стал Хосе Педро Перес Льорка. Новый министр иностранных дел родился в Кадисе 30 ноября 1940 г. Закончил юридический факультет Мадридского университета. В 1964 году поступил на службу в МИД. Преподавал конституционное право в дипломатической школе. Был советником испанской делегации на XXI и XXII сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. После избрания депутатом в июне 1977 года стал пресс-секретарем парламентской группы Союза демократического центра. Представлял СДЦ в редакционной комиссии по подготовке конституции. Позднее занимал различные министерские посты.

Выступая в комиссии по иностранным делам конгресса депутатов с изложением основных направлений внешней политики реорганизованного правительства Суареса, новый министр уклонился от каких-либо обязательств в отношении сроков подачи заявки на прием в НАТО, как, впрочем, и от открытого равнения на Вашингтон. Из его речи можно было понять, что позиция Испании по большинству международных вопросов не претерпела существенных изменений.

12 ноября 1980 г. началась мадридская встреча государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Открывая встречу, А. Суарес сказал:

— Я думаю, что в такие моменты, как нынешний, когда складывается обстановка кризиса, необходимо с большей четкостью сознавать необходимость диалога, переговоров и достижения согласия... Порой нам кажется, что мы присутствуем при диалоге глухих. Мы призываем всех к разрядке... Необходимо прийти к новой концепции разрядки, приемлемой для всех. Она должна включать в себя отказ от попыток получить односторонние преимущества, с тем чтобы никто не мог чувствовать себя под

угрозой... Позвольте мне призвать вас к диалогу, напомнить, что конфронтация может вызвать острую напряженность и погубить наши народы, и подчеркнуть, что ответственность за развитие обстановки носит коллективный характер и что мы должны объединиться во имя мира, сотрудничества и взаимного уважения²⁰.

Официальное открытие мадридской встречи совпало с проведением в испанской столице XV конгресса Социалистического интернационала. Впервые конгресс Социнтерна собрался на испанской земле (это было своего рода признание прогресса на пути демократизации Испании). Заключительная резолюция, принятая конгрессом, указывала, что Социалистический интернационал выступает за разоружение, а также за контроль над вооружениями и призывает к тому, чтобы Договор ОСВ-2 был ратифицирован.

За долгие годы американские руководители привыкли мыслить лишь категориями подготовки к войне. Отказ от конфронтации и установление нормальных отношений между всеми государствами, широкое сотрудничество капиталистических и социалистических стран казались им чем-то противоестественным. А посему даже робкие и не всегда последовательные попытки правительства Суареса отмежеваться от политики блоков и установить дружеские связи с каждым, кто был готов к сотрудничеству, вызвали недоверие и подозрительность в Вашингтоне.

Интересно свидетельство пресс-секретаря Жозефа Мельи, одного из самых близких политических друзей премьера:

— Серьезным заблуждением Адольфо Суареса была его вера в то, что Испания, оставаясь в западном лагере, может проводить самостоятельную внешнюю политику. Он споткнулся на ближневосточной проблеме. Приняв Арафата и обняв его на глазах у всего мира, Суарес добился успеха, однако успех этот обернулся для него поражением. Ибо начиная с этого момента сионистские круги в Соединенных Штатах и контролируемые ими ведущие органы американской печати не только отказали ему в поддержке, но и заняли резко антисуаресовскую позицию.

Был ли Суарес действительно настроен против Соединенных Штатов и Израиля, осуждал ли он их союз на Ближнем Востоке? Ж. Мелья дает на этот вопрос отрицательный ответ. Председатель испанского правительства отнюдь не собирался безоговорочно осуждать израильтян и столь же безоговорочно поддерживать арабов. Он лишь

хотел, чтобы на Ближнем Востоке было найдено решение, приемлемое не только для арабов, но и — прежде всего — для Запада и для государства Израиль. Для этого, как полагал Суарес, западным державам следовало отказаться от односторонней ориентации на Тель-Авив и установить контакты с арабскими государствами, равно как и со здравомыслящими политиками в самом Израиле.

В начале января 1980 года с двухдневным официальным визитом Испанию посетил канцлер ФРГ Гельмут Шмидт. Он был принят королем Хуаном Карлосом и имел четырехчасовую беседу с Суаресом. По сообщению МИД Испании, с обеих сторон было выражено мнение о необходимости поддержания диалога между Востоком и Западом. «В начале 80-х годов, — сказал Г. Шмидт, — мы еще не знаем, как будет развиваться обстановка в 90-х годах, но уже ощущаем со всей очевидностью нестабильность и отсутствие безопасности». Канцлер ФРГ заявил, что переговоры с Суаресом дали ему очень много. Он сказал, в частности, что отныне видит с большей ясностью посредническую роль Испании между Европой и арабским миром.

Но вернемся к рассказу Ж. Мельи:

— Когда канцлер ФРГ познакомился с точкой зрения Суареса на проблемы Ближнего Востока, он тут же позвонил Картеру и попросил его принять председателя правительства Испании для беседы. Их встреча действительно состоялась в Вашингтоне, и Картер вроде бы заверил своего собеседника, что после выборов поведет себя в ближневосточных делах более гибко²¹.

Официально объявленная версия столь далеко не шла. Суарес беседовал с президентом США Картером в Белом доме 14 января 1980 г. Как указывалось в сообщении МИД Испании, в ходе переговоров с обеих сторон была выражена озабоченность развитием международной обстановки, которая явно ухудшилась. Касаясь проблем Ближнего Востока, Суарес подчеркнул, что для преодоления кризиса и стабилизации положения в данном регионе необходимо идти вперед к общему, глобальному решению проблемы. Он сказал, что, по его убеждению, решение должно базироваться на принципах, изложенных в резолюции № 242 Совета Безопасности ООН. Оно должно обязательно включать в себя признание национальных прав палестинского народа и права всех стран этого региона жить в мире в рамках международно признанных границ.

Возможно, Ж. Мелья принял желаемое за действительное. Во всяком случае, по убеждению многих известных исследователей-международников, «план Картера» по Ближнему Востоку опирался не на идеи испанского премьера, а на разработку Брукингского института «К миру на Ближнем Востоке» (1975 г.), смысл которой сводился к тому, чтобы «утвердить мир в регионе с помощью постоянной угрозы непосредственного столкновения между СССР и США». Близка была к этому плану, по мнению французского политолога Ш. Зоргбиба, и концепция, выдвинутая в 1977 году помощником президента США по национальной безопасности З. Бжезинским. Она предусматривала решение ближневосточной проблемы в три этапа: египетско-израильские переговоры с участием США, заключение договора о левом берегу Иордана и секторе Газа с «умеренными палестинцами», попытки «вынудить СССР к воздействию на наиболее радикальные элементы в арабском мире»²².

Как видим, до «глобального решения проблемы» и признания прав палестинцев на основе документов ООН, за что ратовал Суарес, довольно далеко. И факт остается фактом: после встречи А. Суареса с Дж. Картером никаких изменений в позицию США по Ближнему Востоку внесено не было. Зато резко активизировалось обсуждение вопросов, связанных с участием Испании в военных программах Запада.

В середине апреля 1980 года состоялась встреча М. Орехи с государственным секретарем США С. Вэнсом. Оба они председательствовали на очередном заседании испано-американского совета и условились наметить на ближайшие месяцы целую серию подготовительных встреч для рассмотрения проблем, связанных с продлением договора 1976 года.

В официальном коммюнике о встрече руководителей дипломатических ведомств двух стран ничего не говорилось о возможном вступлении Испании в НАТО. Однако приближался официальный визит в Мадрид президента США Дж. Картера, и испанские «атлантисты» решили сделать то, чего Вашингтон добивался от них уже давно.

Незадолго до приезда Дж. Картера министр иностранных дел М. Ореха сделал газете «Паис» заявление, в котором открыто высказался за скорейшее вступление в Североатлантический союз, «во всяком случае, до выборов 1983 года», правда, оговаривая его несколькими условиями:

— Необходимо, — сказал он в частности, — получить две гарантии и уточнить одно обстоятельство. Нам должно быть гарантировано, что будет продолжен процесс вступления Испании в ЕЭС и что испано-британские переговоры приведут к решению вопроса о передаче суверенитета над Гибралтаром Испании. Мы должны также решить вопрос о степени и способе военной интеграции, которая будет соответствовать интересам Испании, ибо существуют разные виды участия. Нужно обсудить, например, хочет ли Испания участвовать в работе комитета по военному планированию НАТО.

Заявление М. Орехи подверглось критике со стороны левых партий. Испанская социалистическая рабочая партия квалифицировала его как неуместное и высказалась против какого бы то ни было участия Испании в Североатлантическом союзе, подчеркнув, что выступает против политики военных блоков. Лидер ИСРП Ф. Гонсалес в интервью западногерманскому журналу «Штерн» констатировал, что безопасность Испании от вступления в НАТО «отнюдь не повысилась бы, скорее наоборот». В другом интервью он столь же категорически отверг аргумент, согласно которому присоединение к Североатлантическому блоку «успокоило бы путчистские и мятежные настроения определенных кругов». «Исторически это не доказано, — заявил генеральный секретарь ИСРП. — К тому же страна не может идти на такой важный шаг, как интеграция в НАТО, исходя из подобных соображений».

Не менее категорично высказывался на этот счет будущий министр иностранных дел Испании социалист Фернандо Моран:

— Интеграция в НАТО на деле не только не уменьшает, но, наоборот, усиливает зависимость от Соединенных Штатов, вытекающую из двусторонних отношений. Риск сателлизации не вызывает сомнений. Любая страна-сателлит, будучи им, не может рассчитывать на большую защиту. Напротив, войдя в орбиту страны-гегемона и предоставив свою территорию для размещения ядерных систем чужого государства, она немедленно превращается в мишень для ответного удара противоположного блока, причем ее уничтожение не выглядит столь опасным делом, как нападение на территорию другой сверхвеликой державы.

Вывод известного испанского дипломата был категоричен: «Участие в НАТО влечет за собой увеличение риска ядерного уничтожения».

Многие наблюдатели обратили внимание на тот факт, что об уточнении срока подачи испанского заявления о вступлении в НАТО было объявлено как раз накануне прибытия Дж. Картера. Президент США нанес официальный визит в Мадрид 25—26 июня 1980 г. Это был первый визит главы американской администрации в постфранкистскую Испанию. Выступая на устроенном в его честь приеме, Картер утверждал, что «в интересах Испании участвовать в коллективной защите Запада». «Тем не менее, — добавил он, делая вид, будто США занимали в этом вопросе позицию стороннего наблюдателя, — мы признаем, что решение относится к исключительной компетенции самой Испании, которая примет его в свое время и на свой манер».

Хуан Карлос подчеркнул миролюбие испанского народа, отметив, что его страна выступает против угрозы силой и применения силы, против всех форм насилия и вмешательства во внутренние дела государств. В то же время он заверил американского президента, что Испания «солидарна со странами западного мира».

Далее король сказал:

— Мы были и остаемся сторонниками разрядки и готовы внести наш вклад в диалог между Востоком и Западом, который позволил бы установить отношения доверия и сотрудничества между двумя мирами, ибо они не должны жить в условиях конфронтации или вернуться к застывшим схемам холодной войны.

Вскоре после визита Картера в университете имени Менендеса Пелайо в городе Сантандере состоялся семинар на тему «Оборона, безопасность и разрядка в зоне Средиземноморья». В нем приняли участие представители различных политических партий Испании и группа экспертов из-за рубежа. Секретарь СДЦ по внешнеполитическим вопросам Х. Руперес ратовал за вступление в НАТО. Помощник генерального секретаря ИСРП по международным вопросам Э. Менендес дель Валье высказался за проведение политики нейтралитета по шведскому образцу. Военные отмалчивались, и взявший слово в заключение дискуссии директор школы генерального штаба генерал Х. Кано Эйвиа, не выступив прямо за или против участия в НАТО, ограничился констатацией того факта, что Испания занимает ключевые позиции в Западном Средиземноморье и, следовательно, имеет первостепенное значение со стратегической точки зрения.

Свою лепту в привязывание Испании к военной колес-

нице Запада внесли и европейские союзники США по НАТО. Министерства обороны Франции и ФРГ предложили Испании принять участие в создании «сверхтанка», который Париж и Бонн собирались выпустить в 80-е годы. В том же году министр обороны Испании А. Родригес Саагун и его итальянский коллега Л. Лагорио подписали в Мадриде соглашение о сотрудничестве в области обороны. Английское правительство согласилось начать переговоры о судьбе Гибралтара (договоренность об этом была оформлена в письменном виде министрами иностранных дел двух стран во время их встречи 10 апреля 1980 г. в Лисабоне).

Дальнейшее поправление заокеанской державы было подтверждено в ноябре 1980 года победой консервативного крыла республиканской партии во главе с Рональдом Рейганом на выборах в США. Как отмечалось в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии, «правая группировка, пришедшая к власти в США, и их основные попутчики по НАТО круто повернули от разрядки к военно-силовой политике. Они взяли на вооружение доктрины, которые отвергают добрососедство и сотрудничество как принципы мирового развития, как политическую философию международных отношений»²³.

Резкое поправление политического курса заокеанского «лидера» не могло не отразиться на положении в Испании. Вот как описывает его Ж. Мелья:

— В предпринимательских кругах начали все настойчивее поговаривать о необходимости создания широкой коалиции правых сил, которая положила бы конец нашей «ненадежности» на международной арене. Если называть вещи своими именами, это означало, что мы должны были слепо подчиняться стратегии США. И не потому, что разделяли конечные цели американской политики, а ввиду того, что нам следовало без рассуждений принимать любые конъюнктурные зигзаги Вашингтона.

Вашингтонские зигзаги оказались не единственным фактором, действовавшим против правительства Суареса и его политического курса. Но вернемся к рассказу его друга:

— По какой-то фатальности, которая порой проявляется в истории, эффект Рейгана совпал с поворотом вправо политики Ватикана. Возрождение «национал-католицизма» — это факт, наблюдавшийся в течение всего 1980 года. Часть деятелей церкви начала поддерживать сдвиг вправо²⁴.

Впрочем, даже если бы не появилось того, что Ж. Мелья

назвал «двойным синдромом Рейгана и Войтылы», раньше или позже Суарес оказался бы перед трудностями. Расквитавшись с франкистским прошлым и вступая в следующий этап своей истории, Испания должна была столкнуться с объективной необходимостью и даже неизбежностью размежевания сил, дальнейшие интересы которых расходились все больше и больше. Вмешательство США и Ватикана ускорило этот процесс и придало ему определенное направление.

Наступление против Суареса развернули проатлантические и проамериканские элементы внутри его партии. В сентябре 1980 года они вынудили премьера провести широкую реорганизацию кабинета, которая затронула 12 министерских постов. Вторым заместителем председателя правительства по экономическим делам был назначен Л. Кальво Сотело, а пост министра иностранных дел, как упоминалось выше, был передан Х. П. Пересу Льорке, который, по мнению «проатлантистов», мог бы отстаивать их позицию с большей решительностью, чем М. Ореха.

А. Суарес еще верил, что победит. В ходе своей последней пресс-конференции в качестве главы правительства в ответ на вопрос о возможном календаре вступления Испании в НАТО он снова сказал, что такой календарь не намечался. «Решение этого вопроса, — добавил он, — потребует широких дебатов, и мы не собираемся планировать его в той мере, в какой он может оказаться дестабилизирующим фактором во внутренней политике». При этом Суарес назвал «фантастикой» предположения о возможном столкновении между Восточной и Западной Европой.

Однако дискуссия внутри СДЦ становилась все более бурной по мере приближения второго общенационального съезда этой организации. В конце декабря в печати появился направленный лично против председателя правительства документ, под которым подписались 700 из 1800 делегатов съезда. Не выдержав давления противников, 29 января 1981 г. Суарес объявил об отставке. А восемь дней спустя съезд СДЦ, собравшийся в Пальма-де-Майорке, рекомендовал на пост председателя правительства Л. Кальво Сотело.

Обострение внутренней борьбы в СДЦ совпало по времени с активизацией деятельности ультраправых, которые готовились покончить с правительством Суареса своими методами — с помощью военно-фашистского путча. Когда в Испании произошла смена главы правительства, махо-

вик заговора был раскручен до такой степени, что остановить его было уже невозможно. 23 февраля 1981 г., в день, когда депутатам предстояло высказаться о кандидатуре нового премьера, в здание кортесов ворвались 290 вооруженных путчистов под командованием подполковника Техеро Молины. Семнадцать с половиной часов члены испанского парламента и министры оставались заложниками банды фашистов, взаимодействовавшей с примкнувшими к заговору генералами²⁵.

Интересные детали заговора привел А. Сараскета, известный в Испании политический обозреватель, выпустивший в 1985 году книгу «После Франко — НАТО»:

— Кальво Сотело объявил о твердом решении ввести Испанию в НАТО в программной речи, с которой выступил 18 февраля. Его поддержало лишь относительное большинство депутатов. Требовалось новое голосование, в этот-то момент и вспыхнул военный мятеж. Когда Техеро направлялся в кортесы в 18 часов 23 минуты 23 февраля, в Брюсселе несколько послов и высших чиновников НАТО встретились за ужином с группой испанских сенаторов, которые прибыли в штаб-квартиру Североатлантического союза по приглашению посольства США в Мадриде. А 25 февраля, после краха попытки путча, Кальво Сотело получил в кортесах абсолютное большинство, позволившее ему сформировать правительство. Если бы Вашингтон действительно стремился к успеху этого путча — или других, которые готовились одновременно, — заговорщики наверняка одержали бы победу, а конституционный режим был бы низвергнут. И это не просто мое мнение, это очевидность²⁶.

А. Сараскета даже не заметил, что, пытаясь обелить Вашингтон, достиг противоположной цели. Его главный аргумент в пользу непричастности США к попытке путча сводится к тому, что, возмись американцы за дело по-настоящему, в Испании вновь у власти стояли бы фашистские генералы. Принимая к сведению это красноречивое признание, отметим, что выгоду от этой акции, притом что она не была доведена до конца, Вашингтон все же получил. Колеблющиеся депутаты после путча быстро скорректировали свою позицию так, как того желали за океаном. Проведенное позднее следствие подтвердило, что нити заговора тянулись за пределы Испании. Как сообщила газета «Паис», еще в ноябре 1980 года заговорщики встречались с одним из советников Р. Рейгана. Генеральный секретарь ИСРП Ф. Гонсалес заявил на пресс-кон-

ференции, что также располагал информацией о контактах путчистов с представителями администрации США.

Впоследствии стало известно, что захват кортесов должен был послужить сигналом для широкого военного мятежа. Танковая дивизия «Брунете», дислоцированная под Мадридом, готовилась занять стратегические пункты в столице. Бывший командир этой дивизии генерал Миланс дель Боск вывел войска на улицы Валенсии. Зашевелились заговорщики и в других гарнизонах. 7 из 11 военных округов были готовы включиться в мятеж, но колебались, ожидая, какую позицию займет глава государства. Бывший военный советник короля, заместитель начальника штаба армии генерал А. Армада, собиравшийся возглавить фашистскую хунту, предложил Хуану Карлосу поддержать путч или покинуть страну.

Но путчисты просчитались. Глава государства категорически отказался быть пешкой в их игре. Выступая по телевидению в ночь с 23 на 24 февраля, он заявил:

— Учитывая обстановку, создавшуюся в связи с событиями во дворце конгресса депутатов, подтверждаю, что я отдал приказ гражданским властям и совету начальников штабов принять все необходимые меры, с тем чтобы восстановить конституционный порядок в рамках действующей законности.

Король быстро привел в действие план, подготовленный специально на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств. Командирам воинских частей Мадрида были переданы секретные пакеты с приказом пресечь действия мятежников. Начальники штабов всех видов вооруженных сил взяли развитие обстановки под свой контроль.

К утру 24 февраля стало ясно, что путч провалился. В Валенсии генерал Миланс дель Боск вернул своих солдат в казармы. В Мадриде налетчики, занимавшие здание кортесов, освободили депутатов, после чего капитулировали.

XIII

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Имя Леопольдо Кальво Сотело звучало успокоительно для правых и даже ультраправых. Дядя нового премьера Хосе Кальво Сотело был одним из вдохновителей борьбы против республиканцев. Это он оказался жертвой террористического акта в 1936 году, и его убийство было использовано как повод для мятежа франкистов. В тот момент Леопольдо было всего 10 лет, однако личная трагедия семьи Кальво Сотело наложила глубокий отпечаток на формирование политических взглядов этого человека. Шесть лет спустя он вступил в фашистскую молодежную организацию, стал ее активным членом. Получив инженерное образование, с головой окунулся в предпринимательскую деятельность. В 1971 году ему был предложен титул прокуратора (члена франкистских кортесов). А после смерти диктатора Ариас Наварро включил его в состав правительства в качестве министра торговли.

Как отмечали многие исследователи, несмотря на видимость успеха, в действительности этому человеку постоянно не везло. За какое бы дело он ни брался, он неизменно терпел неудачу. Особенно громким скандалом обернулось пребывание Кальво Сотело на посту президента концерна «Уньон эксплосивос Рио Тинто». Продержаться на плаву, не затонуть ему помогли лишь связи в аристократическом мире, в промышленных и финансовых кругах, прежде всего в банке «Уркихо».

Получив в июле 1976 года пост министра общественных работ, Кальво Сотело вскоре сам его оставил, так как не справлялся с данным ему поручением. Он предпочел заняться продвижением своей кандидатуры в новые кортесы, и благодаря Суаресу это получилось. После победы СДЦ на выборах 1977 года был избран председателем

парламентской группы правящей партии, однако в ноябре того же года ушел в отставку. Несколько месяцев спустя получил портфель министра по делам отношений с Европейским сообществом. И провалил переговоры о вступлении Испании в «Общий рынок». В сентябре 1980 года был назначен вторым заместителем председателя правительства по вопросам экономики. Вошел в состав кабинета в окружении целого сонма людей из банка «Уркихо», таких как Г. Аньюерос, Э. Пунсет, А. Олиарт и Х. П. Перес Льорка. Тем временем экономический спад страны ускорился.

В программной речи, с которой новый председатель правительства выступил в конгрессе депутатов 18 февраля 1981 г., за пять дней до попытки путча, прямо говорилось, что он будет проводить «европейскую, западную политику».

— На мой взгляд, — заявил новый премьер, — не может быть и речи о том, чтобы делать ставку на какое-то дистанцирование Западной Европы от Соединенных Штатов, будь то в политической, экономической или военной области... Правительство, которое я возглавляю, подтверждает атлантическую приверженность и заверяет, что намерено начать консультации с различными парламентскими группами, с тем чтобы выявить большинство, выбрать момент и наметить условия и детали участия Испании в Североатлантическом союзе... Мы не принимаем доктрины замораживания существующих военно-политических союзов в их нынешних рамках. Нельзя серьезно говорить о том, будто наше вступление в Североатлантический союз может привести к увеличению риска для нашей национальной территории. Масштабы угрозы, нависающей над всей Европой, в случае конфликта исключают возможность нейтралитета такой территории, как наша¹.

2 марта новый министр обороны Испании Альберто Олиарт выступил в поддержку председателя правительства, заявив в газете «Паис», что членство в НАТО даст Испании несомненные преимущества. Это было открытое провозглашение намерения форсировать вступление в НАТО.

4 марта 1981 г. конгресс Соединенных Штатов принял резолюцию, в которой «выразил доверие процессу продолжения и развития отношений между двумя странами» (Испанией и США).

Стремясь повернуть вспять наметившуюся при А. Суаресе тенденцию к закреплению Испании на независимых, внеблоковых позициях, Вашингтон решил как можно

быстрее и во что бы то ни стало «пристегнуть» эту страну к НАТО.

«Атлантисты» должны были знать, что вступление Испании в союз имело относительно ограниченное военное значение. Действительно, в реальном выражении блок приобретал не так уж много: 321 тыс. солдат и офицеров, 12 подводных лодок, 75 надводных кораблей и 168 боевых и 78 военно-транспортных самолетов. Принимая во внимание тот гигантский стратегический потенциал, которым располагали к данному моменту оба противостоящих друг другу военно-политических союза — НАТО и ОВД, ясно, что Испания не могла повлиять решающим образом на сложившееся соотношение сил.

Но для правительства США вопрос о всемерном расширении НАТО был вопросом принципа. Согласиться на то, чтобы Испания оставалась нейтральным государством, таким, как, скажем, Швеция, Швейцария или Австрия, значило сделать шаг в сторону мира и международного сотрудничества. Вашингтон к этому явно готов не был.

Конечно, в Соединенных Штатах далеко не все мыслили подобными категориями. Свидетельство тому — антиконформистское выступление старшего научного сотрудника Фонда Карнеги для содействия всеобщему миру Джеймса Голдсборо, который писал в «Нью-Йорк таймс»: «Есть основания усомниться в мудрости принятия нового члена через 32 года после создания НАТО и через 26 лет после того, как был принят последний член — Западная Германия. В 70-х годах заметно улучшились отношения между Восточной и Западной Европой, и можно спорить, является ли политика расширения блоков наиболее пригодной для дальнейшего улучшения положения в 80-е и последующие годы».

Подобные аргументы не могли, однако, убедить тех, кто взял курс не на мир, а на конфронтацию «по всем азимутам». Как сообщил еженедельник «Камбио-16», 30 штатным сотрудникам ЦРУ, действовавшим в Испании под прикрытием дипломатического статуса, а также 400 агентам без такого прикрытия был дан приказ: манипулируя общественным мнением с помощью лжи и дезинформации и оказывая нажим на министров, политические партии, профсоюзы, церковь и армию, воспрепятствовать распространению в стране нейтралистских настроений, подтолкнуть ее к вступлению в НАТО².

О том, насколько далеко зашло это ведомство, вмешавшись во внутренние дела суверенного иностранного госу-

дарства, говорит приведенный еженедельником пример внедрения агентов ЦРУ в ряды демократических организаций Испании. Ссылаясь на бывшего сотрудника ЦРУ Л. Вулфа, «Камбио-16» рассказывает, что задача, поставленная перед провокаторами, заключалась в том, чтобы разжигать в организациях, куда они были внедрены, антисоветские настроения.

9—10 апреля 1981 г. в Испании побывал с официальным визитом государственный секретарь США А. Хейг. Выступая на пресс-конференции в Мадриде, он сразу же заявил, что «базы в Испании, предоставленные в распоряжение США, имеют огромное значение для обороны Запада».

В итоге встреч Хейга с председателем испанского правительства Кальво Сотело, министром иностранных дел Пересом Льоркой и другими испанскими руководителями было решено начать в ближайшее время переговоры о возобновлении договора между Испанией и США, срок действия которого подходил к концу. «Новый договор, — сказал А. Хейг журналистам, — должен отражать изменения, которые произошли в обеих странах за последние пять лет»³.

Вскоре после визита в Мадрид государственного секретаря США средства массовой информации заговорили об «ускоренном календаре» вхождения Испании в НАТО, причем некоторые органы печати прямо писали, что оно должно рассматриваться как своего рода плата за согласие американцев на демонтаж режима диктатуры Франко, режима, которому США в прошлом оказывали разностороннюю поддержку.

Поездка Кальво Сотело в Федеративную Республику Германии также прошла под знаком сближения с военным блоком западных держав. МИД Испании впервые признал в этой связи, что вступление в НАТО может быть осуществлено значительно быстрее, чем включение Испании в состав ЕЭС.

Один из руководителей ИСРП Луис Яньес, комментируя итоги поездки Кальво Сотело в ФРГ, констатировал, что «политика СДЦ ведет к постепенной сателлизации Испании». Он отмечал, что речь идет о «явном результате давления, оказанного генералом Хейгом во время его визита в Мадрид». ИСРП, продолжал Яньес, подтверждает свою «твердую решимость воспротивиться вступлению Испании в НАТО».

3 мая 1981 г. генеральный секретарь НАТО Джозеф

Лунс заявил на пресс-конференции в Риме, что все страны — члены Североатлантического союза хотят, чтобы Испания стала членом НАТО в возможно более близком будущем. Председатель военного комитета НАТО канадский адмирал Роберт Фольс, со своей стороны, сделал упор на том, что вступление Испании в состав Североатлантического союза «укрепит западную оборону».

В том же месяце комиссия по вопросам обороны ассамблеи Западноевропейского союза приняла резолюцию, предусматривающую возможность участия Испании в военных маневрах и обсуждении планов обороны НАТО, не дожидаясь официального вступления в Североатлантический союз.

Примерно в то же время началось обсуждение вопроса о замене испано-американского договора 1976 года новым документом. 8 мая 1981 г. совет министров Испании утвердил состав делегации для участия в переговорах с представителями США по этому вопросу.

В парламентском запросе министру иностранных дел депутат Ф. Сагасета, касаясь переговоров о перезаключении договора с Соединенными Штатами, напомнил, что этот договор был подписан с испанской стороны правительством, созданным еще до всеобщих демократических выборов в кортесы. Он назвал «лицемерной» позицию правительства, которое, выступив с инициативой проведения в Мадриде встречи представителей государств — участников общеевропейского совещания, в то же время начало готовиться к вступлению в Североатлантический союз. «Это вклад в обострение международной напряженности, шаг по направлению к холодной войне, которая может стать горячей, — сказал он. — Включение Испании в гонку вооружений недопустимо тем более, что страна переживает серьезные экономические трудности и число безработных достигло полутора миллионов человек».

— Договор с США, — подчеркнул в заключение Ф. Сагасета, — был заключен в интересах олигархии, меньшинства, которое в свое время не остановилось перед развязыванием гражданской войны, принесшей миллион погибших, чтобы навязать нашей стране господство США. Кому же нужен этот договор, кому же нужны переговоры о его возобновлении? Все это нужно тем, кто готов ввергнуть в бездну нашу страну, если мы это им позволим... Мне, конечно, известен адрес руководства министерства иностранных дел Испании. Однако мне известно и другое: руководство это защищает совершенно конкретные инте-

рессы, которые не имеют ничего общего с интересами народа Испании⁴.

6—10 июля Хосе Педро Перес Льорка нанес ответный визит в Вашингтон, где встречался с президентом Р. Рейганом и государственным секретарем А. Хейгом, а также с министром обороны и другими представителями вашингтонской администрации и дал им обещание форсировать «операцию НАТО» и содействовать перезаключению договора с США на максимально благоприятных для них условиях.

Беседуя с журналистами, министр сообщил, что испанское правительство хотело бы в рамках переговоров о возобновлении договора с Соединенными Штатами условиться о предоставлении кредитов, военных материалов и техники для своих нужд. «Невралгическим пунктом переговоров, — добавил он, — станут военные проблемы. В то же время мы далеки от того, чтобы недооценивать необходимость придания нового характера политическим отношениям между Испанией и США».

Комментируя итоги визита Х. Переса Льорки в США, мадридская газета «Йа» отмечала, что на представителя Испании был оказан беспрецедентный нажим. Поддавшись на него, испанские власти начали широкую кампанию с целью воздействовать на собственную общественность и приучить ее к мысли о необходимости и даже неизбежности вступления в военно-политический блок, руководимый Соединенными Штатами. С этого момента все разговоры о том, что проблема НАТО не носит срочного характера, были окончательно прекращены. Следа не осталось и от курса на преимущественное развитие отношений с «третьим миром». 27 марта 1981 г. секретарь по внешнеполитическим вопросам партии СДЦ Хавьер Руперес заявил в Лисабоне корреспонденту агентства ЭФЭ, что Испания отныне не должна более участвовать в конференциях неприсоединившихся государств.

Были приостановлены все усилия, направленные на содействие развитию процесса демократизации в странах Латинской Америки, и начали расширяться связи с хунтой Пиночета и другими диктаторскими режимами. 3 апреля 1981 г. посол Испании в Чили официально открыл в Сантьяго новое здание испано-чилийской торговой палаты. А 18 декабря 1981 г. Испания вместе с другими западными державами воздержалась при голосовании на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции, осуждающей нарушения прав человека в Сальвадоре.

За эту резолюцию голосовали 68 стран против 22, 53 государства, включая Испанию, воздержались.

Осложнились испано-советские отношения. Правда, 13 июня 1981 г. в Москве был подписан протокол о сотрудничестве между СССР и Испанией в области техники и электроники, а 7 июля того же года — программа культурного и научного сотрудничества на 1982—1983 годы. В сентябре 1981 года Испания участвовала в третьей Международной книжной выставке-ярмарке в столице СССР. Однако связи двух стран в политической области оставляли желать лучшего.

Одним из первых шагов правительства Кальво Сотело стало решение не возобновлять виз на пребывание в Испании 20 сотрудников совзагранучреждений. Одновременно новые власти предложили сократить число советских граждан, работающих в составе ремонтных бригад на предприятиях смешанного советско-испанского акционерного общества «Совиспан» на Канарских островах⁵.

Усилилась враждебная пропагандистская кампания в печати. 11 мая 1981 г. посольство СССР в Испании было вынуждено выступить со специальным заявлением, опровергающим утверждения некоторых средств информации о причастности Советского Союза к террористической деятельности в Испании.

В декабре 1981 года управление дипломатической информации министерства иностранных дел Испании опубликовало официальное коммюнике, из которого следовало, что испанское правительство присоединяется к антипольской кампании Соединенных Штатов и их ближайших союзников по НАТО.

Общее изменение целей и приоритетов испанской дипломатии сказалось и на ходе дискуссии, развернувшейся на мадридской встрече представителей государств — участников общеевропейского совещания. Делегация Испании практически во всех вопросах взяла равнение на представителей официального Вашингтона.

10—12 июля в Мадриде был проведен семинар по проблеме «Испания — НАТО». Выступившие на семинаре министр обороны А. Олиарт, секретарь СДЦ по внешнеполитическим вопросам Х. Руперес, другие политические и военные деятели, а также бывший командующий объединенными вооруженными силами НАТО в Центральной Европе западногерманский генерал Ф.-Й. Шульце всячески убеждали собравшихся в невозможности сохранения нейтралитета Испании.

К развертыванию пропагандистской кампании «атлантистов» был приурочен выход серии книг, доказывавших, будто страна просто не может жить без НАТО. Среди них: «Испания под угрозой» председателя комиссии внутренних дел конгресса депутатов А. Мойя; «Национальная оборона» генерала Р. Саласа и члена трехсторонней комиссии П. Шварца; «НАТО и Испания — цена одного альянса» майора генерального штаба А. Лобо; «Заинтересованы ли мы в НАТО?» руководителя общества международных исследований Ф. де Саласа Лопеса; «Кризис и ядерная угроза» обозревателя газеты «Вангвардия» Ф. Лопеса де Сепульведы и многие другие.

Ратуя за вхождение в НАТО, авторы всех этих книг пытались доказать, что такой шаг неизбежен, так как, по их мнению, в наше время ни одна страна Запада не может проводить политику нейтралитета (опыт Швеции, Финляндии, Швейцарии, Австрии при этом просто-напросто замалчивался). Далее развивался тезис, согласно которому присоединение к НАТО не только не повлечет за собой увеличения военных расходов, но и поможет-де решить экономические проблемы, возникшие в отношениях между Испанией и другими капиталистическими странами. Этот тезис был явно рассчитан на сторонников присоединения Испании к «Общему рынку», раздосадованных выжидательной и даже отрицательной позицией некоторых стран — членов ЕЭС.

Наконец, еще один «аргумент» адвокатов НАТО сводился к тому, что в рамках блока можно будет якобы легче решить давно волнующий страну гibraltarский вопрос. Проводившиеся на протяжении целого ряда лет двусторонние переговоры с Англией о возвращении территории, которая была отторгнута у Испании более двух с половиной веков назад, оказались безрезультатными. И вот теперь, по утверждению «атлантистов», появился «уникальный» шанс получить Гибралтар обратно.

Министр обороны А. Олиарт выдвинул еще один аргумент в пользу членства в блоке, доказывая, будто речь идет о «невероятно дешевой операции». Выступая в мадридском финансовом клубе на церемонии представления книги «НАТО и Испания — цена одного альянса», он заявил:

— От нас потребуется примерно 12 млн. долл., или 0,36 % военного бюджета страны. Кроме того, надо будет израсходовать около 50 млн. долл. на развитие военной инфраструктуры страны. Это будет означать общий расход максимум 4,5 млрд. песет.

В самый разгар дискуссии по вопросу о членстве Испании в НАТО М. Фрага Ирибарне, уже успевший к тому моменту опубликовать более пяти десятков книг, выпустил сборник выступлений и лекций, прочитанных им в 1980—1981 годах. Обрушившись на политику неприсоединения, за которую выступали ИСРП и КПИ, и обосновывая свой «атлантизм», он утверждал, будто «неприсоединившиеся страны в настоящее время либо остаются в одиночестве, либо оказываются более присоединенными, чем кто-либо другой». По его словам, участие Испании в НАТО необходимо для того, чтобы она смогла «вступить в политическую организацию, обеспечивающую ей защиту, дающую возможность модернизировать вооруженные силы, позволяющую определить границы маневрирования в международных вопросах»⁶.

«Атлантисты» привлекли на свою сторону и некоторых представителей «старой гвардии» франкизма. Бывший председатель политической хунты фаланги Серрано Суньер, неоднократно входивший в первые правительства Франко, в последние годы франкизма призывал с осторожностью относиться к попыткам США втянуть Испанию в НАТО. Теперь же он объявлял целесообразным и даже желательным вступление Испании в эту организацию «на условиях определенной автономии»⁷.

К пропаганде преимуществ, которые Испания якобы должна была получить от участия в Североатлантическом союзе, подключились и зарубежные деятели. Они организовали семинар на тему «Испанские варианты безопасности». Для участия в нем было приглашено около 50 политологов и военных деятелей из западноевропейских стран и США. Материалы семинара были изданы в виде сборника, куда вошли доклады и справки, подготовленные «экспертами», задававшимися целью доказать необходимость сближения Испании с военным блоком, руководимым заокеанской державой.

Так, генерал М. Куартеро утверждал, что организация обороны страны исключительно национальными средствами была бы «слишком трудным делом». Уже упоминавшийся майор А. Лобо в совместном докладе с экономистом Л. Марко ссылаясь на подсчеты, согласно которым участие в НАТО стоило бы буквально гроши. А Ф. Ниленд из военно-промышленной корпорации «Рэнд» разглагольствовал о неизбежности ядерного конфликта в Европе. Он перечислил военные объекты на испанской территории, которые, по его словам, станут первоочередными целями для удара

со стороны «потенциального противника». Среди них были названы Рота — военно-морская база, Сарагоса — военно-воздушная база, Морон — военно-воздушная база, Кадис — Сарагоса — нефтепровод, Сонсека — метеорологическая станция, Сольер и Имахес — станции наблюдения за тропосферой, Эстака — де-Варес и Эстартит — радиосистемы дальней связи, Картахена — топливо и боеприпасы, Арахаль — склад горючего, а также военные заводы по всей испанской территории⁸.

Массированное вмешательство «атлантистов» во внутренние дела Испании давало, однако, результаты, прямо противоположные тем, на которые они рассчитывали. Проведенный летом 1981 года институтом Гэллага очередной опрос испанской общественности подтвердил, что противников вступления в НАТО гораздо больше, чем сторонников.

Итоги опроса встревожили испанское правительство не на шутку. Во всяком случае, оно категорически отвергло требование левой оппозиции вынести вопрос о членстве в блоке на общенациональный референдум. Л. Кальво Сотело впервые явственно ощутил, что курс, продиктованный из-за океана, лишает его доверия испанцев.

Чтобы отвлечь внимание общественности от этого факта, близкие к правым кругам средства массовой информации предприняли очередную идеологическую диверсию. Они выступили с измышлениями о существовании каких-то «договоренностей» между КПСС и ИСРП о противодействии планам вступления Испании в НАТО, якобы достигнутых в ходе визита делегации испанских социалистов в Советский Союз в 1977 году.

Эти измышления были решительно опровергнуты как испанскими социалистами, так и советской стороной. В заявлении, опубликованном «Правдой, от 19 августа 1981 г., прямо указывалось, что «эта кампания развязана с целью угодить НАТО и пронатовским кругам в самой Испании в связи с разворачивающейся борьбой вокруг вопроса о вступлении страны в Североатлантический блок... Не вызывает сомнений, что эта провокация направлена также на то, чтобы опорочить те силы, которые отстаивают национальные интересы Испании, а также чтобы нанести ущерб нормальным отношениям между СССР и Испанией, дружбе между советским и испанским народами».

Разумеется, Советский Союз был далек от мысли вмешиваться во внутренние дела Испании. В то же время в Москве четко представляли себе, что включение этой страны в альянс, направленный против СССР и его союзников, не могло

не отразиться на советско-испанских отношениях. Как указывалось в памятной записке, врученной посольством СССР министерству иностранных дел Испании 7 сентября 1981 г., «невозможно сбрасывать со счетов хотя бы такой момент, как блоковая дисциплина, которая, как показывает повседневная практика НАТО, накладывает отрицательный отпечаток на позиции участников этой организации по многим международным проблемам, на межгосударственные отношения в Европе в целом, а также на двусторонние отношения государств».

При вручении памятной записки с советской стороны было подчеркнуто, что изложенные в ней соображения «продиктованы исключительно заботой об укреплении международной безопасности и разрядки, о снижении уровня противостояния в Европе и, не в последнюю очередь, о развитии нормальных, благоприятных отношений между СССР и Испанией»⁹.

Тем временем государственный секретарь по иностранным делам Карлос Роблес Пикер в интервью еженедельнику «Эуропео» (24 сентября 1981 г.) сформулировал еще одну причину торопливости правительства в вопросе о вступлении в НАТО:

— Если мы собираемся возобновить на длительный период, например на пять лет, срок действия американо-испанского договора, необходимо знать, сделаем ли мы это внутри или вне НАТО. Истечение срока действия договора между Испанией и США 21 сентября нынешнего года сыграло свою роль в принятии решения ускорить подачу заявки в НАТО¹⁰.

А 10 октября 1981 г. в официальном вестнике испанских кортесов были опубликованы письма, которыми обменялись министр иностранных дел Испании и посол США в Мадриде. В них говорилось о продлении на восемь месяцев срока действия Договора о дружбе и сотрудничестве между двумя странами.

Вопрос о вступлении в НАТО стал центральной темой очередной сессии кортесов, которая открылась в сентябре. Начало парламентских дебатов совпало с развертыванием в стране самого широкого со времен борьбы за демонтаж диктатуры действительно всенародного движения. В Мадриде, Барселоне, Бильбао, Севилье, в десятках других городов прошли многотысячные митинги и демонстрации, участники которых решительно протестовали против отказа правительства проводить политику неприсоединения.

Критикуя планы Кальво Сотело, один из лидеров ИСРП

Э. Мухика напомнил на страницах газеты «Паис», что на выборах 1979 года, когда СДЦ получил относительное большинство мест в парламенте, вопрос о вступлении в НАТО вообще не обсуждался, а если бы он был тогда поставлен на повестку дня, то исход выборов, скорее всего, оказался бы иным.

— Поэтому, — подчеркнул Мухика, — мы считаем себя вправе называть мошенничеством попытку протащить через парламент вопрос, решать который он не был уполномочен избирателями.

В конце октября депутаты, поддерживающие правительство, и представители левой оппозиции в течение трех дней вели в конгрессе депутатов острую дискуссию, следует ли Испании вступать в организацию Североатлантического договора. Правительство представило в парламент проект резолюции, которая разрешала ему подать заявку на вступление в НАТО.

Дискуссия началась с обсуждения двух предложений, выдвинутых коммунистами и социалистами. Речь шла о том, чтобы провести общенациональный референдум по вопросу о вступлении Испании в НАТО и получить консультативное суждение конституционного суда относительно процедуры, избранной правительством, которое намеревалось решить столь важный вопрос не всеобщим голосованием, а через парламент. Оба эти предложения были отвергнуты.

Генеральный секретарь ИСРП Ф. Гонсалес заявил, что, если правительство откажется проводить референдум, его партия, в случае прихода к власти, организует всенародное голосование, с тем чтобы избиратели сами высказали свою точку зрения по данному вопросу. Отвечая на заявление, председатель правительства Кальво Сотело сказал, что «народ имеет право на консультацию, но еще раньше, мы, парламентарии, имеем обязанность принять решение».

Социалисты предложили также объявить решение проблемы Гибралтара предварительным условием вступления в НАТО. Кальво Сотело отказался принять и это предложение. В то же время он утверждал, что претензии Испании на Гибралтар будут «встречены лучше», когда страна войдет в состав атлантической организации.

В ходе дискуссии был затронут вопрос о взаимоотношениях между Испанией и Соединенными Штатами Америки. Представители ИСРП высказались за сохранение договорных отношений с США, продолжая при этом отвергать участие Испании в НАТО. В своем ответе правительство подчеркнуло несогласие с таким вариантом. Министр

иностранных дел Перес Льюрка заявил, что отношения с Соединенными Штатами отнюдь не исключают возможности присоединения Испании к НАТО.

29 октября конгресс депутатов 186 голосами против 146 принял представленную правительством резолюцию. Первый параграф одобренного документа разрешал правительству провести переговоры о вступлении Испании в Североатлантический союз. В том же документе указывалось, что восстановление суверенитета Испании над Гибралтаром имеет первостепенное значение (однако оно не выдвигалось в качестве условия членства в НАТО). За резолюцию, представленную правительством, голосовали депутаты СДЦ, правой «Демократической коалиции» и националистических партий Каталонии и Страны Басков. Против выступили социалисты и коммунисты. Члены националистических организаций Андалусии воздержались.

26 ноября аналогичное решение принял сенат. Дебаты там продолжались два дня. В ходе дискуссии социалист Ф. Моран критиковал Кальво Сотело за то, что он упустил возможность заставить натовцев хотя бы заплатить более высокую цену — оказать давление на Англию, с тем чтобы она вернула Испании Гибралтар. Внесенный правительством проект резолюции был одобрен 106 голосами (СДЦ и баскские националисты) при 60 против (социалисты и некоторые другие сенаторы) и 1 воздержавшемся.

2 декабря 1981 г. посол Испании в Брюсселе вручил генеральному секретарю НАТО Дж. Лунсу письмо, в котором испанское правительство заявляло о готовности принять приглашение к вступлению в Североатлантический союз. В тот же день генеральный секретарь НАТО передал послу Испании коммюнике, в котором указывалось, что союз официально принимает и одобряет готовность Испании стать его членом. В документе сообщалось также, что с этого момента начинается процесс оформления вступления Испании в НАТО.

Соединенные Штаты, столь долго добивавшиеся подключения Испании к созданному ими военно-политическому блоку, воздержались от публичного выражения радости. Не желая слишком явно показывать свою заинтересованность, они предоставили эту возможность своим союзникам.

3 декабря министерство иностранных дел ФРГ первым из дипломатических ведомств атлантических держав заявило в официальном коммюнике о своем удовлетворении испанским решением. В тот же день парламент Голландии одобрил резолюцию, которая приветствовала вступление

Испании в НАТО. 7 декабря министры обороны западноевропейских стран — членов НАТО, собравшиеся в Брюсселе на очередное заседание Еврогруппы, выступили с совместным заявлением, в котором выразили благожелательное отношение к инициативе испанского правительства. 8 декабря 1981 г. голландский парламент вторично высказался по тому же вопросу, отклонив проекты резолюций против участия Испании в НАТО, представленные левыми партиями.

На следующий день генеральный секретарь НАТО Дж. Лунс сообщил на пресс-конференции, что все страны — участницы Североатлантического союза одобрили идею расширения НАТО за счет включения в эту организацию Испании.

А 10 декабря 1981 г. министры иностранных дел стран — членов НАТО подписали в Брюсселе протокол о вступлении Испании в НАТО. В нем говорилось: «Стороны, участвующие в Североатлантическом договоре, подписанном 4 апреля 1949 года в Вашингтоне, будучи уверены в том, что присоединение Королевства Испании к договору позволит укрепить безопасность североатлантического региона, договариваются о нижеследующем:

Статья 1. После вступления в силу настоящего протокола генеральный секретарь организации Североатлантического договора направит от имени всех сторон правительству Королевства Испании приглашение присоединиться к договору. В соответствии со статьей 10 Королевство Испания станет стороной, участвующей в договоре, в день вручения им документа о присоединении правительству Соединенных Штатов Америки.

Статья 2. Настоящий протокол вступит в силу, когда все стороны, участвующие в договоре, сообщат о его одобрении правительству Соединенных Штатов.

Статья 3. Настоящий протокол будет передан на хранение в архив правительства Соединенных Штатов Америки»¹¹.

Церемония подписания документа состоялась в присутствии министра иностранных дел Испании Переса Льорки.

Вскоре после этого министр иностранных дел Англии лорд Каррингтон заявил на пресс-конференции в Брюсселе, что «включение Испании в НАТО открывает более конструктивный путь к решению гибралтарской проблемы». Многообещающее заявление британского министра, однако, не привело к какому-либо практическому решению проблемы Гибралтара.

В день подписания брюссельского протокола делегация ИСРП передала правительству петицию, вновь требующую провести референдум по этому вопросу. Ее поддержали 600 тыс. человек. Ранее аналогичный документ вручила властям КПИ. Под ним подписалось еще полмиллиона испанцев. Кальво Сотело в очередной раз оставил без внимания требования своих соотечественников.

1981 год прошел под знаком попыток Мадрида форсировать также решение вопроса о присоединении к «Общему рынку». 27 февраля был утвержден правительственный декрет о создании в рамках министерства иностранных дел государственного секретариата по делам отношений с Европейским сообществом. 3 марта руководитель нового ведомства Раймундо Бассольс дал интервью агентству ЭФЭ. По его словам, преобразование министерства по делам отношений с Европейским сообществом в государственный секретариат отнюдь не означало, что Испания утратила интерес к переговорам с ЕЭС. В другом интервью Бассольс заявил, что, хотя вопросы о приеме Испании в НАТО и ЕЭС являются формально самостоятельными и не связаны друг с другом, на деле, по мнению Мадрида, между ними существует взаимосвязь, ибо и в одном, и в другом случае речь идет о подтверждении принадлежности Испании к западному миру¹².

Интересно, что в будущем, придя к власти, социалисты используют ту же аргументацию, чтобы оправдать свой постепенный переход на проатлантические позиции. А в тот момент они констатировали, что речь идет о двух совершенно различных вопросах. Так, Ф. Моран подчеркивал еще в 1980 году, что не существует ни малейшей связи между стремлением Испании к участию в ЕЭС и якобы существующей необходимостью вступить в НАТО.

— В Североатлантическом союзе, — отмечал он, — представлены европейские страны, которые не являются членами ЕЭС и, больше того, отвергли на референдуме предложения вступить в сообщество, как, например, Норвегия. Верно и другое: Ирландия, будучи членом ЕЭС, не входит в НАТО. Греция, которая подписала договор о вступлении в сообщество, пересматривает проблему участия в организации (Североатлантического союза. — А. К.). Таким образом, связь, которая якобы существует между двумя этими вопросами, представляет собой не что иное, как еще один софизм атлантистов, и не выдерживает никакой критики¹³.

Руководители «Общего рынка» не торопились дать согла-

сие на быстрое вступление Испании. В заявлении агентства Франс Пресс, Рейтер, ДПА и АНСА председатель комиссии ЕЭС Г. Торн подчеркнул, что, по его убеждению, вопрос о расширении сообщества не должен обсуждаться серьезно до тех пор, пока страны — члены ЕЭС не решат свои собственные внутренние проблемы. 13 января 1981 г. экономический и социальный комитет ЕЭС одобрил документ, утверждавший, что включение Испании в сообщество вызовет нарушение равновесия рыночной конъюнктуры.

9 марта кандидат на пост президента Франции Жак Ширак, выступая по французскому телевидению, вновь заявил, что его страна не может поддержать вступление Испании в «Общий рынок». При этом он уточнил, что позиция Франции объясняется не политическими, а экономическими причинами и прежде всего проблемами сельскохозяйственной политики. А 14 марта министр иностранных дел Франции Жан Франсуа Понсе заявил радио Монте-Карло, что позиция Франции по вопросу о приеме Испании в «Общий рынок» не изменилась.

В докладе комиссии по иностранным делам конгресса депутатов о ходе переговоров с ЕЭС Перес Льюрка сказал, что в создавшейся ситуации перед Испанией открылись две возможности. Одна заключалась в том, чтобы заморозить дальнейшие переговоры в ожидании, когда ЕЭС разрешит свои внутренние проблемы. Вторая, которая в конечном итоге и была выбрана, — продолжать переговоры и, больше того, вести их в возможно более высоком темпе.

На состоявшейся в Мадриде встрече членов смешанной комиссии кортесов и Европейского парламента испанские представители не скрывали раздражения. «Пора завершить затянувшееся надолго сватовство с ЕЭС»¹⁴, — заявил, обращаясь к гостям в качестве председателя комиссии иностранных дел конгресса депутатов, Игнасио Камуньяс.

Вскоре для недовольства появилась еще одна причина. 1 августа испанское правительство заявило Франции протест в связи с серией новых нападений на испанские грузовики с сельскохозяйственной продукцией на французской территории. Протест не помог, нападения продолжались, и 6 августа Р. Бассольс вызвал временного поверенного в делах Франции в Мадриде, чтобы вручить ему новую ноту аналогичного содержания.

Два дня спустя все повторилось сначала. Проблема не была решена и в дальнейшем. Поэтому 14 декабря 1981 г. министерство иностранных дел Испании в очеред-

ной раз обратилось к французскому правительству с настоятельной просьбой принять эффективные меры для обеспечения безопасности испанских граждан, перевозящих автомобильным транспортом продукцию сельского хозяйства во Францию.

Подводя итоги первого года пребывания у власти правительства Л. Кальво Сотело, бюллетень министерства иностранных дел Испании всячески восхвалял «положительные аспекты его деятельности» и прежде всего шаги, направленные на превращение Испании в 16-го члена НАТО. Сам Кальво Сотело, выступая по радио и телевидению, утверждал:

— Думаю, что сегодня Испания в большей степени уверена в себе, что она стала несколько богаче и проводит внешнюю политику более ясную, чем год назад.

На деле обстановка была иной. Первый кабинет Кальво Сотело, приступивший к исполнению своих обязанностей 28 февраля 1981 г. и состоявший почти целиком из тех же деятелей, которые входили в состав правительства Суареса, 1 декабря 1981 г. уступил место другому правительству. Из него вышли шесть министров, в том числе представитель левого крыла Франсиско Фернандес Ордоньес. Неспособность «команды» Кальво Сотело решить наиболее острые вопросы внутренней политики и равнение на США в политике внешней оборачивались падением влияния правящей партии Испании. Признаки кризиса верхов стали проявляться все более отчетливо.

XIV

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «ПРАВОГО ЦЕНТРА»

Тем временем в самих Соединенных Штатах все громче начали раздаваться трезвые голоса тех, кто понимал опасность избранного новым главой Белого дома курса внешней политики. Подводя итоги первого года президентства Рональда Рейгана, известный американский политолог Рой Беннет отметил, что президент и его окружение слишком часто подменяли политику риторикой, мало обращали внимания на реальности современного мира и довели до опасной точки конфронтацию с Советским Союзом, чем активизировали разногласия внутри НАТО.

— Союзников, — констатировал Беннет, — разделяет отношение к таким проблемам, как военные расходы (слишком большие, с точки зрения Европы, слишком незначительные, по мнению США), торговля Восток — Запад (излишне большая по объему в глазах США, явно недостаточная, как полагают европейские страны), контроль над вооружениями (слишком слабый, по мнению Европы, слишком жесткий для интересов США). В целом же политика холодной войны, проводимая Вашингтоном, настолько далека от интересов Европы, что это закономерно углубляет и без того серьезнейшие разногласия между ними¹.

Критически оценил политику США в Европе и другой американский исследователь Джеймс Голдсборо. Проанализировав конкретные факты, он пришел к выводу, что американская политика в целом таит в себе вполне «реальную угрозу» расширить пропасть между Западной Европой и США. Американское представление о Советском Союзе, констатировал Голдсборо, является «упрощенным и параноическим, а основанная на нем политика — пораженческой»².

Однако тон продолжали задавать — и в Соединенных Штатах, и в других западных странах, в том числе и в Испании, — апологеты конфронтации с Советским Союзом. Среди испанских политологов оказалось немало открытых сторонников «жесткого курса». Один из них, Хосе Карраскаль, выпустил в 1982 году в издательстве «Планета» совместно с Институтом экономических исследований монографию под заголовком «Американский риск». Касаясь американских концепций внешней политики «с позиции силы» и военного превосходства, автор книги сетовал на то, что США приходится противостоять советской политике в условиях «ослабления Европы». Он ратовал за более активную поддержку западноевропейскими странами, включая Испанию, милитаристского курса Вашингтона³.

Другой реакционный политолог — Хуан Киньонеро — в откровенно антисоветской книжке «Крупный сдвиг» (1982 г.) сокрушался по поводу «трагического раскола» Европы, который якобы был вызван решениями Ялтинской конференции, и утверждал, будто Советские Вооруженные Силы «навязали восточноевропейским народам нынешние границы». На 200 с лишним страницах он разглагольствовал о решимости СССР применять против европейских стран, которые-де «потеряли всякую способность действовать», не только экономические и политические санкции, но и армию, готовую пустить в ход ядерное оружие⁴.

С открыто пронатовских позиций в поддержку действий правительства СДЦ в вопросе о взаимоотношениях с НАТО выступили правооппозиционная партия «Народный альянс» и ее руководитель М. Фрага Ирибарне. В опубликованной в 1982 году книге «Испания перед двумя моделями общества» Фрага Ирибарне рассматривает три возможных варианта политики: нейтралитет, двусторонние связи с Соединенными Штатами в военной области и участие в НАТО в качестве полноправного члена этого блока. Он отвергает нейтралитет, поскольку в этом случае, по его словам, Испания оказалась бы в зависимости от других государств. Вооруженный же нейтралитет потребовал бы слишком значительных военных расходов.

Второй вариант, предусматривающий сохранение военного союза с Соединенными Штатами без прямого участия в НАТО, также исключается этим деятелем по той причине, что, как он утверждает, не гарантирует безопасности страны: Соединенные Штаты могут использовать в своих

целях военные базы на испанской территории, но при этом не обязаны автоматически выступать на стороне Мадрида, если тот подвергнется нападению извне. К тому же, добавляет автор книги, военная, техническая и экономическая помощь США, оказываемая по договору, весьма ограничена⁵.

Вывод Фраги Ирибарне однозначен: только членство Испании в НАТО может обеспечить ее безопасность. К тому же оно открывает перспективы решения гибралтарской проблемы.

По существу все ту же, пронатовскую, позицию занял политолог Виктор Альба. Его выступление в пользу НАТО было для представителей «атлантических» кругов особенно ценно, поскольку в годы диктатуры этот человек провел несколько лет в тюрьме и, обладая ореолом антифранкиста, вызывал определенное доверие. Вывод Альбы сводился к тому, что левые должны попытаться войти в состав правительств всех стран НАТО, не разворачивая борьбы за роспуск или хотя бы нерасширение этого блока⁶.

Однако Испанская социалистическая рабочая партия не желала тогда следовать подобным советам. Генеральный секретарь ИСРП выражал озабоченность растущей экономической, научной и военной зависимостью Западной Европы от США. Отвечая на вопрос о решении вступить в НАТО, Ф. Гонсалес совершенно однозначно оценил его как крупнейшую ошибку в истории Испании. По его словам, «никакая другая страна не совершила бы такого акта в такое время и в такой форме»⁷.

Увы, правительство Кальво Сотело не собиралось отступать от принятого решения. 15 января 1982 г. оно полностью обновило состав совета начальников штабов вооруженных сил государства. Новым начальником совета был назначен генерал-лейтенант Альваро Лакалье Лелуп, занимавший до этого пост командующего седьмым военным округом (Вальядолидом). Все бывшие члены совета были уволены в запас по возрасту. В официальном сообщении министерства обороны это решение мотивировалось необходимостью обеспечить длительное функционирование совета в момент, когда начинались международные переговоры, связанные с проблемами оборонной политики Испании. Выступая на пресс-конференции, министр обороны сказал, что вступление в НАТО, проблема Гибралтара и последствия неудавшегося путча 23 февраля 1981 г. потребовали поставить во главе вооруженных сил

страны людей, которые смогут оставаться на своих постах в течение достаточно длительного периода времени⁸.

В течение всей зимы и весны 1982 года протокол, подписанный во время брюссельской сессии Совета НАТО в декабре, проходил «процесс одобрения» в странах — членах союза в соответствии с их конституционными правилами. Испания в это время демонстративно равнялась на позицию США практически во всех международных вопросах, и прежде всего в вопросе о взаимоотношениях между Востоком и Западом.

31 января 1982 г. Кальво Сотело выступил в телевизионной передаче, посвященной Польше, где в декабре было введено военное положение. Он полностью присоединился к антипольской пропагандистской акции, предпринятой по инициативе Вашингтона. В своем выступлении председатель испанского правительства пошел даже дальше некоторых своих партнеров из западных стран, заявив, что Испания будет настаивать на обсуждении вопроса о Польше при возобновлении мадридской встречи 9 февраля 1982 г.⁹

Действительно, прибытие в Мадрид делегаций 35 стран — участниц встречи дало повод для развертывания широкой кампании западных держав против социализма. Польский представитель, который в порядке очередности председательствовал на заседании 9 февраля, пытался привлечь внимание участников дискуссии к вопросам, стоявшим в повестке дня встречи. Государственный секретарь США А. Хейг и поддержавшие его министры иностранных дел Франции, Англии, ФРГ и некоторых других западных стран, напротив, использовали свои выступления для нападок на ПНР и ее правительство. Когда представитель Польши призвал участников дискуссии не вмешиваться во внутренние дела суверенного государства и вернуться к конструктивному обсуждению проблем, ради которых была созвана встреча, делегат Испании Х. Руперес выкрикнул с места: «Польша хочет ввести военное положение и на мадридской встрече!»

12 марта было официально объявлено, что участники встречи прерывают свою работу до 9 ноября. Инициаторами этого предложения выступили нейтральные страны, констатируя бесполезность проведения заседаний в подобной атмосфере. Большинству натовцев было просто нечего добавить к тому, что было сказано ими с самого начала. А Руперес никак не мог остановиться. В запале драчливости он продолжал произносить речь за речью и

под самый занавес, потрясая кулаком, воскликнул: «Те, кто создал нынешнюю обстановку в мире (т. е. якобы Польша и СССР. — А. К.), должны подумать о причинах тупика, возникшего на встрече в последнее время»¹⁰.

Не прекращая нападков на правительство ПНР, испанские власти в то же время поддерживали политику Вашингтона, направленную на фактическое подчинение ему стран Западного полушария. С 13 по 17 февраля министр иностранных дел Испании Перес Льорка находился с визитом в Латинской Америке. В столице Мексики он провел совещание послов Испании в зоне Центральной Америки и Карибского моря. По его словам, он ратовал за «умеренность» в выдвижении политических требований. Трудно было, однако, не заметить, что эти слова адресовались латиноамериканским государствам, а не Соединенным Штатам.

Делегация испанских парламентариев, посетившая вслед за министром ряд стран Центральной Америки, констатировала, что те ждут от Испании более активных выступлений в пользу мира в этой части планеты.

По возвращении из-за океана Перес Льорка направился с официальным визитом в Болгарию и Венгрию. В обоих случаях речь шла о первом визите главы испанского дипломатического ведомства в эти страны. И в Софии, и в Будапеште он не жалел красноречия, доказывая, что вступление Испании в НАТО не меняет ее отношения к Восточной Европе. «Мы, — заявил министр, — не займем враждебную позицию по отношению к вам, пока вы не будете проводить агрессивную политику по отношению к Западу»¹¹.

Однако испанским «атлантистам» уже не верили не только за пределами Испании, но и в их собственном доме. Об этом свидетельствовали, в частности, документы состоявшегося 10—13 мая в Эскориале, недалеко от Мадрида, очередного собрания членов Международного института печати. В докладе, который был представлен участникам заседания, председатель правления испанского агентства «Эуропа пресс» Хосе Марио Армеро признал, что средства массовой информации Испании потеряли доверие читателей, следствием чего стало резкое сокращение тиражей газет и журналов.

Впрочем, Л. Кальво Сотело это не волновало. Он игнорировал настроения общественности и настойчиво добивался осуществления своей главной цели — расширения НАТО за счет включения в него Испании.

К весне 1982 года правительства и парламенты стран — членов союза одобрили протокол о приеме Испании в НАТО. Последним его ратифицировал парламент Греции. Это произошло 25 мая 1982 г. А 30 мая поверенный в делах Испании в Вашингтоне А. Альварес де Толедо передал заместителю государственного секретаря США У. Стесселу испанский экземпляр протокола о вступлении Испании в НАТО. С этого момента Испания официально стала членом Североатлантического союза.

В тексте, распространенном испанским правительством, по этому поводу говорилось:

— После того как все правительства союзных государств передали ратификационные грамоты документа о присоединении Испании к Североатлантическому договору, генеральный секретарь НАТО Дж. Лунс пригласил испанское правительство присоединиться к договору. Утром 30 мая 1982 г. испанское правительство передало документ о присоединении Испании правительству Соединенных Штатов Америки. С сегодняшнего дня, таким образом, Испания стала полноправным членом союза¹².

«Правда» откликнулась на это событие редакционной статьей, в которой вновь констатировала, что «аплодировать расширению НАТО, чья милитаристская направленность хорошо известна, могут лишь те, кто хотел бы вновь углублять рвы между востоком и западом Европы, обострять здесь военное противостояние, усиливать гонку вооружений». Газета напомнила, что, «как раз в то время, когда шла вербовка нового члена НАТО — Испании, Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, которая призывала распустить существующие военные союзы и в качестве первого шага воздержаться от действий, ведущих к их расширению». «Вступление Испании в НАТО — открытое игнорирование воли подавляющего большинства государств — членов ООН, — указывала далее «Правда». — Чего же стоят в свете всего этого декларации о миротворческих намерениях НАТО?»¹³.

Но натовцев мало интересовало, что думают о них в этот момент другие. Они испытывали чувство облегчения в связи с окончанием предприятия, которое затянулось на слишком долгое время, отняло у них слишком много энергии и принесло слишком много политических издержек. В штаб-квартире НАТО в Эвере готовились к торжественной церемонии подъема испанского флага, назначенной на 5 июня. Были приглашены министры иностранных дел стран — членов союза.

Церемония состоялась, как и было намечено, хотя присутствовавшие на ней представители Испании чувствовали себя неловко: она совпала по времени со вспышкой военных действий между Англией и Аргентиной из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Учитывая особые связи с Латинской Америкой, Мадрид не мог выступить с осуждением аргентинского правительства, которое пыталось вернуть себе эти острова силой. В то же время принадлежность к одному военному союзу с Англией не позволяла ему осудить британского премьера госпожу Тэтчер.

В конце концов, отвечая на адресованные ему приветствия, испанский министр сказал несколько общих фраз относительно возможного вклада своей страны в ликвидацию пропасти между двумя сообществами, к каждому из которых она принадлежит, — Европой и «Ибероамерикой». Он даже забыл упомянуть о «советской угрозе», которая служит оправданием для сохранения и расширения НАТО.

Пять дней спустя председатель испанского правительства Л. Кальво Сотело прибыл в Бонн, где ему предстояло впервые присутствовать на встрече высших руководителей стран — членов НАТО. Он заверил своих новых союзников в том, что «Испания будет лояльным и активным членом союза». Воспользовавшись случаем, Кальво Сотело напомнил, что английское правительство не пошло навстречу Испании и не освободило колонию, которой владеет на Пиренейском полуострове, а, заодно, и о том, что заявка Испании на вступление в «Общий рынок» не была удовлетворена, а баскские террористы находят убежище во Франции.

— Мое правительство, — заявил Кальво Сотело, — ожидает от НАТО сотрудничества в центральных вопросах нашей национальной политики, включая быстрое решение путем переговоров спора о Гибралтаре, принятие Испании в Европейское экономическое сообщество в качестве полноправного члена ЕЭС и борьбу против терроризма.

Решение этих вопросов, однако, явно затягивалось. Не продвигались и испано-американские переговоры о заключении нового двустороннего договора взамен подписанного в январе 1976 года, срок действия которого истек в сентябре 1981 года (по взаимной договоренности он был продлен до 20 мая 1982 г.).

В начале 1982 года Мадрид посетил заместитель министра обороны США Фрэнк Карлуччи. Он был принят министром обороны Испании А. Олиартом и вновь обсу-

дил с ним перспективы пересмотра испано-американского договора. Рассмотрению подверглись результаты, достигнутые в ходе переговоров, которые продолжались к этому моменту уже в течение десяти месяцев. Однако ничего конкретного и эта встреча не дала.

Испанское правительство надеялось убедить Вашингтон согласиться на более выгодные для Мадрида условия предоставления военной помощи. Американские руководители, со своей стороны, не торопились предоставлять эти условия, заявляя, что, прежде чем получить их, Испания должна стать членом НАТО. Кроме того, они настаивали на полной свободе в использовании военных баз США на испанской территории, в частности, для возможного складирования ядерного оружия и для проведения операций в любой точке земного шара¹⁴.

К маю компромиссный вариант документа был готов. В Мадрид на завершающий этап переговоров должен был приехать государственный секретарь США. Однако руководство США решило, что подписание договора отныне можно осуществить на более низком уровне, и намечавшийся визит был отменен. Впервые с 1953 года Испания и Соединенные Штаты остались без международно-правового документа, регулирующего их взаимоотношения в политической и военной областях.

Впрочем, пауза продолжалась недолго: ведь в самом главном вопросе — членстве Испании в НАТО — Кальво Сотело сделал все, что от него требовали. Не стал он упрямиться и в вопросе о должностном равенстве лиц, уполномоченных подписать согласованный текст. В итоге документ был подписан 2 июля 1982 г. министром иностранных дел Испании Х. П. Пересом Льюрой и послом США в Мадриде Т. Тодмэном. Он получил название «Соглашение о дружбе, обороне и сотрудничестве». Замена слова «договор» на «соглашение» также снижала значение документа и избавляла президента США от хлопот, связанных с необходимостью представлять его на ратификацию сената. В Испании же соглашение подлежало утверждению парламентом в любом случае, независимо от его названия.

Новое соглашение, срок действия которого определялся в пять лет (с момента вступления в силу), включало в себя 19 различных текстов общим объемом 145 машинописных страниц. Его наиболее полная версия была опубликована в официальном вестнике «Болетин официал де лас кортес» 31 августа 1982 г. Она начиналась формулой,

в которой соглашение прямо увязывалось с членством Испании в организации Североатлантического договора.

В тексте соглашения неоднократно упоминалось об обязательствах обеих стран в рамках НАТО. Так, в преамбуле говорилось, что Испания и США условились поддерживать и развивать дружбу, солидарность и сотрудничество как в двустороннем плане, так и в рамках НАТО. Хотя в документе и указывалось, что размещение на испанской территории ядерного оружия и его компонентов может иметь место лишь с согласия испанского правительства, испанцы фактически не получили возможности проверять, находится или нет на американских базах реально это оружие¹⁵.

Соглашение подтверждало, что в распоряжение вооруженных сил США предоставляются, в частности, остающиеся в собственности испанского государства: военно-воздушные базы Морон-де-ла-Фронтера, Торрехон и Сарагоса, а также военно-морская база в Роте; склады боеприпасов и горючего в Картахене; станции связи в Умесе, Инохесе, Сольере и на Менорке; станция связи в Эстакаде-Баресе; станция Лоран-де-Эстартит; станция связи в Гуарда-мар-дель-Сегуре и метеорологическая и сейсмологическая станции в Сонсеке.

В соответствии с соглашением 15 сентября 1982 г. прекратил существование Объединенный штаб вооруженных сил США и Испании, ставший ненужным после вступления этой страны в НАТО. За день до этого, 14 сентября, в штаб-квартире блока в Эвере приступил к работе координационный комитет, которому было поручено проработать вопрос о включении испанских вооруженных сил в объединенную военную организацию НАТО.

Принимая 24 сентября нового посла Испании Нуньо Агирре де Карсера, Р. Рейган охарактеризовал только что заключенное соглашение как «жизненно важное для того, чтобы обе страны могли совместно идти к достижению общих целей».

Л. Кальво Сотело очень хотел, чтобы кортесы ратифицировали подписанный 2 июля 1982 г. текст без каких-либо оговорок и как можно быстрее. Но он не успел это сделать, так как вскоре был вынужден распустить кортесы и назначить досрочные парламентские выборы. За 20 дней до выборов, 8 октября, заместитель министра обороны США Фрэд Икле сделал заявление, из которого следовало, что американская администрация рассчитывает на утверждение соглашения, каким бы ни оказался исход

голосования на всеобщих выборах в Испании. Однако результаты выборов задержали решение этой задачи.

Еще одной приоритетной задачей внешней политики правительства Кальво Сотело в 1982 году было решение вопроса о вступлении Испании в «Общий рынок». 5 января 1982 г. государственный секретарь по делам отношений с Европейским сообществом Р. Бассольс сделал агентству ЭФЭ заявление, в котором в очередной раз выразил надежду на ускорение переговоров относительно вступления Испании в ЕЭС.

Публикация заявления совпала с известием о том, что французские таможенные службы получили от своих властей список 25 наименований испанских продовольственных товаров, ввоз которых во Францию отныне запрещался. А в конце января посол Испании в Париже предпринял перед министерством иностранных дел Франции демарш по поводу продолжавшихся инцидентов на испано-французской границе. Испанская делегация в парламентской ассамблее Европейского совета, в свою очередь, заявила французской делегации «энергичный протест» против актов вандализма во Франции по отношению к испанским производителям сельскохозяйственной продукции.

Определенная отчужденность сохранялась и в политических отношениях между двумя странами. Французское правительство вручило временному поверенному в делах Испании в Париже ноту с отказом принять к рассмотрению просьбу о выдаче испанским властям членов ЭТА, укрывавшихся на французской территории.

В испано-английских отношениях камнем преткновения оставался Гибралтар. 8 января 1982 г. Кальво Сотело побывал с официальным визитом в Лондоне. Целью поездки было достижение принципиальной договоренности с английским правительством о начале переговоров по вопросу о Гибралтаре. Как указывалось в совместном коммюнике, опубликованном по окончании встречи двух глав правительств, представители Англии и Испании должны были собраться 20 апреля 1982 г. в Лисабоне для обсуждения гибралтарской проблемы. Было условлено, что в этот день Испания откроет границу с Гибралтаром для свободного передвижения граждан в обоих направлениях, будут восстановлены коммуникации между территориями, находящимися под суверенитетом правительств Англии и Испании, и отменены все дискриминационные меры в отношении испанских трудящихся, работающих в Гибралтаре.

Переговоры, однако, 20 апреля не начались, они были перенесены на 25 июня. Причиной отсрочки явилась вспышка военных действий между Англией и Аргентиной в районе Фолклендских (Мальвинских) островов. Четыре наиболее крупные политические партии Испании, представленные в парламенте (СДЦ, ИСПП, КПИ и «Народный альянс»), поддержали решение отложить переговоры.

В июне переговоры по Гибралтару были снова отложены. Министры иностранных дел Испании и Англии, встретившись в Люксембурге в связи с обсуждением вопроса о приеме Испании в ЕЭС, условились перенести дискуссию о Гибралтаре на неопределенное будущее.

Руководитель испанского дипломатического ведомства утверждал, что отсрочка встречи «представляет собой лучшее решение, позволяющее сохранить возможность продолжения начатого диалога». По словам испанского министра, конфликт между Англией и Аргентиной из-за Фолклендских (Мальвинских) островов создал в Англии такую эмоциональную атмосферу, которая помешала бы позитивному решению гибралтарской проблемы.

Таким образом, правительству Кальво Сотело не удалось решить ни одну из двух задач. Выступая на очередной встрече с руководителями ЕЭС в Люксембурге за два дня до парламентских выборов, 26 октября, Х. П. Перес Льорка с горечью констатировал, что «политической воли недостаточно, если она не находит проявления в конкретных действиях».

Отношения между Испанией и развивающимися государствами — членами Движения неприсоединения в этот период стали все больше перемещаться из политической в другие области. Министр иностранных дел Перес Льорка подписал с представителем индийского правительства соглашение о культурном сотрудничестве. Речь в нем шла об укреплении связей между научными учреждениями двух стран, обмене художественными коллективами, студентами, о проведении выставок и спортивных соревнований.

Продолжая личную дипломатию, король Хуан Карлос еще в начале 1982 года совершил 6-дневную поездку в Индию, занимающую особое место в Движении неприсоединения. Это был самый длительный визит короля за рубеж с тех пор, как он вступил на трон. Глава испанского государства не отказался от своей идеи поддерживать отношения со всеми странами планеты, независимо от каких-либо соображений идеологического характера.

В речи на приеме, который устроил в его честь президент Индии, упомянув о принадлежности Испании к Западу, Хуан Карлос сказал:

— Мы остро чувствуем проблемы и чаяния стран «третьего мира». Испания искренне ценит эти страны за тот важный вклад, который они вносят в достижение международной стабильности и в дело мира.

Политические наблюдатели отметили, что в заявлениях руководящих деятелей правительства Испании эта тема звучала гораздо слабее.

Была приглушена также тема Ближнего Востока. Место официальных выступлений в поддержку справедливой борьбы палестинцев заняли отдельные акции чисто гуманитарного характера.

В конце лета председатель правительства Кальво Сотело совершил новую поездку в Латинскую Америку. В течение семи дней он побывал в четырех столицах: Кито, Боготе, Лиме и Каракасе. По сообщению министерства иностранных дел Испании, целью поездки было усиление испанского влияния в Южной Америке и стремление разъяснить, что принадлежность к Западной Европе и Североатлантическому союзу совместимы с латиноамериканскими симпатиями Испании¹⁶.

Все это красноречиво свидетельствовало о том, что внешняя политика Л. Кальво Сотело существенно отличалась от того курса, который проводился в области международных отношений его предшественником А. Суаресом. От стремления развивать сотрудничество со всеми государствами, независимо от их общественного строя, не осталось и следа. Все было подчинено одной главной задаче — как можно крепче привязать Испанию к военной системе Запада.

Как отмечал позднее профессор Мадридского университета А. Ремиро Бротонс, добиваясь вступления Испании в НАТО, правительство Кальво Сотело преследовало узкопартийные цели. В условиях постепенного распада правящей партии и утраты ею влияния в массах председатель правительства, пишет Ремиро Бротонс, «избрал внешнюю политику, которая, отражая интересы правительства, стремилась поставить страну перед необратимым фактом»¹⁷.

Известные испанские политологи профессор Мадридского университета Хорхе де Эстебан и профессор университета Эстремадуры Луис Лопес Герра в опубликованной ими в 1982 году монографии «Политические партии в современной Испании» пришли к выводу, что система

партий, которая сложилась в результате выборов 1977 и 1979 годов, вступила в глубокий кризис. Они предсказали неизбежность изменения этой системы в связи с переменами, происшедшими в социальной обстановке в Испании и в международной обстановке в целом¹⁸. Это их предсказание сбылось.

События показали, что отстранение А. Суареса от руководства делами страны не только не ликвидировало, но, наоборот, обострило разногласия внутри Союза демократического центра. Объективные трудности, порожденные классовой неоднородностью СДЦ, усугублялись тщеславием большинства партийных боссов, окружавших Л. Кальво Сотело. Обстановка внутри руководящего звена становилась все более напряженной.

М. Фрага Ирибарне гораздо раньше, чем лидеры СДЦ, понял, что правящая партия идет к развалу, что, лишившись знамени, которым был для нее А. Суарес, она рано или поздно распадется на враждующие между собой группировки. И он уже в феврале 1981 года на IV съезде «Народного альянса» выдвинул лозунг создания «естественного большинства правых», разумеется, вокруг своей партии.

Первым против Л. Кальво Сотело выступил Ф. Фернандес Ордоньес. В ноябре 1981 года он решил порвать с СДЦ. Вместе с ним ряды правящей партии покинули 17 парламентариев. В марте 1982 года состоялся учредительный съезд созданной Ф. Фернандесом Ордоньесом новой партии Демократическое действие. В принятой съездом резолюции подчеркивалось, что Союз демократического центра утратил прогрессивный характер.

Затем руководитель христианско-демократического крыла СДЦ Оскар Альсага объявил, что создает вместе со своими друзьями (среди которых оказалось около 20 депутатов и сенаторов) собственную народно-демократическую партию. Он не стал даже ждать учредительного съезда своей организации и сразу же провозгласил готовность вступить в сотрудничество с «Народным альянсом».

Вслед за демохристианами центристский лагерь покинули праволиберальные деятели, которых возглавил Антонио Гарригес. Они создали либерально-демократическую партию и тоже начали искать покровителя в правом лагере.

И наконец, основатель СДЦ А. Суарес после долгих колебаний объявил 28 марта 1982 г., что расстается со своим детищем. Суарес принял решение основать новую

партию, которая со временем, по его мысли, должна была занять место старого СДЦ, — Демократический и социальный центр (ДСЦ).

Решение Суареса заставило Кальво Сотело пересмотреть свое отношение к срокам проведения парламентских выборов. Лишившись в общей сложности 50 депутатов, правительство СДЦ могло в любой момент при голосовании в кортесах оказаться в меньшинстве. Во избежание такой перспективы нужно было провести досрочные выборы.

27 августа глава государства, выполняя просьбу председателя правительства, объявил о досрочном роспуске кортесов. Внеочередные парламентские выборы должны были состояться через два месяца, 28 октября 1982 г.

Увы, для большинства испанцев СДЦ был отныне партией совершенных ошибок. Экономический кризис, 27 млрд. долл. внешнего долга, более 2 млн. безработных, рост стоимости жизни, попустительство заговорщикам и, наконец, под самый занавес вступление в НАТО — буквально по всем пунктам итог правления центристов оказывался негативным.

Если при Суаресе Союз демократического центра воспринимался как сила, сумевшая вывести страну из франкизма в условиях гражданского мира, сделать ее активным участником международной жизни и проводить на деле политику национальной независимости, то новые руководители СДЦ быстро потеряли доверие и влияние в стране. Всячески демонстрируя «твердость», они не сумели, однако, решить проблему терроризма правых и левых экстремистов, которая не переставала обостряться (только за один день 29 сентября в различных городах прогремели взрывы 17 бомб).

Опросы общественного мнения, проводившиеся в ходе предвыборной кампании, с редким единодушием предсказывали победу Испанской социалистической рабочей партии. Неясно было одно: сумеют ли социалисты завоевать абсолютное большинство парламентских мандатов или же им придется довольствоваться ролью первой партии и привлечь для формирования правительства союзников. И тем не менее руководство ИСПП с порога отвергло возможность заключения союза с коммунистами, ссылаясь на необходимость «не дразнить правых призраком Народного фронта».

В выпущенной в 1981 году монографии о руководящих деятелях ИСПП — людях, которые, «возможно, завтра

войдут в правительство», испанский политолог Ф. Барсиела сравнивал эту партию с чем-то похожим на монархию, где королем является Фелипе Гонсалес, а его фаворитом — Альфонсо Герра. По словам автора, именно эти два деятеля принимали все решения, касающиеся политики ИСРП. При этом Герра сосредоточил в своих руках решение проблем внутрипартийной работы, в то время как Гонсалес руководил всей внешней деятельностью партии, включая контакты с королем, правительством, руководителями других политических партий, а также определение позиции ИСРП по «международным, трансконтинентальным вопросам»¹⁹.

Последний (до выборов) съезд Испанской социалистической рабочей партии, проходивший в октябре 1981 года, отодвинул проведение в жизнь мероприятий социалистического характера на 25 лет, провозгласив первоочередной задачей укрепление общедемократических основ государства. В то же время в своей предвыборной программе социалисты не поскупились на обещания по жгучим вопросам, волновавшим всех испанцев. В экономической области они обещали создать в течение четырех лет 800 тыс. рабочих мест за счет государственных капиталовложений. В области внутренней политики — развернуть решительную борьбу с терроризмом и обеспечить соблюдение демократической законности. И наконец, в области внешней политики — предпринять усилия в пользу мира, разрядки и разоружения, приостановить процесс интеграции в военную структуру НАТО, а затем провести общенациональный референдум для решения вопроса о целесообразности дальнейшего участия страны в Североатлантическом союзе²⁰.

В интервью французскому журналу «Политик этранжер» Гонсалес заявил весьма категорически:

— Мы твердо убеждены в том, что существуют и другие методы обеспечения обороны Запада, так что принадлежность к такому союзу, как НАТО, не является обязательной... ИСРП возражала против вступления Испании в НАТО несколько месяцев назад, когда тогдашняя партия большинства проголосовала за этот альянс. Мы, испанские социалисты, констатируем, что наше вступление в НАТО не разрешило никаких проблем... Наша внешняя политика должна сочетать защиту национальных интересов, которые отнюдь не совпадают с членством в НАТО, с защитой наших исторических границ²¹.

Выступая в конце сентября 1982 года на пресс-кон-

ференции в Мадриде, лидер ИСРП сказал, что в случае победы его партия вернется не только к вопросу о членстве Испании в НАТО. Он пообещал, что будут проведены также переговоры с Соединенными Штатами с целью пересмотра двустороннего соглашения о базах. «Все подобные договоры, заключавшиеся начиная с 1953 года, — добавил генеральный секретарь ИСРП, — представляли собой постепенную продажу суверенитета Испании. Мы будем всеми способами защищать нашу независимость».

Лидер социалистов неоднократно повторял, что не является «антинатовцем» и хочет лишь того, чтобы все военные блоки были распущены, а связанный с ними раскол мира преодолен. И он не был одинок. С близких к нему позиций выступил в канун выборов творец мирного демонтажа франкизма А. Суарес. Бывший председатель правительства открыто признавал, что не может рассчитывать на победу, но заявлял, что непременно вернется к власти в будущем, когда ДСЦ наберет силу. Такая перспектива вряд ли могла радовать американцев, учитывая, что Суарес, как и социалисты, отнюдь не горел желанием запереть Испанию в военном блоке Запада.

— Я не буду возражать против проведения в стране референдума по вопросу об участии в НАТО и считаю, что необходимо провести новые переговоры, которые открыли бы путь к реальному сотрудничеству в интересах мира и безопасности всех, — заявил Суарес на одном из предвыборных собраний ДСЦ.

Официальный Вашингтон и его друзья в Испании не скрывали беспокойства, наблюдая, как противники СДЦ набирают баллы. 2 октября 1982 г. в Мадриде были арестованы три офицера, известные своими профашистскими привязанностями. У них были обнаружены документы, подтверждавшие их причастность к заговору с целью освобождения осужденных путчистов и установления военно-фашистского диктаторского режима.

500 фотокопий и четыре оригинальных документа проливали свет на готовившуюся операцию, которой было дано кодовое название «Сервантес». Переворот планировался на 27 октября, то есть на день, непосредственно предшествовавший выборам. Заговорщики собирались вывести из строя линии военной и правительственной связи: захватить основные стратегические центры, включая королевский дворец Сарсуэла; физически расправиться с главой государства, отказавшимся следовать их замыслам во время предыдущей попытки путча; «нейтрализовать»

всех, кто мог оказать сопротивление; завладеть фактической властью в столице и через верных людей в военных округах распространить ее на все провинции²².

Арестованные, судя по всему, не были главными руководителями заговора. Без большого труда было установлено, что они поддерживали постоянный контакт с находившимися в заключении участниками февральского путча, в том числе с генералом Милансом дель Боском. Кстати, именно ему был уготован на первых порах пост военного губернатора Мадрида. Газета «Диарио-16» опубликовала материал, из которого следовало, что заговорщики поддерживали контакт с посольствами некоторых иностранных государств, в том числе США и Чили²³.

Заинтересованность Соединенных Штатов в том, чтобы у власти в Мадриде находилось правое правительство, не оставляла сомнений. Незадолго до роспуска парламента Л. Кальво Сотело объявил, что намерен закупить у американского концерна «Макдонелл-Дуглас» — одного из столпов военно-промышленного комплекса США — 84 боевых самолета F-18A и готов выделить для этой цели астрономическую сумму — 3 млрд. долл. В случае подписания контракта это была бы самая крупная сделка по приобретению оружия для испанских вооруженных сил за всю историю Испании. Своим решением Кальво Сотело перечеркивал достигнутую ранее предварительную договоренность о закупке самолетов «Торнадо», которые производились консорциумом «Панавиа», куда входили фирмы Англии, ФРГ и Италии, а также самолетов «Мираж-2000» французского производства.

Еще одним фактором, способным повлиять на исход политической борьбы в Испании, оказался намеченный как раз на канун выборов визит нового главы римско-католической церкви папы Иоанна Павла II. В соответствии с установленными заранее сроками папа должен был покинуть Испанию всего за шесть дней до голосования. Председатель СДЦ Л. Лавилья публично высказался за то, чтобы визит состоялся, как и предполагалось, 14—22 октября. Ф. Гонсалес отреагировал на эту идею со всей резкостью, назвав ее «аномалией». Со своей стороны, А. Суарес заявил, что правительство «умышленно создало» совпадение дат и что инцидент не возник бы, если бы выборы были назначены на более позднюю дату, скажем, на середину ноября.

Полемика приобрела столь острый характер, что папа счел благоразумным перенести приезд в Мадрид на после-

выборный период и приехал в Испанию 31 октября. В конце концов его визит прошел спокойно, и лишь немногие обозреватели газет иронизировали по поводу того, что Иоанн Павел II принимал официальные приветствия от Л. Кальво Сотело — главы правительства, только что отвергнутого его собственным народом²⁴.

XV

НОВЫЙ КУРС СОЦИАЛИСТОВ

28 октября 1982 г. миллионы испанских избирателей пришли к урнам для голосования. Как и ожидалось, победили социалисты. Десять миллионов голосов (почти вдвое больше, чем на предыдущих парламентских выборах) обеспечили им подавляющее превосходство в обеих палатах кортесов (201 из 350 мест в конгрессе депутатов и 134 из 208 в сенате) и возможность создать однопартийное правительство. В соответствии с законом главой правительства должен был стать лидер партии большинства Фелипе Гонсалес. Вот как характеризовал его американский журналист, заведующий мадридским отделением газеты «Нью-Йорк таймс» Эдвард Шумейкер:

—Гонсалес, представитель класса политиков, отличающихся молодостью, был избран премьер-министром, когда ему исполнилось 40 лет. Он достиг своего высокого поста, пользуясь репутацией «своего парня» — несколько вспыльчивого, но честного, идеалистически настроенного, даже простодушного. Гонсалес родился 5 марта 1942 г., через три года после гражданской войны, в Севилье, сердце романтической Испании коррид и фламенко, мавританских дворцов и выбеленных деревень. Единственный из четырех детей в семье крестьянина-скотовода получивший образование, он изучал право в Севильском университете. Именно там стройный юноша в очках, острый на язык Альфонсо Герра вовлек его в Испанскую социалистическую рабочую партию. Спустя много лет Герра останется советчиком Гонсалеса. Блестящий организатор, он будет заместителем премьера и одновременно человеком, следящим за дисциплиной в партии. К 1974 году Гонсалес и его товарищи захватили контроль над ИСРП, заручившись поддержкой и дружбой таких знаменитых во всем мире

социалистических лидеров, как Вилли Брандт, Гельмут Шмидт и Улоф Пальме. В том же году Гонсалес был арестован за политическую деятельность, но его отпустили на свободу под залог, и впоследствии дело было закрыто. После смерти Франко он повел социалистов по пути примирения с монархией и наладил теплые деловые отношения с Хуаном Карлосом.

В результате выборов партия Союз демократического центра, руководившая страной в течение всего переходного периода, сократила свое представительство в конгрессе депутатов почти в 15 раз — со 168 до 12 мандатов (даже премьер-министр Л. Кальво Сотело, занимавший в длинном списке кандидатов по мадридскому округу второе место, оказался за бортом). От нее отвернулись 4,7 млн. избирателей. Несколько недель спустя политический совет СДЦ принял решение о роспуске обанкротившейся организации.

Развал СДЦ оказался самым дорогим подарком для М. Фраги Ирибарне. «Народный альянс», выступавший в коалиции с рядом других откровенно правых группировок, получал пять с лишним миллионов голосов — в пять раз больше, чем на предыдущих выборах. Это дало ему 106 мест (вместо прежних девяти) в конгрессе депутатов и 54 в сенате.

Итоги голосования привели к фактическому созданию в Испании двухпартийной системы вместо прежней четырехпартийной (если не учитывать великое множество — около 250 — мелких партий и группировок). ИСРП и «Народный альянс», получив на двоих 70 % голосов и 90 % мандатов в обеих палатах парламента, не нуждались отныне в диалоге с кем бы то ни было, кроме как между собой.

И если в буржуазном лагере жертвой этого перераспределения симпатий избирателей оказался Союз демократического центра, равно как и слишком поздно созданная А. Суаресом левоцентристская партия Демократический и социальный центр (она получила в конгрессе депутатов всего два места), то в левом лагере чувствительное поражение понесла Коммунистическая партия Испании. Она потеряла свыше миллиона голосов, получила всего 4 места в конгрессе депутатов вместо 23 и лишилась своего единственного места в сенате¹.

По мнению подавляющего большинства аналитиков, неблагоприятные для КПИ итоги выборов были связаны с курсом, который руководство партии во главе с С. Карильо проводило как внутри страны, так и на международ-

ной арене. Два последних съезда КПИ, в ходе которых Каррильо упорно добивался одобрения своей политики, были ознаменованы острой внутрипартийной борьбой. Часть делегатов обоих съездов голосовала против предложений партийного руководства, и в частности против отказа Каррильо от принципов марксизма-ленинизма².

Известный испанский коммунист Франсиско Гарсиа Сальве с горечью констатировал, что, разочаровавшись в политике ЦК КПИ, партию покинули многие тысячи членов³.

В начале ноября 1982 года пленум Центрального Комитета партии освободил Каррильо от обязанностей Генерального секретаря КПИ. На этот пост был избран Херарде Иглесиас. Ленинцы-интернационалисты, со своей стороны, создали новую организацию, которая позднее стала называться Коммунистической партией народов Испании (КПНИ).

30 ноября Ф. Гонсалес представил депутатам, собравшимся на заседание в здании кортесов, программу своего будущего правительства. Касаясь внешнеполитических вопросов, он начал с заявления о том, что будет решительно добиваться устранения препятствий, мешающих вступлению Испании в ЕЭС.

— Мы, — добавил Ф. Гонсалес, — внимательно изучим проблемы наших отношений в области обороны и сотрудничества с Соединенными Штатами и заново рассмотрим принятое прежним правительством решение по поводу Североатлантического договора⁴.

После того как оппозиционные партии выступили с критикой высказываний кандидата в премьеры, назвав их «расплывчатыми», Гонсалес вновь взял слово. Коснувшись вопроса о вступлении в НАТО, он подтвердил, что намерен заморозить процесс интеграции в военную организацию союза. Что касается референдума, обещанного им в ходе предвыборной кампании, то лидер ИСРП отказался назвать конкретную дату его проведения, однако на сей раз мотивировал причину отказа. «Важно, — сказал он, — избежать поспешности, с которой действовало в данном вопросе уходящее правительство и которую все левые силы единодушно осудили».

Новый председатель правительства уточнил, что остается противником развертывания ядерного оружия на испанской территории, но намерен сохранить в силе двустороннее соглашение, позволяющее Соединенным Штатам иметь военные базы в Испании. В отношении вступления

Испании в ЕЭС лидер ИСРП, обращаясь к западноевропейским странам, заявил:

— Процесс затягивания этого вступления не может продолжаться вечно. Испания вправе вступить в ЕЭС, несмотря на трудности, которые она испытывает⁵.

За утверждение Ф. Гонсалеса на посту председателя правительства было подано 207 голосов (социалисты, коммунисты, члены ДСЦ и некоторые другие депутаты). Против голосовали 116 членов правых партий. Остальные депутаты воздержались или не участвовали в голосовании.

Большинство министров сформированного лидером ИСРП кабинета принадлежали к молодому поколению испанских политиков (средний возраст—41 год). Многие получили университетское образование за границей—в США, Великобритании, Франции. По словам корреспондента «Файнэншл таймс» Роберта Грэхэма, окончательный список членов правительства был воспринят левым крылом партии как «свидетельство того, что социал-демократия восторжествовала над социализмом» и что «Гонсалес пошел на поводу у крупных банков»⁶.

Министр иностранных дел Ф. Моран, самый старший по возрасту из членов правительства (в момент назначения ему было 56 лет), был кадровым работником испанского МИД.

— Я принадлежу к поколению, которому было всего 10 лет в момент, когда вспыхнула гражданская война, — рассказывал он автору книги. — Родился в мелкобуржуазной семье. Мой отец был служащим. Реальности франкизма, с которыми мне и моим сверстникам пришлось столкнуться с молодых лет, породили массу вопросов, на которые я искал, но не находил ответа. В годы учебы в университете каждый из нас пережил муки совести. И это было логично, нормально, учитывая ту атмосферу, в которой мы росли и выросли. Мои политические убеждения постепенно эволюционировали от согласия с окружающей действительностью к социал-демократии.

— Можно ли сказать, что какое-то событие оказало особое влияние на ваши политические убеждения?

— Для меня это была встреча с Энрике Тьерно Гальваном. Произошла она в 1954 году. Будущий мэр Мадрида заведовал в то время кафедрой политического права в университете в Саламанке. Там мы и сблизились. По инициативе Тьерно был основан «Информационный бюллетень семинара по вопросам политического права», а затем — и политическая группа под названием «Ассоциация за функциональное единство Европы».

«Вспоминаю свидетельство Э. Тьерно Гальвана: “Мы говорили и писали всего-навсего о необходимости включения Испании в единую Европу, однако наши слова звучали почти как призыв к свержению франкизма”».

— На деле, — продолжал Ф. Моран, — созданная нами ассоциация склонялась не только к антифранкизму, но и к социализму.

— Позднее вы снова встретились с Тьерно Гальваном в рядах социалистической народной партии...

— Да. Но еще раньше нами была создана организация, вошедшая в историю как Испанская социалистическая партия (внутренняя). В 1967 году она преобразовалась в Социалистическую народную партию, и я вошел в состав исполкома СНП. Товарищи по партии называли меня тогда Федерико Морено, это был мой партийный псевдоним. А после смерти Франко, в переходный момент, партия поручила мне представлять ее в делегации демократической оппозиции, которая вела переговоры с Суаресом об условиях политической реформы, или учредительного периода.

— Но теперь вы член ИСРП.

— В 1978 году я участвовал в переговорах о слиянии СНП с ИСРП. Переговоры окончились успешно: отныне у нас одна мощная социалистическая партия. Что касается продолжения моей политической биографии, то в мае 1978 года в результате частичных выборов по одному из округов в Астурии я был избран сенатором от ИСРП. В 1979 году во время всеобщих выборов избиратели вновь поддержали мою кандидатуру. А в октябре 1982 года я стал депутатом от города Хаена. При формировании правительства мне был предложен пост министра иностранных дел.

— Вы возглавили министерство, в котором раньше проработали много лет на самых различных постах...

— Да, я начал свою карьеру дипломата, когда мне исполнилось 28 лет. Работал в Аргентине, ЮАР, Португалии и Англии, занимал руководящие посты в аппарате министерства иностранных дел в Мадриде. Не раз входил в состав делегаций Испании на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

В книге, опубликованной в 1980 году, Ф. Моран высказывался одновременно против нейтралитета Испании и против ее «сателлизации» путем вступления в НАТО. Будущий министр иностранных дел выступал за разрядку и

сотрудничество всех стран, независимо от их общественного строя⁷.

Испанцы с тревогой ожидали, какотреагируют на победу социалистов за океаном. К их удивлению, реакция оказалась — по крайней мере внешне — спокойной. Р. Рейган даже послал Ф. Гонсалесу поздравительную телеграмму. За ней последовала (после вступления лидера ИСРП на пост главы правительства) вторая.

Первым иностранным государственным деятелем, прибывшим после смены правительства с официальным визитом в Мадрид (15 декабря 1982 г.), оказался государственный секретарь США Джордж Шульц. Он произнес на торжественном обеде во дворце Виана тост, по его выражению, «на языке искренности».

— Мое присутствие здесь по особой просьбе президента Рейгана объясняется в значительной мере желанием подчеркнуть нашу твердую и постоянную поддержку новой испанской демократии, воплощением которой является ваше правительство.

Одна из главных целей визита Дж. Шульца заключалась в том, чтобы любой ценой вырвать согласие нового правительства на вступление в силу соглашения о дружбе, обороне и сотрудничестве в том виде, в каком оно было подписано при Л. Кальво Сотело 1 июля 1982 г. Усилия государственного секретаря США принесли свои плоды. Было условлено разработать дополнительный документ, который позволил бы примирить соглашение о базах со взятым социалистами обязательством заморозить отношения между Испанией и НАТО⁸.

Первые зарубежные поездки новый министр иностранных дел Испании совершал исключительно в один город — Брюссель. Сначала Ф. Моран присутствовал на сессии Совета НАТО и изложил позицию социалистов по вопросу об отношениях с этим блоком. А затем установил контакты с руководителями ЕЭС.

Объясняя свое присутствие на заседании натовцев, Моран заявил, что правительство социалистов «приняло к сведению факт присоединения к договору в соответствии с разрешением парламента» (при Л. Кальво Сотело).

— В этих условиях, — добавил он, — Испания будет придерживаться обязательств, сформулированных в тексте договора, и намерена выполнять их в духе сотрудничества.

В то же время руководитель испанской дипломатии сообщил о том, что процесс интеграции в военную струк-

туру НАТО замораживается, с тем чтобы вопрос о национальных интересах страны подвергся самому тщательному изучению. Моран подтвердил, что «в соответствующий момент» испанскому народу будет предоставлена возможность высказаться по этому вопросу⁹.

Заявление министра иностранных дел Испании прямо перекликалось с выводом, к которому пришли примерно тогда же авторы аналитического доклада, подготовленного для трехсторонней комиссии и посвященного военным проблемам Северной Америки, Западной Европы и Японии. Как отмечалось в этом документе, «восприятие угрозы и чувства небезопасности в Западной Европе совершенно различны. Они отличаются от страны к стране внутри союза и в еще большей степени — у натовских и неназовских стран»¹⁰.

В вышедшей вскоре после победы ИСРП на выборах книге С. Алонсо и К. Элорди «Вызов социалистов» выражалось убеждение в том, что новое правительство будет проводить «независимую внешнюю политику, ни в коем случае не подчиненную интересам государственного департамента США»¹¹.

На деле же лидеры ИСРП начали постепенно отходить от своих прежних позиций в вопросе об участии в Североатлантическом союзе. Американский журнал «Нейшн» констатировал, что, хотя после победы на парламентских выборах 1982 года социалисты объявили о замораживании процесса дальнейшей интеграции Испании в военную структуру НАТО, испанские представители по-прежнему участвовали в работе многочисленных органов блока. Они заседали в Комитете военного планирования и Еврогруппе, сохранили статус наблюдателя в группе ядерного планирования и в специальной консультативной группе. Более того, за годы пребывания у власти правительства Ф. Гонсалеса участие Испании в делах НАТО расширилось. Испанский министр обороны присутствовал на совещаниях с представителями стран, образующих так называемую интегрированную оборонную структуру союза.

Изменение позиции социалистов по вопросу о НАТО, по мнению «Нейшн», объяснялось прежде всего нажимом со стороны Соединенных Штатов и тех европейских союзников, которые хотели, чтобы Испания участвовала в этой организации. В итоге правительство социалистов утвердило далеко идущую и дорогостоящую программу реорганизации и модернизации вооруженных сил Испании для приведения их в соответствие со стандартами НАТО¹².

Любопытно, однако, что эти усилия имели мало общего с характерным для большинства натовцев стремлением создать мощный военный потенциал против Советского Союза и других социалистических государств. Правительство социалистов обратило большее внимание на обстановку, складывающуюся к югу от Испании. Часть военно-морских сил Испании была переведена с базы Эль-Ферроль (на северо-западе страны) в Роту, на южное побережье. Дивизия войск оперативной обороны, дислоцированная на юге Испании, в отличие от всех других, сохранила в своем составе три бригады. Кроме того, именно ей была передана большая часть ракет класса «земля — воздух», которые правительство решило закупить в апреле 1984 года. Наконец, было принято решение усилить военно-воздушную базу в Альбасете, опять-таки на юге Испании.

Не случайно одну из первых поездок в качестве министра иностранных дел Ф. Моран совершил в декабре 1982 года в Марокко. Спустя три месяца туда же направился с первым официальным визитом председатель правительства Ф. Гонсалес. Чтобы понять причины этого интереса, достаточно вспомнить уроки многовековой испанской истории. Как отмечал политический обозреватель парижского журнала «Монд дипломатик» Т. Малиньяк, в Испании никто не ощущает «угрозу, исходящую с Востока, о которой так много твердят на Западе, зато там привыкли к сложным взаимоотношениям с соседними североафриканскими нациями». Парижский журнал напомнил в этой связи, что Испания — единственная европейская страна, имеющая общую границу с одной из стран Северной Африки. Границу, которая имеет весьма малую протяженность, но служит тем не менее объектом спора. Речь идет о линии, отделяющей Марокко от Сеуты и Мелильи — двух испанских владений на североафриканском побережье.

24 февраля 1983 г. в Мадриде завершились переговоры о судьбе испано-американского соглашения от 1 июля 1982 г. Ф. Моран и посол США в Мадриде Т. Тодмэн подписали дополнительный протокол, который, по их мнению, снимал препятствия, мешавшие утверждению соглашения кортесами. В протоколе было три статьи. Первая провозглашала, что ни одно из положений соглашения не должно рассматриваться как предпрещающее вопрос об интеграции Испании в военную структуру НАТО. Вторая подтверждала право каждой из сторон в любой момент внести предложения о пересмотре соглашения. Третья указывала, что

такой пересмотр может потребоваться в частности, если Испания решит в будущем изменить свой статус по отношению к Североатлантическому союзу¹³.

Правительство рекомендовало кортесам ратифицировать соглашение о базах с учетом протокола от 24 февраля 1983 г., и в апреле оно было одобрено конгрессом депутатов, а в мае — сенатом, после чего 14 мая вступило в силу (на период до мая 1988 г.).

Иронизируя по поводу выгод, которые якобы давало Испании вступление в силу этого пятилетнего соглашения, комментатор журнала «Камбио-16» Хавьер де Гусман писал:

«В настоящее время блестящими примерами американской военной помощи, предоставляемой в обмен на использование баз в Испании, являются несколько кораблей, давно уже превысивших разумные сроки эксплуатации, истребители-бомбардировщики, которые можно хоть как-то заставить летать лишь благодаря компетентности и усилиям персонала ВВС, и танки, которые пришлось значительно модернизировать уже в нашей стране.

По данным журналиста, испанскому флоту неоднократно приходилось отказываться от американских кораблей из-за плохого состояния «даров». Военно-воздушные силы были вынуждены списать большую часть предоставленных самолетов Т-33, С-47, L-19 и др. В конце концов от всей переданной в рамках предыдущих договоров авиационной техники остались лишь самолеты «Фантом» (поддержанные и использованные еще во Вьетнаме) и противолодочные самолеты Р-3А «Орион» (первая модификация этого самолета). Что касается американских танков М-41, М-47 и М-48, которые составляют три четверти парка испанских бронетанковых войск, то они были переоборудованы на месте. Иначе их следовало бы отправить в металлолом.

«Денежная помощь военного характера также оставляет желать лучшего, — констатировал Х. де Гусман. — Из всей суммы безвозмездно предоставляется не более 15 %, и это, как правило, оказавшаяся лишней техника. Два процента выделяются на обучение и подготовку персонала. Все же остальное дается в кредит, который рано или поздно придется, разумеется, выплачивать. Есть и еще одно, не менее важное, обстоятельство: для того чтобы поддерживать в нормальном состоянии поставляемое нам оборудование, прежде всего самолеты, необходимы и соответствующие запчасти. Но их продают нам буквально на

вес золота, ссылаясь, что техника устарела и запасных частей не хватает»¹⁴.

Острая борьба развернулась вокруг вопроса об оснащении испанских ВВС новыми боевыми самолетами. США навязывали Испании продукцию собственной военной промышленности. Давление из-за океана и на этот раз сделало свое дело. 30 мая 1983 г. правительство Испании согласилось купить 72 новых истребителя F-18A у американской фирмы «Макдонелл-Дуглас». Переговоры о заключении сделки стоимостью 2 млрд. долл. начались еще в сентябре 1982 года при предыдущем правительстве, но были отложены, учитывая, что в порядке конкуренции свои самолеты Испании предложили военно-промышленные концерны западноевропейских стран, в частности Франции. Верх в конкурентной борьбе одержали американцы.

«В военном отношении не так уж важно, что испанцы предпочли американский самолет западноевропейскому, — писал по этому поводу парижский еженедельник «Нувель обсерватор». — Все они равноценны. Не имеет никакого значения и то, что испанское правительство, оказавшись, как в тисках, между постепенным подчинением Соединенным Штатам и боязнью возникновения новых препятствий на пути вступления Испании в ЕЭС, закупило лишь 72 американских самолета вместо планировавшихся ранее 84. Важно символическое значение этого выбора. Все выглядит так, как если бы испанские социалисты избрали Америку и отвернулись от Европы... Эта эволюция ведет Испанию ускоренными темпами к вступлению в военную организацию НАТО».

Действительно, пропагандистская обработка общественности в пользу НАТО не прекратилась и после прихода к власти социалистов. В 1983 году военные обозреватели Нуньес Лакаси и Торренто Санчес опубликовали книгу «Эта неизвестная армада». Они доказывали, что положение Испании в Европе и ее западная ориентация говорят в пользу участия в НАТО. В том же духе высказывались и другие аналитики, представляющие интересы натовцев¹⁵.

Спустя пять месяцев после формирования правительства ИСРП в Мадриде состоялось совещание, которое близкие к властям комментаторы охарактеризовали как «важное». На нем присутствовали Ф. Гонсалес, министр обороны Испании Н. Серра, а также министр обороны США Каспар Уайнбергер, прибывший с визитом в Испанию. По сообщению журнала «Камбио-16», на совещании

была закреплена тенденция в пользу членства Испании в НАТО. Сам Гонсалес выступил с официальным сообщением, в котором подчеркивалось, что, если Испания останется частью оборонительной системы Запада, это скажется благоприятно на ее национальных интересах»¹⁶.

Официальное совместное коммюнике так далеко не заходило. В нем сообщалось, что разговор министра обороны США с председателем испанского правительства касался «международных конфликтов и содержания последних предложений президента Рейгана по вопросам ядерного разоружения». С Ф. Мораном была обсуждена обстановка в мире вообще, а также в Европе и Центральной Америке. При участии министра обороны Испании Серры были рассмотрены «оборонительная стратегия» Запада и позиция Испании по отношению к ней.

Американская «Нью-Йорк таймс» в корреспонденции из Мадрида писала, что в ходе визита К. Уайнбергер пытался оказать давление на правительство ИСПП, с тем чтобы заставить его полностью примкнуть к Североатлантическому блоку. «Где бы он ни появлялся и с кем бы из высокопоставленных официальных лиц ни встречался, — отмечала газета, — его цель оставалась неизменной: новое социалистическое правительство Испании должно устранить всякие препятствия и как можно скорее вступить в НАТО, желательно в качестве полноправного члена»¹⁷.

Не прошло и двух месяцев, как лидер испанских социалистов сделал еще один жест в сторону «атлантистов». В ходе визита в Бонн в начале мая 1983 года, выступая в бундестаге, он поддержал «двойное решение» НАТО, которое предусматривало размещение американских ядерных ракет в Европе.

Жест Ф. Гонсалеса вызвал недоумение как в левых, так и в правых кругах Испании, поскольку у себя на родине председатель правительства выступал в ином тоне. Партия «Народный альянс», в частности, расценила высказывания Гонсалеса в Бонне как подготовку к его визиту в США.

Действительно, в июне 1983 года во время официального визита председателя испанского правительства в Вашингтон вопрос об отношениях между Испанией и НАТО занял одно из центральных мест.

Испанцы начали с тревогой замечать, что происходит подмена предмета дискуссии. Если раньше публично обсуждался вопрос, следует ли Испании быть членом Севе-

роатлантического союза, то отныне все чаще спор стал переноситься на формы ее вклада в военные усилия Запада.

— Правительство и я считаем, что долг Испании — быть составной частью системы безопасности Запада. Мы продемонстрировали это соглашением о базах, — сказал Ф. Гонсалес на встрече с редакторами и корреспондентами «Вашингтон пост».

Членство Испании в НАТО снова стало подаваться в одном пакете с участием страны в «Общем рынке» и с решением судьбы Гибралтара. Еще сравнительно недавно социалисты категорически отвергали подобную увязку, теперь же на поверхность опять начали всплывать пропагандистские тезисы прежнего правительства. И как финал — еще одно заявление Гонсалеса, сделанное в Соединенных Штатах:

— Пусть испанцы увидят преимущества НАТО¹⁸.

Чтобы увидеть эти «преимущества», требовалось, разумеется, время. Ведь сделать поворот на 180 градусов решил бы не всякий и не сразу. Поэтому в Вашингтоне с ликованием встретили сообщение председателя испанского правительства о том, что референдум может быть перенесен на весну 1985 года, а возможно, и на более позднее время.

Правда, по возвращении в Мадрид Гонсалес в очередной раз «уточнил» свои высказывания. Выступая перед депутатами-социалистами, он заявил, что, судя по всему, ИСРП остается противницей принадлежности страны к НАТО. И обещал, что при подготовке и проведении референдума правительство будет «сохранять нейтралитет», а определением позиции социалистов займется руководство партии. Ф. Гонсалес признал при этом, что в ИСРП имеются разногласия по вопросу о членстве Испании в НАТО.

— Речь идет, — сказал он, — о весьма сложной проблеме, которую следует решать после серьезного анализа.

Против участия в НАТО высказывались тогда многие видные партийные деятели, в том числе А. Герра, а также вся столичная федерация ИСРП. «Похоже, что исполнительная власть запуталась в противоречиях»¹⁹, — писала по этому поводу газета «Паис».

Правительство Соединенных Штатов пришло к выводу, что изменившаяся обстановка требует от него использования более гибкой тактики.

Спустя год после прихода к власти Испанская социалистическая рабочая партия выпустила брошюру, призван-

ную продемонстрировать выполнение социалистами своих предвыборных обещаний. Касаясь проблем внешней политики, ее авторы писали, что правительство ИСРП будет и впредь выступать против гонки вооружений, за разрядку международной напряженности. Они заявляли, что Испания не позволит разместить на своей территории американское ядерное оружие. Напомнив о том, что переговоры о вступлении Испании в военную организацию НАТО заморожены, авторы книги подтверждали, что референдум по вопросу об отношении к НАТО будет проведен «в соответствующее время»²⁰.

Как следовало из брошюры, одними из приоритетных направлений политики правительства оставались также усилия с целью добиться приема Испании в «Общий рынок». Выступая на заседании Совета министров ЕЭС в Брюсселе 13 декабря 1982 г., Ф. Моран заявил, что «полная интеграция в сообщество представляет собой одну из важнейших задач внешней политики Испании».

— Речь идет о политической и экономической операции, которая нужна не только моей стране, но и ЕЭС, — добавил он.

Возобновившиеся переговоры проходили на фоне растущей зависимости испанской экономики от транснациональных корпораций. Как отмечал позднее «Камбио-16», с тех пор как социалисты пришли к власти, приток иностранных капиталовложений увеличивался с удивительной быстротой. «Что же иностранный капитал находит сейчас в Испании, чего там не было раньше? Почему в стране не произошло других перемен, помимо тех, которые превратили Испанию в рай для транснациональных корпораций?» — спрашивал журнал. И тут же был помещен ответ генерального директора Управления внешних финансовых операций министерства экономики и финансов Испании Серардо Бургоса.

— В первую очередь, — заявил он, — на это повлияли политические соображения. Многие зарубежные предприниматели не вкладывали капиталы в испанскую промышленность, потому что выжидали, каким же курсом пойдет страна под руководством левого правительства. Теперь они увидели, что ничего особенного не происходит, и стали размещать здесь свои деньги²¹.

Правительство ИСРП пыталось примирить два объективно различных курса. В подтверждение действенности такой позиции Ф. Моран ссылался на «деловой календарь» своих встреч с зарубежными деятелями. В интервью газете «Паис» он заявлял:

— В один и тот же день я принимаю представителя США Томаса Эндерса и заместителя председателя Совета Министров Кубы Карлоса Рафаэля Родригеса. В течение первых ста дней деятельности нового правительства мне пришлось осуществлять строго выверенную политику, основанную на двух принципах: не нарушать равновесия и расширять степень автономии. Я убежден, что благодаря расширению автономии и в рамках системы, частью которой мы являемся, роль Испании возрастет²².

На деле, однако, «блоковая дисциплина» была отнюдь не мифом. 5 января 1983 г. государства — участники Варшавского Договора в лице своих высших представителей обратились к государствам — участникам Североатлантического договора с предложением заключить Договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира. Как указывалось в Политической декларации, принятой Политическим консультативным комитетом государств — участников Варшавского Договора на совещании в Праге, сердцевиной договора могло бы стать взаимное обязательство государств — участников обоих союзов не применять первыми друг против друга ни ядерных, ни обычных вооружений и, следовательно, не применять первыми друг против друга военную силу вообще. Два дня спустя, 7 января, испанское правительство отреагировало на это предложение положительно. Однако эта его реакция не помешала натовцам во главе с США отвергнуть — в который раз! — очередную мирную инициативу социалистических стран. И Мадриду пришлось с этим смириться.

И все же было бы ошибкой отрицать тот факт, что новое испанское правительство активизировало сотрудничество с нейтральными и неприсоединившимися странами. В первые же месяцы пребывания у власти ИСРП испанские руководители провели серию переговоров с государственными деятелями Латинской Америки, Азии и Африки.

Еще 4 ноября 1982 г., несколько дней спустя после победы ИСРП на выборах, Ф. Гонсалес, имея в виду Латинскую Америку, обещал в интервью журналу «Политик этранжер», что «Испания неизбежно должна ориентировать свою внешнюю политику на этот район земного шара».

— Особые отношения со всеми странами Южной Америки — от Кубы до Аргентины, от Мексики до Колумбии — уже существуют, — утверждал он. — Но мы намереваемся придать им второе дыхание, активизировать их...

Мы будем поддерживать борьбу за свободу и выступать против всех форм колониализма — откровенного или замаскированного.

Действительно, проблемы Латинской Америки заняли большое место во внешнеполитической деятельности нового испанского кабинета, который выражал озабоченность обострением обстановки в этом регионе, в частности вокруг Кубы, Никарагуа и некоторых других государств, ставших объектом враждебных действий администрации США. Весной 1983 года в Мадриде побывали министры иностранных дел Мексики и Кубы. Ф. Моран нанес визит в Мексику и Колумбию. Побывал в Латинской Америке и Ф. Гонсалес.

Испания решила поддержать план мирного урегулирования проблем Центральной Америки, разработанный представителями четырех латиноамериканских стран: Мексики, Панамы, Колумбии и Венесуэлы, совещавшимися в январе 1983 года на панамском острове Контадора. Этот план предусматривал проведение мирной конференции при возможном посредничестве Испании, которая должна была постараться убедить Соединенные Штаты в том, что их отказ от вмешательства во внутренние дела стран региона в конечном итоге отвечал бы интересам самих США.

Новые испанские руководители заинтересовались этой идеей. Судя по всему, они искренне хотели, чтобы Латинская Америка стала наконец зоной мира и стабильности. Как в свое время А. Суарес, они полагали, что демонтаж франкизма в Испании мог послужить если не стопроцентным образцом, то хотя бы приглашением к ликвидации «с наименьшими издержками» военно-фашистских диктатур на латиноамериканской земле. Кроме того, испанские социалисты уже давно высказывались в пользу проведения региональной конференции по безопасности и сотрудничеству в Латинской Америке, наподобие общеевропейского совещания.

— Полагать, что военная интервенция и поставки оружия способны ослабить или урегулировать конфликты в Центральной Америке, — все равно, что пытаться залить огонь бензином, — заявил Ф. Гонсалес, выступая в столице Мексики в ходе своей поездки по странам Латинской Америки.

— Мы должны призвать Соединенные Штаты перейти, и как можно быстрее, от негативного лидерства к позитивному, — добавил он в речи, которую произнес в Боготе.

Упомянув о лидерстве Соединенных Штатов, председатель испанского правительства подчеркнул, что не собирается ставить под сомнение их интересы в Западном полушарии. В то же время он выразил надежду, что США захотят и сумеют сыграть там положительную роль. Это была программа-минимум, без которой братья за посредничество не имело смысла. В Вашингтоне, однако, придерживались иной точки зрения.

За океаном с озабоченностью следили и за сближением позиций испанской делегации и делегаций нейтральных и неприсоединившихся стран на мадридской встрече представителей 35 государств — участников общеевропейского совещания. Действительно, в первом же выступлении на встрече в качестве главы испанского внешнеполитического ведомства 8 февраля 1983 г. Ф. Моран четко и недвусмысленно высказался за то, чтобы она была завершена серьезным и достойным образом, чтобы ее заключительный документ ознаменовал прогресс на пути, открытом в Хельсинки. Соединенные Штаты и их ближайшие союзники по НАТО были настроены по-иному, и прошло еще несколько месяцев, прежде чем удалось сблизить позиции сторон.

17 июня Ф. Гонсалес встретился с делегатами всех 35 стран и внес на их рассмотрение ряд компромиссных предложений, исходивших из проекта, выдвинутого нейтральными и неприсоединившимися государствами, а также из возможности взаимного отказа стран — членов НАТО и ОВД от не приемлемых для них формулировок (первые добивались легализации вмешательства во внутренние дела других стран, вторые хотели такого снижения уровня военного противостояния, на которое натовцы не шли).

1 июля 1983 г. советская делегация официально дала согласие на проект обновленного итогового документа нейтральных и неприсоединившихся стран и заявила, что СССР готов действовать в рамках инициативы правительства Испании. Глава делегации Испании отметил конструктивный характер этого заявления делегации СССР.

Встреча была близка к завершению, когда инцидент с южнокорейским самолетом, сбитым в воздушном пространстве СССР во время выполнения шпионской миссии по заданию ЦРУ, воздвиг новые препятствия для достижения компромисса. Однако здравый смысл взял верх, и компромиссный документ был одобрен. Как отметил в речи на заключительном заседании 7 ноября 1983 г. глава советской делегации, опыт, накопленный в Мадриде, подтвердил, что при всех различиях в политике и при всех

разногласиях в оценке причин теперешнего состояния международных дел, при всей напряженности современной обстановки в Европе и мире государства с различным общественным строем могут прийти к взаимоприемлемым договоренностям²³.

Плохо скрывая раздражение той ролью, которую Испания сыграла на заключительном этапе мадридской встречи, официальный Вашингтон отнюдь не испытывал радости и от дружеских контактов испанских руководителей с государственными деятелями нейтральных стран. Примером может служить визит, который нанес в Мадрид в 1983 году король Швеции. В первый же день, обращаясь к шведскому монарху, король Хуан Карлос заявил со всей прямоотой, что, оставаясь в западной орбите, испанское государство намерено сохранить за собой достаточную долю самостоятельности, с тем чтобы отстаивать свои национальные интересы и вносить действенный вклад в дело мира и свободы. Министры иностранных дел двух стран на совместной пресс-конференции отметили, что Испания и Швеция занимают сходные позиции по основным международным вопросам. Ф. Моран сообщил при этом, что обсуждал со своим коллегой Л. Бодстромом «шведскую модель обороны». «Несмотря на разделяющие нас расстояния, — добавил тогда руководитель испанского дипломатического ведомства, — обе страны находятся рядом, считая, что сила и оружие не решают проблемы безопасности и что необходимо и дальше трудиться во имя мира».

Своеобразным ответом на позитивные инициативы Испании на мадридской встрече явилось провоцирование английскими властями напряженности вокруг Гибралтара. Англичане решили направить в Гибралтар крупный отряд своих военных кораблей. Самолеты британских ВВС, сопровождавшие этот отряд, нарушили нормальное воздушное сообщение в районе Гибралтара. Во время маневров, которым было дано кодовое название «Спринг трейн», отрабатывались меры «по отражению испанского вторжения». Мадрид был вынужден заявить протест английскому правительству.

«Гибралтар, в отличие от Фолклендских островов, имеет оборонное значение, — писала лондонская «Файнэншл таймс». — Это одно из «узких мест» международного судоходства, и Англия обладает техническими средствами, чтобы обеспечить НАТО надводным и подводным наблюдением». Вывод газеты был абсолютно однозначен: «Вероятнее всего, вопрос о Гибралтаре не будет решен еще очень долго».

Давление натовцев проявлялось и в усиленной обработке общественного мнения. В Толедо был проведен международный семинар на тему «Альтернативы обороны Западной Европы», прошедший под знаком воинствующего атлантизма. Как следовало из материалов семинара, опубликованных в виде книги, основными докладчиками выступали иностранные военные деятели и политологи. Об атмосфере, царившей во время дискуссии, красноречиво говорят высказывания ее основных участников. Так, французский генерал Пьер Галуа назвал СССР «врагом многих миллионов людей на Земле». Его бельгийский коллега Пьер Кремер призывал «упредить ядерный удар Москвы». Американец Дж. Голдблат буквально причитал о необходимости «спасти западную цивилизацию от порабощения Москвой». Журналист из США Уильям Плафф кликушествовал на тему о том, что «настала эра прямого противоборства между Западом и Востоком»²⁴.

Иностранные «атлантисты» получили поддержку со стороны испанских. В очередной книге, вышедшей в 1984 году под названием «Возвращение к истокам», лидер «Народного альянса» М. Фрага Ирибарне снова высказался за пребывание Испании в НАТО. «Нет ничего предосудительного, — писал он, — если испанский генерал окажется в подчинении у немецкого». М. Фрага Ирибарне всячески ратовал за «повышение обороноспособности» Запада, с тем чтобы противостоять «империалистическим устремлениям» СССР. При этом он выдавал себя за сторонника разрядки международной напряженности, которого, мол, беспокоит лишь тот факт, что некоторые люди на Западе руководствуются принципом «лучше быть красным, чем мертвым». «Если не будет НАТО или эта организация ослабит свои позиции, — запугивал автор читателей, — тогда над нами действительно нависнет серьезная угроза мировой войны»²⁵.

Поборники вступления в НАТО снова вытащили на свет старый аргумент, согласно которому участие в военном блоке Запада поможет вступлению страны в Европейское экономическое сообщество. Через несколько месяцев после прихода к власти социалистов испанская печать констатировала, что некоторые натовские страны, в том числе ФРГ, прямо обуславливают вступление Испании в ЕЭС участием в НАТО.

XVI

ЕЭС — НАТО — БАЗЫ

Переговоры между представителями испанского правительства и руководителями ЕЭС шли долго и с переменным успехом, пока наконец главы государств и правительств стран «Общего рынка», собравшиеся в Брюсселе в конце марта 1985 года, не приняли решение дать окончательное согласие на вступление Испании (и также ожидавшей принятия в сообщество Португалии) с 1 января 1986 г. Официальное подписание договора с ЕЭС состоялось в Мадриде 12 июня 1985 г.

Решение это было одобрено в довольно унылой обстановке. Американская «Нью-Йорк таймс» охарактеризовала ее словом «европессимизм». «Основанием для пессимизма, — писала газета, — является мнение, обусловленное глубокими разногласиями в сообществе на протяжении последнего десятилетия, что эта организация не представляет собой того орудия возрождения Европы, каким надеялись ее увидеть ее основатели»¹.

Лондонская «Файнэншл таймс» констатировала, что «вступление двух новых членов изменит экономическое и политическое соотношение сил в сообществе, усугубит диспропорции между богатыми и бедными государствами... Процесс принятия решений по ключевым вопросам типа устранения национальных барьеров на пути экономического сотрудничества и единой финансовой политики, не говоря уже об отдаленной, неясной цели создания политического союза, окажется в еще большей степени затруднен»².

Вплоть до последнего момента западноевропейские экономические обозреватели утверждали, что присоединение Испании к ЕЭС будет выгодным для ее сельского хозяйства, хотя и нанесет определенный ущерб ее про-

12-1375

мышленности. Опровергая эти суждения, французская «Монд» писала:

«Сулит ли вступление в ЕЭС какие-то особые выгоды испанским земледельцам? В этом можно усомниться, встретившись с представителями общенациональных сельскохозяйственных организаций, а их здесь не менее пяти. Там чувствуется явное недовольство. “Нам придется смириться с тем, что при вступлении в ЕЭС в жертву принесут именно нас, ибо на нас приходится лишь 6 % валового национального продукта”, — говорят в Национальной конфедерации земледельцев и скотоводов, объединяющей «тузов» этой отрасли. В Координационном центре земледельцев и скотоводов, представляющем мелких хозяев, проявляют пессимизм: “Договор несправедливый, ибо сообщество гораздо лучше защищает собственную неконкурентоспособную продукцию, чем Испания свою”»³.

В целом экономическое положение страны к моменту вступления в ЕЭС выглядело довольно мрачно.

«Испания продается? Скорее распродается по дешевке, — утверждал в ноябре 1985 года французский еженедельник «Экспресс». — В настоящее время экономика Испании в сравнении с другими странами Европы в наибольшей степени зависит от заграницы... Присутствие иностранцев становится явным в современных отраслях производства. Иностранные капиталы широко контролируют автомобилестроение, торговлю, агропродовольственную сферу, химию, производство шин, электронику, телекоммуникации... Они играют немалую роль в области туризма, банков, страхования и начинают проникать в сельское хозяйство и даже в национализированный сектор... Среди первых 50 фирм Испании 27 являются иностранными»⁴.

Когда стихли восторги по поводу осуществления давней мечты большинства испанских политиков и экономистов — приема страны в «Общий рынок», наступило горькое прозрение.

«Иллюзии испанцев, — писало 3 января 1986 г. агентство ЭФЭ, — обернулись печальным сюрпризом — всеобщим ростом цен, опрокинувшим все предположения правительства. После эйфории новогоднего праздника, встреченного возгласами «Наконец-то мы стали европейцами!», 2 января, в первый рабочий день года, повышение цен приобрело гораздо более широкий размах, чем того ожидали. Введение существующего во всех странах ЕЭС налога на вновь созданную стоимость стало поводом для широкой волны вздорожаний.

Вскоре Соединенные Штаты объявили об экономических санкциях против всех стран «Общего рынка». Санкции США были прямо связаны с расширением ЕЭС. Не заставили себя ждать и другие последствия присоединения к «Общему рынку»: разорение предприятий, рост безработицы, которая, согласно опубликованным в мае официальным данным, приблизилась к 3 млн. человек, что составило 22,15 % активного населения (против 21,98 % шестью месяцами ранее)⁵.

«Поворот лицом к Западу» открыл оборотную сторону медали. И эту сторону испанцам пришлось увидеть не только из-за приема в ЕЭС, но и в связи с проблемой участия в военной системе, созданной США.

В середине 80-х годов обстановка в мире оставалась сложной и напряженной. Как отмечалось в «Стратегическом обзоре 1985—1988 гг.», который был распространен Международным институтом стратегических исследований в Лондоне в мае 1986 года, «несмотря на встречу в верхах, в 1985-м и в начале 1986 года в отношениях между США и СССР не было недостатка в конфронтации». «Вопросы, по которым возможна конфронтация между Востоком и Западом, — напоминали авторы доклада, — по-прежнему слишком многочисленны»⁶. В этих условиях Испания должна была более четко определить свое отношение к основным тенденциям мирового развития.

В соответствии с испанской конституцией парламент избирается сроком на четыре года, и поскольку последние выборы состоялись в конце 1982 года, не позднее конца 1986 года предстояла новая консультация избирателей. По мере приближения этого срока руководители ИСРП все больше задумывались над тем, как сдержать данное избирателям обещание и провести референдум по вопросу о членстве Испании в НАТО, не встревожив при этом заокеанского лидера. 13 марта 1986 г., когда референдум был уже позади, государственный секретарь Дж. Шульц, выступая в одной из комиссий сената, воздал должное Ф. Гонсалесу за то, что тот ухитрился оставить свою страну в НАТО, не нарушив при этом более раннего обещания, данного испанским избирателям:

— Фелипе Гонсалес посоветовал нам (так в тексте. — А. К.) во время нашей встречи в Нью-Йорке в сентябре 1985 года провести референдум.

«Я — политик, — цитирует председателя испанского правительства государственный секретарь США. — Я дал обещание во время предвыборной кампании и должен

сдержать его. Думаю, что испанский народ захочет меня поддержать»⁷.

Требую проведения референдума в 1981 и 1982 годах, социалисты выступили против членства в НАТО. Готовясь же к всеобщей консультации избирателей несколько лет спустя, в условиях, когда ИСРП стала правящей партией, они занимали уже прямо противоположные позиции.

После многочисленных двусмысленных заявлений, которые могли интерпретироваться по-разному, Ф. Гонсалес четко высказался за членство Испании в НАТО, правда, с одной оговоркой: без вхождения в объединенную военную организацию союза. Он сделал ее в ходе дебатов о положении нации, состоявшихся в парламенте 23-24 октября 1984 года.

Взявший слово вслед за председателем правительства А. Суарес согласился с тем, что «выйти из Атлантического союза гораздо труднее, чем принять решение о вступлении или невступлении в этот союз». В то же время он выразил обеспокоенность «зашедшей слишком далеко милитаризацией государств, непрекращающейся гонкой вооружений и возможным ограничением независимого характера испанской внешней политики вследствие принадлежности к НАТО».

За полную интеграцию в НАТО высказался лидер «Народного альянса» М. Фрага Ирибарне. Против какого бы то ни было участия в союзе выступили коммунисты.

Принятая большинством голосов резолюция одобряла политику правительства.

После открытого выступления Ф. Гонсалеса в пользу участия Испании в Североатлантическом союзе ему пришлось потратить немало усилий для привлечения на свою сторону собственной партии, в которой были еще очень сильны антинатовские настроения.

Вопрос о взаимоотношениях между Мадридом и Североатлантическим союзом неоднократно затрагивался на переговорах между руководителями испанского правительства и представителями натовских держав. Свой личный вклад в кампанию за сближение Испании с НАТО внес и президент США Р. Рейган. Он стал пятым главой американского государства, совершившим официальный визит в Мадрид (в мае 1985 г.).

Президента ждал неприятный сюрприз. Около миллиона испанцев вышли на улицы, чтобы выразить протест против политики НАТО и потребовать ликвидации баз США. Среди демонстрантов были представители 50 левых

партий и общественных организаций, включая даже членов находящегося под влиянием ИСРП профцентра Всеобщий союз трудящихся, а также Союза социалистической молодежи. «Манифестанты, — сообщало агентство Франс Пресс, — были преисполнены решимости превратить европейское турне г-на Рейгана... в настоящую Голгофу».

В канун визита в печати были опубликованы результаты опроса общественного мнения: 74 % испанцев расценивали официальную политику американского руководства как противоречащую интересам мира, а 64 % считали, что Соединенные Штаты и их президент не являются «лояльными и искренними друзьями» Испании. Опросы свидетельствовали: 38 % испанцев уверены, что у Испании 1985 года вообще нет врагов, хотя большинство полагает, что враг все же существует. «Кто же он?» — спросили у сторонников этой точки зрения. 51 % ответили: «Франция» (видимо, тут сказались разногласия, связанные с «Общим рынком», и отчасти проблема баскских террористов, нашедших убежище у северного соседа), 23 % — Марокко, 16,5 — Великобритания (проблема Гибралтара) и 12,5 % — Соединенные Штаты. Лишь 5,8 % опрошенных назвали Советский Союз.

Р. Рейган получил от Ф. Гонсалеса подтверждение готовности добиваться изменения настроений испанцев, с тем чтобы страна и впредь оставалась членом Североатлантического союза. Со своей стороны, учитывая трудности, с которыми предстояло столкнуться председателю испанского правительства, глава Белого дома дал согласие на проведение переговоров о сокращении персонала вооруженных сил США на базах в Испании.

Ровно через два месяца после визита Рейгана председатель испанского правительства произвел замену руководителя внешнеполитического ведомства. Вместо уволенного Ф. Морана министром иностранных дел был назначен Франсиско Фернандес Ордоньес.

«Фернандо Моран уходит, — писала в июле 1985 года французская «Либерасьон». — Уволен в отставку после 30 месяцев пребывания на посту министра иностранных дел Испании. На пресс-конференции он горделиво, хотя и с горечью, отказался уточнить причины своего внезапного увольнения. Но всем известно, что Моран — лишь самая заметная из жертв нескончаемой политической бури, которая бушует над Мадридом с тех пор, как на повестку дня встал вопрос о проведении в феврале или марте 1986 года референдума относительно участия Испании в НАТО.

Это — настоящая премьера для Запада, и в мадридских политических салонах, равно как и в пацифистских группировках, которые все чаще проводят массовые манифестации, не видно конца спорам о том, каким образом глава правительства социалистов Фелипе Гонсалес выберется из запутанной ситуации, в которую его ввергли собственные предвыборные обещания».

И далее:

«Моран, один из лидеров левого крыла ИСРП, несколько не скрывал своих враждебных чувств к НАТО. Согласившись незадолго до своего назначения на пост министра с присоединением Испании к Вашингтонскому договору, он собирался максимально ограничить последствия этого шага... Замена Морана Фернандесом Ордоньесом отражает стремление Гонсалеса поставить во главе министерства иностранных дел более приемлемого для американцев человека, который, возможно, успешнее вел бы с ними переговоры»⁸.

Франсиско Фернандес Ордоньес родился в 1930 году в Мадриде, изучал право в столичном университете, а также в Гарвардском университете в США. При франкистском режиме работал на различных, в том числе руководящих, постах в правительственных учреждениях. В 1974 году примкнул к оппозиции. После смерти Франко поддержал А. Суареса, был министром, вместе со своими единомышленниками — социал-демократами — входил в состав партии СДЦ. Позднее, отказавшись следовать курсу Л. Кальво Сотело, основал собственную партию, которая на выборах 1982 года выставила своих кандидатов по спискам ИСРП. С тех пор не переставал укреплять сотрудничество с Ф. Гонсалесом и до назначения руководителем дипломатического ведомства занимал пост председателя административного совета «Банко экстерьор де Эспанья».

Два раунда переговоров о судьбе американских баз в Испании состоялись в Мадриде в октябре и декабре 1985 года. Никакого результата они не дали. Газета «Пакс» резюмировала американскую позицию в нескольких словах: «США — против сокращения своего присутствия в Испании»⁹. У президента были свои планы, которые прокомментировал, в частности, политический обозреватель журнала «Камбио-16» Эдуардо Чаморро:

— Испания входит в число восьми стран, в которых в соответствии с секретным докладом Пентагона, обнародованным усилиями эксперта в области ядерных вооружений Уильяма Аркина, Соединенные Штаты Америки планируют

ют операции с ядерными противолодочными взрывными устройствами В-57. Президент США тайно разрешил Пентагону разрабатывать военные планы, предусматривающие размещение ядерных боеголовок на базе в Роте. Решение президента вызвало ряд серьезных вопросов в отношении характера консультаций, а также доверия между обеими странами. Тот факт, что на территории Испании существует ряд баз ядерного обеспечения, ставит под сомнение ее статус как неядерной страны. Она в определенной мере утратила свой суверенитет, передав часть своей территории армии США и не установив полного контроля над базами. Разрабатывая свои секретные планы размещения ядерного оружия в Испании, американское правительство показало, что его прерогативы и первоочередные военные задачи представляются ему более важными, чем сами союзники¹⁰.

В первых числах января 1986 года в Мадрид наведалься генеральный секретарь НАТО лорд Каррингтон. Его переговоры с испанскими руководителями велись за закрытыми дверями. Однако, как следует из стенографической записи беседы, которую он совместно с Ф. Гонсалесом провел с представителями средств массовой информации, одна из целей визита заключалась в том, чтобы оказать пропагандистское воздействие на испанцев в момент, когда неотвратимо приближались крайние сроки проведения обещанного правительством референдума. В ходе беседы генеральному секретарю НАТО был задан весьма наивный вопрос:

— К каким последствиям для Испании приведет ее отказ от собственной обороны в пользу коллективной безопасности союза?

Каррингтон тут же подхватил подброшенный ему мяч:

— Ни к каким, абсолютно ни к каким! Союз действует на основе единогласия. А это значит, что ни один член НАТО не говорит другому, что тот должен делать.

Игра в одни ворота продолжалась, как если бы она была отрепетирована заранее:

— Можно ли представить себе оборону Европы без Соединенных Штатов?

— Не думаю, чтобы безопасность Западной Европы была надежно гарантирована без участия американцев.

— Что означал бы для союза выход из него Испании?

— Решить вопрос, остается Испания в НАТО или нет, надлежит самим испанцам. Но наши европейские союз-

ники считают, что в случае выхода Испании союз был бы серьезно ослаблен¹¹.

Оправдывая отход ИСРП от ее предвыборных обещаний, заместитель председателя правительства А. Герра утверждал в интервью известной каталонской журналистке Маргарите Ривиере: «В области политики обстановка оказалась более сложной, чем она представлялась нам, когда мы находились в оппозиции»¹². Ф. Гонсалес, со своей стороны, заявил в начале февраля 1986 года в конгрессе депутатов:

— Нарушить нынешнее положение Испании в Североатлантическом союзе значило бы получить травму и вызвать непредсказуемые последствия.

Лидер соцпартии не стал объяснять, кто нанес бы ему травму в случае сохранения прежней позиции ИСРП по отношению к НАТО. Не стал он распространяться и о характере «непредсказуемых последствий» разрыва с Североатлантическим блоком. Об этом в Мадриде открыто не говорили. Публично обсуждались лишь «сложности» в отношениях со странами — членами Европейского экономического сообщества — «сложности», которые будто бы могли возникнуть в случае выхода Испании из военного блока (хотя никакой связи между участием в этих двух организациях, как мы уже отмечали, не существовало). Утверждалось также, что разрыв с НАТО ухудшит перспективы возвращения Испании Гибралтара (которые отнюдь не стали лучше после 1982 г., когда оба претендующих на город-базу государства оказались в одном военном альянсе).

Тем не менее ни для кого не было секретом, что государственное и военное руководство США располагает мощными рычагами для оказания давления на испанских политиков через своих «друзей» в вооруженных силах, партиях, профсоюзах, средствах массовой информации. В январе 1986 года достоянием гласности стал факт передачи американцами денежных средств одной из профсоюзных организаций Испании. А в феврале мадридский журнал «Интервью» сообщил о создании неофашистами Каталонии специального подразделения, которому было предписано участвовать в массовых мероприятиях левых и пацифистских организаций, с тем чтобы провоцировать столкновения с полицией и вызывать беспорядки. Эта деятельность, писал журнал, щедро оплачивается кругами, заинтересованными в ослаблении и разгроме прогрессивных организаций, в первую очередь тех, которые

выступают за мир, за выход страны из НАТО и за ликвидацию американских военных баз на испанской территории.

Декрет, назначавший референдум на 12 марта 1986 г., был опубликован 7 февраля. В нем говорилось:

«Правительство считает целесообразным дальнейшее пребывание Испании в Организации Североатлантического договора с точки зрения национальных интересов и полагает, что пребывание должно соответствовать следующим условиям:

1. Участие Испании в Организации Североатлантического договора не предусматривает ее присоединения к объединенной военной структуре НАТО.

2. Будет сохранен в силе запрет на размещение и хранение ядерного оружия или его доставку на испанскую территорию.

3. Будет начато постепенное сокращение военного присутствия Соединенных Штатов в Испании.

Вопрос: Согласны ли вы с тем, чтобы Испания и впредь участвовала в Организации Североатлантического договора на условиях, предложенных правительством нации?»¹³.

Официальная политическая кампания, в ходе которой все основные партии выразили свое отношение к заданному избирателям вопросу, началась за две недели до референдума. Наметились три линии. Правые партии, требовавшие «полного» участия в НАТО и недовольные уступкой, которую Ф. Гонсалес сделал испанцам, лишь бы не порывать с Североатлантическим союзом, призвали бойкотировать референдум. Руководство ИСРП высказалось за членство при трех приведенных выше оговорках. Все остальные левые силы, в том числе Коммунистическая партия Испании, Коммунистическая партия народов Испании, профсоюзы и различные антивоенные организации, призвали избирателей проголосовать против предложения Гонсалеса.

— Совершенно очевидно, что среди народных масс крепнут антинаатовские настроения, — признавал представитель министерства иностранных дел Фернандо Шварц, — и на референдуме будет очень трудно победить, если правительство очень быстро на начнет активную кампанию по разъяснению своей позиции.

Как писала парижская «Монд», «незадолго до референдума отмечался большой процент колеблющихся. Чтобы склонить их на свою сторону, Гонсалес применил все средства... Зная, что испанцы отрицательно относятся

к НАТО, правительство избегало даже упоминать слова «НАТО» и «Атлантический союз». В то же время социалисты постарались придать дебатам «трагическую» окраску. Деятели, руководящие экономикой страны, давали понять, что голосование «против» нанесет удар по национальному экспорту, лишит Испанию доступа к современной технологии»¹⁴.

Ровно за неделю до голосования председатели административных советов восьми крупнейших банков Испании публично выступили в поддержку позиции правительства, заявив, что победа противников НАТО привела бы к «непредсказуемым для страны экономическим последствиям». «Катастрофичность, — указывало по этому поводу агентство Франс Пресс, — стала одной из ведущих тем этой кампании».

Неуверенность в исходе голосования была настолько велика, что еженедельник «Камбио-16» вышел в день референдума двумя выпусками. Обложка первого констатировала «отрицательный ответ Испании», а автор передовой статьи умолял: «Пожалуйста (и это слово было написано по-английски. — А. К.), проголосуйте „за“». На обложке второго был изображен председатель правительства, обращающийся к нации с телеэкрана, и стояла подпись: «Фелипе! Телевидение и страх изменили настроения голосующих испанцев». Все тот же автор передовой статьи выражал свои чувства уже в иных выражениях, и сама статья была озаглавлена «Победа и поддержка».

Референдум принес победу правительству. 26 марта центральная избирательная комиссия объявила его окончательные результаты: из 29 млн. лиц, имеющих право голоса, к урнам пришли 17,2 млн. человек (59,41 %). Не участвовали в голосовании 11,8 млн. избирателей. За дальнейшее участие в блоке высказались 9 млн. человек (52,49 %), против — 6,9 млн. человек (39,84 %). Остальные избиратели подали незаполненные или признанные недействительными бюллетени¹⁵.

В комментариях печати подчеркивалось, что руководству ИСРП удалось подменить в сознании большинства испанцев вопрос: «за» или «против» НАТО — другим, более близким и понятным каждому из них: «за социалистов» или «за правых». В этом деле Ф. Гонсалесу вольно или невольно помог его политический соперник М. Фрага Ирибарне. Призвав сторонников «Народного альянса» не участвовать в голосовании в надежде, что эта тактика приведет к поражению правительства, он побудил проголосо-

вать за новую официальную линию ИСРП тех, кто раньше заявлял: «Гонсалес — да, НАТО — нет!» Судя по всему, многие из тех, кто проголосовал «за», предпочли бы отвергнуть участие в НАТО. Однако для них этот шаг был равносильным отказу поддержать правительство социалистов.

Испания последовала примеру, который был подан 20 годами раньше генералом де Голлем. Она решила сохранить членство в Североатлантическом союзе, но не подчинять своих вооруженных сил объединенному военному командованию НАТО. Обращает на себя внимание, однако, любопытная деталь: если выход Франции из объединенной военной организации НАТО в 1966 году был встречен официальным Вашингтоном с нескрываемым раздражением, больше того — с враждебностью, то результаты референдума в Испании вызвали за океаном вздох облегчения.

В личном послании председателю испанского правительства Рейган воздал должное «лидерству и усилиям» Гонсалеса. Присоединяясь к восторгам своего руководства, официальный представитель Пентагона Боб Симс сказал:

— Кое-кто в Белом доме произнес слово «фантастика», и мы не могли спорить с ним. Факт заключается в том, что результат, с нашей точки зрения, выгоден Североатлантическому союзу.

Действительно, на этот раз для «атлантистов» на карту было поставлено нечто большее, нежели участие или неучастие одной из западноевропейских стран в объединенных вооруженных силах НАТО, которыми командует американский генерал. Вопрос стоял иначе: либо Испания остается вне объединенной военной организации, либо она порывает с Североатлантическим блоком вообще.

— Соединенные Штаты, отбросив всякую осторожность, открыто выразили огромное удовлетворение тем, что Испания и впредь будет участницей Североатлантического союза, — констатировал в сообщении из Вашингтона корреспондент ЭФЭ А. Гарсиа Маррдер. — Администрация Рейгана опасалась, что отрицательный исход продемонстрирует отсутствие единства в лагере стран — членов НАТО... Исход референдума в Испании остановил агонию, которая началась из-за боязни поражения правительства на референдуме.

В том же духе высказались авторы доклада Международного института стратегических исследований, по словам которых «многие на Западе опасались, как бы отрицательный исход голосования не вызвал у других стран Европы желание поступить таким же образом, что поста-

вило бы под вопрос продолжение их членства в НАТО и подорвало бы доверие к альянсу»¹⁶.

Член палаты представителей конгресса США С. Ортис признался корреспонденту ЭФЭ:

— Мы довольны. Фелипе Гонсалес проявил себя настоящим лидером и сдержал данное им слово.

А по мнению Х. де Сантиса, специалиста по европейским делам из правой организации «Карнеги», Испания в дальнейшем внесет «кое-какие исправления» в свою позицию по вопросу об интеграции в военную структуру НАТО.

Тем временем «кое-какие исправления» сразу же начали вноситься в экономическую политику ИСРП. Ровно два дня спустя после голосования, 14 марта, испанское правительство одобрило целую серию мер, призванных, по его утверждению, активизировать экономическую жизнь страны. Они включали дальнейшую либерализацию иностранных капиталовложений, стимулирование инвестиций с помощью изменения налоговой системы и устранение препятствий, осложнявших создание частных предприятий.

В тот же день Мадрид официально информировал всех членов Североатлантического союза о результатах референдума. Постоянный представитель Испании в НАТО Х. де Охеда передал генеральному секретарю НАТО лорду Каррингтону текст письма министрам иностранных дел и обороны натовских держав. Воспользовавшись случаем, испанское правительство вновь зафиксировало свою позицию по Гибралтару, подчеркнув, что решение сохранить членство в НАТО не снимает требования ликвидировать «последнюю колонию в Европе».

Одновременно было сообщено, что вопрос о сокращении американского военного персонала в Испании будет поднят на заседаниях испано-американского совета с участием министра иностранных дел Ф. Фернандеса Ордоньеса и государственного секретаря США Дж. Шульца. В связи с предстоящими переговорами испанская печать вновь напомнила, что к началу 1986 года Соединенные Штаты содержали на базах в Испании 12 545 военнослужащих и 1669 вольнонаемных гражданских лиц.

Представитель Белого дома Э. Джереджан в ответ на заданный ему журналистами вопрос, установил ли Вашингтон «предел» уровню сокращения своих войск или числу баз на испанской территории, дал понять, что Соединенные Штаты не намерены спешить с решением этих вопро-

сов. По словам представителя Белого дома, изменение уровня военного присутствия США в Испании должно подвергнуться обсуждению в рамках подготовки нового испано-американского соглашения. Оно заменит ныне действующее, которое вступило в силу в 1983 году и представляло собой, как выразился Джереджан, «краеугольный камень двусторонних отношений». И чтобы на сей счет не оставалось никаких сомнений, представитель Белого дома еще раз подчеркнул: любые перемены должны быть поставлены в зависимость от двустороннего соглашения, которое заменит нынешнее, истекающее в 1988 году.

Больше того, правительство США объявило о том, что оно планирует израсходовать в 1987 году 6,5 млн. долл. на модернизацию своих военных баз в Испании. Львиная доля этой суммы — 4,6 млн. долл. — должна быть истрачена на реконструкцию нефтепровода, ведущего к военноморской базе в Роте. Остальная часть — 1,9 млн. долл. — пойдет на оплату работ, которые военное командование США намеревается провести на военно-воздушных базах в Торрехоне и в районе Сарагосы, где дислоцированы американские истребители-бомбардировщики.

В 1985 году конгресс США ассигновал на модернизацию американских военных вооружений в Испании 9,6 млн. долл. Еще более значительная сумма — 22 млн. долл. — была израсходована Соединенными Штатами в 1984 году. В этих условиях вывод военного персонала США с испанской территории возможен лишь как результат острой дипломатической и политической борьбы.

Эйфория, охватившая «атлантистов» в Испании сразу же после объявления итогов референдума, начала быстро сменяться более трезвым анализом того, что произошло. Газета «А-Бэ-Сэ» назвала эти итоги «пирровой победой Фелипе Гонсалеса». Газета напомнила, что правительственная партия потеряла более миллиона голосов, если сравнить достигнутый 12 марта результат с 10 млн. бюллетеней, которые были поданы за кандидатов ИСРП на всеобщих парламентских выборах в октябре 1982 года¹⁷.

Ф. Гонсалес, обращаясь к испанцам по телевидению, высказался в пользу «достижения консенсуса в отношении политики мира и безопасности при участии всех сил, представленных в парламенте».

— Отныне Испания будет активно стремиться внести вклад в дело мира и разрядки, — обещал Ф. Гонсалес. — В этом суть ее политики.

Призыв председателя правительства к консенсусу был

сразу же отвергнут правой оппозицией, которая не оставляет надежд втянуть Испанию в военную организацию блока. Скептически отнеслись к нему и в левом лагере (вне ИСРП).

Закрепление связей с НАТО в той или иной степени отразилось и на других аспектах внешней политики Мадрида. 17 января 1986 г. Испания решила установить в полном объеме дипломатические отношения с Израилем. По словам Ф. Фернандеса Ордоньеса, эта акция «была запланирована некоторое время назад». При принятии своего решения, добавил он, «правительство взвесило все».

За несколько дней до публикации официального сообщения Ф. Гонсалес направил руководителям арабских стран, председателю Исполкома Организации освобождения Палестины Ясиру Арафату и генеральному секретарю Лиги арабских государств Шедли Клиби письма, в которых известил о предстоящем решении. При этом он заверил их, что Испания будет и впредь поддерживать «справедливое дело арабов на международных форумах».

В специальном документе, обнародованном в день объявления об установлении дипломатических отношений с Израилем, испанское правительство публично обещало, что сохранит верность «традиционной политике дружбы и солидарности с арабским миром». Оно подчеркнуло, что не признает оккупацию арабских территорий или какого-либо одностороннего нарушения статуса города Иерусалима; осудило политику создания израильских поселений на оккупированных арабских землях, потребовав их ликвидации; подтвердило свою позицию в пользу признания законных прав палестинского народа, в том числе права на самоопределение. Испания высказалась также за мирное сосуществование всех государств Ближнего Востока в условиях безопасных и международно признанных границ при уважении соответствующих резолюций ООН.

Данные правительством разъяснения должны были — по крайней мере так считало министерство иностранных дел — защитить его от обвинений в проведении проамериканской и произраильской политики. По той же причине, прибыв с официальным визитом в Израиль, глава испанской дипломатической службы вновь выступил с заявлением в поддержку права палестинцев на самоопределение. Примерно в это же время, в августе 1986 года, правительство Испании приняло решение предоставить членам представительства Организации освобождения Палестины в Мадриде те же права и привилегии, которыми пользуют-

ся сотрудники посольств и миссий иностранных государств (за исключением дипломатического иммунитета)¹⁸.

Одержав сразу несколько побед, Ф. Гонсалес и его единомышленники пришли к выводу, что на этой волне им следует попытаться с помощью роспуска кортесов и проведения досрочных парламентских выборов обеспечить себе дальнейшее пребывание у власти на очередной четырехлетний период. Соответствующий декрет был принят в конце апреля 1986 года. Информационное агентство ЭФЭ писало по этому поводу: «Оппозиционные партии единодушно указали на то, что правительство стремится досрочно провести выборы, руководствуясь узкопартийными интересами социалистов, а представитель правительства Хавьер Солана утверждал, что решение об этом было принято, «учитывая национальные интересы». Генеральный секретарь КПИ Х. Иглесиас заявил, что правительство „задалось целью лишить левые партии (кроме ИСРП) времени, необходимого для создания широкой коалиции”».

За месяц до голосования (намеченного на 22 июня) очередное ежегодное заседание трехсторонней комиссии было впервые проведено в Мадриде. Здесь собралось около 200 руководителей транснациональных корпораций, банков, в том числе политические деятели и представители средств массовой информации 14 крупнейших капиталистических стран. С докладом о политическом положении в Испании выступил бывший министр иностранных дел Х. М. де Арейльса. Он высказал мнение, что итоги референдума по вопросу о членстве в НАТО укрепили положение Испании в Европе и отныне будущее страны прочно связано с западным союзом и с «Общим рынком». Судя по всему, с этим мнением согласились и другие участники заседания. Во всяком случае, судя по сообщениям мадридской газеты «Диарио-16», они пришли к заключению, что «желательно» продлить пребывание ИСРП у власти на предстоящие годы, с тем чтобы другие, более правые силы могли принять эстафету от ИСРП позднее, в следующем десятилетии¹⁹.

Как и следовало ожидать, выборы, состоявшиеся 22 июня, подтвердили превосходство социалистов перед другими партиями. Правда, число голосов, поданных за кандидатов ИСРП, сократилось примерно на миллион по сравнению с выборами 1982 года, но в целом партия сумела сохранить за собой большинство депутатских мандатов.

«Народная коалиция», образованная рядом буржуаз-

ных и правобуржуазных политических организаций, примкнувших к «Народному альянсу», не добились желаемого успеха. Однако она сумела все же сохранить второе место (что не помешало лидерам вошедших в нее группировок обвинить своего общего вождя М. Фрагу Ирибарне в «заскорузлости мышления», ставшей якобы причиной их относительной неудачи).

Сюрпризом для многих явился успех партии А. Суареса Демократический и социальный центр, получившей более 1,8 млн. голосов и занявшей третье место среди основных политических сил страны. На четвертое вышли буржуазные националисты Каталонии, за ними следовали «объединенные левые» (в основном представители нескольких коммунистических партий и движений) и баскские националисты.

«Нью-Йорк таймс» откликнулась на итоги выборов статьей, в которой, в частности, писала: «Американцы должны быть довольны переизбранием Фелипе Гонсалеса. Этот обаятельный 44-летний человек, занимающий в настоящее время пост председателя правительства, известен своей готовностью идти на риск. Это — социалист, полный решимости продолжать следовать левоцентристским курсом, который он проводил на протяжении последних четырех лет. Но Гонсалес показал также себя верным другом Соединенных Штатов»²⁰.

Впрочем, в Вашингтоне знали, что Испания социалистов не будет безоговорочно следовать политике, разрабатываемой за океаном. Гонсалес не раз выражал приверженность идее всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем и подчеркивал готовность способствовать успеху переговоров, направленных на обуздание гонки вооружений. Испанские представители на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН неоднократно заявляли, что их страна убеждена в возможности достичь более низкого уровня вооружений, не ставя под угрозу интересы безопасности кого бы то ни было.

В Мадриде с большим интересом встретили итоги апрельского (1985 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС, который вновь проанализировал характер и масштабы ядерной угрозы и определил практические шаги, способные привести к оздоровлению ситуации. Видные государственные и общественные деятели, печать, радио и телевидение за Пиренеями положительно откликнулись на призыв Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбаче-

ва сделать «все, чтобы силы милитаризма и агрессии не возобладали в международных отношениях».

Широкий резонанс вызвали в Испании и сформулированные в Заявлении М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. предложения осуществить и завершить в течение ближайших 15 лет, до конца нынешнего столетия, процесс освобождения Земли от ядерного оружия, полностью ликвидировать химическое оружие, незамедлительно прекратить ядерные взрывы, осуществить согласованные сокращения обычных вооружений и вооруженных сил и др. В послании М. С. Горбачеву, переданном 7 марта 1986 г. послом Испании в СССР Х. Л. Ксифра де Осерином министру иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, отмечалось, что советские предложения рассматриваются в Испании как «смелые и разумные». «Испания приветствует полную ликвидацию ядерного оружия в качестве конечной цели. Действуя в духе реализма, она готова максимально содействовать усилиям по возвращению к политике разрядки»²¹.

С пристальным вниманием следили в Испании за работой XXVII съезда КПСС. Представители различных политических кругов одобрили сформулированную на съезде идею создания всеобъемлющей системы международной безопасности. Они отметили, что отныне КПСС рассматривает противоборство двух мировых систем — социалистической и капиталистической — в диалектической связи с нарастающей тенденцией к взаимозависимости государств мирового сообщества.

Идеи съезда оказали существенное влияние на развитие нового мышления в международных отношениях и дальнейшую эволюцию внешнеполитического курса Мадрида. Выступая с программной речью в кортесах в июле 1986 года, Ф. Гонсалес подчеркнул, что его правительство не допустит размещения на испанской территории ядерного, химического и иных видов оружия массового уничтожения. 7 августа 1986 г. МИД Испании опубликовал заявление, в котором указывалось, что испанское правительство «уделяет в своей политике безопасности приоритетное внимание разоружению и активно действует в пользу сокращения ядерных арсеналов в координации с другими членами Атлантического союза».

Испанское руководство критиковало правительство США в связи с его отказом от соблюдения ограничений, предусмотренных Договором ОСВ-2. В декабре 1986 года Фернандес Ордоньес призвал США и СССР вернуться к выполнению этого договора.

Гонсалес и Фернандес Ордоньес неоднократно публично высказывали негативное отношение к американским планам «звездных войн».

— Испания не заключит правительственного соглашения с США относительно СОИ. Она против создания систем противоспутникового оружия и выражает беспокойство в связи с его возможными последствиями. Мы с тревогой рассматриваем возможность распространения гонки вооружений на космическое пространство, — заявил Ф. Фернандес Ордоньес, выступая 14 октября 1986 г. в комиссии конгресса депутатов по иностранным делам.

Вместе с тем министр иностранных дел подчеркнул, что испанские фирмы обладают полной свободой и могут заключать соглашения с американскими компаниями об участии в проектах, разрабатываемых в рамках СОИ.

Испания заняла позицию в пользу полного прекращения ядерных испытаний и заключения соответствующего договора. Испанские официальные лица высоко оценили решения СССР о введении одностороннего моратория на ядерные испытания и о его многократном продлении, считая, что эти шаги содействуют созданию климата доверия.

Через несколько недель после парламентских выборов в Испанию прибыл посол США Реджинальд Бартоломью. Он считался экспертом по ведению переговоров об американском военном присутствии в Европе и, по словам газеты «Паис», в свое время успешно провел такие переговоры в Греции.

С испанской стороны основная тяжесть подготовки и проведения переговоров с американцами легла на Фернандеса Ордоньеса. Своими мыслями по этому поводу он поделился с корреспондентом журнала «Тьемпо»:

— Вы слывете упорным министром, способным убеждать. Добьетесь ли вы когда-нибудь ухода американцев?

— Я думаю, что нам удастся договориться. Во-первых, потому, что мы правы, и, во-вторых, не только потому, что мы способны убеждать, но и потому, что, как я предполагаю, они разумные люди.

— Сокращение численности американских войск в Испании обойдется ей в 10 млрд. песет в год. Так ли это?

— Возможно, но мое министерство не делало экономических расчетов. Это — дело другого ведомства. Наша задача изменить то, что, мы считаем, должно быть изменено... Присутствие иностранных войск в Испании нежелательно, поэтому мы должны сократить его, поскольку

считаем это абсолютно необходимым для нас и для безопасности наших союзников.

— Не кажутся ли вам вмешательством во внутренние дела заявления Каспара Уайнбергера, что сокращение войск нанесет ущерб Испании?

— Нет, не кажутся, потому что мы ведем переговоры, на которых допустимы необычные правила поведения. Но, как бы там ни было, только мы, испанцы, можем судить, что хорошо для Испании. Мы прекрасно понимаем, что присутствие Испании в НАТО, модернизация испанских вооруженных сил и сам ход времени являются тремя основными элементами, которые вызывают необходимость пересмотра вопроса о базах... Только правые круги выступают против сокращения присутствия американских войск, остальное же население Испании желает этого.

Переговоры о судьбе американских баз в Испании возобновились в июле 1986 года. Во время одного из первых раундов испанское правительство предложило американцам полностью освободить военно-воздушную базу в Торрехоне, перевести свои самолеты оттуда в другие страны. Правительство США делегировало в Южную Европу (а заодно — на всякий случай — и в Северную Африку) своего представителя при ООН Вернона Уолтерса. Выбор человека, которому была поручена деликатная миссия «торговца базами», не удивил тех, кто знал его биографию. До назначения в ООН он, как писал итальянский журнал «Джорни — Вие нуове», был известен как «специалист по подрывной деятельности». 31 год Уолтерс прослужил в военной разведке (из них 24 года за рубежом). В начале 50-х годов был помощником военного атташе США в Иране и, по словам газет, приложил руку к подготовке заговора, в результате которого в 1953 году было свергнуто антиимпериалистическое правительство Мосаддыка. К тому моменту он проходил службу уже в Аргентине, и два года спустя в этой стране проамерикански настроенные генералы свергли президента Х. Перона, готовившегося (как и Мосаддык в Иране) поставить нефтяные ресурсы страны под контроль государства.

В качестве заместителя директора ЦРУ Уолтерс разработал методику совершения государственных переворотов в иностранных государствах. Он принимал личное участие в разработке плана «Кентавр», осуществленного в Чили Пиночетом, а также в подготовке различных вариантов покушения на Фиделя Кастро.

Но на сей раз Уолтерсу пришлось туго. Никто не

выражал восторгов по поводу возможного прибытия новых «гостей» в американской военной форме. Отвечая на пресс-конференции в Тунисе 27 февраля 1987 г. на вопрос, не будут ли переведены военные базы США из Испании на южный берег Средиземного моря, эмиссар Вашингтона был вынужден сказать «нет».

В тот же день, выступая в Мадриде, Фернандес Ордоньес заявил:

— Мы готовы подписать новое соглашение о сотрудничестве с Соединенными Штатами. Однако мы считаем приоритетным вопросом сокращение военного присутствия США на базах, используемых «совместно» двумя странами.

Весь комплекс вопросов внешней политики Испании был вновь затронут в ходе традиционных дебатов о положении в стране, которые состоялись в конгрессе депутатов (нижней палате кортесов) 24—25 февраля 1987 г. Выступая с правительственным заявлением, Гонсалес подчеркнул, что Испания будет и впредь добиваться заключения соглашения, способного сократить ядерные вооружения, запретить химическое и бактериологическое оружие. Он подтвердил готовность содействовать укреплению климата доверия в отношениях с европейскими социалистическими странами, в особенности с Советским Союзом.

«Чрезвычайно сложным» назвал Гонсалес вопрос о формах участия Испании в НАТО. «Как член Североатлантического союза Испания будет участвовать во всех органах и комитетах, где обсуждаются и принимаются решения, но не пойдет на интеграцию в его военную структуру», — сказал председатель правительства.

Переговоры Испании с США о сокращении американского военного присутствия в стране являются результатом суверенного решения испанского народа, отметил он далее.

— Мы, — заявил Гонсалес, — продолжим эти переговоры до достижения целей, удовлетворительных для нас, учитывая наши потребности: наши возможности обороны, а также наши позиции в отношении западного мира.

Обещав, что территория Испании и впредь останется свободной от ядерного оружия, Гонсалес сообщил, что его правительство намерено присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия.

Позднее, на пресс-конференции по случаю завершения визита в Испанию председателя Социалистического интернационала Вилли Брандта, он добавил:

— Решение подписать Договор о нераспространении ядерного оружия отвечает политической воле испанского правительства, которое хочет сохранить безъядерный статус страны. Тем самым оно выполняет наказ избирателей, данный в ходе референдума по вопросу об участии страны в НАТО. Это решение послужит фактором, который будет содействовать уважению договора всеми, кто его подписал, а также расширению числа участников договора.

От имени правой оппозиции в конгрессе депутатов с критикой политики правительства выступил один из руководителей «Народного альянса» Гарсиа-Тисон. Его речь не была лишена иронии:

— В настоящее время мы никак не можем понять, каков же подлинный статус Испании в НАТО.

Генеральный секретарь КПИ Х. Иглесиас назвал огромной ошибкой «вовлечение Испании в натовские авантюры» в момент, когда «выдвигаются с невиданной до сих пор силой предложения по разоружению, ликвидации ядерного оружия, преодолению стратегии устрашения». Оратор приветствовал решение правительства присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия, но в то же время подчеркнул, что не приняты меры для того, чтобы не допустить ввоза ядерного оружия в порты страны. «Военно-морская база США в Роте служит политике канонеров Рейгана», — добавил он.

Генеральный секретарь КПИ призвал денонсировать соглашение о базах с США, вывести Испанию из тех органов военной структуры НАТО, где она была представлена, разработать и принять закон о безъядерном статусе страны.

Верным себе остался Адольфо Суарес. Обращаясь к председателю правительства, он сказал:

— Я хорошо помню, сеньор Гонсалес, как однажды с этой самой трибуны — и не без оснований — вы дали мне совет: «Спуститесь из своего кабинета, выйдите на улицу и прислушайтесь к тому, чем озабочены люди». Позвольте же мне сегодня возратить этот совет вам.

Немного помолчав, Суарес продолжал:

— Я, конечно, рад известию, что мы присоединяемся к Договору о нераспространении ядерного оружия. Но, на мой взгляд, нам надо еще определить свою позицию по отношению к международной напряженности, понять, откуда именно исходит угроза миру, Средиземноморью, Испании, обсудить вопрос о той цене, которую мы платим за безопасность, проанализировать соглашения, за-

ключаемые с членами союза, куда вошла наша страна. И эта свободная дискуссия не должна подменяться пропагандистскими кампаниями и ссылками на государственные интересы, не получившими к тому же никакого объяснения.

Бывший премьер-министр говорил горячо и эмоционально и вышел за те несколько минут, которые были предоставлены ему регламентом. Поэтому председательствующий напомнил ему, что время его истекло. Суарес подчинился. Но, прежде чем сойти с трибуны, сказал депутатам еще несколько слов:

— На недавнем референдуме было решено сохранить наше членство в Североатлантическом союзе, и, каково бы ни было личное отношение каждого из нас к этому решению, мы принимаем его к сведению. Но сейчас, когда все это уже позади и мой собственный выбор не может оказать влияния ни на кого, признаюсь: я голосовал против НАТО, я был среди тех, кто в тот момент потерпел поражение... А теперь в связи с дискуссией по поводу двустороннего соглашения с Соединенными Штатами должен, заканчивая свою речь, напомнить: политика, которую США проводят в нашем средиземноморском регионе, не совпадает с политическими интересами Испании, равно как не совпадает она и с интересами других членов союза... Я убежден, что не существует ни исторических, ни экономических причин, чтобы терпеть дальнейшее пребывание на нашей территории американских войск, которые защищают исключительно стратегические интересы самих США.

В конце 1987 года состоялся седьмой раунд переговоров о судьбе американских военных баз на испанской земле. После того как шесть предыдущих раундов оказались безрезультатными, оттягивать далее решение этого вопроса было невозможно: срок действия соглашения, подписанного еще при Л. Кальво Сотело, истекал 14 мая 1988 г., и если бы за полгода до этой даты оно не было денонсировано, текст его сохранил бы свою силу как минимум еще на год. Между тем не за горами очередные парламентские выборы, и социалистам неизбежно придется отчитываться перед избирателями о выполнении данных испанскому народу публично обещаний.

— Как поведет себя в этих условиях испанское правительство? — С таким вопросом я обратился к начальнику управления печати министерства обороны Испании Лауреано Гарсиа Эрнандесу.

Ответ был категоричен:

— Мы поступим так, как того требуют от нас результаты последнего референдума.

Седьмой раунд испано-американских переговоров продлился недолго. 5 ноября заседание продолжалось два с половиной часа, 6-го — и того меньше. Испанцы требовали полного ухода американцев из Торрехона, те соглашались лишь сократить свое присутствие на этой базе. В конце концов обе делегации сообщили, что каждая из сторон так и осталась при своем мнении, после чего испанское правительство официально заявило, что отказывается продлить действие соглашения и после 14 мая 1988 г. будет считать его утратившим силу.

Оказавшись перед угрозой потерять уже не одну, а все свои базы в Испании, американские руководители пошли на уступки. 15 января 1988 г. в Вашингтоне и Мадриде было одновременно объявлено, что США «принимают условия сокращения своего военного присутствия в той форме, в которой это было предложено испанской стороной».

В феврале 1988 года переговоры вступили в новую фазу: вместо изменения прежнего предстояло разработать совершенно другой текст. До 14 мая переговоры не были завершены, и на какое-то время США и Испания остались без документа, регулирующего их взаимоотношения в военной области.

Соглашение (сроком на восемь лет) было подписано лишь 1 декабря 1988 г. С американской стороны свою подпись под ним поставил посол Р. Бартоломью, с испанской — представитель министерства иностранных дел Максимо Кахаль. Испанцам удалось добиться удовлетворения их основного требования: США обязались в трехлетний срок покинуть базу в Торрехоне, выведя оттуда все истребители-бомбардировщики своих ВВС. Общая численность американского военного персонала в Испании сокращается на 35 процентов и составит 9108 человек. Подтверждается запрет на ввоз, размещение и хранение в Испании американского ядерного оружия.

Вместе с тем Вашингтону удалось добиться от испанской стороны согласия «не интересоваться», имеется ли ядерное оружие на борту военных кораблей США, заходящих в порты Испании. Эта договоренность, зафиксированная в специальном дополнении к соглашению, вызвала резкие протесты участников антивоенного движения, которые увидели в ней посягательство на безъядерный статус Испании.

XVII

ОТНОШЕНИЯ С СССР — ФАКТОР МИРА

Испано-советские отношения в период пребывания у власти в Испании правительства социалистов развивались в целом ровно. Разумеется, Советскому Союзу приходилось учитывать факт сохранения связей Испании с Североатлантическим союзом. В то же время в СССР не драматизировали это обстоятельство, стремясь в максимально возможной степени подключить испанские власти к усилиям, направленным на снижение уровня политической конфронтации и военного противостояния между двумя группировками держав. Встречаясь с испанскими деятелями, советские представители разъясняли нашу позицию, согласно которой «безопасность каждого государства находится в прямой зависимости от безопасности всех», ибо «национальная безопасность — фикция, если она не вписывается во всеобщую безопасность».¹

Большое значение для развития испано-советских отношений имел официальный визит, с которым в Москве побывал в конце мая — начале июня 1983 года тогдашний министр иностранных дел Испании Ф. Моран. Учитывая продолжавшееся обострение международной напряженности, особую актуальность приобрело совпадение взглядов сторон относительно того, что первоочередной задачей всех государств являются устранение угрозы войны и предотвращение нового цикла гонки ядерных вооружений. Принимая Морана, министр иностранных дел СССР назвал отношения между двумя странами «в целом хорошими», подчеркнув, что Советский Союз выступает за то, чтобы их поддерживать и расширять как в области экономики, науки и техники, так и в политической области. Во время визита были подписаны Программа культурного и научного сотрудничества между двумя странами на

1984—1985 годы и Соглашение о морском судоходстве².

Развивалось сотрудничество и в других областях. В июне была достигнута договоренность об обмене преподавателями между Мадридским и Московским университетами. Был подписан также документ, предусматривавший расширение сотрудничества в области медицины и здравоохранения, согласованы меры по активизации торговли между двумя странами.

Небольшая тень набежала на испано-советские отношения после инцидента с южнокорейским самолетом. США требовали от своих союзников принятия серьезных «санкций» против СССР. В Испании против таких «санкций» решительно выступил Ф. Моран. В итоге испанское правительство ограничилось тем, что в середине сентября приостановило на 15 дней полеты в СССР самолетов авиакомпании «Иберия». Однако буквально на следующий же день после принятия этого решения в Мадриде открылась Неделя Москвы, а еще два дня спустя в столице Испании успешно завершилась очередная серия торговых переговоров между двумя странами.

В том же месяце в связи с завершением мадридской встречи в Испании побывал министр иностранных дел СССР. Высказавшись за продолжение и развитие процесса, начатого в Хельсинки, в строгом соответствии с принципами и положениями Заключительного акта общеевропейского совещания, участники переговоров заявили, что этой цели призвано служить претворение в жизнь достигнутых в Мадриде договоренностей и особенно проведение в деловом, конструктивном духе Конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе.

Оба министра вновь встретились в январе 1984 года в шведской столице, где началась эта конференция. Цель ее заключалась в поэтапном осуществлении новых эффективных и конкретных мер, направленных на развитие прогресса в укреплении доверия и безопасности и в достижении разоружения. А. А. Громыко и Ф. Моран высказались за достижение договоренностей, которые реально способствовали бы восстановлению доверия между государствами, укреплению основ европейской безопасности³.

Тогда же в Москве побывала делегация Комиссии по иностранным делам конгресса депутатов Генеральных кортесов Испании. Обращаясь к советским парламентариям, глава делегации М. А. Мартинес подчеркнул, что, хотя Испания считает себя страной, принадлежащей к Западу,

она не видит военной или какой-либо другой угрозы со стороны Советского Союза и сама не является противником СССР⁴.

По возвращении на родину члены делегации представили отчет о своей поездке кортесам. Они положительно оценили итоги визита, подчеркнув, что его самой важной частью была встреча с депутатами Верховного Совета СССР. Выразив удовлетворение состоянием испано-советских отношений, члены делегации в то же время обратили внимание на несбалансированность торговли между двумя странами.

В феврале 1984 года в Мадриде было заключено советско-испанское соглашение о развитии экономического и промышленного сотрудничества на десятилетний период. Его подписали министр иностранных дел Испании Ф. Моран и посол СССР Ю. В. Дубинин. Соглашение стимулировало современные формы сотрудничества: проектирование и строительство новых промышленных предприятий, совместное производство отдельных видов машин и оборудования, строительных материалов, покупку и продажу лицензий, патентов и проектов, сотрудничество в осуществлении промышленных проектов в третьих странах⁵.

Важнейшим событием в испано-советских отношениях в 1984 году стал официальный визит, с которым в СССР побывал с 10 по 16 мая король Хуан Карлос. Глава испанского государства высказался за удвоение усилий обеих сторон, с тем «чтобы стали более интенсивным ритм и более многогранным содержание отношений» между Испанией и Советским Союзом. По словам короля, напряженное положение в мире, особенно на Европейском континенте, побудило его с еще большей заинтересованностью принять предложение посетить СССР, ибо в настоящее время не следует жалеть усилий, направленных на улучшение международной обстановки⁶.

В опубликованном после встречи Хуана Карлоса с советским руководством 10 мая официальном сообщении говорилось, что «в ходе беседы была выражена обоюдная заинтересованность Советского Союза и Испании в разрядке международной напряженности, обеспечении мирных внешних условий для жизни и труда советского и испанского народов». Было подтверждено также, что имеются возможности для углубления взаимовыгодного сотрудничества между Советским Союзом и Испанией.

11 мая король Хуан Карлос и королева София посетили Троице-Сергиеву лавру — духовный центр русской

православной церкви в Загорске, под Москвой. Обращаясь к ним, патриарх Московский и всея Руси Пимен, отметив все возрастающие связи русской церкви с христианами Испании и напомнив, в частности, о неоднократных визитах в СССР духовника короля Бартоломе Висенса Фиолы, выразил надежду, что отношения между двумя церквями «будут и далее развиваться и содействовать не только сближению христиан наших стран, но и развитию дружественных отношений между Испанией и Советским Союзом»⁷.

В тот же день сопровождавший короля министр иностранных дел Испании Ф. Моран встретился с А. А. Громыко. Оба они выразили стремление к развитию практики политических консультаций и контактов.

По приглашению Верховного Совета СССР 28 мая — 3 июня 1984 г. в Советском Союзе побывала делегация сената Генеральных кортесов Испании во главе с председателем сената Х. Ф. де Карвахалем. Парламентарии двух стран выразили удовлетворение развитием советско-испанских отношений, получивших новый импульс в ходе визита в Советский Союз короля Испании Хуана Карлоса, и высказались за дальнейшее развитие межпарламентских связей.

Но противники испано-советского сотрудничества не исчезли. Осенью 1984 года в испанской печати появилось сообщение, будто советские подводные лодки заходят в территориальные воды Испании, чтобы выведать военные секреты НАТО. Это сообщение было использовано для представления парламентского запроса одним из правых депутатов. Правительство ответило, что информацией, подтверждающей такие утверждения, не располагает⁸.

Тогда была предпринята еще одна идеологическая диверсия. Один из мадридских журналов приписал советскому генералу В. П. Стародубову заявление, согласно которому СССР будто бы нацелил свои ракеты на Испанию, исходя из того, что на американских базах в этой стране размещены ядерные ракеты, нацеленные на Советский Союз. Очередная фальшивка дала повод для нового запроса в парламент, причем представивший запрос депутат намекал на то, что речь идет, мол, о давлении на Испанию с целью побудить ее выйти из НАТО. Представитель правительства отверг подобный вывод, тем более что, как выяснилось, на самом деле советский генерал никогда не делал приписанных ему заявлений, а, наоборот, изложил известную позицию СССР о неприменении ядерного оружия

против тех стран, которые им не обладают и не имеют его на своей территории.

В феврале 1985 года министерство иностранных дел Испании в специальном заявлении напомнило, что правительство преисполнено решимости сохранить безъядерный статус страны. США, со своей стороны, согласились не ввозить на испанскую территорию ядерное оружие или его компоненты⁹.

Следующим важным этапом в развитии отношений между двумя странами стал официальный визит А. А. Громыко в Мадрид в конце февраля — начале марта 1985 года. А. А. Громыко и Ф. Моран выразили мнение, что напряженная международная обстановка требует от всех государств усилий, направленных на устранение угрозы ядерной катастрофы, на обуздание гонки вооружений, оздоровление международного климата.

Министр иностранных дел СССР сказал своему собеседнику, что в Советском Союзе по достоинству оценили решение испанского правительства сохранить статус Испании как страны, свободной от ядерного оружия, и хотели бы рассчитывать, что Испания будет конструктивно содействовать сдерживанию гонки вооружений.

Министры подписали конвенцию между правительствами СССР и Испании об избежании двойного налогообложения доходов и имущества, программу культурного и научного сотрудничества между СССР и Испанией на 1986—1987 годы и ряд других документов¹⁰.

Во время краткого визита в Москву Ф. Гонсалеса в марте 1985 года состоялась его беседа с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. Руководители двух стран высказались за дальнейшее развитие сотрудничества между СССР и Испанией, включая политические контакты и консультации. Была подтверждена также готовность содействовать активизации усилий, направленных на прекращение гонки вооружений на Земле и ее предотвращение в космосе, устранение угрозы ядерной войны, восстановление политики разрядки международной напряженности.

Под знаком согласия по важнейшим вопросам двусторонних отношений и международной политики прошел и визит в Испанию советских парламентариев, которые находились за Пиренеями с 16 по 24 июня по приглашению Генеральных кортесов. Представители Верховного Совета СССР и Генеральных кортесов Испании согласились с тем, что необходимо изменить ход событий, добиться снижения

напряженности, прекращения гонки вооружений и их сокращения, чтобы перейти к новой разрядке, к развитию нормальных, цивилизованных международных отношений между странами независимо от их общественного строя¹¹.

Широкий международный отзвук вызвало пребывание в СССР Ф. Гонсалеса 19—22 мая 1986 г. Его сопровождали министр иностранных дел Фернандес Ордоньес, министр экономики и финансов К. Сольчага и министр культуры Х. Солана.

Испанский руководитель имел почти пятичасовую беседу в Кремле с М. С. Горбачевым. Как отмечалось в официальном сообщении о встрече, они «изложили друг другу принципы и методы решения актуальных проблем экономического и политического развития своих стран в соответствии с их историческим выбором и в условиях принадлежности к различным социальным системам». Обсуждая международные проблемы, собеседники констатировали, что при всем разнообразии и противоречивости современного мира быстро растет взаимосвязь и взаимозависимость государств, которая настоятельно диктует необходимость нового мышления, новых подходов в мировой политике¹².

В ходе переговоров Ф. Гонсалеса с Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым (при участии Э. А. Шеварднадзе и других советских официальных лиц) было подчеркнуто важное значение развития диалога между СССР и Испанией на различных уровнях.

Судя по высказываниям Гонсалеса, беседы в Москве оказали определенное воздействие на него в момент, когда он уже снял свои прежние возражения против участия Испании в НАТО.

— Мне хотелось бы, — сказал он, в частности, в беседе с автором, — чтобы в один прекрасный день политика блоков была преодолена. Я учитываю при этом, что Испания входит в состав определенного союза и намерена выполнять связанные с этим членством обязательства.

Продолжая, председатель испанского правительства пояснил, что считает необходимым снижение уровня военного противостояния (в мире в целом и в районе Средиземноморья в частности) до минимального при сохранении общего равновесия сил. Из этих слов следовало, что Ф. Гонсалес рассчитывает, оставаясь в Североатлантическом союзе, придерживаться внутри этого блока курса на смягчение международной напряженности и, как финал, на роспуск противостоящих одна другой военно-политиче-

ских группировок и установление нормальных отношений между всеми государствами.

Когда в феврале 1987 года исполнилось 10 лет с момента установления дипломатических отношений между СССР и Испанией, в Москве родилась идея пригласить за символический «круглый стол» нескольких деятелей, чья повседневная работа была направлена на развитие деловых связей, сотрудничества и дружбы между странами. Встреча стала возможной благодаря современным средствам связи (одни ее участники находились в Москве, в то время как другие — в Мадриде). В ней участвовали: начальник Управления информации МИД СССР Г. И. Герасимов; генеральный директор Управления дипломатической информации МИД Испании Феликс Ариас; Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Испании С. К. Романовский; Чрезвычайный и Полномочный Посол Испании в СССР Х. Л. Ксифра де Осерин; торговый представитель СССР в Мадриде Ю. А. Сынков; торговый советник посольства Испании в СССР Хосе Рамон Феррандис; директор представительства «Банко сентраль» в Москве Борис Гутьеррес Симорра; председатель Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами В. В. Терешкова и президент ассоциации «Испания — СССР» Хесус Висенте Чаморро. Вести встречу было поручено мне. Теперь я хочу предложить ее запись читателям.

Ведущий: Мне хорошо запомнился тот зимний снежный день десять лет назад, когда, будучи на дежурстве в ТАСС, я получил официальный пакет с сообщением, которого мы ждали уже давно. В нем говорилось, что «правительства СССР и Испании устанавливают с 9 февраля 1977 г. дипломатические отношения между обеими странами».

Подведем некоторые итоги пройденного пути, посмотрим, в какой степени надежды, связанные с установлением дипломатических отношений между Советским Союзом и Испанией, оправдались, позволив добиться успехов на пути сотрудничества и дружбы между нашими странами.

В канун знаменательной даты дипломатические ведомства Советского Союза и Испании обменялись приветственными посланиями. Их содержание весьма примечательно. В послании, которое было направлено министру иностранных дел Испании Ф. Фернандесу Ордоньесу, указывалось: «Опираясь на глубокие обоюдные симпатии советского и испанского народов, наши страны за относительно короткий по историческим меркам срок прошли уже немалый путь

в развитии взаимовыгодного сотрудничества. Советский Союз и Испания на регулярной основе ведут конструктивный политический диалог, успешно развивают связи в торгово-экономической, научно-технической, культурной и других областях».

В послании подчеркивалось также, что в Москве готовы вести дело к дальнейшему расширению отношений с Испанией по всем направлениям, искать новые возможности для взаимодействий наших стран в интересах советского и испанского народов, продвижения к безъядерному миру в Европе и за ее пределами.

Со своей стороны, Фернандес Ордоньес выразил искреннее желание народа и правительства Испании укреплять наши двусторонние отношения и содействовать сотрудничеству между народами в деле упрочения всеобщего мира и безопасности.

Герасимов: Десять лет — не такой уж большой срок. Но за эти годы отношения между нашими двумя странами достигли значительного развития как в плане политического сотрудничества, включая контакты на высшем уровне, так и в области экономических, научно-технических, культурных и спортивных связей. Особенно заметными вехами стали визит в СССР короля и королевы Испании и встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с председателем правительства Испании Ф. Гонсалесом.

Сегодня, как мне представляется, можно с удовлетворением констатировать: с момента установления дипломатических отношений связи и контакты между Советским Союзом и Испанией развивались по восходящей линии. Это, несомненно, результат стремления обеих сторон к повышению уровня отношений, а также отсутствия, несмотря на различия в общественном строе, серьезных препятствий на путях к их дальнейшему развитию.

Хотелось бы сегодня особо подчеркнуть, что советские люди питают к испанскому народу чувства дружбы и глубокого уважения. Долгие годы мы ждали: неужели Испания так и останется для нас на всю жизнь закрытой? И были бесконечно рады, когда ночь в наших отношениях закончилась. Я трижды бывал в Испании и неизменно чувствовал интерес, доброжелательное в целом отношение испанцев к Советскому Союзу.

Ариас: Да, в течение этих десяти лет мы научились лучше понимать друг друга. Советский Союз стал страной, которую в Испании знают хорошо. Он поддерживает с нами все более дружественные отношения, что нашло свое

выражение в важных государственных визитах. Были установлены достаточно тесные политические связи и начат интересный политический диалог по самым важным проблемам: Европа, безопасность и разоружение, Латинская Америка, ООН, арабский мир и так далее.

Ведущий: А как видят значение установления официальных отношений и достигнутые результаты дипломатические представители СССР в Испании и Испании в СССР?

Романовский: Десятилетие советско-испанских дипломатических отношений — значительное событие в истории двусторонних связей, прошедших за это время путь, достойный уважения. Наиболее ценным достижением на этом уровне явилось, на наш взгляд, налаживание динамичного, конструктивного политического диалога между СССР и Испанией, который особенно плодотворно развивается в последние годы. Политические контакты, в том числе на высшем уровне, позволили определить ряд общих или близких подходов к наиболее важным проблемам современности: необходимость восстановления климата доверия и разрядки в международных отношениях, прекращение гонки вооружений и нераспространение ее на космос, политическое урегулирование региональных конфликтов.

В последние годы мы приобрели небольшой, но позитивный опыт межпарламентских связей. Активизируются контакты на уровне членов правительств двух стран, помимо глав внешнеполитических ведомств. За последнее время расширились рабочие консультации по линии министерств иностранных дел, которые охватывают все возрастающий круг вопросов.

В расширении политического диалога есть и заслуга посольства СССР в Испании. Мы понимаем то особое значение, которое этот диалог имеет для развития всего комплекса советско-испанских отношений, и стремимся содействовать его активизации на всех уровнях.

Ксифра де Осерин: Я с большим удовлетворением могу констатировать, что за неполные четыре года, в течение которых мне выпала честь представлять Испанию в Союзе Советских Социалистических Республик, советско-испанские отношения значительно продвинулись вперед во всех областях. Красноречивым свидетельством этого прогресса могут служить государственные визиты на высшем уровне, состоявшиеся во время моего пребывания в Советском Союзе. Более интенсивным стал также торго-

вый, экономический и культурный обмен. В качестве примера сошлюсь хотя бы на визит в СССР заместителя министра сельского хозяйства Испании и визит в мою страну заместителя министра мелиорации и водных ресурсов СССР для рассмотрения вопроса об обмене опытом в этой области. Повторяю, в целом за эти четыре года наши отношения продвинулись вперед во всех областях. Мы начинали если и не с нуля, то, во всяком случае, с очень низкого уровня. И за истекшие десять лет мы, испанцы и советские люди, сделали совместно немало. Но это не значит, что мы сделали все, что могли. И я уверен, что новый посол Испании в СССР приложит все усилия, чтобы продолжить этот процесс в интересах дальнейшего развития наших отношений.

Ведущий: Мне хотелось бы подчеркнуть, что решение двух правительств установить дипломатические отношения было воспринято как назревшая необходимость и советской, и испанской общественностью. Путь к нему был открыт изменением характера режима в Испании, где в тот момент происходил демонтаж франкизма и началось строительство новых конституционных порядков. Нет никакого сомнения в том, что это решение полностью вписывалось в проходивший в середине 70-х годов процесс разрядки и сотрудничества капиталистических и социалистических государств.

Наши дипломаты, безусловно, правы, когда они обращают внимание прежде всего на завязавшийся в эти годы политический диалог. Но важно и другое. Как отметил г-н Ксифра де Осерин, за прошедшие годы определенный прогресс был достигнут в торговой, экономической, культурной и других областях.

Сынков: Истекшее десятилетие было в целом периодом конструктивного и плодотворного сотрудничества, хотя общий объем нашей торговли остается весьма скромным. Упрочению деловых контактов способствовало создание в 1976 году при Торгово-промышленной палате СССР и Высшем совете официальных палат торговли, промышленности и мореплавания Испании советско-испанского и испано-советского комитетов по содействию развитию торговли, которые начали проводить ежегодные пленарные сессии поочередно в каждой из стран. А позднее, в 1984 году, была создана Межправительственная советско-испанская смешанная комиссия по экономическому и промышленному сотрудничеству.

С установлением дипломатических отношений стала

возможной такая форма сотрудничества, как обмен торгово-промышленными выставками, проведение симпозиумов, обмен делегациями деловых кругов. В 1976, 1981 и 1984 годах на крупнейшей международной ярмарке в Барселоне были организованы национальные экспозиции СССР. Советские внешнеторговые организации ежегодно принимают участие в различных выставках в Испании.

Испанские фирмы, в свою очередь, участвовали в международных выставках, проводимых в СССР (в 1985 г. — «Здравоохранение-85» и «Инрыбпром-85», в 1986 г. — «Связь-86», «Алюминий-86», «Железнодорожный транспорт», «Инпродторгмаш-86» и «Судотехника»). В 1985 году в Москве были организованы симпозиумы по применению в народном хозяйстве взрывчатых веществ, пестицидов и антибиотиков. Впервые была проведена выставка испанской обуви. В 1986 году в СССР состоялись семинары. Их организовали: в феврале — фирма «Матриси» — оборудование по производству пресс-форм, в мае — Отдел судостроения ИНИ — суда для перевозки спецгрузов, в июне — Ассоциация производителей машин Испании — металлорежущие станки, в ноябре — фирма «Атера» — металлорежущие станки.

В июне 1985 года при содействии Торгово-промышленной палаты СССР в Мадриде для испанских фирм и организаций был организован семинар на тему «Как торговать с Советским Союзом». На семинаре присутствовало свыше 200 представителей испанских деловых кругов.

С участием советских внешнеторговых организаций в Испании созданы и действуют смешанные общества «Мадерас Русас», «Сокимес», а также «Совиспан» и «Интрамар».

В Москве открыты представительства испанских фирм «Эпир», «Сиекс» (аккредитовано при ГКНТ), а также банков «Испано-американо», «Банко экстерьюр де Эспанья» и «Банко сентраль».

Гутьеррес Симорра: «Банко сентраль» был первым испанским банком, установившим отношения с СССР, в первую очередь с Внешторгбанком. Первые контакты завязались 30 лет назад. С восстановлением дипломатических отношений между Испанией и Советским Союзом это сотрудничество, естественно, продолжало расширяться и углубляться, что привело к открытию в Москве представительства нашего банка. Это позволяет нам иметь более тесные контакты как с Внешторгбанком и банком

СЭВ в Москве, так и с различными советскими внешне-торговыми организациями.

Одной из причин открытия нашего представительства, помимо чисто финансовых целей и вышеуказанных банковских отношений, было желание помочь клиентам «Банко сентраль», заинтересованным в советском рынке, установить через наше представительство более быстрые и действенные контакты с советскими партнерами.

«Банко сентраль» является одним из самых крупных банков Испании и имеет много клиентов в самых различных отраслях промышленности и торговли. В таких условиях наше представительство служит для них своего рода связующим звеном в отношениях с советскими внешнеторговыми организациями.

«Банко сентраль» оказывает своим клиентам, торгующим с Советским Союзом, также всевозможную финансовую и кредитную поддержку. Тем самым он вносит вклад в общие усилия по повышению уровня и объема экономических и торговых связей между Испанией и Советским Союзом.

Хочу заметить — и в этом мнение обеих сторон совпадает, — что развитие отношений все еще отстает от реальных возможностей, соответствующих экономическому и торговому потенциалу наших стран.

Ведущий: Значит, в этой области есть проблемы?

Сынков: Конечно. Назову лишь некоторые. В начале 1986 года испанская администрация ввела ограничения на импорт ряда товаров из Советского Союза. Эти меры объяснялись возникновением у Испании обязательств в связи со вступлением в Европейское экономическое сообщество. Позже, в июле 1986 года, произошло еще одно событие, тоже объяснявшееся вступлением Мадрида в ЕЭС. МИД Испании в вербальной ноте, направленной посольству СССР, уведомил советскую сторону о решении испанского правительства расторгнуть с 31 декабря 1986 г. торговое соглашение от 15 сентября 1972 г. (опять-таки из-за его несоответствия условиям «Общего рынка»).

Ведущий: Я добавил бы к этим фактам снижение уровня советско-испанского товарооборота в 1985 и 1986 годах. Оно объясняется главным образом уменьшением поставок в Испанию советской нефти и нефтепродуктов (а также падением цен на них), каменного угля, лома черных металлов и пиломатериалов, что в конечном итоге предопределило заметное сокращение общего советского

экспорта. Но нам хотелось бы узнать, какие трудности в этой области видят испанские организации.

Хосе Рамон Феррандис: В 1986 году объем торговли между Испанией и СССР и в самом деле заметно сократился. Экспортные поставки испанских товаров уменьшились на 46,5 % — с 439,3 тыс. долл. до 235,4 тыс. долл. Советский экспорт уменьшился с 381,7 тыс. долл. до 299,6 тыс. долл., сократившись на 21,5 %. Общий объем торговли уменьшился на 34,8 % — с 821 тыс. долл. до 535 тыс. долл.

Гутьеррес Симорра: В области банковских отношений также имеются проблемы, ожидающие решения. Так, например, наши клиенты, а также клиенты других аккредитованных в Москве испанских банков хотят, чтобы часть коммерческих контрактов осуществлялась не только в американских долларах и других западных валютах, как это имеет место в настоящее время, но и в песетах, их национальной валюте, с которой они знакомы и которой прекрасно оперируют во многих случаях. Советские внешнеторговые организации до последнего времени неохотно использовали песеты в контрактах с испанскими фирмами.

С другой стороны, следует отметить, что в данном вопросе налицо некоторый прогресс. Так, например, Внешторгбанк открыл счет в песетах в нашем банке в Мадриде для операций подобного рода. Однако наши клиенты жалуются, что советские внешнеторговые организации во многих случаях продолжают выдвигать возражения против песеты. Мы вынуждены продолжать настаивать перед Внешторгбанком и другими советскими внешнеторговыми организациями, чтобы песета стала полноправной валютой в наших двусторонних торговых отношениях.

Ариас: В наших отношениях в последние десять лет было отмечено довольно значительное, но еще недостаточное расширение двусторонних экономических и культурных связей, а также сотрудничества в области науки и техники. Поэтому необходимо стимулировать двусторонний обмен, с тем чтобы контакты между нашими странами достигли того уровня, на котором Советский Союз поддерживает отношения с другими странами — членами Европейского экономического сообщества.

Сынков: Советская сторона намерена и впредь следовать линии на всестороннее развитие экономических отношений с Испанией. В настоящее время, когда нача-

лась коренная перестройка внешнеэкономических связей Советского Союза, возникают дополнительные возможности и новые формы сотрудничества. Советская сторона надеется, что испанская администрация найдет такое решение возникших проблем, которое будет учитывать как интересы испанских деловых кругов, так и национальные интересы страны в условиях ее принадлежности к ЕЭС.

Хосе Рамон Феррандис: Создание на территории СССР совместных предприятий с участием международных объединений и организаций СССР и других стран — членов СЭВ открывает новые перспективы для сотрудничества между нашими странами.

Значительное число испанских предприятий проявило живой интерес к этому начинанию. Программа долгосрочного сотрудничества в экономической и промышленной областях позволит расширить имеющееся взаимопонимание.

Увеличение числа советских предприятий и организаций, имеющих возможность устанавливать контакты со своими зарубежными партнерами, даст возможность расширить эти контакты, что несомненно приведет к увеличению объема торговли. Практическое расширение двусторонних отношений зависит от устранения препятствий на пути сотрудничества между нашими двумя странами.

Гутьеррес Симорра: Мне также хотелось бы сказать несколько слов — с точки зрения открывающихся перед нами перспектив — о происходящей в Советском Союзе перестройке хозяйственного и внешнеторгового механизма. В этом есть нечто, что может особенно заинтересовать наш банк. Например, создание на советской территории совместных с западными фирмами предприятий. В советской печати были опубликованы документы о создании и функционировании таких предприятий. И именно в этой области для представленных в СССР банков могут открыться новые возможности, и мы сможем приобрести новый опыт.

Совместные предприятия, в которых примет участие иностранный капитал, будут нуждаться в финансировании и других услугах в области кредита. Следовательно, возрастет роль западных банков в связи с деятельностью таких совместных предприятий на территории Советского Союза. Подобного рода услуги могли бы предоставляться как через Внешторгбанк, так и непосредственно по линии «совместное предприятие — западный банк» или — как,

например, в случае с Испанией — через то или иное испанское общество, участвующее в каком-либо совместном предприятии в СССР. В данный момент многое еще представляется нам не очень ясным, так как эксперимент только начинается. Но практика и опыт подскажут, как нам себя вести. Пока же мы внимательно изучаем все, что публикуется в советской печати, для того чтобы быть готовыми подключиться к делу в тот самый момент, когда появятся новые возможности.

В данном контексте я хотел бы добавить, что в связи с перестройкой советского внешнеторгового механизма многие предприятия и производственные объединения Советского Союза впервые в истории своей страны получают прямой выход на международный рынок, превращаясь тем самым в постоянных клиентов Внешторгбанка. И вот тут-то как испанские, так и другие представленные в Москве банки смогут поделиться накопленным ими опытом с советскими коллегами.

В заключение я бы хотел выразить надежду, что перестройка положительно скажется на взаимоотношениях между нашими западными клиентами и их советскими партнерами, поскольку она призвана упростить эти отношения, исключить посредников и сделать наши связи более специализированными, оперативными и действенными.

Хосе Рамон Феррандис: Наши экономики взаимно дополняют друг друга. Эта взаимодополняемость может и должна быть превращена в свободную взаимозависимость. Объем торговли, который сегодня оказался на уровне ниже ожидаемого, учитывая растущую динамику наших экономик, должен возрасти.

Ведущий: Видимо, свой вклад в решение проблем торгово-экономического сотрудничества могут внести и дипломаты?

Романовский: Конечно. Тем более что сфера деятельности посольства далеко не исчерпывается политической областью. Важной задачей мы считаем содействие развитию советско-испанских торгово-экономических обменов. Не секрет, что именно на этом направлении обе стороны видят основной неиспользуемый потенциал в строительстве полноценных отношений между СССР и Испанией. В своих контактах с испанскими партнерами посольство исходит из того, что использовать эти резервы можно будет, если ввести в действие все механизмы торгово-экономического сотрудничества, апробированные в

отношениях между СССР и другими странами ЕЭС. Новые перспективы могут открыться перед нами в связи с перестройкой системы советских внешнеэкономических связей. При содействии посольства представители деловых кругов, крупнейшие испанские компании «Телефоника», «Эксплосивос рио Тинто» и другие внимательно изучают новые возможности долгосрочного экономического и промышленного сотрудничества с советскими партнерами.

Ведущий: Вероятно, то же самое можно сказать о содействии сотрудничеству в других областях?

Романовский: Посольство активно стремится к расширению контактов в области науки и культуры. Прошедшая в конце 1986 года V сессия советско-испанской комиссии по научно-техническому сотрудничеству наметила широкое поле деятельности в сфере обмена достижениями науки и техники двух стран.

Безусловно, крупным шагом вперед в развитии сотрудничества богатейших культур СССР и Испании стал проведенный в марте первый фестиваль испанского искусства в Советском Союзе. В нашей стране выступили Театр Марии Герреро, труппа Королевского национального балета. Состоялся обмен выставками шедевров русской живописи из коллекции Русского музея в Ленинграде и испанской — из коллекции мадридского «Прадо».

Не упускаем мы из поля зрения крепнущие контакты в области спорта. Есть уверенность в том, что они будут развиваться и в дальнейшем, особенно после того, как Барселоне предоставлено право проведения Олимпийских игр 1992 года. В Советском Союзе готовы поделиться опытом проведения Московской Олимпиады.

Ведущий: Чтобы выполнить возложенную на него миссию по развитию отношений сотрудничества между своей собственной страной и страной пребывания, каждое посольство, как я себе представляю, должно всемерно помогать своему правительству и поддерживать постоянные деловые контакты с властями и с различными организациями там, где оно находится. Как это происходит на практике? Я хотел бы задать этот вопрос Чрезвычайному и Полномочному Послу Испании в СССР.

Ксифра де Осерин: Я рад, что вы задали мне этот вопрос, так как это дает мне возможность еще раз выразить благодарность за многочисленные проявления внимания со стороны советских учреждений по отношению ко мне в течение минувших четырех лет. В первую очередь, естественно, со стороны министерства иностранных дел, то есть

ведомства, с которым я больше всего сталкивался и где я всегда находил самый теплый прием, дух сотрудничества, готовность вместе обсудить испанские и советские проблемы и найти решение, которое удовлетворяло бы обе стороны. Такой же дух сотрудничества и готовности прийти на помощь я встречал во всех советских ведомствах и организациях, в которые обращался. Совет Министров в Советском Союзе — это внушительный орган, объединяющий многочисленные министерства. Мне приходилось обращаться ко многим их руководителям как в Москве, так и в столицах союзных республик. И, повторяю, не было случая, когда мне не пошли бы навстречу. А это очень важно в работе посла, в работе всего посольства. И я рад тому, что могу засвидетельствовать это.

С высоты посольского поста в Москве больше внимания уделяется, естественно, двусторонним связям. Но важной частью наших взаимоотношений безусловно являются и отношения международные. И в этой области я как посол должен констатировать, что сотрудничество Испании и СССР было и остается весьма плодотворным.

Ведущий: А что можно сказать о контактах посольств со средствами массовой информации?

Романовский: Наше посольство стремится как можно шире информировать испанскую общественность о жизни в СССР, его внешней политике. Полезным элементом в этой работе являются активные контакты с представителями средств массовой информации Испании. Особенно сейчас, когда интерес к Советскому Союзу заметно возрос, мы охотно откликаемся на просьбы испанских журналистов об интервью, других формах непосредственного общения. Расширяется практика пресс-конференций.

Герасимов: Как руководитель Управления информации МИД СССР могу заверить, что мы прилагаем все усилия для обеспечения максимально широкой и добротной информацией аккредитованных у нас в стране иностранных журналистов, в том числе и испанских. При этом мы исходим из того, что объективное и широкое освещение советской действительности средствами массовой информации других стран содействует более глубокому ознакомлению местной общественности с внешней и внутренней политикой Советского Союза. Испанская тематика постоянно присутствует в материалах советской печати, передачах радио и телевидения. В установлении более тесного сотрудничества между средствами массовой информации мы видим дополнительный импульс к даль-

нейшему развитию советско-испанских отношений в целом.

Ксифра де Осерин: У меня были контакты с прессой. Я познакомился с основными газетами, издающимися в Советском Союзе. Например, встречался с главными редакторами газет «Правда» и «Известия», посетил журнал «Новое время», побывал в редакции газеты «Московские новости», которая издается и на испанском языке, поддерживал контакты со многими другими органами печати. Часто бывал на телевидении, в моем активе много выступлений по радио. Во время поездок по Советскому Союзу я старался установить контакты с местными газетами. Так было, например, в Ленинграде, Ташкенте и других городах СССР.

С агентством ТАСС, руководителей которого знал лично, общался ежедневно. Первое, что я сделал, приехав в Советский Союз, — это стал слушать радиопрограмму «Маяк». И сразу же вслед за этим — прочитывать длинную ленту сообщений с телетайпа ТАСС, установленного в нашем посольстве.

Романовский: Важным каналом развития двусторонних связей являются контакты по линии обществ «СССР — Испания» и «Испания — СССР». С неизменным успехом проходят в Испании традиционные Дни СССР. Расширяется обмен выставками и художественными коллективами между городами-побратимами Москвой и Мадридом, Барселоной и Ленинградом, Одессой и Валенсией и другими. Совсем недавно в Москве встречали гостей из Мадрида, намечены другие интересные мероприятия.

Ведущий: Прежде чем мы коснемся практической деятельности нашего Общества дружбы «СССР — Испания», я хотел бы предоставить слово президенту его испанского аналога «Испания — СССР» Хесусу Чаморро.

Чаморро: Ассоциация «Испания — СССР» была создана по инициативе испанской общественности в августе 1979 года и ставит своей целью укрепление дружбы, взаимопонимания и развитие культурных связей между советским и испанским народами. Она является заметной в Испании общественной организацией, в работе которой принимают участие деятели культуры, представители делового мира, служащие, студенческая молодежь, рабочие и крестьяне. Среди ее членов — представители основных политических партий и профсоюзных объединений Испании.

Наша ассоциация расширяет свою деятельность по всей стране. Только в последнее время были созданы

отделения в Арагоне, Валенсии, Гранаде, Кордове и Галисии. Увеличивается также ее численность.

Рост влияния ассоциации выражается не только в численных показателях. О нем говорит и тот факт, что наша деятельность встречает понимание и поддержку как в центре, так и на периферии. Например, в Валенсии интенсивно развиваются связи с местными властями, включая автономное правительство, муниципалитет и местную палату депутатов.

Ассоциация ведет большую работу по ознакомлению испанцев с советской действительностью, с историей и сегодняшним днем народов СССР, их богатой культурой. Делается это с помощью показа кинокартин, распространения периодических изданий и книг, организации лекций и путешествий. Важное значение имеют организуемые нами уроки русского языка.

Наш народ проявляет огромный интерес к Советскому Союзу и стремится побольше узнать обо всем, что связано с жизнью вашей страны. Испанцы всегда испытывали чувства дружбы к советскому народу. Но получилось так, что возможность для развития добрых отношений между нашими странами долгие годы была наглухо закрыта. Теперь наша ассоциация старается разбить эту выросшую корку льда, чтобы наши народы могли широко общаться между собой. На это и направлена главным образом наша деятельность.

Ведущий: В начале 1987 года Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) возглавила известная общественная деятельница, первая в мире женщина-космонавт Валентина Владимировна Терешкова. Я хотел бы попросить ее рассказать, какой вклад вносит в развитие связей между Москвой и Мадридом общество «СССР — Испания», входящее в ССОД.

Терешкова: Отделения общества «СССР — Испания» за годы своего существования сыграли важную роль в сближении народов наших стран. Мы знакомим советскую общественность с историей, культурой и традициями Испании. Выставки и вечера, симпозиумы и кинопросмотры — широк арсенал средств, используемых в работе общества. В начале 1987 года был проведен ряд крупных мероприятий, посвященных десятой годовщине установления дипломатических отношений между СССР и Испанией. Ранее были организованы вечера-встречи с писателем и переводчиком Х. Фернандесом, известным гитарис-

том Пако де Лусией, хором из Страны Басков «Мануэль Ирадиер», вечер памяти Федерико Гарсиа Лорки.

В связи с возросшим за последние годы интересом к испанской культуре по инициативе советской общественности в 1986 году был открыт Университет испанской культуры, в рамках которого уже состоялись занятия, посвященные истории русско-испанских и советско-испанских отношений, музыкальным связям Испании и нашей страны, испанскому театру, поэзии.

Важной формой сотрудничества является подготовка в учебных заведениях Советского Союза испанских граждан — стипендиатов ССОД. Около 60 испанских юношей и девушек изучают у нас в стране русский язык и литературу, нашу отечественную историю, физику, химию и другие науки.

Широко практикуются обмены книгами, выставками, периодическими изданиями. Развиваются профессиональные контакты. Уже состоялось три коллоквиума советских и испанских историков, прошли встречи юристов, театральных деятелей, деятелей кино.

Расширяются связи городов-побратимов Москвы и Мадрида, Ленинграда и Барселоны, Одессы и Валенсии, Новороссийска и Хихона. Обмен делегациями, молодежными и спортивными группами, музыкальными коллективами — далеко не полный перечень совместных мероприятий. В декабре 1986 года в Москве во второй раз были проведены Дни Мадрида. Самыми крупными мероприятиями по праву становятся Дни СССР в Испании и Дни Испании в Советском Союзе.

Можно с уверенностью сказать: за десять лет, прошедших после установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Испанией, накоплен богатый и разносторонний опыт сотрудничества общественности наших стран. Что касается советской общественности, то она прилагала и будет прилагать все усилия к тому, чтобы заложенный десять лет назад фундамент добрососедских отношений был прочным, чтобы наши отношения крепили и развивались во имя мира, дружбы и взаимопонимания между советским и испанским народами.

Романовский: Мы убеждены в том, что советско-испанские отношения, неотягощенные какими бы то ни было спорными проблемами, имеют значительные перспективы. Честный и серьезный подход Советского Союза к их развитию базируется на наших принципиальных соображениях, на требованиях нового политического мышле-

ния, исходящего из того, что упрочение мирного сотрудничества между народами — лучшая гарантия сохранения цивилизации.

Ведущий: В заключение остается лишь поблагодарить всех участников этого «круглого стола» в Москве и в Мадриде.

А через месяц после того, как было отмечено десятилетие установления дипломатических отношений между СССР и Испанией, в Мадрид прибыла делегация комиссий по иностранным делам палат Верховного Совета СССР во главе с А. Н. Яковлевым, и мне было дано почетное и ответственное поручение освещать ее визит в советской и зарубежной печати. Члены делегации встречались с королем, председателем правительства, министром иностранных дел и, конечно же, со своими коллегами — испанскими парламентариями.

Комментируя визит советской делегации, газета «А-Бэ-Сэ» писала, что он вызвал особый интерес, так как проходил «в разгар процесса внутренних преобразований в СССР»¹³. В этой связи другая испанская газета «Диарио-16» констатировала, что перестройка в Советском Союзе вызвала беспокойство в определенных кругах Запада.

Вся местная печать воспроизвела слова, сказанные главой делегации на встрече с руководством комиссий по иностранным делам палат Генеральных кортесов Испании:

— Перестройка в СССР никоим образом не противоречит интересам других народов. Оттого, что мы хотим жить лучше, никому хуже не будет. Напротив, чем сильнее мы будем экономически, тем больше будет возможностей для расширения участия Советского Союза в международном разделении труда, повышения объема его связей с другими странами. Курс на перестройку внутри страны вновь подтверждает предсказуемость политики Советского Союза, надежность его как партнера. А предсказуемость нужна во всех делах. В международных — особенно¹⁴.

Прошло еще полгода, и в СССР, в свою очередь, направились испанская парламентская делегация, которую возглавлял председатель конгресса депутатов Генеральных кортесов Феликс Понс. Перед отъездом из Москвы Ф. Понс поделился впечатлениями от пребывания в СССР. Он подчеркнул большую роль парламентариев в деле развития сотрудничества, укрепления уз дружбы между народами. А затем добавил:

— Я уверен, что перестройка в советском обществе послужит делу укрепления мира во всем мире.

Заметным событием в истории советско-испанских отношений стал официальный визит в Испанию Э. А. Шеварднадзе 19—22 января 1988 г. Как отметил министр иностранных дел СССР, этот визит был вдохновлен идеей «общеевропейского дома», в строительстве которого, по нашему убеждению, должны принимать участие все европейские государства, независимо от их социально-политической ориентации, принадлежности к союзам, размеров территории, численности населения.

В ходе визита были подписаны два новых документа — долгосрочная Программа развития экономического и промышленного сотрудничества и Программа культурного и научного сотрудничества на 1988—1989 годы.

На пресс-конференции Э. А. Шеварднадзе спросили:

— Стал ли Мадрид после Вашего визита той столицей в Западной Европе, которая является с политической точки зрения самой близкой к Москве?

— Это непростой вопрос. У меня глубокие впечатления от посещения Мадрида, встреч с его жителями, бесед и переговоров с испанским руководством. Но если я скажу, что сейчас Мадрид — самый близкий к Советскому Союзу город в Западной Европе, то могу задеть самолюбие других городов и столиц. Убежден в том, что, расширяя наши двусторонние отношения и многосторонние контакты, мы все становимся ближе друг к другу, — ответил министр.

Сегодня мы смотрим на будущее советско-испанских отношений с оптимизмом. Как подчеркивал в предисловии к изданной в Испании книге «За мирное будущее планеты» М. С. Горбачев, «наши обоюдные возможности позволяют уверенно рассчитывать, что предстоящие годы будут отмечены существенным расширением взаимосвязей. Советский Союз к этому готов. Уверен, что в этом заинтересована и Испания.

Словом, мы видим в вашей стране серьезного партнера на международной арене, заинтересованы в постоянном диалоге и готовы развивать равноправные дружественные отношения с Испанией во имя укрепления мира в Европе и во всем мире»¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

- ¹ The International Herald Tribune. — 1986. — Jan. 8.
- ² Vicens Vives J. Historia social y economica de España y America. — Barcelona, 1959. — T. IV. — Vol. II. — P. 394.
- ³ См. Cavanillas J. Alfonso XIII. — Madrid, 1956. — P. 235—237.
- ⁴ Maura A. Treinta y cinco anos de vida publica. — Madrid, 1953. — P. 460.
- ⁵ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. — М., 1986. — Т. I. — С. 565.
- ⁶ См. Nourry Ph. Francisco Franco. La conquête du pouvoir. — P., 1975. — P. 165.
- ⁷ См. Hitler's Secret Book. — N. Y., 1961. — P. 15—16.
- ⁸ Цит. по Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). — М., 1975. — С. 81—82.
- ⁹ См. Ибаррури Д. Воспоминания. — Кн. I. — М., 1988. — С. 217.
- ¹⁰ Цит. по Пожарская С. П. Тайная дипломатия Мадрида. Внешняя политика Испании в годы второй мировой войны. — М., 1971. — С. 36—37.
- ¹¹ Там же. — С. 48.
- ¹² См. Fernández C. El almirante Carrero. — Barcelona, 1985. — P. 41.

II

- ¹ Подробнее см. Bolin L. España, los años vitales. — Madrid, 1967.
- ² См. Cabanellas A. La lucha por el poder. — Barcelona, 1977. — Т. 2. — P. 344.
- ³ Цит. по Овсяный И. Д. Указ. соч. — С. 147.
- ⁴ Шириня К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны. — М., 1979. — С. 146.
- ⁵ Война и революция в Испании. 1936—1939. — М., 1968. — Т. 1. — С. 417.
- ⁶ Мешеряков М. Т. «Испанские письма» Пальмиро Тольятти // Проблемы испанской истории. 1987. — М., 1987. — С. 17.
- ⁷ См. Romero E. Tragicomedia de España. Unas memorias sin contemplaciones. — Barcelona, 1985. — P. 36.

- ⁸ См. Мигель А. де. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. — М., 1985. — С. 306—307.
- ⁹ См. Мещеряков М. Т. Франкистская Испания глазами болгарских дипломатов // Проблемы испанской истории. 1984. — М., 1984. — С. 79.
- ¹⁰ Franco Salgado-Araujo F. Mis conversaciones privadas con Franco. — Barcelona, 1976. — P. 31.
- ¹¹ Цит. по Овсяный И. Д. Указ. соч. — С. 148.
- ¹² Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. — М., 1971. — С. 125.
- ¹³ См. Alvarez S. Homenaje a las brigadas internacionales. — Madrid, 1986. — P. 22.
- ¹⁴ См. Кольцов М. Е. Испания в огне. — М., 1987. — Т. 2. — С. 38—39.
- ¹⁵ Цит. по Sainz Rodriguez P. Un reinado en la sombra. — Barcelona, 1981. — P. 278.
- ¹⁶ См. Пожарская С. П. От 18 июля 1936 г. — долгий путь. — М., 1977. — С. 75.
- ¹⁷ См. Прицкер Д. П. Подвиг Испанской Республики. — М. 1962. — С. 300—301.
- ¹⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. — М., 1981. — Т. 1. — С. 31—32.
- ¹⁹ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925—1945. — М., 1987. — С. 334—335.
- ²⁰ См. Gutiérrez Mellado M. Un soldado de España. — Barcelona, 1983. — P. 122—123.
- ²¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. — Т. 1. — С. 262.
- ²² См. Tamames R. La República. La era de Franco. — Madrid, 1973. — P. 343.
- ²³ Мигель А. де. Указ. соч. — С. 310—312.
- ²⁴ Ridruejo D. Escrito en España. — Buenos Aires, 1962. — P. 91.
- ²⁵ См. Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 12.

III

- ¹ Цит. по Пожарская С. П. Тайная дипломатия Мадрида. — С. 63.
- ² Гальдер Ф. Военный дневник. — М., 1969. — Т. 2. — С. 115—116.
- ³ Цит. по Пожарская С. П. Тайная дипломатия Мадрида. — С. 87.
- ⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. — С. 187.
- ⁵ Подробнее см. Cierva R. de la. Hendaya, punto final. — Barcelona, 1981.
- ⁶ См. Serrano Suñer S. Memorias. — Barcelona, 1977. — P. 283—312.
- ⁷ Подробнее см. Пожарская С. П. Тайная дипломатия Мадрида. — С. 144—151.
- ⁸ См. López Rodó L. La larga marcha hacia la Monarquía. — Barcelona, 1978. — P. 29—30.
- ⁹ Цит. по Пожарская С. П. Испания и США. Внешняя политика и общество. 1936. — 1976. — М., 1982. — С. 119.
- ¹⁰ См. Пряхин Д. Внешняя политика Испании. — М., 1968. — С. 32.
- ¹¹ Документы министерства иностранных дел Германии. Германская политика и Испания (1936—1943 гг.). — М., 1946. — С. 146, 152.
- ¹² Там же. — С. 174—175.
- ¹³ См. Конституции буржуазных государств Европы. — М., 1957. — С. 508—513.

- ¹⁴ См. Ridruejo D. *Casi unas memorias*. — Barcelona, 1976. — P. 236—240.
- ¹⁵ Цит. по Пожарская С. П. *Испания и США. Внешняя политика и общество*. 1936—1976. — С. 133—134.
- ¹⁶ Franco Salgado-Araujo F. *Op. cit.* — P. 252—253.
- ¹⁷ Цит. по Пожарская С. П. *Испания и США. Внешняя политика и общество*. 1936—1976. — С. 146.
- ¹⁸ См. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М., 1986. — Т. 1. — С. 346, 455—456.
- ¹⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. *Документы и материалы*. — М., 1984. — Т. 2. — С. 255.
- ²⁰ Цит. по Пожарская С. П. *Испания и США. Внешняя политика и общество*. 1936—1976. — С. 151—152.
- ²¹ Ibárruri D. *Memorias de Pasionaria*. — Barcelona, 1984 — P. 89.
- ²² Полный текст манифеста см. Romero E. *Op. cit.* — P. 56—58.
- ²³ Deporte A. *Europe between the Superpowers*. — L., 1979. — P. 89.

IV

- ¹ Franco Salgado-Araujo F. *Op. cit.* — P. 307.
- ² См. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. *Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.)*. Сборник документов. — М., 1984. — Т. V. — С. 242.
- ³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. *Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.)*. — Т. VI. — С. 344.
- ⁴ См. *Estadísticas básicas de España. 1930—1970*. — Madrid, 1975. — P. 474.
- ⁵ *История Коммунистической партии Испании*. — М., 1961. — С. 229.
- ⁶ См. Яковлев А. Н. *От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века*. — М., 1984. — С. 16.
- ⁷ Kennan G. F. *Containment then and now // Foreign Affairs*. — Spring, 1987. — P. 885—886.
- ⁸ Ibárruri D. *Op. cit.* — P. 109.
- ⁹ *Правда*. — 1947. — 29 июля.
- ¹⁰ См. Crozier B. *Franco, historia y biografía*. — Madrid, 1967. — P. 440.
- ¹¹ См. Безыменский Л. *О чем напоминает барабанный бой // Новое время*. — 1986. — № 9. — С. 20—22.
- ¹² См. Descola J. *Histoire d'Espagne*. — P., 1979. — P. 456.
- ¹³ Sulzberger C. *A long Row of Candles. Memoirs and Diaries. 1934—1954*. — Toronto, 1969. — P. 417—418.
- ¹⁴ См. Areilza J. M. de. *Memorias exteriores*. — Barcelona, 1984. — P. 49—52.
- ¹⁵ Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* — Т. 4. — С. 382.
- ¹⁶ *Известия*. — 1949. — 8 мая.
- ¹⁷ NSC 72. *A Report to the National Security Council by the Secretary of Defence on United States Policy toward Spain*. — Wash., 1950. — June 8.

V

- ¹ NSC 72/3. A Report to the National Security Council by the Secretary of Defence on United States Policy toward Spain. Note by the Executive Secretary to the Security Council (References: NSC 72/2, NSC 72/1 and NSC 72). — Wash., 1951. — Jan. 29.
- ² См. NSC 72/3. The Joint Chiefs of Staff. Memorandum for the Secretary of Defence. — Wash., 1951. — Jan. 23.
- ³ NSC 72/3. The Secretary of Defence. Memorandum for the Executive Secretary, National Security Council. — Wash., 1951. — Jan. 29.
- ⁴ NSC 72/4. A Report to the President by the National Security Council on United States Policy toward Spain. Statement of Policy proposed by the National Security Council. — Wash., 1951. — Febr. 1.
- ⁵ См. NSC Registry. National Security Council First Progress Report by the Under Secretary of State on the Implementation of United States Policy toward Spain (NSC 72/4). — Wash., 1951. — June 4.
- ⁶ NSC 72/6. Statement of Policy proposed by the National Security Council on Spain. — Wash., 1951. — June 27.
- ⁷ См. NSC Registry. National Security Council Second Progress Report by the Acting Secretary of State on the Implementation of United States Policy toward Spain (NSC 72/6). — Wash., 1951. — Sept. 7.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ NSC Registry. National Security Council Third Report on United States Policy toward Spain by the Acting Secretary of State. — Wash., 1954. — Febr. 15.
- ¹⁰ Пожарская С. П. Испания и США. Внешняя политика и общество. 1936—1976. — С. 221.
- ¹¹ Gallo M. Histoire de l'Espagne franquiste. — P., 1969. — P. 265—266.
- ¹² См. Cierva R. de la. Franco, un siglo de España. — Madrid, 1974. — Tomo 2. — P. 488—489.
- ¹³ См. Gallo M. Op. cit. — P. 267.
- ¹⁴ См. Viñas A. Los pactos secretos de Franco con los EE UU. — Barcelona, 1981. — P. 199.

VI

- ¹ Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 73—74.
- ² Ibid. — P. 219—220, 271.
- ³ См. Areilza J. M. de. Op. cit. — P. 84—96.
- ⁴ См. Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 77.
- ⁵ См. Department of the Air Force. Office of the Secretary. Memorandum for the Joint Chiefs of Staff. — Wash., 1954. — Febr. 2.
- ⁶ См. Terms of Reference of Joint US Military Group (Spain) and Military Assistance Advisory Group (Spain). — Wash., 1954. — Jan. 14.
- ⁷ Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 40.
- ⁸ Ibid. — P. 114.
- ⁹ J. S. P. C. 966/31. Report by the Joint Strategic Plans Committee to the Joint Chiefs of Staff on Implementation of US Aid Programs for Spain. — Wash., 1955. — Sept. 23.
- ¹⁰ Note by the Secretaries to the Holders of J. C. S. 1821/111 (Implementation of US Aid Program for Spain). — Wash., 1955. — Nov. 23.
- ¹¹ J. S. P. C. 966/24. Report by the Joint Strategic Plans Committee (in Collaboration with the Joint Logistics Plans Committee) to the Joint Chiefs

- of Staff on US Requirements for Facilities and Services in Spain.— Wash., 1954. — Jan. 21.
- ¹² Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 77.
- ¹³ Areilza J. M. de. Crónica de libertad. — Barcelona, 1985. — P. 19.
- ¹⁴ См. Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 143.
- ¹⁵ Gallo M. Op. cit. — P. 297—298.
- ¹⁶ Подробнее см. Пономарева Л. В. Идеология «Опус деи» в Испании 50—60-х годов // Проблемы испанской истории. — М., 1975; Steigleder K. Das Opus Dei — eine Innenansicht. — Zurich — Einsiedeln — Köln, 1983.
- ¹⁷ См. Rocca G. L'„Opus Dei“. Appunti e documenti per una storia. — Roma, 1985.
- ¹⁸ Григулевич И. Р. Папство. Век XX. — М., 1981. — С. 497.
- ¹⁹ Gallo M. Op. cit. — P. 298—300.
- ²⁰ Правда. — 1957. — 16 дек.
- ²¹ Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 328.
- ²² Ibid. — P. 258.
- ²³ См. Пожарская С. П. Испания и США. Внешняя политика и общество. 1936—1976. — С. 235.
- ²⁴ См. Keesing's Contemporary Archives. — Vol. XII. — P. 16988-A.
- ²⁵ Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 274.

VII

- ¹ Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 274—275.
- ² Гарсиа Х. Испания XX века. — М., 1967. — С. 408.
- ³ См. Прыгов Д. Д. Тревожное партнерство. — М., 1972. — С. 116.
- ⁴ Известия. — 1960. — 26 февр.
- ⁵ См. Испания 1918—1972 гг. Исторический очерк. — М., 1975. — С. 470.
- ⁶ Прыгов Д. Д. Указ. соч. — С. 69.
- ⁷ Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 299, 307.
- ⁸ См. Gallo M. Op. cit. — P. 320—321.
- ⁹ См. The Times. — 1974. — Jan. 3.
- ¹⁰ См. Авилова А. В. Экономика современной Испании. — М., 1981. — С. 14.
- ¹¹ См. Современная Испания. — М., 1983. — С. 257.
- ¹² Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 322.
- ¹³ Gallo M. Op. cit. — P. 354.
- ¹⁴ См. Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 301, 324, 350, 362.
- ¹⁵ См. Vazquez Montalban M. La penetración americana en España — Madrid, 1974. — P. 125—127.
- ¹⁶ Цит. по Прыгов Д. Д. Указ. соч. — С. 83.
- ¹⁷ Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 278—279, 393, 395.
- ¹⁸ См. Gallo M. Op. cit. — P. 291.
- ¹⁹ Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 245.
- ²⁰ Ibid. — P. 360, 390.

VIII

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 36—37.
- ² См. Carvajal-Corral G. M. de. Iglesia y Estado en España. — Madrid, 1980. — P. 351.

- ³ За мир и безопасность народов. Документы внешней политики СССР. 1966 год. Книга вторая. — М., 1983. — С. 179—180.
- ⁴ См. История Коммунистической партии Испании. — С. 255.
- ⁵ См. Шульц Т. Бомбы Паломареса. — М., 1971. — С. 27.
- ⁶ Dagens Nyheter. — 1986. — 17.01.
- ⁷ См. The Guardian. — 1986. — 18 Jan.
- ⁸ См. Известия. — 1966. — 17 февр.
- ⁹ Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 495, 498, 507.
- ¹⁰ González Mata L. Gygne. Memoires d'un agent secret. — P., 1976. — P. 254.
- ¹¹ См. Красиков А. А. Сближение с Вашингтоном, пугающее испанцев // За рубежом. — 1975. — № 28. — С. 17.
- ¹² Nixon R. The Memoirs. — N. Y., 1978. — P. 35.
- ¹³ Kissinger H. The White House Years. — N. Y., 1979. — P. 931—932.
- ¹⁴ Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 504.
- ¹⁵ Цит. по Пряхин Д. Д. Указ. соч. — С. 123.
- ¹⁶ Alonso A. España en el mercado común. — Madrid, 1985. — P. 44.
- ¹⁷ См. González Mata L. Les vrais maîtres du monde. — P., 1979. — P. 285.
- ¹⁸ См. Franco Salgado-Araujo F. Op. cit. — P. 30.
- ¹⁹ Garriga R. Los válidos de Franco. — Barcelona, 1981. — P. 232.
- ²⁰ Serrano Suñer R. De anteayer y de hoy. — Barcelona, 1981. — P. 88.
- ²¹ González Mata L. Terrorismo internacional. — Barcelona, 1978. — P. 332.

IX

- ¹ Oficina de Información Diplomática. España. Revista informativa de la OID. — № 7. — P. 3 (далее: OID).
- ² См. Ruiz Giménez J. Iglesia, Estado y Sociedad en España. — P. 218.
- ³ Цит. по Викторов И. В. Испания: выбор внешнеполитического курса. — М., 1979. — С. 30.
- ⁴ Gutiérrez Mellado M. Op. cit. — P. 139.
- ⁵ Caparros F. La UMD: Militares rebeldes. — Barcelona, 1983. — P. 30.
- ⁶ Morán G. Adolfo Suárez. Historia de una ambición. — Barcelona, 1980. — P. 386.
- ⁷ Moran F. Una política exterior para España. — Barcelona, 1980. — P. 38.
- ⁸ Cambio-16. — 1976. — 12 enero.
- ⁹ См. OID. — № 31. — P. 2.
- ¹⁰ См. Salas López F. de. ¿Nos interesa la OTAN? — Madrid, 1981. — P. 259—264.
- ¹¹ OID. — № 35. — P. 2.
- ¹² См. OID. — № 32. — P. 5.
- ¹³ Areilza J. M. de. Op. cit. — P. 179.
- ¹⁴ См. OID. — № 35. — P. 4.
- ¹⁵ OID. — № 36. — P. 7.
- ¹⁶ OID. — № 35. — P. 3.
- ¹⁷ См. Areilza J. M. de. Diario de un ministro de monarquía. — Barcelona, 1977. — P. 76.
- ¹⁸ The Washington Post. — 1976. — June 19.
- ¹⁹ Цит. по Грязная война ЦРУ в Западной Европе. — М., 1982. — С. 118.
- ²⁰ OID. — № 36. — P. 2, 8—9.

X

- ¹ Конференция коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 года. — М., 1976. — С. 26.
- ² См. Morán G. Op. cit. — P. 381—384.
- ³ Gallego I. Desarrollo del Partido comunista. — P., 1976. — P. 161.
- ⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 337—338.
- ⁵ Тамамес Р. Финансовая олигархия в Испании. — М., 1981. — С. 193—194.
- ⁶ Конференция коммунистических и рабочих партий Европы. — С. 12—13.
- ⁷ OID. — № 37. — P. 3.
- ⁸ OID. — № 39. — P. 2—4.
- ⁹ OID. — № 41. — P. 2.
- ¹⁰ См. XXVII Congreso del PSOE. — Madrid, 1977. — P. 294—295, 320.
- ¹¹ См. Организация Варшавского Договора. Документы и материалы. — М., 1975. — С. 188.
- ¹² Gutiérrez Mellado M. Op. cit. — P. 141.
- ¹³ Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1977 год. Сборник документов. — М., 1978. — С. 11—12.
- ¹⁴ Правда. — 1977. — 13 апр.
- ¹⁵ См. Inversiones extranjeras en España. — Madrid, 1977. — P. 6.
- ¹⁶ Строганов А. О. Новые веяния в деятельности иностранного капитала в Испании // Социально-экономические и политико-идеологические процессы в Испании на рубеже 70—80-х годов. — М., 1981. — С. 29—33.
- ¹⁷ См. Kissinger H. Communist Parties in Western Europe. — Wash., 1977. — P. 3, 15, 18.
- ¹⁸ OID. — № 47. — P. 3.
- ¹⁹ См. Carcassonne G., Subra de Bieusses P. L'Espagne ou la démocratie retrouvée. — P., 1978. — P. 122.
- ²⁰ OID. — № 47. — P. 9.

XI

- ¹ Barnet R. The Giants. — N. Y., 1977. — P. 174.
- ² Lens S. The Day before Doomsday. — N. Y., 1977. — P. 9, 266.
- ³ См. Правда. — 1977. — 16 дек.
- ⁴ OID. — № 56. — P. 5.
- ⁵ См. El País. — 1978. — Septiembre 12.
- ⁶ OID. — № 65. — P. 2—3.
- ⁷ См. Известия. — 1978. — 8 февр.
- ⁸ Правда. — 1978. — 21 нояб.
- ⁹ См. Правда. — 1981. — 9 сент.
- ¹⁰ Цит. по Камынин Л. И. Письма из Мадрида. — М., 1981. — С. 71.
- ¹¹ См. Roldán S., Muñoz J., Serrano A. La internacionalización del capital en España. — Madrid, 1978. — P. 129.
- ¹² OID. — № 52. — P. 2.
- ¹³ См. Евстигнеев В. П. Испания: основные направления внешней политики. — М., 1982. — С. 25.
- ¹⁴ Hill-Norton P. No soft options. — L., 1978. — P. 16.
- ¹⁵ См. OID. — № 58. — P. 10.

- ¹⁶ **Interviú.** — 1985. — Marzo 6—12. — P. 52.
- ¹⁷ **OID.** — № 59. — P. 11.
- ¹⁸ **Morales J. L., Celada J.** La alternativa militar. — Madrid, 1981. — P. 86—89.
- ¹⁹ **См. Испания. Конституция и законодательные акты.** — М., 1982. — С. 29, 51, 62—63.
- ²⁰ **См. Morales J. L., Celada J.** Op. cit. — P. 89—90.

XII

- ¹ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. — Т. 25. — Ч. 1. — С. 217.
- ² **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 332.
- ³ **Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.** — М., 1986. — С. 15—16.
- ⁴ **См. OID.** — № 77. — P. 5; № 79. — P. 4, 7.
- ⁵ **См. Cierva P. de la.** La política exterior durante la transición // España diez años después de Franco. 1975—1985. — Barcelona, 1986. — P. 27—31.
- ⁶ **См. Actividades, textos y documentos de la política exterior española.** Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores. Oficina de Información Diplomática. — № 4. — P. 23 (далее: Actividades...).
- ⁷ **World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook 1979.** — L., 1979. — P. 28.
- ⁸ **См. United States Foreign Policy Objects and Overseas Military Installations.** — Wash., 1979. — P. 64.
- ⁹ **См. Problemas de la adhesión de España a las Comunidades europeas.** — Oviedo, 1979. — P. 12—13.
- ¹⁰ **Калинин В. Л.** Борьба политических и социальных сил Испании по вопросу о вступлении страны в Европейское экономическое сообщество // Проблемы испанской истории. — М., 1984. — С. 204—205.
- ¹¹ **OID.** — № 84. — P. 11.
- ¹² **Maffre-Bauge E.** Face à l'Europe des impasses. — P., 1979. — P. 27.
- ¹³ **См. Visine F.** L'Europe: suite ou fin? — P., 1979. — P. 112.
- ¹⁴ **Правда.** — 1980. — 24 июля.
- ¹⁵ **OID.** — № 78. — P. 11.
- ¹⁶ **Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1979 год. Сборник документов.** — М., 1980. — С. 4, 6.
- ¹⁷ **Громыко А. А.** Лениным курсом мира. Избранные речи и статьи. — М., 1984. — С. 43.
- ¹⁸ **См. Cambio-16.** — 1979. — Agosto 15.
- ¹⁹ **Remiro Brotons A.** Las Cortes y la política exterior española. — Valladolid, 1977. — P. 43.
- ²⁰ **OID.** — № 89. — P. 8—9.
- ²¹ **Melia J.** Así cayó Adolfo Suárez. — Barcelona, 1981. — P. 30.
- ²² **Zorgbibe Ch.** La Méditerranée sans les Grands? — P., 1980. — P. 135.
- ²³ **Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.** — С. 63.
- ²⁴ **Melia J.** Op. cit. — P. 31.
- ²⁵ **См. Urbano P.** Con la venia... Yo indagué el 23 F. — Barcelona, 1982.
- ²⁶ **Sarasqueta A.** Después de Franco, la OTAN. — Barcelona, 1985. — P. 75—76.

XIII

- ¹ Actividades... — № 2. — P. 11—12.
- ² См. **Cambio-16**. — 1980. — Enero 8.
- ³ **OID**. — № 94. — P. 2.
- ⁴ Actividades... — № 5. — P. 37—43.
- ⁵ См. Actividades... — № 4. — P. 48.
- ⁶ **Fraga Iribarne M.** El debate nacional. — Barcelona, 1981. — P. 210.
- ⁷ **Serrano Suñer R.** Op. cit. — P. 88—89.
- ⁸ См. **España ¿Que defensa?** — Madrid, 1981. — P. 77—83, 143, 183.
- ⁹ **Внешняя политика Советского Союза и международные отношения, 1981 год. Сборник документов.** — М., 1982. — С. 104—106.
- ¹⁰ Actividades... — № 9. — P. 29.
- ¹¹ Actividades... — № 12. — P. 3, 35.
- ¹² См. Actividades... — № 2. — P. 29—30; № 3. — P. 30—31.
- ¹³ **Morán F.** Op. cit. — P. 104.
- ¹⁴ Цит. по **Attard E.** Vida y muerte de UCD. — Barcelona, 1983. — P. 285—296.

XIV

- ¹ **Bennett R.** Reagan's Foreign Policy. Year I. — N. Y., 1982. — P. 26.
- ² **Goldsborought J.** Rebel Europe. — N.Y., 1982. — P. 10—12. 145—147.
- ³ См. **Carrascal J.** La aventura americana. — Barcelona, 1982. — P. 95—98.
- ⁴ См. **Quiñonero J.** la gran mutación. — Barcelona, 1982. — P. 75.
- ⁵ См. **Fraga Iribarne M.** España, entre dos modelos de sociedad. — Barcelona, 1982. — P. 37—40.
- ⁶ См. **Alba V.** Dónde está la izquierda? — Barcelona, 1982.
- ⁷ **González F.** Un estilo ético. — Barcelona, 1982.
- ⁸ См. **OID**. — № 103. — P. 3.
- ⁹ См. Actividades... — № 13. — P. 19.
- ¹⁰ **OID**. — № 104. — P. 8—9.
- ¹¹ **OID**. — № 104. — P. 2.
- ¹² Actividades... — № 17. — P. 286.
- ¹³ **Правда**. — 1982. — 2 июня.
- ¹⁴ См. **Diario-16** — 1982. — Mayo 18.
- ¹⁵ См. **Aguirre M.** De Hiroshima a los euromisiles. — Madrid, 1984. — P. 185.
- ¹⁶ См. **OID**. — № 110. — P. 5.
- ¹⁷ **Remiro Brotons A.** La acción exterior del Estado. — Madrid, 1984. — P. 142.
- ¹⁸ См. **Esteban J. de, López Guerra L.** Los partidos políticos en la España actual. — Barcelona, 1982. — P. 225.
- ¹⁹ **Barciela F.** La otra historia del PSOE. — Madrid, 1981. — P. 15, 24.
- ²⁰ См. **XXIX Congreso del PSOE Resoluciones.** — Madrid, 1981.
- ²¹ **Politique étrangère.** — 1982. — 4 févr.
- ²² См. **Keesing's Contemporary Archives.** — L., 1983. — Vol. XXXIX. — P. 32011; **El Alcazar.** — 1982. — Octubre 6.
- ²³ См. **Diario-16.** — 1982. — Octubre 19.
- ²⁴ См. **OID**. — № 113. — P. 8—9; **Le Point.** — № 529. — P. 82.

XV

- ¹ См. *El País*. — 1982. — Octubre 30; 1983. — Febrero 19.
- ² См. К переменам в Компартии Испании // *Новое время*. — 1982. — № 48. — С. 14—15.
- ³ См. *Salve F.* Por qué somos comunistas. — Madrid, 1981. — P. 293.
- ⁴ *Actividades...* — № 23. — P. 611—612.
- ⁵ *Bulletin AFP*. — 1982. — № 232. — Diciembre 1.
- ⁶ *The Financial Times*. — 1982. — Dec. 3.
- ⁷ См. *Morán F.* Op. cit. — P. 78—160.
- ⁸ См. *Actividades...* — № 24. — P. 716.
- ⁹ *Ibid.* — P. 645—646; *OID* — № 114. — P. 2.
- ¹⁰ *Trilateral Security. Defence and Arms Control Policies in the 1980's. Report of the Trilateral Task Force on Security and Arms Control to the Trilateral Commission.* — 1983. — P. 4.
- ¹¹ *Alonso C., Elordi C.* El desafío socialista. — Barcelona, 1982. — P. 160.
- ¹² См. *The Nation*. — 1985. — Dec. 21.
- ¹³ См. *La Vanguardia*. — 1983. — Febrero 25; *Actividades...* — № 26. — P. 217.
- ¹⁴ *Cambio-16*. — 1983. — Mayo 2.
- ¹⁵ См. *Lacasi N., Sánchez T.* La armada: esá desconocida. — Madrid, 1983. — P. 95.
- ¹⁶ См. *Cambio-16*. — 1984. — Noviembre 5.
- ¹⁷ *The New York Times*. — 1983. — March 29.
- ¹⁸ *The Washington Post*. — 1983. — June 24.
- ¹⁹ *El País*. — 1983. — Mayo 7.
- ²⁰ *Un año para la esperanza. 365 días de gobierno socialista.* — Madrid, 1983. — P. 136—137, 166—168.
- ²¹ *Cambio-16*. — 1985. — Agosto 15.
- ²² *Actividades...* — 1983. — P. 226.
- ²³ См. *Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1983 год. Сборник документов.* — М., 1984. — С. 144.
- ²⁴ *La defensa de Europa. OTAN si, OTAN no.* — Barcelona, 1984. — P. 48, 119, 155, 174.
- ²⁵ *Fraga Iribarne M.* El retorno a las raíces. — Barcelona, 1984. — P. 117—128.

XVI

- ¹ *The New York Times*. — 1985. — July 7.
- ² *The Financial Times*. — 1985. — Apr. 2.
- ³ *Le Monde*. — 1985. — Juin 12.
- ⁴ *L'Express*. — 1985. — Nov. 8.
- ⁵ См. *EFE*. — 1986. — 3.01. — № 14.
- ⁶ *Strategic Survey 1985—1986. The International Institute for Strategic Studies.* — L., 1986. — P. 5.
- ⁷ *EFE*. — 1986. — 13.03. — № 1003.
- ⁸ *Liberation*. — 1985. — Juil 5.
- ⁹ *El País*. — 1985. — Octubre 24.
- ¹⁰ См. *Cambio-16*. — 1985. — Junio 5.
- ¹¹ *Actividades...* — № 53. — P. 12—13.
- ¹² *Riviere M.* La generación del cambio. — Barcelona, 1984. — P. 101.

- ¹³ **Actividades...** — № 54. — P. 146—147.
- ¹⁴ **Le Monde.** — 1986. — Mars 14.
- ¹⁵ **См. EFE.** — 1986. — 14.03. — № 1399.
- ¹⁶ **Strategic Survey 1985—1986.** The International Institute for Strategic Studies. — P. 89.
- ¹⁷ **См. ABC.** — 1986. — Marzo 13.
- ¹⁸ **См. OID.** — № 159. — P. 2—3.
- ¹⁹ **См. Diario-16.** — 1986. — Mayo 22.
- ²⁰ **The New York Times.** — 1986. — June 24.
- ²¹ **Правда.** — 1986. — 8 марта.

XVII

- ¹ **Шеварднадзе Э. А.** Стратегия ускорения — ленинизм в действии. — М., 1986. — С. 20.
- ² **См. Правда.** — 1983. — 30 мая.
- ³ **См. Правда.** — 1984. — 20 янв.
- ⁴ **См. Правда.** — 1984. — 17 янв.
- ⁵ **См. Actividades...** Año 1985. — P. 487.
- ⁶ **См. Actividades...** — Año 1985. — P. 54—55.
- ⁷ **Пимен, патриарх Московский и всея Руси.** Слова, речи, послания, обращения (1977—1984). — М., 1985. — С. 445.
- ⁸ **См. Keesing's Contemporary Archives.** — Vol. XXXI. — P. 33545.
- ⁹ **См. Actividades...** — № 46. — P. 170.
- ¹⁰ **См. Правда.** — 1985. — 2 марта.
- ¹¹ **См. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1985 год.** Сборник документов. — М., 1986. — С. 108—109.
- ¹² **См. Правда.** — 1986. — 21 мая.
- ¹³ **ABC.** — 1987. — Marzo 9.
- ¹⁴ **Правда.** — 1987. — 11 марта.
- ¹⁵ **Горбачев М. С.** Избранные речи и статьи. — М., 1987. — Т. 3. — С. 463.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авилова, А. В. — 4, 338
Агирре, М. — 342
Агирре де Карсер, Н. — 261
Аденауэр, К. — 113
Айере, Ш. — 117
Алонсо, А. — 146, 339
Алонсо, С. — 277, 343
Альба, В. — 255, 342
Альба (герцог), Х. де — 19, 39, 47, 51
Альварес де Толедо, А. — 258
Альсага, О. — 265
Альфонс XIII (король) — 8, 10, 26, 49
Андерсен, К. Б. — 191
Аньоверос, Г. — 237
Апарисио, Х. — 93
Араф, Мулай Мохаммед бен — 127
Арафат, Я. — 224, 227, 302
Ареильса, Х. М. де — 5, 68, 97, 102, 103, 132, 163, 164, 167—169, 171, 303, 336—339
Ариас, Ф. — 318, 319, 324
Ариас Наварро, К. — 154, 161, 162, 167, 169—171, 175, 186, 214, 236
Аркин, У. — 294
Армада Комин, А. — 235
Армеро, Х. М. — 257
Армюр, М. — 54—56
Аттар, Э. — 342
Ачесон, Д. — 71
Баранова, Т. Н. — 4
Барнет, Р. — 196, 340
Барр, Р. — 220
Баррера, Э. — 13
Барросо, Э. — 15, 105
Барсиела, Ф. — 267, 342
Бартоломью, Р. — 306, 311
Бассольс, Р. — 250, 251, 262
Батиста, Р. Ф. — 125
Батлер, Р. — 114
Бауэрс, К. — 22
Бевин, Э. — 70
Безыменский, Л. А. — 336
Бейгбедер, Х. — 18, 35, 36
Беннет, Р. — 253, 342
Бжезинский, З. — 197, 229
Бирнс, Дж. — 59
Бланко, Э. Р. — 138
Бломберг, В. фон — 28
Богомолов, С. А. — 188
Бодстром, Л. — 287
Болин, Л. — 17, 334
Бонне, Ж. — 32, 33
Ботелья, Ф. — 218
Брандт, В. — 272, 308
Брентано, Г. фон — 113
Брэдли, О. — 74
Бургос, С. — 283
Бустело, К. — 201
Варела, Х. Э. — 44
Вега, А. — 105, 117
Веденяпин, Я. С. — 5
Верников, В. Л. — 5
Вигон, Х. — 67
Визин, Ф. — 220, 341
Викторов, И. В. — 5, 339

- Вильяр Мир, Х. М. — 167
 Виньи, П. — 114
 Висенс Вивес, Х. — 8, 334
 Висенс Фиола, Б. — 315
 Войтыла, К. — см. Иоанн Павел II
 Вудворд, Р. — 123
 Вулф, Л. — 239
 Вэнс, С. — 197, 206, 229
- Галуа, П. — 288
 Гальдер, Ф. — 39, 40, 335
 Гальего, И. — 6, 340
 Гамбаре, Г. — 147
 Гаррига, Р. — 148, 339
 Гарригес, А. — 265
 Гарриман, А. — 53
 Гарсиа Валиньо, Р. — 128
 Гарсиа Диес, Х. А. — 201
 Гарсиа Лорка, Ф. — 331
 Гарсиа Маррдер, А. — 299
 Гарсиа Сальве, Ф. — 273, 343
 Гарсиа-Тисон, А. — 309
 Гарсиа, Х. — 112, 338
 Гарсиа Эрнандес, Л. — 310
 Гейхаген, Р. — 160, 163, 164
 Георг V — 15
 Герасимов, Г. И. — 318, 319, 328
 Геринг, Г. — 19, 24, 25, 28
 Герра, А. — 267, 271, 282, 296
 Герреро, М. — 327
 Гитлер, А. — 11, 12, 16, 19, 23, 27—33, 37, 40—42, 45, 49, 57, 77, 86, 87, 108, 109, 113, 334
 Голдблат, Дж. — 288
 Голдсборо, Дж. — 238, 253, 342
 Голль, Ш. де — 52, 61, 115—118, 136—139, 299
 Гома Томас, И. — 20
 Гонсалес, Ф. — 6, 197, 206, 230, 234, 247, 255, 267, 269, 271—274, 276, 278, 281, 282, 285, 286, 291—305, 308, 309, 311, 316, 317, 319, 342
 Гонсалес Мата, Л. — 6, 138, 147, 149
 Горбачев, М. С. — 304, 305, 316, 317, 319, 333
 Григулевич, И. Р. — 105, 338
 Гриффис, С. — 78—82, 85
 Громыко, А. А. — 53, 69, 222, 313, 315, 316, 341
 Грэхэм, Р. — 274
 Гусман, Х. де — 279
- Гутьеррес Мельядо, М. — 5, 31, 157, 159, 186, 210, 335, 339, 340
 Гэллуп, Дж. — 186, 245
 Гэрни, Э. — 67, 68
- Даладье, Э. — 32
 Даллес, Дж. Ф. — 97, 103, 106
 Данн, Дж. — 88, 89
 Дегрель, Л. — 95
 Депорт, А. — 56, 336
 Дескола, Ж. — 68, 336
 Джадж, У. — 67
 Джереджан, Э. — 300, 301
 Джонсон, Л. Б. — 141
 Дикгоф, Г. — 18, 48
 Дитрих, О. — 12
 Донован, С. — 123
 Дубинин, Ю. В. — 314
- Евстигнеев, В. П. — 5, 204, 340
- Жискара д'Эстен, В. — 117, 183, 219, 220
- Зоргбиб, Ш. — 229, 341
- Ибаррури, Д. — 5, 6, 14, 18, 26, 55, 63, 133, 194, 209, 334, 336
 Иглесиас, Х. — 273, 303, 309
 Иден, А. — 29, 30, 39, 47
 Икле, Ф. — 261
 Иоанн XXIII (Ронкалли, А. Дж.) — 126, 132
 Иоанн Павел II (Войтыла, К.) — 233, 269, 270
- Кабальеро, Л. — 20
 Кабанельяс, А. — 334
 Каванильяс, Х. — 334
 Кавестани, Р. — 113
 Калинин, В. Л. — 218, 341
 Кальво Сотело, Л. — 6, 203, 216, 217, 233, 234, 236, 239, 242, 245—248, 250, 252, 255—257, 259—266, 269, 270, 272, 276, 294, 310
 Кальво Сотело, Х. — 16, 236
 Камачо, М. — 162, 194
 Камуньяс, И. — 251

- Камынин, Л. И. — 5, 340
 Канарис, В. — 13, 19
 Кано Эйвиа, Х. — 231
 Карвахаль, П. — 184
 Карвахаль, Х. Ф. де — 315
 Карлуччи, Ф. — 259
 Кармона, А. — 46
 Карраскаль, Х. — 254, 342
 Карреро Бланко, Л. — 133, 148—
 150, 154, 155
 Каррильо, С. — 206, 272, 273
 Каррингтон, П. А. — 295, 300
 Картер, Дж. — 147, 184, 192, 228,
 229, 231
 Каса-Миранда (граф) — 121
 Касадо, С. — 34
 Кастильо, Х. дель — 16
 Кастиэлья, Ф. М. де — 106, 108—
 111, 113—116, 121, 123, 137,
 139, 141, 142, 145, 148, 149
 Кастро, Р. — 198
 Кастро, Ф. — 125, 126, 198, 199,
 307
 Кекконен, У. — 201
 Кеннан, Дж. — 62, 336
 Кеннеди, Дж. — 122, 126
 Керголе, Р. де — 168
 Кинтеро Моренте, Ф. — 210
 Киньонеро, Х. — 254, 342
 Кирхшлегер, Р. — 178, 225
 Киссинджер, Г. — 6, 143, 148, 149,
 154, 155, 164, 171, 172, 184,
 191, 339, 340
 Кисснер, О. — 85
 Клиби, Ш. — 302
 Колумб, Х. — 172
 Кольцов, М. Е. — 26, 335
 Кортина Маури, П. — 154, 155
 Косыгин, А. Н. — 201
 Крайский, Б. — 178
 Ксифра де Осерин, Х. Л. — 305,
 318, 320, 321, 327, 329
 Куартеро, М. — 244
 Кув де Мюрвиль, М. — 116, 118,
 121
 Лавилья, Л. — 269
 Лагорио, Л. — 232
 Лакалье Лелуп, А. — 255
 Лакаси, Н. — 281, 343
 Лекерика, Х. — 55, 56
 Ленин, В. И. — 69, 132, 177, 212,
 336, 338, 340, 341
 Ленс, С. — 196, 341
 Летона, Х. М. де — 202
 Ллойд, С. — 114
 Лобо, А. — 243, 244
 Лодж, Дж. — 104
 Лопес Браво, Г. — 142
 Лопес Герра, Л. — 264, 342
 Лопес Портильо, Х. — 192
 Лопес Родо, Л. — 105, 117, 136,
 137, 335
 Лохендио, П. де — 125, 126
 Лукьянова, Л. И. — 5
 Лунс, Дж. — 147, 240, 248, 249,
 258
 Лусиа, П. де — 331
 Льядо, Х. — 179, 183, 187
 Лэй, С. — 84
 Лэйрд, М. — 146
 Майский, И. М. — 29, 335
 Маквиг, Л. — 85, 88
 Макмиллан, Г. — 114
 Малиньяк, Т. — 278
 Марко, Л. — 244
 Маркс, К. — 212, 341
 Мартин Артахо, А. — 60, 67, 71,
 84, 88, 93, 104, 128, 148, 149
 Мартинес, М. А. — 313
 Марч, Х. — 19
 Маршалл, Дж. К. — 64, 69, 71
 Масиас, Н. — 145
 Маффр-Боже, Э. — 220, 341
 Маура, А. — 8, 334
 Медведенко, А. В. — 5
 Мелья, Ж. — 227—229, 232, 341
 Менендес дель Валье, Э. — 231
 Мерецков, К. А. — 23, 335
 Меркес, М. — 16
 Мерри дель Валь — 139
 Мещеряков, М. Т. — 4, 334
 Мигель, А. де — 20, 35, 335
 Миланс дель Боск, Х. — 235, 269
 Миранда, К. де — 21
 Мирза, С. И. А. — 129
 Мой, А. — 243
 Мольтке, фон — 47, 48
 Мондейл, У. — 197
 Моралес, Х. Л. — 174, 208, 210,
 341
 Моран, Г. — 161, 176, 339, 340
 Моран, Ф. — 6, 161, 230, 248, 250,
 274—279, 281, 283—287, 293,
 294, 312—316, 339, 342, 343
 Мородо, Р. — 5
 Мосаддык, М. — 307
 Мундт, К. — 67
 Муньос, Х. — 340

Муньос Грандес, А. — 84, 97, 105,
111, 117, 123, 133
Муссолини, Б. — 13, 16, 18, 22—
25, 27, 29—32, 37, 42, 45, 49,
57, 77, 86, 87, 108, 109
Мулика, Э. — 247

Наварро Рубио, М. — 106
Насер, Г. А. — 129
Нейрат, К. фон — 25, 28
Никсон, Р. — 6, 122, 141—143,
155, 159, 339
Ниленд, А. Ф. — 244
Нурри, Ф. — 334

Овинников, Р. С. — 4
Овсяный, И. Д. — 334, 335
Олиарт, А. — 237, 242, 243, 259
Ореха Агирре, М. — 176, 178—
184, 187, 188, 192, 196, 197,
200, 201, 203, 207, 215—218,
222, 224, 229, 230, 233
Ортис, С. — 300
Охеда, Х. де — 300

Павел VI (Монтини, Дж. Б.) —
132, 161
Павелич, А. — 113
Пальме, У. — 272
Пар, В. — 189
Пенья, Э. — 190
Перес, К. А. — 183
Перес Льярка, Х. П. — 226, 233,
237, 239, 241, 248, 251, 257,
260, 263

Перон, Х. — 307
Петэн, Ф. — 9, 34
Пимен (Извеков, С. М.) — 315,
344

Пиночет, А. — 208, 241, 307
Пиньяр, Б. — 189
Планель, Х. — 106
Плафф, У. — 288
Пленн, Э. — 38
Пожарская, С. П. — 4, 16, 44, 115,
334—338

Помпиду, Ж. — 147
Пономарева, Л. В. — 338
Понс, Ф. — 332
Понсе, Ж. Ф. — 217, 251
Примо де Ривера, М. — 9, 10
Примо де Ривера, Х. А. — 10, 13,
15, 26, 38

Прицкер, Д. П. — 4, 335
Прыгов, Д. Д. — 5, 116, 338
Пряхин, Д. Д. — 335, 339
Пунсет, Э. — 237

Рапацкий, А. — 108
Раск, Д. — 110, 123, 141
Редер, Э. — 28
Рейган, Р. — 208, 232, 234, 241,
253, 261, 276, 281, 292, 293,
299, 309
Ремиро Бротонс, А. — 225, 264,
341, 342
Риббентроп, И. фон — 32, 33,
40—42

Ривиера, М. — 297, 343
Ридруэхо, Д. — 35, 335, 336
Роатта, М. — 13
Роблес Пикер, К. — 246
Роджерс, У. — 141, 142, 146
Родригес, К. Р. — 284
Родригес Саагун, А. — 232
Родригес Фарре, Э. — 136
Рокка, Дж. — 105, 338
Рокфеллер, Д. — 147
Романовский, С. К. — 318, 320,
326—329, 331

Ромеро, Э. — 5, 334, 336
Роэль, С. — 192
Рузвельт, Т. — 7
Рузвельт, Ф. Д. — 22, 44, 45, 50,
51, 54, 56
Руисеньяда, Х. — 104
Руперес, Х. — 208, 231, 241, 242,
256
Рыжков, Н. И. — 317

Салазар, А. О. — 46, 70, 112
Салас, Р. — 243
Салас Лопес, Ф. де — 243, 339
Сантис, Х. де — 300
Сантьяго, Ф. де — 179, 186
Санхурхо, Х. — 15—17
Санчес, Т. — 280, 343
Сараскета, Ф. — 240, 341
Селада, Х. — 174, 208, 210, 341
Сенгор, Л. — 200
Сепульведа, Ф. де — 243
Серра, Н. — 280
Серрано Суньер, Р. — 40—44, 148,
244, 336, 339, 342
Сиерва, Р. де ла — 35, 87, 335,
341
Сима, Х. — 113

Симорра, Б. Г. — 318, 322, 324, 325

Симс, Б. — 299

Скорцени, О. — 113

Смит, Л. — 67

Солана, М. — 206

Солана, Х. — 303, 317

Сольчага, К. — 317

Сомоса, А. — 198, 224

София (королева) — 180

Спеллман, Ф. — 47

Сталин, И. В. — 53, 58, 86

Стародубов, В. П. — 315

Стессел, У. — 258

Строганов, А. О. — 190, 340

Стэблер, У. — 160, 171, 180, 181

Суарес, А. — 6, 175—179, 186,

189, 191—193, 195, 198—

200, 203, 206, 207, 210, 212,

214—216, 221, 223—229, 232,

233, 236, 237, 252, 264—266,

268, 269, 272, 275, 285, 292,

294, 304, 309, 310

Сулуэта, Л. де — 14

Сульцбергер, С. — 68, 336

Сынков, Ю. А. — 318, 321, 323, 324

Табио, Л. — 21

Тамамес, Р. — 34, 177, 181, 335, 340

Терешкова, В. В. — 318, 330

Тейлор, М. — 44, 45

Техеро Молина, А. — 234

Тодмэн, Т. — 208, 260, 278

Тольятти, П. — 20

Торн, Г. — 251

Торрес, Х. — 102

Трумэн, Г. — 56, 58, 64, 75, 81—83, 85

Трэйн, Дж. — 85

Туайнинг, Н. Ф. — 98

Тьерно Гальван, Э. — 5, 185, 275

Тэтчер, М. — 147, 259

Уайнбергер, К. — 281, 307

Уилер, Э. — 141

Ульястрес, А. — 106, 121, 168, 169

Уоллес, Г. — 63

Уолтерс, В. — 307

Урбано, П. — 341

Уэллес, С. — 12

Фейсал (король Иордании) — 129

Фернандес, К. — 334

Фернандес Куэста, Р. — 95

Фернандес Миранда, Т. — 176

Фернандес Ордоньес, Ф. — 252, 265, 294, 295, 300, 302, 305, 306, 308, 317—319

Феррандис, Х. Р. — 318, 324—326

Феррер Салат, К. — 213

Фисас, В. — 216

Флорес, А. — 134—136

Фольс, Р. — 240

Фонсильяс, С. — 221

Форд, Дж. — 159, 160, 172

Фрага Ирибарне, М. — 6, 112,

114, 135, 147, 189, 244, 254,

255, 265, 272, 288, 292, 298,

304, 342, 343

Франко Сальгадо Араухо, Ф. —

5, 22, 36, 50, 52, 95, 97, 100,

102, 103, 107, 120, 123, 126,

128, 137, 147, 338—339

Франко, Ф. — 9, 14, 15, 17—24,

26—55, 58—61, 63, 65—70,

74, 77—87, 93, 95, 97, 100,

102—105, 107—113, 116—

118, 121—123, 125—130,

132—135, 137, 138, 142—

145, 148, 150, 151, 153—156,

158, 160—163, 167—170, 175,

176, 178, 179, 187, 189, 210,

234, 239, 244, 272, 275, 294

Фре, Р. — 117

Фрич, фон — 28

Хейг, А. — 149, 184, 239, 241, 256

Хейс, К. — 44, 45, 50, 51

Хенней — 113

Хиль-Нортон, П. — 205, 340

Хиль Роблес, Х. М. — 16

Хор, С. — 45, 47, 48

Хордана, Г. — 27, 35, 44—46, 48, 50

Хрущев, Н. С. — 108

Хуан (граф Барселонский), дон — 26, 49, 55, 65, 66

Хуан Карлос (король) — 65, 133,

156, 161, 163, 171—173, 176,

180, 182, 183, 189, 190, 198,

200, 210, 211, 225, 226, 228,

231, 235, 263, 264, 272, 287,

314, 315

Хьюм, Д. — 114

Чаморро, Х. В. — 318, 329
Чаморро, Э. — 294
Чан Кайши — 129, 130
Чемберлен, Н. — 29, 30, 32
Чернышев, В. П. — 5
Черчилль, У. — 24, 29, 45, 47, 51—
53, 55, 58, 62, 86
Чиано, Г. — 12

Шварц, П. — 243
Шварц, Ф. — 297
Швендеман, — 18, 19
Шеварднадзе, Э. А. — 305, 317,
333
Шенц, А. — 114
Шерман, Ф. — 67, 82—84
Ширак, Ж. — 178, 251
Шмидт, Г. — 147, 160, 228, 272
Шмидт, П. — 42
Шорт, Д. — 68
Шредер, Г. — 145
Шторер, фон — 36, 37, 39, 43
Штраус, Ф.-Й. — 147
Шульц, Дж. — 276, 291, 300

Шульце, Ф.-Й. — 242
Шумейкер, Э. — 271

Эдилья, М. — 27
Эйзенхауэр, Д. — 85, 97, 103,
108—110, 114, 122, 143
Элориди, К. — 277, 343
Энгельс, Ф. — 341
Эндерс, Т. — 284
Эррера Эстебан, Л. — 158
Эсковар Салом, Р. — 183
Эскрива де Балагер, Х. М. — 104
Эстебан, Х. де — 264, 342
Эттли, К. — 59

Юсеф, Сиди Мохаммед бен (Мо-
хаммед V) — 127, 128

Яковлев, А. Н. — 332, 336
Яньес, Л. — 208, 239

Первое временное
правительство республики
(1931 г.)

Гнезда мятежа в Мадриде
подавлены

Долорес Ибаррури:
«Но пасаран!»
(«Они не пройдут!»)

CAMPESINO

DEFIENDE CON LAS ARMAS AL
GOBIERNO QUE TE DIO LA TIERRA

ARTÍCULO PRIMER. De cuando se
comenzaron las manifestaciones y la fuerza del
Estado de las Uniones Mexicanas, las manifestaciones
que sea su existencia y el principio de la
permanencia de las Uniones Mexicanas y a las
personas que se han manifestado de forma
directa o indirecta en el momento de
reunirse a las manifestaciones.

ARTÍCULO CUARTO. El uso y abuso
de las fuerzas armadas y las personas según
el artículo 1. de la Ley de las Uniones y el
principio de las Uniones Mexicanas de no
admitir a los manifestantes según la
ley, con relación a las siguientes normas.

DEL DECRETO 7 OCTUBRE 1936
EL MINISTRO DE AGRICULTURA
VICENTE URIBE GALDEANO

Плакаты
с призывом к крестьянам
защищать правительство,
давшее им землю

Баррикады в Толедс

Письмо Альфонса XIII с поздравлением Франко
по случаю его победы в гражданской войне

Roma 9 IV 1939

y de nuevo a la victoria

y como final fallando al protocolo. La
misma hoy como un otro tiempo un fuerte alzo

En guerra general

Visiblemente agudiza su carriere esta y me
es grato significarle la subyugación con la que
se veuti al propio tiempo que le señalo las
mas "claras" debetaciones por la victoria final
de las gloriosas tropas de su mundo

Conociendo sus datos personales me re-
ducí a esas del tiempo definitivo sobre com-
plicaciones subterráneas tan breves, que opor-
tunamente se entaron

Mere empieza la segunda campaña, pero
de cual se vea en que todo se agiganta y como
desdicha subterránea le ayude en su magna
labor

De V. E. apño y buen augo

Alfonso XIII.

Встреча Франко с Гитлером в Эндайе

«Голубая дивизия»
в форме вермахта
перед отправкой
на восточный фронт

Генерал Муньос
Грандес получает
«железный крест»

На чужбину за куском хлеба

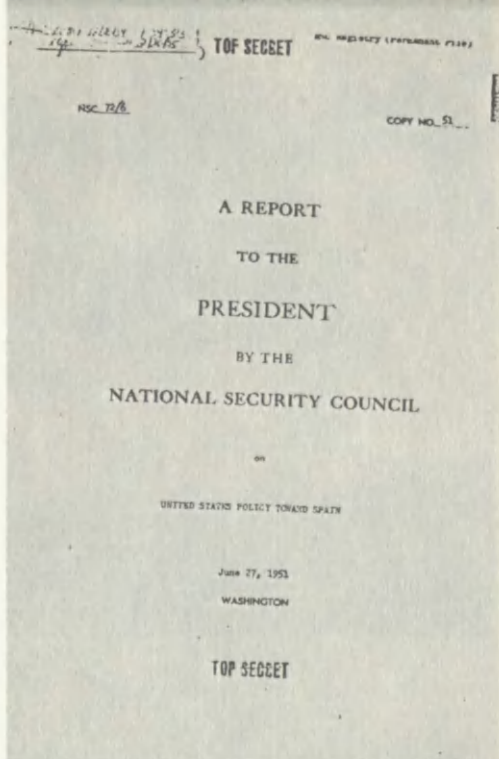

1953 год: подписание документов
о военном союзе с США

Военный парад в Мадриде
под знаменами «холодной
войны»

Доклад
Совета национальной
безопасности
президенту США
о политике
в отношении Испании

Встреча Д. Эйзенхауэра
с Ф. Франко

Обломки американских
военных самолетов,
разбившихся
неподалеку
от Паломареса

Переговоры госсекретаря США
Г. Киссинджера с председателем
испанского правительства
адмиралом Л. Карреро Бланко.
Назавтра адмирал будет убит

Место взрыва автомашины
Л. Карреро Бланко

Новый глава испанского
государства король
Хуан Карлос
и члены его семьи

Министр иностранных дел Испании
Х.-М. де Арейльса
и Г. Киссинджер на церемонии
подписания испано-американского
договора о дружбе и сотрудничестве
(24 января 1976 г.)

Жители Мадрида приветствуют
решение правительства А. Суареса
легализовать Компартию
(9 апреля 1977 г.)

Адольфо Суарес и Фидель Кастро
в Гаване

Адольфо Суарес и Ясир Арафат
в Мадриде

Встреча Адольфо Суареса с президентом США Дж. Картером

Путчисты захватывают кортесы.
Заместитель председателя
правительства
М. Гутьеррес Мельядо безуспешно
пытается их образумить
(23 февраля 1981 г.)

С экранов телевизоров
король призывает страну
сохранить верность
конституции

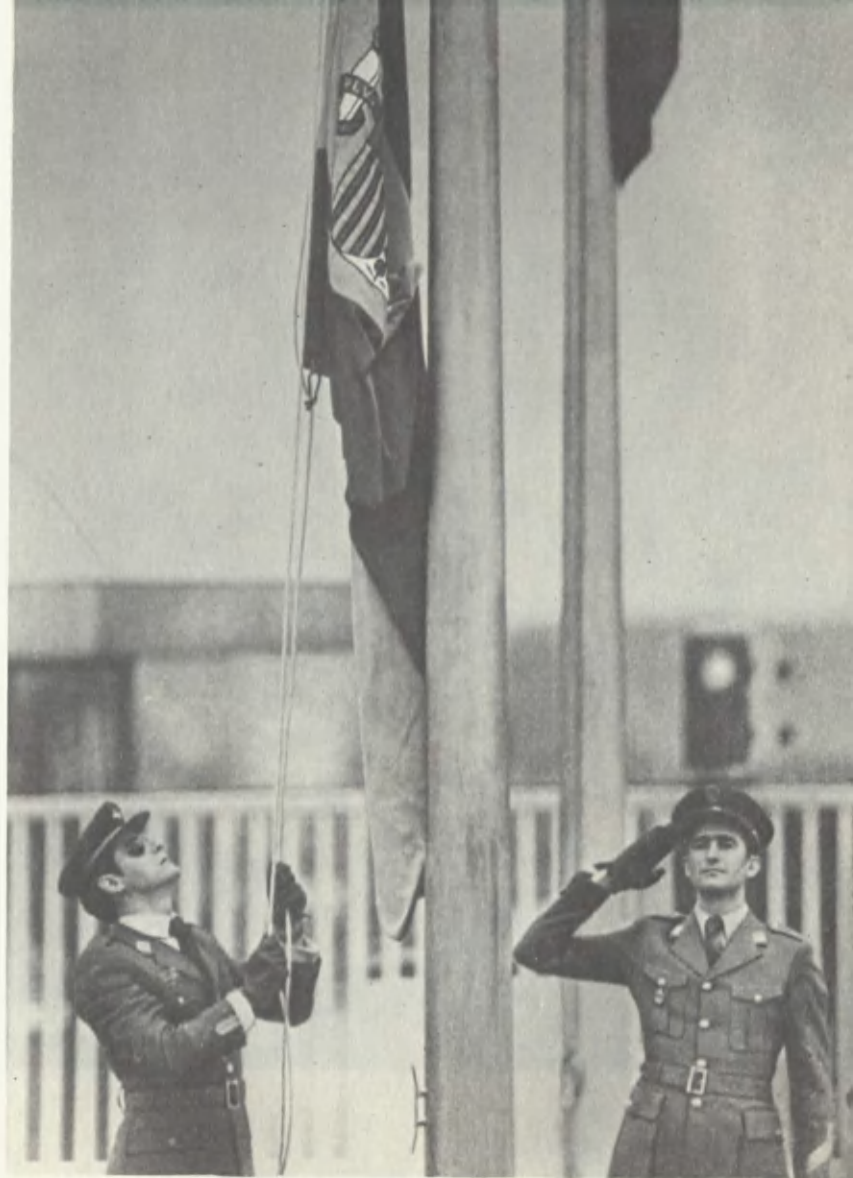

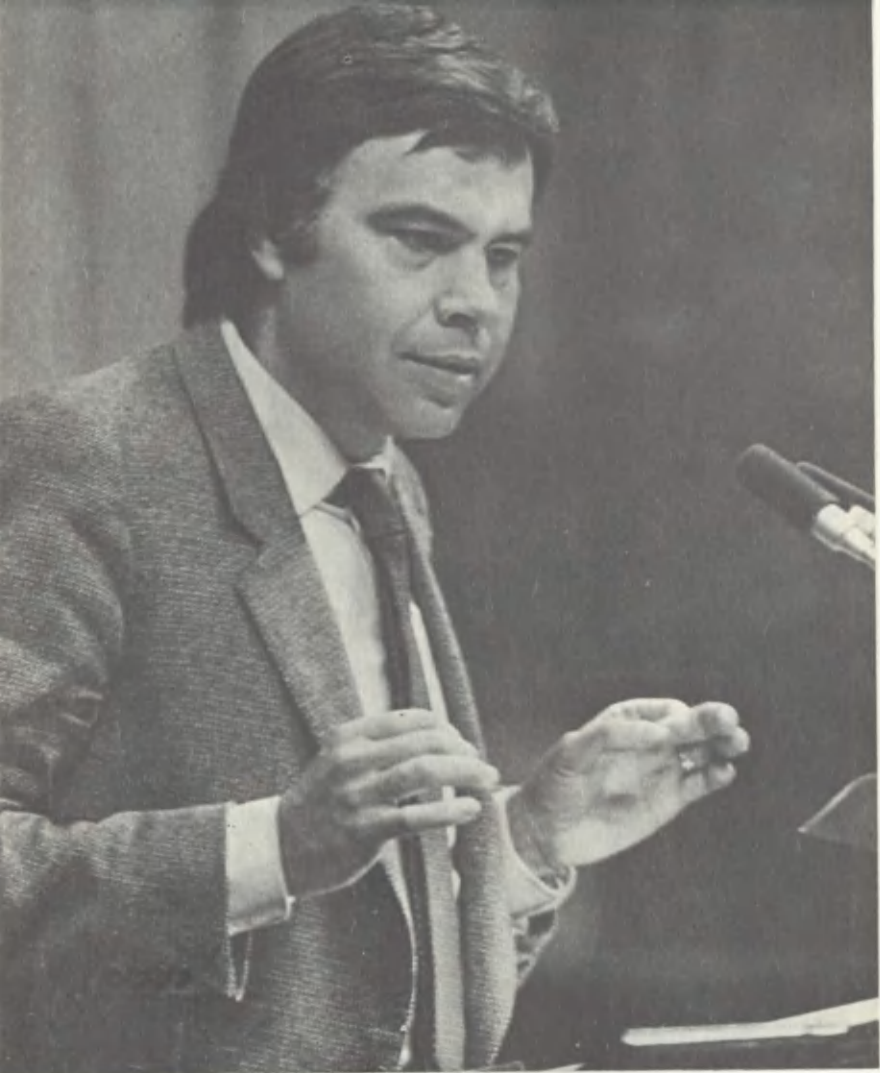
Вместо А. Суареса
главой правительства
становится Леопольдо Кальво
Сотело (второй слева)

Министр иностранных дел Испании
Х. П. Перес Льюрка (крайний
слева)
на переговорах с
госсекретарем
США А. Хейгом

Подъем флага Испании
в штаб-квартире НАТО в Брюсселе
(5 июня 1982 г.)

Новый председатель правительства
социалист Фелипе Гонсалес
выступает в кортесах

Ф. Гонсалес в присутствии короля
подписывает договор
о присоединении Испании к ЕЭС

Испанские грузовики
с продовольствием,
подвергшиеся нападению
в Южной Франции

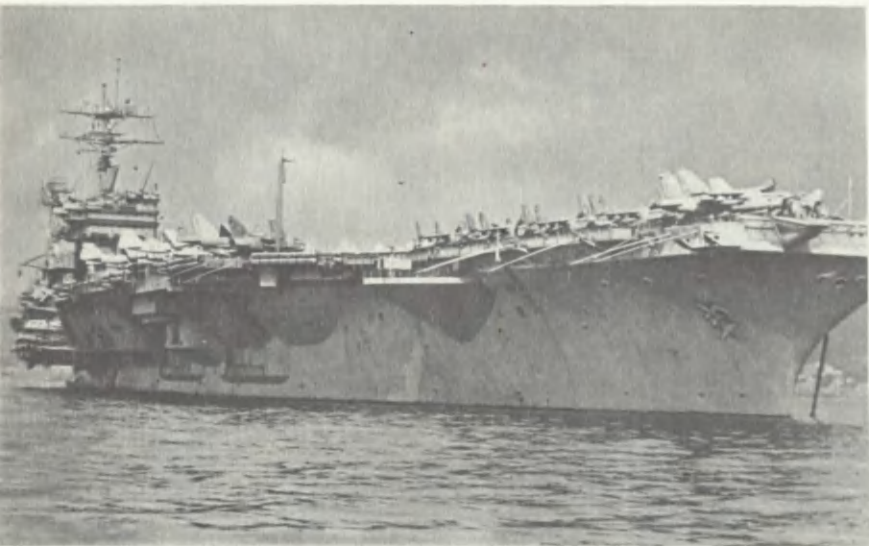
Корабли американских ВМС
у берегов Испании

Сидячая демонстрация
участников антивоенного движения
в Мадриде

Президент США Р. Рейган
прибыл в Мадрид
для встречи с Ф. Гонсалесом

Авианосец 6-го флота США
в бухте Пальмы (о. Майорка)

«Ядерное оружие — вон из Испании
и ее морей!» — лозунг пацифистской
организации «Гринпис»

«Марш мира» Мадрид — Торрехон

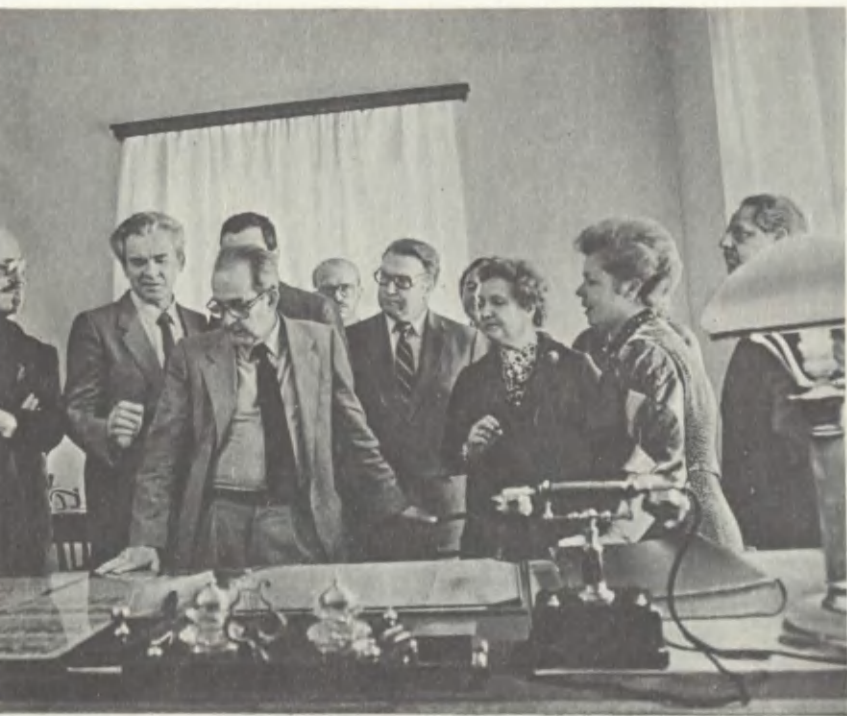
Ф. Гонсалес объясняет
специальному представителю президента США В. Уолтерсу
неизбежность выполнения требования
о сокращении американского военного присутствия
в Испании

Против военных баз США
протестуют широкие массы
испанского народа

Шеф Пентагона К. Уайнбергер
все еще рассчитывает уговорить
министра обороны Испании Н. Серру
«забыть» об итогах референдума

Министр иностранных дел Испании
Ф. Моран в рабочем
кабинете В. И. Ленина в Смольном
(Ленинград, июнь 1983 г.)

М. С. Горбачев принимает
Ф. Гонсалеса
в своем рабочем кабинете
в Кремле (20 мая 1986 г.)

Встреча через 50 лет.
Испанцы — воспитанники
советских детских домов в Москве
по случаю полувекового юбилея
первого приезда в СССР
в годы гражданской войны
в Испании

Монография

Анатолий Андреевич Красиков

**ИСПАНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА.
ПОЛВЕЖА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

Редактор Т. Б. Романова
Оформление художника Ю. Г. Ворончихина
Художественный редактор С. С. Водниц
Технические редакторы О. А. Овечкина, Е. Б. Голова
Корректор А. В. Федина

ИБ № 1359

Сдано в набор 18.05.88. Подписано в печать 02.02.89. А 03150. Формат 84×
×108_{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18,48 + 2 вкл. по 0,84 на офсетной бумаге. Усл. кр.-отт. 21,84.
Уч.-изд. л. 21,32. Тираж 17 000 экз. Заказ № 1375. Цена 2 р.уб. 10 коп.
Изд. № 20-И/87.

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Ярославский полиграфкомбинат Госкомиздата СССР. 150014, Ярославль,
ул. Свободы, 97.

Красиков А. А.
К78 Испания и мировая политика. Полвека дипломатической истории. — М.: Междунар. отношения, 1989. — 352 с.
ISBN 5-7133-0091-9

Известный советский испанист показывает воздействие внутренних и внешних факторов на эволюцию внешней политики страны, рассказывает о самых интересных эпизодах внешней политики Испании за последние полвека.

Автор делится своими впечатлениями от встреч с видными государственными деятелями Испании. Читатель познакомится с архивными материалами, в том числе рассекреченными в последнее время докладами Совета национальной безопасности США, документами МИД Испании, сведениями из дневника двоюродного брата диктатора и начальника его военного секретариата.

Книга иллюстрирована фотографиями, большинство из которых публикуется в СССР впервые.

Для специалистов-международников и читателей, интересующихся историей международных отношений.

2 0 10 И

А.Красиков ИСПАНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА